

**Великая российская революция 1917–1921 :
подростковый взгляд**

Москва
РЕГТАЙМ

УДК 30
ББК 94
П 85

Редакторы

С. Г. Корнилов, А. М. Корнилова, Е. И. Кондрахина, Н. В. Малинин,
К. С. Подлипаева, П. В. Рябов, С. И. Сидоров, М. А. Цовма

Диктофонная запись заседаний:

С. И. Сидоров

Дизайн обложки:

В. В. Корнилова

Верстка:

Е. В. Филагова

Фотографии конференции:

М. Д. Рахманинова, Ю. Саксонова, П. И. Талеров

Иллюстративный материал взят из Интернет-источников.

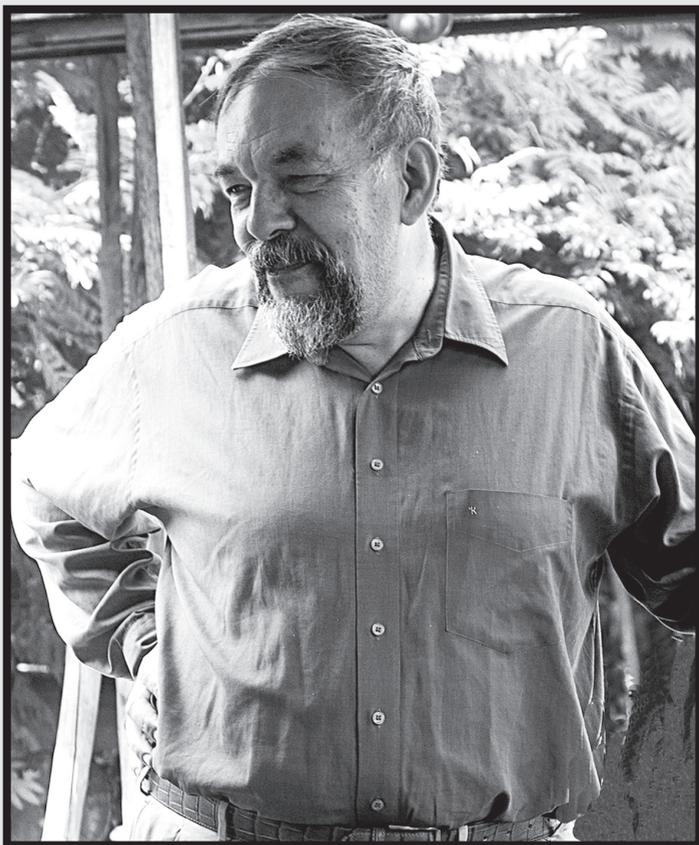
П 85 Прямухинские чтения 2017 года. М.: Издательство «Регтайм», 2018. – 392 с.

«Прямухинские чтения» – это конференция, которая с 2001 года каждое лето проводится на родине М. А. Бакунина – в селе Прямухине Тверской области. Тематика конференции охватывает историю рода Бакуниных и их родового гнезда, а также жизнь и деятельность членов этой замечательной семьи и – прежде всего – Михаила Бакунина. Большое внимание уделяется истории развития анархических идей и проблемам их современной реализации.

В конференции принимают участие историки, философы, журналисты, писатели, а также участники современных общественных движений, исповедующих анархические и близкие к ним идеи. Участники Чтений представляют Москву, Петербург, Тверь, Барнаул, Волгоград, Иркутск и другие города России. В последние годы конференция приобрела международный характер.

В 2017 году Чтения были посвящены 100-летию Великой Российской Революции. Доклады сопровождалось активным обсуждением и дискуссиями.

Сборник содержит стенограмму докладов и дискуссий, а в разделе «Приложения» – материалы, не прозвучавшие на самой конференции.

А. В. Бирюков
4.01.1955 –
27.04.2017

Андрей Викторович Бирюков, правнук известного анархиста Александра Моисеевича Атабеяна, был большим другом Прямухинских чтений.

В течение многих лет он работал научным сотрудником и редактором в разных издательствах. Его отличала поразительная трудоспособность, профессионализм, тщательность и историзм. Он был одним из крупнейших специалистов по Кропоткину. Вместе с Н.М. Пирумовой он участвовал в подготовке второго тома «Этики» Петра Кропоткина, был секретарем международной конференции 1992 года, посвященной 150-летию Петра Алексеевича, ученым секретарем Комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Им выявлено 2415 кропоткинских писем, ряд рукописей.

Андрей Викторович был мягкий и интеллигентный человек в классическом смысле этого слова. Это был человек, с которым интересно было общаться. Он блестяще владел эпистолярным жанром – быть может, не хуже своего героя Кропоткина. Он был твердым в своих суждениях и отзывчивым, сердечным человеком – человеком большой этики.

Благодарная память об Андрее Викторовиче Бирюкове надолго сохранится в наших сердцах.

Содержание

От редакции	6
Заседание 15 июля	7
Дамье В. В. Великая российская революция: народ и власть	14
Джокович М. Русские анархисты – инициаторы Октябрьской революции	43
Рублев Д. И. Политическая позиция анархистов в Российской революции (1917–1918 годы)	61
Леонтьев Я. В. «Мы – русские гебертисты, бабувисты...» (Забытый мыслитель Юрий Михайлович Панебратцев – синдикалист, максималист, штирнерианец). К 80-летию со дня гибели.	141
Я. Л. Прусский Октябрьская революция и отношение к ней П. А. Кропоткина. Была ли неизбежной диктатура большевиков?	154
П. И. Талеров Российские революции 1917 г. в судьбе П. А. Кропоткина	161
С. Г. Корнилов «Выдь на Волгу, Тверцу иль Осугу...» (К 100-летию Русской революции 1917–1921 годов)	181
Заседание 16 июля	190
Представление книг	190
Д. А. Батшев Роль ВМФ в Кронштадтском восстании 1921 г.	196
И. Л. Кислицына Российская революция (1917–1921) с позиций идеологии революционного анархизма М. А. Бакунина	211
П. В. Рябов Алексей Боровой в Феврале 1917 года (по неопубликованным мемуарам)	229

А. А. Левандовский	
Анархизм Александра Грина	238
А. А. Ильин	
Бакунин о проблеме революционного насилия	246
М. Д. Рахманинова	
Как возможен революционный субъект после постмодерна?.	266
А. Н. Горявин	
Анархизм-универсализм (пан-анархизм) братьев Гординых и разработка его теоретических положений в 1917–1921 гг.	273
В. Г. Яценко	
Жизнь вне государства: Повстанческая зона в Приэльтоне, 1918–1923 гг.	291
И. А. Гордеева	
Социальная база российского радикально-пацифистского движения в первой трети XX в.	314
Приложения	326
Пейч Д. И.	
Анархисты Петрограда в революционных событиях 1917 года: «Дача Дурново» и июльский кризис	326
Фёдоров А. Ю.	
Революционная эпопея анархистов Григория Рогова и Ивана Новоселова	338
Мангазеев И. А.	
«Односторонне и неполно...» Образ Григория Рогова в западносибирской печати (1918–2018)	353
Леонтьев Я. В.	
Биографии эсеров-максималистов Г. А. Нестроева и А. А. Зверина	364
Талалай М. Г.	
Начало революционной деятельности М. А. Бакунина в Италии	367
Сафронов О. С.	
Борьба как основная форма межгосударственных отношений в понимании М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина	380
Оргкомитет Прямухинских чтений	388
Сведения об авторах докладов	388

От редакции

В основу настоящего выпуска «Прямухинских чтений» положены тексты докладов, предоставленные авторами, а также аудиозапись обсуждений этих докладов на конференции. Расшифровывая аудиозаписи обсуждений, Оргкомитет оставил для публикации лишь те вопросы и замечания, которые счел наиболее содержательными и интересными.

Реплики участников дискуссии, которых не удалось идентифицировать при прослушивании диктофонных записей заседаний, обозначены в тексте как «С места».

Ответственность за точность ссылок и цитат, приведенных в докладах, лежит на авторах докладов.

Диктофонную запись заседаний обеспечивал С. И. Сидоров.

Расшифровку диктофонных записей заседаний осуществляли Е. И. Кондрахина и М. А. Цовма.

Изобразительный ряд подготовлен А. М. Корниловой.

Материалы, подготовленные для «Прямухинских чтений», но не озвученные на конференции, включены в раздел «Приложения».

Редакция просит авторов материалов, присылаемых для помещения в «Приложения», иметь в виду, что Оргкомитет Чтений оставляет за собой право отбирать материалы для публикации.

Заседание 15 июля

В 2017 году конференцию вел анархист, координатор Прямухинской вольной артели Михаил Цовма. Чтения начались с минуты молчания в память об Андрее Викторовиче Бирюкове.

Цовма М. А.: Прежде чем мы начнем основную часть нашей конференции, я предлагаю выступить тем, кто хотел бы сказать пару слов об Андрее Викторовиче.

Талеров П. И.: Я, наверное, был одним из последних, кто с ним пообщался. Это было 21 апреля на конференции в Москве, которую проводил В. М. Артемов. Парой слов мы перекинулись. Он был в некотором возбуждении, в то время он работал в Отделе рукописей Ленинки, собирал и переписывал письма Кропоткина. Он долгое время этим занимался, достаточно упорно и в общем-то удачно. 21 апреля он буквально на несколько минут на эту конференцию забежал, мы с ним сели в первый ряд, в это время там было руководство конференции и вуза, мы со всеми поздоровались. Буквально последние слова, которыми мы с ним обменялись, были репликами о Махно. Он не встретил имени Махно в письмах Кропоткина, где-то было упоминание один раз вскользь, но скорее всего для Кропоткина Махно был как и все остальные – общей революционной массой, он много кого принимал и много с кем встречался в те времена.

Несколько слов об Андрее Викторовиче. Я позвонил ему именно 27 апреля по телефону, в тот момент, в его уже последние минуты буквально. Дело в том, что я хотел с ним посоветоваться по поводу своего выступления, которое здесь прозвучит по письмам Петра Алексеевича. Только на следующий день я смог созвониться и поговорить уже с супругой о том, что случилось. Несколько раз мы с ней общались по этому поводу.

Вот некоторые биографические сведения о нем, то, что она мне прислала. Он родился 4 января 1955 года в городе Львове, в русской семье. Видимо там служили его родители. В 1967 году они вернулись в Москву. В старших классах занимался в Кружке юных географов при географическом факультете Московского государственного университета. По окончании школы поступил на географический факультет Московского университета, на кафедру биогеографии. Два года служил лейтенантом советской армии в городе Камень-на-Оби. Работал научным сотрудником, редактором в разных издательствах.

Увлёкся историей своей семьи. Известно, что он являлся потомком, правнуком анархиста Александра Моисеевича Атабекяна. Очень большой материал был им собран. Кто интересуется, может посмотреть на сайте Большой Русский Альбом (<http://www.rusalbom.ru/>). Там выложены несколько десятков фотографий его предков, в том числе и Атабекяна. Вместе с Пирумовой он участвовал в подготовке второго тома «Этики» Кропоткина. Первоначально видимо началось это вместе с Натальей Михайловной. Мы подключились уже позже, и в сборнике избранных трудов Кропоткина, который мы выпустили, опубликовали второй том «Этики». Он был отредактирован и прокомментирован Бирюковым.

Бирюков был секретарем международной конференции 1992 года, посвященной 150-летию Петра Алексеевича. Надо сказать, что это была достаточно мощная конференция, по ее итогам было выпущено четыре тома материалов, но их публикация растянулась на десятки лет. Мы тогда с Андреем Викторовичем выкладывали эти материалы на сайты. Интернетом еще мало кто пользовался в те времена, но у меня был сайт, кажется, «История Отечества» или как-то так он назывался, мы там выложили все 4 тома и все могли пользоваться этими материалами. Где-то они сейчас тоже есть, хотя этот сайт потом был закрыт.

Андрей Викторович выявил более двух тысяч, точнее 2415 кропоткинских писем. Более того, они все переписаны, есть соответствующая база. Из них около трети, то есть 823 письма, выложены на его сайте, из них, в свою очередь, 445 писем никогда не публиковались. Они выложены на сайте Библиотека Андрея Бирюкова (<http://oldcancer.narod.ru>), нужно суметь их найти, они там немного запрятаны. Я скачал и получилось около тысячи страниц.

Я был знаком с Андреем Викторовичем более двадцати лет. Он знакомил меня с московскими исследователями. Тогда мы познакомились с Пирумовой, Фигуровской, Гордоном, Старостиним. Потом мы занимались подготовкой нашей конференции 2002 года. Андрей Викторович тоже активно подключился, предоставлял адреса, большое количество адресов. И со многими мы в те времена познакомились – с людьми, которых мы может быть сейчас редко видим на наших конференциях, в том числе, с людьми из Дмитрова, с теми, кто занимается географией и другими вопросами. Я имею в виду Земцова, Давыкина, Уфимцева, Константинова, Алексея Петровича Кропоткина (это родственник Петра Алексеевича, доктор физико-математических наук).

Хочу прочитать несколько выдержек из того, что разместил сам Андрей Викторович на своем сайте. Интересные моменты, которые показывают его как человека, как характер. Вроде бы, биография скромная, невыдающаяся, занимался скромным трудом – искал в архивах, среди публикаций отечественных и зарубежных, письма Кропоткина, выкладывал и оформлял их, в общем, такая довольно техническая работа. Хотя мы с ним пересекались по некоторым вопросам, в частности, например, по побегу Кропоткина из Николаевского госпиталя. Первый вопрос возник, когда Ольховский что-то написал, может быть, не совсем правильно. Андрей Викторович об этом что-то сказал, мы вышли на место, провели рекогносцировку, соответственно, какие-то рисунки появились. Потом я доработал этот материал, с чем-то не согласился, потому что пользоваться только воспоминаниями тридцатилетней давности – когда, кто, куда бежал? – когда никто не помогал Петру Алексеевичу, вряд ли это было возможно. И то, что (не) сыграли те обстоятельства, в которых Петр Алексеевич находился – это тоже надо было учитывать, учитывать ту ситуацию, которая сложилась в то время вокруг этого заключенного. Вот эти моменты я вынес и вроде бы Андрей Викторович не возражал после этой последней моей публикации в сборнике «Прямухинских чтений» по этому поводу. Были еще отдельные вопросы – Кропоткин или Кропоткин – довольно скандальная ситуация, и я в том числе привлекал и авторитет Андрея Викторовича. Трудно было расшифровывать рукописи Петра Алексеевича, почерк его не всегда читаемый, в особенности, сокращения. Я отрывки рукописей всеми правдами и неправдами пытался [в архивах] переснять, передать Андрею Викторовичу, мы вместе расшифровывали, переписывались по этому поводу, потом публиковали, в том числе, на сайте полностью – как правильно звучал тот или иной текст.

Но вот несколько слов [самого Андрея Викторовича], буквально некоторые штрихи:

Два слова для начала

Складывая в свою электронную библиотеку скопивишиеся у меня за много лет тексты, сам себе я напоминаю древнего переписчика, собирающего заветный том всякой всячины. В старину такие сборники назывались «Цветниками», «Вертоградами» и как-то ещё, а сами себя такие собиратели любили сравнивать с трудолюбивой пчелой.

Этот сайт – точное подобие таких сборников, и мне кажется, что древние собиратели переписывали наставительные повести или

полезные рецепты не только на свою потребу, но имели в виду и интерес ближнего. Так вот и я.

Изрядная пестрота данного собрания объясняется, во-первых, разбросанностью интересов составителя, а во-вторых – случайным характером поисков. Относясь с большим уважением к труду подвижников, собирающих общественно значимые библиотеки, т. е. то, что интересно современникам или должно заинтересовать пытливых потомков, я не собираюсь ни подражать им, ни заимствовать их благородные принципы. И вообще – что получилось, то и получилось.

Кстати уж скажу и о достоинствах собрания, и в первую очередь о том, как это всё организовано. Поиск можно вести по двум каталогам – алфавитному и систематическому. Записи в каталогах, как правило, сопровождаются аннотациями. Отдельные собрания (писателя Марка Алданова, анархиста и моего прадеда А. М. Атабекяна, историка Н. М. Пирумовой и теоретика анархизма, естествоиспытателя и историка П. А. Кропоткина) снабжены отдельными каталогами.

Большинство представленных здесь текстов набраны или отсканированы мною. «Чужие», т. е. найденные в Интернете, тексты я старался улучшить внешне, а то и сверить.

Я с уважением отношусь к чужому труду и стараюсь указывать, где я взял «чужие» тексты, но, к сожалению, порой я сам об этом уже не помню. В то же время я знаю, что труд наборщика и верстальщика не охраняется и не может охраняться авторским правом, и если я кого-нибудь обижу, не упомянув о его трудах, то да будет мне стыдно, но не более того. К моим усилиям оцифровщика прошу относиться так же.

О прочих достоинствах и недостатках можно иметь собственное мнение, но можно и написать мне по адресу oldcancer@yandex.ru.

А. Б.

Маленькое замечание

Возможно, изложенные здесь принципы покажутся кому-нибудь нелепыми, а сам я – заносчивым. Так вот, выход здесь.

Прусский Я.Л.: Павел Иванович знал Андрея Викторовича более двадцати лет, я его знал, конечно, только в последние годы, может быть 5–6 лет, я не считал, поэтому мой рассказ будет более коротким, потому что Павел Иванович уже многое сказал из того, что я мог бы упомянуть. Поэтому хочу сказать сначала о том, что я видел и что

знаю сам. Несколько последних лет Андрей Викторович приезжал к нам в Дмитров, в архив нашего музея-заповедника «Дмитровский Кремль», естественно его интересовал массив документов, относящийся к Кропоткину, с которым он довольно долго работал. Он в конце жизни уже называл себя лучшим специалистом по почерку Кропоткина, и это было действительно так, потому что, скажу честно, я с этим архивом тоже работал и не все письма Кропоткина я сумел дословно перевести с русского на русский. Потому что иногда это сделать достаточно сложно. Мы были с ним соавторами, и если я не ошибаюсь в одном из последних прямухинских сборников прошлого или позапрошлого года напечатана наша с ним статья. Хотя я работаю в Дмитрове в музее, меня не отпускают часами работать в архиве, а он приезжал из Москвы, он там сидел часами и «переводил» эти письма, а уже потом мы вдвоем с ним работали над ними, написали эту статью, которая была опубликована в прямухинском сборнике.

Я думаю, что Бирюков был одним из первых людей, из тех, кто здесь присутствует сегодня, кто познакомился с Наталией Михайловной Пирумовой. Это было в 1970-е годы, видимо нашла она его сама как правнука Атабекяна. Им очень повезло найти друг друга, потому что он заинтересовался той работой, которую она вела, а она его привлекла к работе над документами Кропоткина и, в частности, в Кропоткинскую комиссию, где он был секретарем.

Хочется какие-то интересные факты из его жизни привести. Была такая традиция – кто родоначальник я просто не знаю, но Бирюков был одним из людей, кто активно ее поддерживал, – в день рождения Кропоткина ездить на Новодевичье кладбище, на его могилу, он всегда это делал, регулярно и активно.

Хотел привести такой случай из жизни, который очень многое о нем говорит как о человеке. Мы с ним впервые познакомились здесь, на Чтениях, и тогда ездили на автобусе в Москву, а автобус иногда приходил очень поздно. И в тот раз, когда мы с ним познакомились, автобус буквально без пяти минут час [ночи] подъехал к метро, и нужно было успеть вбежать в метро, а уж о том, чтобы ехать в Дмитров смешно было и думать, поскольку последняя электричка ушла часа полтора назад. И я тогда просто высказал мысль вслух, что хорошо бы мне в этом автобусе провести ночь, потому что я не знал куда мне податься на эту ночь. И была моментальная реакция – он меня сразу пригласил к себе домой, переночевать у него, меня, человека незнакомого, которого он только видел на Прямухинских чтениях в первый

раз в жизни. И я переночевал, с большим удовольствием, после этого мы как-то с ним сблизились.

Надо сказать, что он был хотя человеком внешне не очень открытым, но при этом очень простым. Он всегда протестовал, когда был уже в зрелом возрасте, — ему было 60 лет, — когда его называли по отчеству, он просил всегда называть его Андреем.

Вот, пожалуй, и все. И пусть будет ему земля пухом!

Цовма М.А.: Я тоже хотел бы сказать несколько слов об Андрее Викторовиче. Так получается, что в общем-то я, судя по выступлению Павла Ивановича и Яна Львовича, знал его дольше всех остальных, может быть столько же, сколько знают его присутствующие здесь Петр Рябов и Вадим Дамье, поскольку мы познакомилась с ним накануне Кропоткинской конференции 1992 года, которая действительно была масштабным международным научным мероприятием, и мне, тогда еще молодому студенту, довелось сделать небольшой доклад на ней. Это был такой студенческий во всех смыслах доклад и потом нужно было сдавать текст в сборник, и тут как раз я познакомился с Андреем Викторовичем ближе, не только как с человеком, но и как с редактором. И тогда, и потом он был очень авторитетным для меня человеком, это был настоящий научный редактор. Они подготовили два сборника по Кропоткину, которые вышли еще до конференции, там, в частности, есть статья о прадеде Андрея Викторовича Бирюкова, Александре Атабекяне. И после конференции достаточно долгий был процесс выпуска сборников, но это было связано не с тем, что плохо работали редакторы, а с тем, что были постоянные проблемы с финансированием со стороны Института экономики РАН, выпускавшего эти сборники. В итоге, выпуск сборников растянулся на долгие годы. Но именно тогда я как студент, как молодой еще человек, столкнулся с таким действительно профессиональным научным редактором в самом хорошем смысле слова. И, конечно, нельзя было не заметить, что помимо того, что Андрей Викторович был редактором, он был еще и одним из крупнейших специалистов по Кропоткину, хотя не занимал никаких научных должностей, связанных с историей (за исключением того, что он был в свое время ученым секретарем Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина). Безусловно, это был человек энциклопедических знаний в том, что касалось Кропоткина. Я думаю, что я не погрешу против истины, если скажу, что в России он был действительно крупнейшим специалистом по Кропоткину, он занимался не только поис-

ком и обработкой писем, он занимался и поиском рукописей. И то, что для нас с вами и для наших потомков сохранен второй том «Этики» Кропоткина, в этом огромная заслуга Андрея Викторовича. Я думаю, что если бы жизнь отпустила ему больше времени, мы бы увидели и законченное – насколько это вообще можно закончить одному человеку – собрание писем Кропоткина, и каких-то новых рукописей, которые он находил в архивах.

Это был очень мягкий и очень интеллигентный человек в старорежимном смысле этого слова. Были советские интеллигенты, но он был по духу каким-то совершенно несоветским интеллигентом, наверное, это отчасти и сближало его с Наталией Михайловной Пирумовой, с которой он дружил. И это именно они в конце 1980-х – начале 1990-х годов заложили традицию походов на могилу Кропоткина. А когда Наталии Михайловны не стало, и даже уже тогда, когда она еще была жива, но была сильно больна, он был одним из организаторов, постоянно присутствовал на этих мероприятиях.

Андрей Викторович не был анархистом, никогда не называл себя таковым, дистанцировался от анархистов политически, потому что у него были свои взгляды на мир, но, безусловно, учение анархизма ему сильно импонировало в своих фундаментальных мировоззренческих основах. Он с большим уважением и интересом относился к памяти своего прадеда и собирал материалы, связанные с ним, и благодаря этому также собирал и другие материалы, связанные с анархизмом, был в какой-то степени специалистом и по этой теме тоже. И хотя он говорил, что этим не занимается, но по его электронной библиотеке можно судить, что и в дело собирания информации об идеях анархизма он таким вот, электронным, образом, с помощью сборников, которые он выпускал, тоже внес свой вклад. И конечно же, надо упомянуть, что в издательстве URSS вышла его книжка – сборник статей его прадеда Атебеяна с предисловием, написанным им.

Это был действительно замечательный человек. Я немного был вхож в его семью, он меня приглашал в гости, мы проводили с ним время в беседах. Он интересовался разными вещами, в частности, фотографией, собирал фотографическую коллекцию. У него была коллекция семейных фотографий, но также он занимался изучением истории русской и европейской фотографии. То есть в разных делах, которыми он увлекался, он был довольно дотошным и в хорошем смысле цепким человеком, схватывал массу информации, разбирался в предмете, в частности, и в фотографии тоже.

Я думаю, что мы должны связаться с его близкими, потому что в его компьютере, вероятно, остались разные материалы, в том числе, те, которые не были выложены на его сайте. И конечно эту работу хотелось бы сохранить и как-то продолжить.

В любом случае, это большая потеря и в человеческом плане, потому что это был интеллигентный человек, с которым интересно было общаться, он писал замечательные письма, то есть владел эпистолярным жанром не хуже своего героя Кропоткина. И хотелось бы, чтобы память о нем сохранилась, а сделанная им работа не пропала.

Рябов П. В.: Я бы тоже хотел буквально два слова добавить. Я тоже знал Андрея Викторовича давно, но не очень близко, с начала 1990-х годов. Очень многое о нем уже было сказано – и о том, как он был дружен с Пирумовой, и о том, что он был правнуком Атабекяна, и о том, что он был двигателем Кропоткинской комиссии и издателем писем и «Этики» Кропоткина, книжки Атабекяна в издательстве URSS. Можно еще добавить сборник, посвященный Кропоткину, вышедший в серии «Философы России», где он разместил несколько фотографий из личного архива и участвовал активно в этом кропоткинском издании. И давайте вспомним: здесь в Прямухине, Андрей Викторович, хотя он не всегда приезжал, но когда приезжал, то всегда делал замечательные доклады. К примеру, о своем прадеде Атабекяне, о том, как тот начинал свою анархистскую деятельность. Сложно себе представить, но буквально год назад в этой самой аудитории он делал доклад на такую нетривиальную тему, как «Кропоткин – землевладелец». Все его доклады были действительно небанальными. Он был человеком очень отзывчивым, сердечным, человеком очень большой этики. Это то, что я хотел сказать об Андрее Викторовиче Бирюкове.

Цовма М. А.: Мы переходим к основной части нашей программы. Как вы знаете, основная тема сегодняшних и завтрашних чтений – это Великая российская революция 1917–1921 года и либертарный взгляд на нее. Первым нашим докладчиком сегодня будет Вадим Дамье.

Дамье В. В.

Великая российская революция: народ и власть

В 1947 г. в Париже вышла на французском языке книга «Неизвестная революция», посвященная российской революции 1917–1921 гг. Ее автор – анархист-эмигрант Всеволод Волин писал эту работу всю жизнь

Вадим Дамье

*Революция – это,
прежде всего,
мощнейшее движение
народа, при котором
он сам становится
субъектом истории.*

и закончил ее незадолго до смерти в 1945 году¹. Несмотря на то, что и к тому времени, и с тех пор вышло множество работ о революции в России, в этой стране и за рубежом, она до сих пор остается если не «неизвестной», то во многом «непонятой» революцией.

Прежде всего, это связано с тем, что при рассмотрении российской революции, к сожалению, до сих пор преобладает то, что можно назвать «взглядом сверху». В большевистской традиции, характер и содержание революции определяются знаменитой формулой Ленина о том, что главный вопрос любой революции – это вопрос о принадлежности государственной власти². Отсюда вытекают и разделение на «Февраль» и «Октябрь», и тезис о «буржуазности» первого при «социалистичности» второго. Интересно, что и про-

---

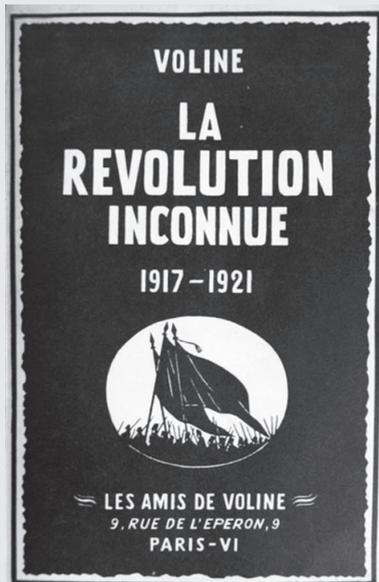
¹ *Voline V. La Révolution inconnue. Paris, 1947. Русский перевод см.: Волин В. Неизвестная революция, 1917–1921. М., 2005.*

² *Ленин В. И. Один из коренных вопросов революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 200.*

тивники большевизма исходят из того же самого посыла. Во всех этих случаях и для датировки, и для периодизации, и для характеристики революции определяющим оказывается то, кто именно находился у власти и какую политику он провозглашал или пытался проводить.

Между тем, революция – это, прежде всего, мощнейшее движение народа, при котором он сам становится субъектом истории. Изучая общество и подобные социальные процессы, мы должны исходить не из того, кто стоял у власти и чего он хотел, а из того, что происходило «внизу», что непосредственно делали живые люди, и какие социальные процессы происходили. Тогда мы не только обнаружим кардинальные противоречия между «верхами» и «низами», противостоявшими друг другу в ходе революционных событий, но и увидим, что революционный процесс носил последовательный характер.

В свое время П. А. Кропоткин сетовал на то, что политическая история Великой Французской революции со всеми перипетиями борьбы за власть, партиями и войнами уже написана, а вот «народная история революции» все еще нет. «Роль народа – деревень и городов – в этом движении никогда еще не была полностью изучена и рас-

В 1947 г. в Париже вышла книга анархиста Всеволода Волина «Неизвестная революция», посвященная российской революции 1917–1921 гг.

сказана»,— писал он³. Стоит воспринять эту оценку и использовать ее как выражение методологии исследования революций, применив и для анализа революции в России. Мы должны понять Русскую революцию как дело самих масс, которые боролись за то, чтобы самим управлять собой, зачастую независимо от всех борющихся за власть партий и даже против этих партий.

Чтобы лучше представлять себе, каковы были настроения этих масс и чего они хотели на самом деле, следует, прежде всего, установить, какая же революция стояла на повестке дня в России в 1917 г. Различные теории заговоров до сих пор пытаются представить российскую революцию как результат манипуляции неких темных злых сил. Но на самом деле наличие каких-либо планов государственных переворотов с чьей бы то ни было стороны не в состоянии объяснить столь мощный социальный взрыв. То, что он происходит, свидетельствует о том, что прежняя общественная система зашла в тупик или, по меньшей мере, вызывает широкое и острое социальное недовольство. Именно так и обстояло дело к этому моменту в России.

Предыстория революции уводит нас далеко вглубь XIX столетия. После унижительного поражения, понесенного Россией от западных держав в ходе Крымской войны 1853–1856 гг., русскому самодержавию стало ясно, что для сохранения его власти необходимы преобразования. Если Империя хотела устоять, догнать своих противников и конкурентов и продолжать вести мировую политику, ей следовало предпринять существенные шаги в направлении военного, а значит и экономического обновления (модернизации). В 1861 г. было отменено крепостное право, и развернулся процесс принудительного насаждения капиталистических элементов сверху, характерный для стран с так называемым «догоняющим» типом развития. Государство за свой счет создавало хозяйственную инфраструктуру и банки, строило фабрики, заводы и железные дороги, а позднее передавало их частному капиталу, когда тот уже оказывался в состоянии вкладывать в них деньги и развивать экономику дальше. Эта политика финансировалась, прежде всего, за счет средств, выкачанных из крестьянских общин. «Модернизаторские» усилия были весьма активными и, на первый взгляд, принесли ощутимые успехи. По темпам роста производства чугуна и добычи угля Россия обгоняла ведущие мировые державы; она занимала также прочные

---

³ Кропоткин П. А. Великая Французская революция 1789–1793. М., 1979. С. 9.

позиции на мировом рынке зерна. Но насколько к моменту начала Первой мировой войны в 1914 г. властям удалось превратить Россию в действительно процветающую страну с развитой капиталистической экономикой?

Либеральные, социал-демократические и большевистские теоретики нередко были склонны переоценивать степень развития капитализма в России, степень ее «европеизации». Но они видели лишь то, что хотели увидеть. В действительности Россия, говоря современным языком, оставалась скорее страной «Третьего мира». Общее структурное отставание российской экономики от западной было настолько значительным, что наводит на мысль: речь идет не просто об отсталости в рамках одной и той же системы координат, но о глубинном «цивилизационном» различии. Действительно, реальный доход на одного работающего в России в 1913 г. составлял лишь 81% от соответствующего показателя в Англии в 1688 г., то есть за сто лет до промышленной революции!⁴ При этом разрыв в объеме ВВП на душу населения по сравнению с развитыми западными странами с конца XIX века стал все больше нарастать.

В российских городах утвердился капитализм, но свыше 80% населения по-прежнему жило в деревне, а российский рынок оставался слишком узким для масштабного распространения капиталистических отношений. Страна существовала как бы в двух различных мирах. Хотя большая часть крестьян уже не практиковала чисто натуральное хозяйство, а продавала свои продукты на рынке и прирабатывала на промыслах, капиталистического накопления чаще всего не происходило. Подавляющее большинство крестьянских семей тратило все вырученные деньги на еду или промышленные товары⁵, что характерно для «докапиталистических» отношений. В деревне уже появились хозяева, ведшие дела на широкой коммерческой основе и с применением наемного труда, но в целом крестьянство оставалось в имущественном и социальном отношении довольно однородной массой. Процессы расслоения носили еще зачаточный характер.

---

⁴ См.: *Клифф Т.* Государственный капитализм в России. М., 1991. С. 123. Рассчитано британским экономистом К. Кларком на основе оценки стоимости количества товаров и услуг, которые можно было приобрести за 1 долл. США в среднем по курсу 1925–1934 гг.

⁵ См.: *Чаянов А.* Доходы и расходы крестьян Московской губернии // Кооперативная жизнь. 1913. № 7–8. С. 29–31.

Первые дни Февральской революции

Хлебные бунты, антивоенные митинги, демонстрации, стачки на промышленных предприятиях столицы, недовольство и брожение среди столичного гарнизона...

Преобладающей формой общественной организации в русском селе оставалась крестьянская община («мир», «общество») – единица не только фискальная, но, в известной мере, все еще и хозяйственная. Она обладала чрезвычайно высокой устойчивостью и имела свои механизмы коррекции социального неравенства (переделы земли и т. д.). Попытки правительства П. А. Столыпина в ходе аграрной реформы выделить в деревне твердый слой крестьян-капиталистов и осуществить ускоренное разложение общины имели лишь ограниченные результаты.

Основная проблема докапиталистического состояния русской деревни состояла в том, что потенциал дальнейшего увеличения сельскохозяйственного производства не для собственных нужд, а на продажу, был ограничен. Крестьянин вообще психологически был не склонен производить «больше, чем надо», а классические «капиталистические» стимулы на селе работали довольно плохо. Неудивительна крайне низкая производительность в дореволюционных крестьянских хозяйствах. Урожайность хлеба в несколько раз уступала европейскому уровню. Экспорт хлеба осуществлялся не благодаря излишкам, а за счет крестьянского недоедания. В деревне периодически вспыхивал голод. Положение усугублялось крестьянским малоземельем: значительная доля лучших угодий находилась в руках помещиков, часть которых прибегала к феодальным методам ведения сельского хозяйства.

Широкие массы российского общинного крестьянства были чем дальше, тем больше недовольны сложившимся положением. Со времени революции 1905–1907 гг. они все более отчетливо формулировали свои чаяния: вся земля должна была быть передана крестьянским общинам, разделена между крестьянами в уравнильное землепользование, в соответствии с размером их семей или «трудовой нормой» (числом работников в каждой семье), и обрабатываться членами их семей без использования наемной рабочей силы. Продажу земли следовало запретить, а частную собственность на землю – отменить⁶. Разумеется, такая программа «черного передела» не имела ничего общего с буржуазными преобразованиями.

Но и в российских городах той эпохи капитализм выглядел во многом иначе, чем в Западной Европе и США. Он сильно зависел от иностранных займов и инвестиций. Удельный вес зарубеж-

---

⁶ Шанин Т. Революция как момент истины. М., 1997. С. 204.

ных капиталов в акционерных обществах доходил к 1913 г. до 47%; большая часть прибылей вывозилась из страны⁷. Государственная регламентация и поощрение властями крупных монополистических объединений серьезно сдерживали промышленное развитие страны. Уровень технической оснащенности оставался низким. Промышленная структура основывалась на отраслях и видах производства, которые считались передовыми еще в конце XIX столетия (черной металлургии, паровозостроении, производстве паровых машин, простых сельскохозяйственных орудий и бытовых товаров, легкой и пищевой промышленности). Западная же индустрия в это время уже переходила к эпохе электричества, химии и станкостроения. Для развития этих отраслей в России не было ни капиталов, ни промышленной рабочей силы, общая численность которой в 1911–1914 гг. почти перестала расти.

Несмотря на все наросты капитализма, начала индустриализации, взращенные царским правительством, натолкнулись на жесткие исторические рамки, а поражения России в Первой мировой войне со всей ясностью продемонстрировали экономическую и инфраструктурную слабость страны. Нехватка топлива и металла поставила под удар транспортную систему (особенно железные дороги) и систему снабжения; в сельском хозяйстве не хватало рабочих рук...

Таким образом, со стратегической точки зрения, все попытки «догнать» государств-конкурентов провалились. Царизм не мог превратить Россию в военного и индустриального капиталистического гиганта. Причины этого следует искать в самих социально-политических структурах Старого режима. Страна не могла сделать решительный шаг к полномасштабному промышленному перевороту, не отказавшись от этих структур: не разрушив общинные структуры, не преодолев узость внутреннего рынка, не распространив повсюду рыночные структуры и не мобилизовав крупные финансовые средства и рабочую силу на дело полномасштабной капиталистической индустриализации. Царское правительство не могло себе этого позволить, поскольку вся общественная система Российской империи основывалась на существовании привилегированного помещичьего дворянства, с одной стороны, и крестьянских общин – важнейшего источника налоговых поступлений и формы организации подавляющего большинства населения, с другой. Из последних

---

⁷ Промышленность и торговля. 1913. № 10. С. 446.

можно было выкачивать деньги и хлеб, но разрушить их было нельзя. Змея грызла свой собственный хвост, но не могла его проглотить. Преодолеть пределы модернизации в рамках существующей системы не удавалось.

В других условиях подобный тупик мог привести к классической буржуазной революции, наподобие западноевропейских революций прошлых столетий. Но такой вариант наталкивался в России на почти непреодолимые препятствия. Русские рабочие, в отличие от французских санкюлотов XVIII века, вполне отчетливо сознавали, чего они не хотят: капитализма. Они уже достаточно насмотрелись на его проявления: произвол хозяев, собственное бесправие, подавление союзов трудящихся и т.д. Более того, рабочий класс России еще не забыл общинных и ремесленных традиций и навыков самоуправления в труде. Вчерашние или позавчерашние крестьяне еще вполне могли представить себе, как они сами управляют производством, пусть уже не сельскохозяйственным, а фабричным. Уже в 1905 г. они создавали на многих предприятиях свои фабричные комитеты, советы и рабочие ополчения-милиции. А неквалифицированные рабочие, не потерявшие связей с деревней, охотно вернулись бы туда при первой возможности. Никакого желания поддерживать буржуазную революцию у подавляющей массы российских рабочих не было.

В свою очередь, русская буржуазия и либеральные политические силы были слишком слабы и слишком сильно связаны с царизмом на экономическом, политическом и личном уровнях, чтобы рискнуть пойти на смену системы и тем самым вывести модернизацию из тупика. Совет съездов представителей промышленности и торговли мог призывать к ограничению государственного предпринимательства и чрезмерного, с точки зрения буржуазии, казенного регулирования хозяйственной деятельности, но крупнейшие объединения российских предпринимателей и не помышляли разорвать те многочисленные нити, которые протянулись между ними и царским государством. Либералы лишь обличали неэффективность правительства и чиновничьей администрации, добываясь расширения своего влияния в рамках сложившихся структур.

Как и во многих других странах «Третьего мира» в XX веке, мотором радикальной модернизации в России могли стать лишь круги, сравнительно независимые от основных социальных групп и сил общества: и от царизма, и от буржуазии, и от крестьянских общин, сопротивлявшихся наступлению капитализма. Ведь эти группы или стремились

сохранить существующую систему, либо предпочли бы совершенно иной путь развития, основанный на видоизменении общинных ценностей в сторону самоуправления, освобожденного от жестких тисков государственной власти. Только не связанные с ними и не обязанные им радикалы были способны довести до конца разрушение общины и осуществить индустриализацию, то есть установить формы организации труда и производства (фабричную систему с ее нормами «фабричного деспотизма»), соответствующие капиталистическим общественным отношениям. Капитализм в России мог победить только особым путем: без частных капиталистов, чью роль взяли на себя новое, решительное и не ограниченное старыми «условностями» государство, бюрократия и технократия. И организовать такой переход было под силу лишь интеллектуальным кругам, воспринимающим себя как потенциальную, но отодвинутую царизмом элиту России, выполняющую особую революционную миссию. Эта элита, как выяснилось уже в ходе революции, формировалась в облике большевистской партии.

Широко распространен миф о том, что большевики были «авангардной партией» рабочего класса. Но такие вещи нельзя просто провозглашать, не приводя никаких аргументов; такие вещи следует доказывать. При этом социальный состав мало о чем говорит сам по себе; необходимо обязательно учитывать, какие слои стоят на верхних и на нижних ступенях пирамиды централизованной партийной иерархии, какую политику проводит данная организация и т.д. Все иллюзии насчет «пролетарского» характера большевиков были опровергнуты их систематическим подавлением рабочих стачек с 1918 г. и расстреляны пушками в Кронштадте в 1921 г. Это не было «трагическим недоразумением», когда авангард подверг репрессиям свою собственную «несознательную» массовую базу. Нет, у большевистских вождей имелись вполне определенные интересы, и они осуществляли вполне определенную политику.

Большевики неоднократно характеризовали себя и иначе, и эта характеристика гораздо более точна: «якобинцы Русской революции». Они воспринимали себя как своего рода «социалистических якобинцев», хотя их «социализм» вызывает большие сомнения. Даже когда они заговорили о непосредственных социалистических задачах (после начала Первой мировой войны; до тех пор речь шла лишь о буржуазно-демократической революции в России), то представляли себе этот новый строй как дальнейшее развитие капиталистических форм организации: как единую гигантскую фабрику со строгим разделением

функций, с производственной и, как следствие, политической иерархией. Но взятие большевиками на себя роли якобинцев было гораздо более реальным, чем их разговоры о социализме. Само представление о просвещенном и знающем авангарде, который представляет трудовой народ (пролетариат), понимает его интересы лучше, чем он сам, и осуществляет «воспитательную диктатуру», было якобинским. Ленин заявлял: «...не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат все еще так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где..., что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса»⁸. Это как раз и означает, что в ситуации, когда пролетарские массы не понимают свои собственные «действительные» интересы, правящий авангард должен принудить их действовать «правильно», в их же собственных интересах.

Социальный состав якобинских диктаторов весьма похож на состав большевистских вождей. Это, в первую очередь, слои революционной интеллигенции, которые сами воспринимали себя как истинную элиту – знающую, как надо, но подвергающуюся дискриминации. Поэтому их отношение к «простым людям» неизбежно оказывалось двойственным: психологически отделяя себя от «народа», эти элитаристы одновременно унижались перед ним и глубоко презирали его. Такая ориентация не имеет ничего общего с эгалитарными социалистическими идеями.

Хотели того сами большевики или нет, но с подобными представлениями они и не могли осуществлять иную революцию, кроме буржуазной, в лучшем случае – под прикрытием социалистических лозунгов. Большевистская диктатура в России первоначально имела в принципе тот же самый характер, что и якобинская диктатура во Франции: авторитарного господства интеллигентской элиты. Тем не менее, Русскую революцию 1917–1921 гг. нельзя считать просто буржуазной революцией. Совершавшие ее массы не хотели капитализма и ожесточенно боролись с ним (включая государственный капитализм большевиков).

Этот общий анализ позволяет нам понять принципиальные устремления и «идеи-силы» в тогдашней России. Квалифицированные

---

⁸ Ленин В. И. О профессиональных союзах // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 204.

рабочие-ремесленники хотели сами управлять своими предприятиями и контролировать их; они не желали, чтобы капитализм и его специфическое разделение труда разрушило их квалификацию. Неквалифицированные рабочие трудились в городах только потому, что не имели возможностей для жизни в деревне, обычно они предпочли бы вернуться на село. Общинные крестьяне стремились освободиться от государства, капитализма, помещиков и кулаков; они хотели обменивать свои продукты на продукты городской промышленности, причем им было безразлично, примет ли такой обмен денежную форму, или нет. Все эти стремления и чаяния предполагали форму, в которой мировая социальная революция должна была выступить в России. Речь могла идти лишь о соединении пролетарской рабочей революции в городе и революции общинных крестьян в деревне. Оба элемента могли бы затем взаимодействовать через посредство свободной ассоциации, федерации и взаимопомощи, сотрудничать между собой и свободно координировать свои социально-экономические действия «снизу».

Однако подобное развитие событий совершенно не соответствовало интересам ни либеральной буржуазии, ни интеллектуальной элиты и социал-демократии, включая большевиков. Эти силы не хотели допустить, чтобы революция в России вышла за индустриально-капиталистические рамки. Она должна была, с их точки зрения, решить прежде всего задачи дальнейшей индустриальной модернизации России, то есть открыть путь развитию капиталистической формы производительных сил.

Российскую революцию 1917–1921 гг. следует воспринимать как единый процесс, хотя и не линейный, но включавший в себя различные линии, подъемы и спады. Она началась в феврале 1917 г., совершенно стихийно, в атмосфере всеобщего недовольства и отражала в себе в одно и то же время всемирные социально-революционные процессы и цивилизационный тупик царского самодержавия. Власть была захвачена первоначально коалицией либеральной буржуазии и умеренных фракций буржуазно-революционных «интеллектуалов» и партийных функционеров, а в октябре 1917 г. якобинскими большевиками. Для всех этих сил речь шла в действительности о продвижении вперед буржуазной революции: каждая из фракций была «революционной» до известного предела и становилась контрреволюционной после того, как революция шла дальше и выходила за поставленные ими рамки. Так было и с большевиками: они шли вместе

с рабочими и общинным крестьянством, когда их партия находилась в оппозиции и критиковала неспособность умеренных осуществить индустриально-капиталистические реформы. Заполучив правительственную власть, большевики превратились в «партию порядка», которая не желала дальнейшего (социального) развития революции. Программа большевистского правительства после октября 1917 г. не содержала ничего социалистического: речь шла о смешанной экономике, о партнерстве между государством и частным капиталом при национализации или монополизации отдельных важнейших отраслей и при допущении трудящихся к управлению предприятиями⁹. Эти меры были не менее и не более «радикальными», чем, к примеру, те, которые были осуществлены европейской социал-демократией, лейбористами и т. д. после Второй мировой войны.

Но параллельно с этой политической революцией, в которой речь шла, прежде всего, о том, кому будет принадлежать государственная власть, снизу разворачивалась совсем другая – социальная – революция. Она началась вскоре после февраля 1917 г. Выдвигались и становились все более популярными лозунги рабочего контроля и социализации земли; трудящиеся массы начали осуществлять их снизу, революционным путем, явочным порядком. Возникли новые социальные движения трудящихся: рабочие и солдатские Советы, крестьянские Советы и комитеты (в действительности – органы крестьянских общин), фабрично-заводские комитеты, квартальные и уличные комитеты и т. д. В них принимали участие и представители партий, пытавшихся взять эти массовые инициативы под свой контроль. Политических функционеров было особенно много в центральных, губернских и городских органах народного самоуправления. В результате, хотя Советы пользовались до июля 1917 г. таким влиянием, что современники событий говорили о существовании в стране «двоевластия», руководство Советского движения поддерживало в тот период Временное правительство. Однако «внизу» часто преобладала независимая линия, ориентированная на антикапиталистические социальные преобразования.

Крестьяне захватывали помещичьи и кулацкие земли, но не обращали их в частную собственность, а ставили под контроль органов крестьянского самоуправления, считая это первым шагом к их социа-

---

⁹ См., например: *Крицман Л.* Героический период Великой русской революции. М.–Л., 1926. С. 41–42.

*Манифестация
женщин-солдаток
на Невском
проспекте.
Апрель 1917 г.*

*Баррикады на Литейном
проспекте. Здесь,
у Арсенала происходило
настоящее сражение
с сильной стрельбой,
ряд солдат перешли
на сторону рабочих.*

Войска у Государственной думы

лизации. Уже в апреле 1917 г. в деревне началась настоящая общинная революция. На I съезде крестьянских Советов в мае партия эсеров вынуждена была под давлением с мест внести резолюцию, которая обещала отмену частной собственности на землю будущим Учредительным собранием, а до тех пор провозглашала переход ее в ведение крестьянских земельных комитетов, но организованным путем, после соответствующего закона Временного правительства. Однако крестьяне попросту проигнорировали все оговорки. Волостные комитеты и управы с мая отказывались выполнять распоряжения губернских и уездных органов власти Временного правительства и санкционировали захваты и «черный передел» земли, не дожидаясь решений властей. В начале осени Временное правительство, еще в марте провозгласившее государственную монополию на торговлю хлебом, стремясь пресечь «самовольные действия», получить продовольствие и деньги для продолжения войны, направило в деревню воинские команды. Таким путем властям удалось принудить строптивые волостные комитеты к подчинению губернскому начальству. Но насильственное осуществление хлебной монополии вызвало организованное сопротивление крестьянских общин и нередко приводило к вооруженным столкновениям с войсками. На все деревни солдат не хватало. Там, куда не дотягивалась вооруженная рука государства, общинники попросту разгоняли лояльные властям волостные комитеты и управы, избивали их членов, жгли документы и здания.

Городские рабочие также осуществляли свои требования «явочным порядком». В марте 1917 г. в Петрограде они отказывались подчиниться призыву городского Совета, в котором тогда существовало эсерово-меньшевистское большинство, и прекратить всеобщую стачку прежде, чем будет установлен 8-часовой рабочий день. В итоге, на большинстве предприятий они ввели его сами, по своей инициативе. Работники вынудили хозяев платить зарплату, «подобающую свободному гражданину», изгоняли из администрации ненавистных им начальников и создавали фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы). В задачи последних входило осуществление «заводского самоуправления» и «права ведать внутренним порядком завода», включая установление продолжительности рабочего времени и уровня оплаты труда, осуществление контроля над соблюдением норм, приемом на работу и увольнением и т. д. Первоначально на большинстве частных предприятий работники еще не посягали на право администрации непосредственно управлять производством. На государствен-

ных заводах они вначале нередко брали управление в свои руки, но затем также предпочли ограничиться контрольными функциями. Требования контроля над деятельностью заводской администрации не было в программе ни одной из социалистических партий; в мае оно было официально провозглашено первой Петроградской конференцией фабзавкомов. Некоторые трудящиеся при поддержке анархистов и анархо-синдикалистов стремились развивать рабочий контроль дальше – в сторону полного самоуправления. Многие активисты движения еще надеялись на расширение государственного регулирования или – вслед за большевиками – откладывали вопрос о рабочем управлении до взятия власти Советами. Однако в условиях экономического кризиса, контрастности предпринимателей и широкого закрытия предприятий с лета 1917 г. настроения рабочих становились все более радикальными. Рядовые делегаты фабзавкомов принимали большевистские резолюции политического характера (о рабочем контроле, национализации и власти Советов), но понимали их нередко в синдикалистском духе всеобщего производственного самоуправления.

Еще одной важной народной инициативой предоктябрьского периода стало движение за социализацию жилья и создание территориального самоуправления. В городе-крепости Кронштадт, который уже в мае фактически вышел из повиновения Временному правительству, была начата практическая реализация подобных мер. Анархист В. Волин, неоднократно бывавший в тот период в Кронштадте, вспоминал: «Всем, что касалось городских служб, ведали сами жители через свои домовые комитеты и "милицию"... Жители каждого дома проводили в начале несколько общих собраний. На собраниях избирался "комитет квартиросъемщиков"... (жильцы хорошо знали друг друга). Комитет следил за порядком в доме и безопасностью его жителей, назначал дежурных и т.д. "Домовые комитеты" делегировали по одному своему члену в "уличный комитет", занимавшийся делами отдельной улицы. Затем шли "квартальные", "окружные" и, наконец, "городской комитет", занимавшийся общегородскими делами». На началах самоуправления начало налаживаться хозяйство города. «На пустом пространстве между городом и берегами городские жители разбили коллективные огороды, нечто вроде маленьких садоводческих коммун. Группы горожан человек по 50, живущих в одном квартале или работающих на одном предприятии, договаривались сообща обрабатывать землю. Каждая "коммуна" получала от города по жребью участок земли... Все общие вопросы, интересовавшие

Похороны жертв Февральской революции

Всенародный праздник 1-го Мая
18-го Апрелья 1917 г. въ Петроградъ.

Исаакиевская площадь

Всенародный праздник 1-го Мая
18-го Апрелья 1917 г. въ Петроградъ.

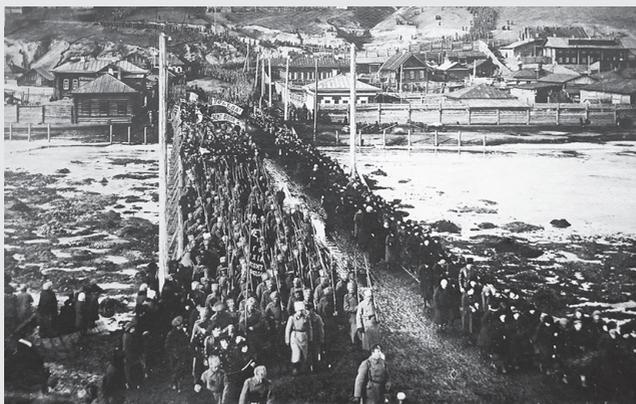
Невский пр.

Всенародный праздник
1-го Мая, 18 апреля 1917 г.
в Петрограде

Москва. Октябрь 1917 года. Демонстрация на Тверской

*Красноярск
в феврале-
марте 1917 года.
Восставшие
солдаты идут
с лозунгами:
«Победа», «Земля
и воля».*

членов коммуны, обсуждались на встречах делегатов или общих собраниях. Посевным фондом занимался Продовольственный комитет. Сельскохозяйственные орудия предоставлялись городскими складами и самими коммунарами»¹⁰. Преобразования в Кронштадте стали примером для остальной России.

В то время, как «низы» налаживали жизнь в соответствии со своими устремлениями, правящие круги не желали никаких радикальных социально-экономических изменений или боялись решиться на их проведение. Все это предопределило острое противоборство между ними: первые старались развивать революцию дальше, вторые – затормозить ее ход. Противостояние усугублялось тем, что ни Временное правительство, ни его умеренно-социалистические союзники не хотели прекратить Первую мировую войну, от которой измученная Россия уже устала.

События октября 1917 г., когда петроградский Совет сверг буржуазное Временное правительство, стали результатом развития массовых движений после февраля, а отнюдь не большевистского заговора. Партия Ленина попросту воспользовалась революционными настроениями рабочих и крестьян. Протоколы пленума ЦК РСДРП (б) 16 октября 1917 г. свидетельствуют о том, что готовность большевиков согласиться на выступление подстегивалась информацией с мест, согласно которой в противном случае рабочие массы, леворадикальные члены Советов и анархисты независимо от их партии восстали бы против правительства. Тогда большевики утратили бы всякий контроль над ситуацией¹¹. Сама аргументация показывает, что приверженцы Ленина и Троцкого просто узурпировали инициативу массового движения, чтобы затем поставить его перед фактом захвата ими власти.

Однако октябрьские события в Петрограде стали сигналом для углубления социальной составляющей революции. Местные Советы не просто лишали власти соответствующие органы управления. Рабочие в массовом порядке захватывали свои предприятия, вводили рабочий контроль и требовали социализации промышленности. Зачастую они принуждали большевистские власти – вопреки осуществлявшейся сверху политике государственного капитализма –

---

¹⁰ Волин В. Указ. соч. С. 311, 312. Подробнее о преобразованиях в Кронштадте см.: Ярчук Е. Кронштадт в Русской революции. Нью-Йорк, 1923.

¹¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б): Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 117–118.

экспроприировать частные предприятия, чтобы затем поставить их, формально «национализированные», под рабочее управление. В деревне распространялась общинная революция, которая несколько месяцев спустя была признана законом о социализации земли. Частная собственность на землю была отменена, земля поставлена под контроль крестьянского самоуправления, участки земли передавались крестьянским семьям для обработки (не в собственность!) без применения наемного труда. В некоторых районах появились крестьянские коммуны. На какое-то время сложилось реальное «двоевластие» массовых социально-революционных движений внизу и большевистского правительства наверху¹². Последнее планировало лишь государственно-капиталистические, централизаторские реформы в духе радикализованного немецкого «военного социализма», но под давлением рабочих и крестьян колебалось и вынуждено было идти дальше, чем намеревалось. («Мы экспроприировали гораздо больше, чем намеревались вначале», – возмущался Ленин весной 1918 г.). Одновременно оно ждало своего часа и подготавливало контрреволюцию.

Подлинный смысл создавшегося положения метко охарактеризовал председатель Высшей военной инспекции Николай Подвойский. Он признал: «Рабочие и крестьяне, принимавшие самое непосредственное участие в Октябрьской революции, не разобравшись в ее историческом значении, думали использовать ее для удовлетворения своих непосредственных нужд. Настроенные максималистски с анархо-синдикалистским уклоном, крестьяне шли за нами в период разрушительной полосы Октябрьской революции, ни в чем не проявляя расхождений с ее вождями. В период созидательной полосы они, естественно, должны были разойтись с нашей теорией и практикой»¹³.

Решающей слабостью социально-революционных тенденций стало отсутствие координации между ними. Немецкий синдикалист А. Сухи, посетивший революционную Россию, свидетельствовал: рабочие взяли предприятия в свои руки, но не знали, как организовать производство и распределение продуктов на новых началах, у них не успели сформироваться соответствующие инструменты (напри-

---

¹² См.: Дамье В. В. Стальной век: Социальная история советского общества. М., 2013. С. 25–31.

¹³ Цит. по: Наше Отечество. Опыт политической истории. В 2-х тт. Т. 1. М., 1991. С. 52–53.

мер, городские коммуны или синдикалистские профобъединения)¹⁴. Крестьяне в большей мере были замкнуты на самих себя. Попытки наладить прямой продуктообмен снизу между городом и деревней при всем желании не вышли из стадии первых экспериментов (к тому же они строжайшим образом пресекались властями). Подлинного соединения рабочей и сельской общинной революций не произошло.

Эта слабость «низовых» движений воодушевила большевиков на контрнаступление. Сразу после Октября их партия стала пытаться удержать ситуацию под своим контролем. Так, декрет о рабочем контроле должен был подчинить рабочее самоуправление политической власти. В январе 1918 г. было принято решение о слиянии фабзавкомов (носителей тенденции рабочего самоуправления в промышленности) с профсоюзами, в которых большевики располагали комфортным большинством. Но партия не могла еще надежно контролировать своих рядовых членов «внизу». Тем более, ей приходилось считаться с существованием вооруженных левореволюционных отрядов (анархистских, максималистских и др.) и структур (захваченных домов и предприятий, Советов, независимых от большевиков и т.д.). Зимой 1918 г. в некоторых городах произошли первые рабочие бунты против большевистской диктатуры.

Переход большевистского правительства в решительное наступление на трудящиеся массы и окончание реального «двоевластия» ознаменовались поворотом, который произошёл весной 1918 г. Первым элементом его стал Брестский мир с Германией, который, по меньшей мере, откладывал мировую социальную революцию и укреплял большевистскую однопартийную диктатуру. Вторым – подтверждение Лениным государственно-капиталистической программы в экономике с деспотической централизацией хозяйства и навязыванием дисциплины рабочим. Левоопозиционные Советы, отряды Красной и Черной гвардии, коммуны и иные структуры были распущены и разгромлены.

Однако власть большевиков оспаривалась и старыми элитами («белыми»), и умеренными социалистами. Их конфликт перешел

---

¹⁴ См.: *Souchy A. Wie lebt der Arbeiter und Bauer in Rußland und in der Ukraine?* Berlin, 1920. S. 43–44. В этом состояло заметное отличие Российской революции от социальной революции в Испании 1936 г., которой предшествовала многодесятилетняя созидательная работа анархо-синдикалистов. См. подробнее: *Дамье В. В. Анархо-синдикализм и революционное движение в Испании (1919–1939)*. М., 2017.

в кровавую и милитаризованную гражданскую войну. Но это была борьба не двух, а трех сил, в которой участвовали большевики, «белые» и трудящиеся массы, причем как первые, так и вторые проводили весьма схожую террористическую политику против третьих. Большевистская диктатура использовала эту ситуацию для окончательной консолидации «комиссародержавия». Она лишила Советы какой-либо самостоятельности, уничтожила кооперативы, подрывала анархо-синдикалистские профсоюзы, огосударствила промышленность и обрушила на крестьян груз принудительных реквизиций («разверстки»), которые поставили жителей деревни на грань голодной смерти. Огосударствленные предприятия и объединения (тресты), а на Украине и крупные земельные хозяйства были централизованы и поставлены под управление бюрократии, в состав которой нередко были привлечены и бывшие хозяева. Забастовки запрещены; при неповиновении рабочих практиковались локауты. Коллективное управление было заменено единоначалием. Организована и поставлена под командование старых офицеров и генералов регулярная и милитаризованная Красная армия, в которой была внедрена практика принудительной мобилизации, чинопочитания, иерархической дисциплины и смертной казни. Всех «саботажников производства» и «лентяев» отдавали под суд военного трибунала. Полуофициальное название этой политики – «военный коммунизм» – звучало как самое настоящее издевательство: распределение продуктов осуществлялось строго иерархически и с полным отрицанием принципа равенства, а тайные службы и чиновники спекулировали конфискованными благами. Любые протесты и акты сопротивления (такие как стачки рабочих или крестьянские восстания под лозунгами за «истинную» Советскую власть) жестоко подавлялись, тысячи людей труда были казнены.

Война между большевиками и «белыми» поставила сторонников социальной революции в еще более сложное положение. Перед лицом открытого восстановления старого порядка «белыми» многие активисты приняли предложенную большевиками альтернативу: или поддержать правление комиссаров, или стать свидетелями возвращения «белых». Сработала логика «меньшего зла»; она побудила некоторых анархистов, максималистов и левых эсеров пойти в Красную армию или воздержаться от нарушения «социального мира» в «красной» зоне. Все это, конечно же, ослабляло возможность независимых действий трудящихся. Крестьянские восстания против «белых», часто

находившиеся под анархистским (движение Н. Махно в Украине), максималистским или левозсеровским влиянием (Сибирь), некоторое время сражались вместе с «красными» и сыграли решающую роль в разгроме «белых». В некоторых случаях восставшим удавалось развивать социальную революцию на своей территории, организовать свободные рабоче-крестьянские Советы и т. д. Это привело к ряду новых местных подъемов социальной революции.

В конце 1920 г. гражданская война между «белыми» контрреволюционерами, с одной стороны, и большевиками (буржуазными революционерами и, в то же самое время, социальными контрреволюционерами), с другой, в основном завершилась. Большевикам удалось вновь собрать старую Империю. Но рабочие и крестьянские массы уже не были готовы терпеть олигархическую диктатуру под «революционной» маской, пусть даже в качестве «меньшего зла». В 1920–1921 гг. развернулись движения за «третью революцию»: за свободные Советы, независимые от большевистской партии и ее диктатуры, против реквизиций и неравного распределения, против привилегий новых правителей. В этом движении участвовали сотни тысяч человек. Махновское сопротивление, Кронштадт и крестьянское восстание в Западной Сибири стали символами российского «Жерминаля», последними всплесками социальной революции в России. Но ситуация уже стала неблагоприятной для революционных сил по всему миру. Всемирная социальная революция захлебнулась почти повсюду. Российский рабочий класс был ослаблен длительной войной и репрессиями со всех сторон. Крестьянские же массы зачастую представляли себе социальную альтернативу весьма путано и смутно. Большевистская диктатура, вступившая теперь уже как «сила порядка» в открытую войну с трудящимися массами и осуществившая тем самым своего рода «само-термидор», прибегла к древней стратегии «Разделяй и властвуй». Открытые и наиболее активные восстания были подавлены военной силой, а их участники подверглись драконовским наказаниям. С другой стороны, была отменена система реквизиций против крестьян, замененная натуральным налогом. Эта «новая экономическая политика» несла, однако, не вольные Советы и не большее равенство, но компромиссы с частными капиталистами и ускоренное расслоение крестьянства. Государственный капитализм восторжествовал, а социальная революция потерпела окончательное поражение. Русская революция закончилась. В последующие годы за ленинскими яковинцами и само-термидорианцами последовали

ТАМБОВСКОЕ ВОССТАНИЕ

19.08.1920

11.06.1921

Александр Степанович Антонов, возглавлял «Главный оперативный штаб» восстания, координировавший действия около двадцати повстанческих полков. «Партизанская армия Тамбовского края» Антонова достигла в январе 1921 года численности в 40 тыс. человек.

Ижевско-Воткинское антибольшевистское восстание в момент наивысшего подъёма охватывало территорию с населением более 1 миллиона человек, а численность повстанческой армии достигала 25 тысяч. Началось восстание под девизом «За Советы без большевиков!».

боровшиеся друг с другом термидорианские элиты, а затем – сталинский бонапартизм государственно-буржуазной номенклатуры.

Корнилова А. М.: Раскройте, пожалуйста, роль анархистов в революции.
Дамье В. В.: Это отдельная большая тема. Мне даже как-то пару месяцев назад пришлось делать специальную лекцию, посвященную именно роли анархистов в Российской революции, поэтому ответить на это в двух словах довольно сложно. Момент первый. Влияние анархистов было с одной стороны довольно значительным, если посмотреть в численном отношении. Количество делегатов, количество рабочих, которых они представляли, скажем, на съездах профсоюзов. Вроде бы, получится цифра достаточно немаленькая. Если мы посмотрим на тиражи анархистских газет, то увидим, что они в это время выходили по 25, по 35 тысяч экземпляров. И это были газеты, которые могли выходить ежедневно. Десятки... сотни групп, которые объединялись в десятки федераций. Если мы посмотрим на это, то цифра будет довольно значительная. В то же время второй момент, который бросается в глаза, это распыленность, то есть очень неровная ситуация по регионам. В каких-то регионах у анархистов было больше влияния, в каких-то оно было почти нулевым. И третий момент слабости анархистов связан с тем, что анархистам так до конца практически и не удалось создать единую организацию с единой тактикой, единым представлением о том, что надо делать. Федерации были, были попытки создания общероссийской федерации, несколько штук таких попыток. Но в общем так или иначе до 1921 года ничего подобного сделать не удалось. Более того, некоторые группы анархистов друг с другом полемизировали еще сильнее, чем они полемизировали с большевиками. Ну и наконец, наверное, главная проблема состоит именно в том, о чем я уже говорил в докладе, то есть анархисты в России в силу в общем-то недолговечности существования... Ну опять-таки как, понимаете, недолговечность, опять интересно, и да, и нет. С одной стороны, если мы посмотрим, когда в России появились первые организации или группы, которые мы можем так или иначе отнести к анархистским или первые люди, которые выражали, высказывали взгляды, которые мы можем отнести к анархистским, то получится, что у нас в России анархистская традиция едва ли не одна из самых старых в Европе, по крайней мере. Может быть, самая старая. Но проблема заключается в том, что традиция эта прерывалась. Была вот традиция в XIX веке, потом она была задавлена в 1880-х годах. Последние, к то

оставались, это «Черный передел». Они перешли к марксистам, как вы знаете. После чего уже практически в эмиграции пришлось все начинать заново. Какие-то первые группы появились уже в самом начале XX века. То есть времени на то, чтобы создавать то, что в Испании мы можем назвать анархистским контробществом, не субкультурой, а самым настоящим параллельно существующим обществом, в котором люди, миллионы людей живут от рождения до могилы. Когда рождается ребенок, ему дается анархистское имя. Ребенок подрастает, он идет в либертарную школу, открытую анархистским движением. Взрослеет, идет на работу, вступает в анархо-синдикалистский профсоюз. Вместе со своими соседями, объединенными в анархо-синдикалистскую организацию борется за свои права по месту жительства против произвола домовладельцев, против попыток выселения из домов. Свободное время проводит в культурных учреждениях, театрах, различных кружках, которые созданы анархистским движением для проведения свободного времени. Участвует в анархистских демонстрациях и акциях, в акциях солидарности. Если его убивали в ходе борьбы, то он еще и попадал в пантеон мучеников. Фактически это было самая настоящая отдельная параллельная культура, отдельное параллельное общество, которое было готово заменить существующее государство. В России, к сожалению, такого не было, все возникало по ходу дела. Немножко об этом пишет Волин в «Неизвестной революции».

То есть вот это предопределило определенную хаотичность, диффузность, то есть размытость российского анархического движения и, в общем, его неспособность встретить большевистский вызов, ответить на него.

Леонтьев Я. В.: У меня будет такой немного развернутый вопрос. Начну с того, что попрошу тебя прокомментировать слова Бирюкова. Почему, на твой взгляд Кропоткин не упоминал Махно и вообще как будто бы прошел мимо Махно. И, переходя от этого частного вопроса к общему, я хотел попросить, чтобы ты вообще попытался охарактеризовать с этой точки зрения махновское движение. Ведь не секрет, что ряд анархистов и достаточно авторитетных анархистов, Аполлон Карелин тот же, не признавал Махно анархистом. Более того, взаимоотношения Махно с анархистами, с набатовцами, были действительно сложные: то он их выгонял из армии, то снова приглашал. И как в этом случае следует охарактеризовать схожие народные движения с анархистскими элементами?

Дамье В. В.: Что касается того, как вообще Кропоткин мог отреагировать на Махно. Вопрос на самом деле достаточно сложный, то есть тут надо прояснять, смотреть, может быть, еще найдутся какие-то документы, которые дадут ответ более четкий, более конкретный. Но в общем и целом, насколько я себе представляю, дело было связано вот с чем. Кропоткин после возвращения в Россию в 1917-м году имел достаточно сложные отношения с анархистским движением и даже, пожалуй, первое время весьма недружественные. Мне довелось видеть публикации, которые были в 1917-м году в анархистской прессе в связи, например, с выступлением Кропоткина на Государственном совещании. Газета харьковских анархистов... Я напомним, Харьков тогда – это один из центров анархистского движения в России в тот момент. Так вот, харьковская анархистская газета даже опубликовала политический некролог Кропоткина, где было сказано – все, человек для нас умер, его больше нет. На самом деле с Кропоткиным было достаточно много расхождений в мейнстриме тогдашних анархистских групп. Это отношение к войне, конечно, прежде всего, это его позиция, которую он занял после возвращения в Россию в 1917-м году. Там много чего накапливалось, и в итоге это было, возможно, одной из причин того, почему Кропоткин практически все время между 1917-м и 1921-м годом находился в стороне от основных анархистских групп тогдашней России. Это не значит, что у него не было с ними контактов. Контакты были. Были и контакты с отдельными людьми, и контакты с целыми группами. К нему периодически приезжали. К нему приезжал Атабекян, к нему приезжал Шапиро, их родственники.

Кропоткин демонстративно не высказывался по поводу какой-либо конкретной анархистской группы и старался занимать позицию отстраненную. Он написал примерно так. Революция... я цитирую не дословно, а по смыслу... Революция вспыхнула совершенно неожиданно, как стихийное явление, как ураган, как буря, и мы оказались к ней совершенно неподготовленными, а мы должны были ее готовить, и следующую революцию нам надо будет готовить. То есть вот это представление о том, что революция, вопреки тому, что думали многие анархисты, это не просто какой-то стихийный взрыв, не просто стихийный бунт, а это именно поступательное социально-конструктивное, социально-организованное движение.

В своем письме в ноябре 1920 года он говорит простую вещь том, что мы оказались к революции не готовы. В России не готова настоящая анархистская социальная революция, и, возможно, именно это

объясняло его такое осторожное отношение к реальным существующим анархистским группам, инициативам, решениям, каким-то формам организации.

И отсюда его позиция в 1917-м году. То есть это не реформизм, как у нас говорят некоторые исследователи, а это ощущение, что революция не созрела. Не созрела не в марксистском смысле производительной силы, а именно с точки зрения неготовности самих масс к конструктивному сознательному осознанному творчеству. Теперь что касается вот этих самых движений, о которых ты спрашиваешь. Видишь ли, ни махновское движение, ни вот эти зеленые движения не могут быть охарактеризованы как движения чисто анархистские, несмотря на присутствие лозунгов и несмотря даже на то, что они возглавлялись анархистами.

Анархистское движение и движение, в котором участвуют анархисты, пусть даже на самых первых ролях, это немного разные вещи. Например во, всех документах махновской армии, заявлениях, прокламациях, там же сказано очень четко: «мы никакой строй не устанавливаем, мы никакую систему не устанавливаем, мы всего-навсего вооруженная рука, вооруженная сила, наше дело – свергнуть государственную власть, а там – к чему вы готовы, к тому вы готовы, на что вы способны – на то вы и способны, покажите на что». Такова была основная линия махновщины как махновской армии. Конечно, был культпросвет, конечно, культпросвет пытался уже более осознанно это дело направлять в сторону анархизма. Однако, это не говорит о том, что массы были сознательными анархистами, и вот в этом – опять-таки еще одна из проблем российской революции. Я просто приведу одну цитату, я очень ее люблю, потому что в принципе мы считаем, что в этой фразе по сути дела сказано все. Фраза эта была сказана не кем иным, как товарищем Подвойским, одним из лидеров большевиков в 19-м году. «Рабочие и крестьяне, принимавшие самое непосредственное участие в Октябрьской революции, не разобравшись в ее историческом значении, думали использовать ее для удовлетворения своих непосредственных нужд. Настроенные максималистски с анархо-синдикалистским уклоном, крестьяне шли за нами в период разрушительной полосы Октябрьской революции, ни в чем не проявляя расхождений с ее вождями. В период созидательной полосы они, естественно, должны были разойтись с нашей теорией и практикой». Вот вам, собственно, ответ на этот вопрос. То есть да, некие стихийные самоуправленческие тенденции, попытки реализовать эти

стихийные самоуправленческие тенденции в своей практической деятельности через создание собственных органов, собственных структур, собственных институтов и просто попытки налаживания, где это возможно, каких-то элементов новой жизни. С одной стороны – жесткое давление со стороны имеющихся государственных властей, которые очень быстро это погасили, с другой стороны – отсутствие достаточного времени для того, чтобы этот практический низовой опыт систематизировать, обобщить и превратить в какую-то осознанную, целенаправленную, конструктивную, постройтельную, как сказал бы Кропоткин, программу.

Джокович М.

Русские анархисты –

инициаторы Октябрьской революции

Дорогие друзья, уважаемые приятели, для меня огромная честь находиться сегодня вместе с вами на родине Михаила Бакунина, великого анархиста и философа, который пожертвовал своей жизнью, чтобы изменить планету и сделать ее лучше и свободней.

Во время первой (1905 г.) и второй (февраль 1917 г.) революций, называемых буржуазно-демократическими, несмотря на то, что главными действующими лицами были рабочие и крестьяне, и были созданы оптимальные общественно-экономические условия для проведения социальной революции, невозможно было предугадать исход: будет ли он буржуазным, социалистическим или анархическим. В отличие от анархистов, разделенных на несколько течений: индивидуальный, коллективный и коммунистический анархизм, обладающих теоретическими знаниями о том, каким должно быть анархическое общество, однако не знающих, как и какими средствами добиться этого, большевики находились в ином положении. Партия большевиков умело воспользовалась анархистскими настроениями в русском обществе для проведения своей социалистической революции. Перед Лениным не стояла дилемма, как и какими средствами проводить революцию и как решить вопрос партийных фракций во главе с Каменевым и Зиновьевым, – для этого формировалась сильная, организованная на военных принципах, партия большевиков. Иными словами, благодаря анархистским настроениям в русском обществе, без предвидения марксистов произошла Октябрьская социалистическая революция. В конкретных общественно-истори-

ческих условиях, Ленин вел себя крайне волонтаристски и прагматично: необходимо было использовать «ошибку истории» в нужное время и соответствующим способом.

Между прочим, в своем «великом покаянии» перед анархизмом, в труде «Государство и революция», Ленин, накануне Октябрьской революции в августе 1917 года, отдал последнее большое признание анархистским идеям и учению анархистов о государстве, когда сознательно указал на недосказанности в марксистском учении о государстве и тезисе об «отмирании государства». Как вождь, который практику и революционные действия ставил выше марксизма, Ленин в 1917 году не отказался принять анархистов в качестве деятелей-фанатиков для осуществления социалистической революции, поставив их в первые ряды, ради достижения свободы. Как только Октябрьская революция закончилась, Ленин, воспользовавшись их лозунгами, невиданной пропагандой и мужеством в ходе революции, отказался от анархистов.

После победы социализма в России и провозглашения диктатуры пролетариата, Ленину было легко своими идеями и практикой, как критериями правды, видоизменять марксизм, включая в него лени-

Милорад Джокович

...большевики умело использовали анархические идеи, а точнее, манипулировали ими, особенно учением о спонтанности проведения революции...

Анархизм, не имея возможности расширить влияние своих идей после Октябрьской революции, в очередной раз столкнулся с государством, своим величайшим противником.

низм, и объяснять третью русскую революцию специфическим развитием русского общества.

Между второй и третьей русскими революциями, то есть с февраля по октябрь 1917 года, Ленин, находясь за границей и после возвращения в Петроград, размышлял и действовал как военный командующий, под его контролем находились военные комитеты, вооружение, разработка тактики покорения Петрограда и других больших городов. Ленин знал, что основой успеха социалистической революции является захват власти большевиками в крупных городах, учитывая то, что в русском государстве вся территория никогда не находилась под военным и административным контролем. Так, 25 августа 1917 года, генерал Корнилов пытался со своей армией подавить восстание народа в Петрограде, но безуспешно. Эта попытка лишь способствовала тому, чтобы колеблющиеся рабочие и крестьяне присоединились к большевикам в надежде, что они найдут выход из глубокого экономического, политического и военного кризиса, в котором оказалась Россия.

Во время сильнейшего политического и экономического кризиса и голода, которые охватили многие регионы России, Ленин говорил и писал, что главные задачи – это национализация земли и банков, введение рабочего контроля в производстве и распределении продуктов. Все это должно было способствовать обновлению сельского хозяйства и окончанию войны. Когда большевики прилагали все усилия к свержению русской монархии, буржуазия утверждала, что если большевики и захватят власть, они не смогут управлять государством более двух недель, так как не знают механизмов власти и не умеют принимать решения. Лозунг «Вся власть советам», который большевики взяли у анархистов, в 250 городах посчитали отличительным знаком революционной власти. Масштабно готовясь к восстанию, вождь большевистской партии подготовил план по захвату государственных учреждений, телефонных станций, коммуникаций, главных мостов и редакций газет. Был сформирован Штаб повстанческих отрядов, главной целью которого являлось построение большевиками мощной Красной армии, ударного кулака в проведении революции. Непосредственно перед вооруженным восстанием рабочих и крестьян, которое назвали Октябрьской социалистической революцией, была начата активная и всесторонняя пропаганда большевиков, направленная против буржуазных учреждений власти. Пропаганда велась через печатные издания (газета «Рабочий путь» и др.), а также путем распространения слухов: этот метод в удаленных регионах России был намного эф-

фактивнее газет. На заседании Центрального комитета партии было решено, что нельзя медлить ни секунды и уже созданы все условия для захвата власти и проведения восстания во главе с Политбюро. Некоторые члены партии (Каменев, Зиновьев, Троцкий) предлагали отложить восстание до более подходящего момента, но Ленин был категоричен в решении о начале восстания, так как его отсрочка означала бы поражение начавшейся революции. Руководящим органом восстания был избран Военно-революционный центр, в составе которого находились: Бубнов А. С., Дзержинский Ф. Э., Свердлов Я. М., Сталин И. В., Урицкий М. С. В Петрограде организовали курсы по подготовке военных инструкторов. Большевики Балтийского флота готовили к восстанию моряков. По предложению Ленина, 24 октября, когда подготовка была окончена, началось восстание, за день до начала съезда партии. Рано утром Временное правительство попыталось закрыть центральный орган партии «Рабочий путь», но этому помешали красноармейцы и рабочие, которые охраняли штаб газеты и институт «Смольный», где находилась ставка повстанцев. Благодаря хорошо организованной революционной партии, восстание развивалось по всем канонам военного мастерства. Господствовала строгая военная дисциплина, действия армейских подразделений были хорошо скоординированы. Утром 25 октября (7 ноября) рабочие, военные и моряки, поднявшие восстание, захватили телефонную станцию, телеграф, радиостанцию, мосты на Неве, железнодорожные вокзалы и важнейшие учреждения в городе. В 10 часов утра Военно-революционный комитет при Петроградском совете солдатских и рабочих депутатов издал воззвание к «Гражданам России», написанное Лениным. В нем сообщалось о том, что Временное правительство свергнуто и власть перешла в руки Советов. В 11 часов утра было открыто историческое заседание Петроградского совета, на котором выступил Ленин, выразив уверенность, что третья русская революция приведет к победе социализма. В ночь с 25 на 26 октября Ленин издал указ о немедленном взятии Зимнего дворца, где находились министры Временного правительства. Сигналом к штурму Зимнего дворца послужил исторический выстрел с крейсера «Аврора». Последняя крепость буржуазии пала.

На Втором съезде советов, 25 октября (7 ноября), в Смольном, важнейшим вопросом было принятие Декрета о мире и Декрета о земле, по которому крестьяне получали 150 миллионов гектаров земли. Так же были приняты акты о рабочем контроле на производстве и о разделе земли, о демобилизации старой армии, об отмене

деления на классы и об отмене привилегий для богатых граждан. Всего за несколько дней в октябре 1917 года было свергнуто буржуазное и провозглашено социалистическое государство, которое оказалось перед новыми и неизвестными искушениями. Освободившись от страха гонений, анархисты поверили, что после свержения монархии анархизм получил шанс, многочисленные нелегальные подпольные группы начали действовать открыто. В 1918 году анархистские течения действовали в 130 городах и селах. Только Петроградская федерация анархо-коммунистов насчитывала около 18000 членов. Анархисты издавали 55 газет и журналов с большими тиражами. Московская «Анархия» печаталась тиражом 20000 экземпляров, анархо-синдикалисты выпускали «Свободный голос труда» тиражом 15000 экземпляров, а газета анархо-коммунистов «Свободная коммуна» выходила тиражом 10000 экземпляров.

Рассматривая положение и роль анархистов во время Октябрьской революции, нужно отметить, что большевики умело использовали анархистскую среду в экономически отсталой России, чтобы со своей хорошо организованной и легко управляемой партией захватить власть и установить «диктатуру пролетариата». Немногие исследователи серьезно занимались изучением отношений марксизма и анархизма в трех русских революциях. Адам Улам – единственный критик, который увидел связь между анархизмом и марксизмом в России и их глубокое переплетение. Рассматривая первую русскую революцию 1905 года, он писал: «революционные настроения в России будут идти не по пути социалистических идей, а, скорее, будут представлять анархическую революцию»¹, что подтверждали и русские анархисты. Ленин, в отличие от анархистов, думал, что революционной стихийностью масс надо руководить, только так можно начать и закончить революцию. Не без основания Улам утверждает, что в 1917 году Ленин «по стечению обстоятельств... становится покровителем анархизма»², несмотря на то, что сам этого никогда не признавал. Теряя веру в каноны марксизма, «Ленин понимает, что марксизм предусматривает демократию и социализм, который происходит из прогрессивного капитализма, а дух революционного марксизма основывается на эксплуатации анархизма, как составной части отсталости»³.

---

¹ A. Ulam. Nedovršena revolucija, Prosveta, Beograd, 1990. S. 164.

² Ibidem. S. 166.

³ Ibidem.

Вот как Улам описывает революцию 1917 года в России, в которой рабочие, уставшие от войны, направили оружие на своих капиталистических хозяев: «...Уничтожена вся структура власти, все основные и все новые общественные и политические институты индустриализации. Власть в лице Временного правительства скрывала действительное состояние анархии, политической и общественной. Джон Меярд пишет: Чтобы объяснить, что случилось в крестьянской России, разрешите на первый план выдвинуть абсолютное исчезновение всякой власти... Толстой советовал своим соотечественникам представить, что у них нет государства. Народ послушал его совет, и государство исчезло. Советы проводили этот анархистский процесс в городах, а затем в армии и даже на фронте. Россия оказалась в состоянии анархии; за вуалью парламентарных и современных политических институций скрывался хаос. Партия социалистов-революционеров, которая была ближе всего к партии анархистов, стала самым популярным движением в стране. Даже после ноябрьского переворота большевиков на выборах во Всероссийское учредительное собрание на январь 1918 года эсеры показали, что большинство избирателей поддерживает именно их сочетание аграрного социализма и анархизма. Кроме того, анархизм в революционных настроениях может быть организующим принципом революции. Эсеры, с их постоянными разногласиями, мнением о необходимости разработки конституции и стремлением к продолжению непопулярной войны при пораженческих настроениях, показали историческую неготовность предоставить необходимую политическую и экономическую формулу»⁴. Улам после глубокого политического анализа заявляет, что, используя лозунги «Вся власть Советам», «Земля крестьянам», «Конец войне», Ленин «уподобляет революционный марксизм анархизму»⁵. Другими словами, большевики умело использовали анархические идеи, а точнее, манипулировали ими, особенно учением о спонтанности проведения революции: «До конца войны большевики не только использовали анархические лозунги и практику, но и во всех отношениях, кроме внутренней организации партии, сами были анархистами. Большевики стремились завоевать власть путем углубления анархического характера революции, саботировали любые попытки возвести временное убежище для конституциона-

---

⁴ Ibidem. S. 167–168.

⁵ Ibidem. S. 168.

лизма»⁶. Передача власти Советам вела к разрушению государства, а «идеология убеждала большевиков, что поддерживая анархизм, на самом деле они борются за социализм»⁷. Становится ясно, почему для большевиков цель оправдывала средства: «Благодаря марксизму, члены ленинской партии могли быть анархистами, и весьма убедительно в ходе революции ими и стали, так же как сразу после революции и гражданской войны смогли отвернуться от анархии и начать ее уничтожение, чтобы в новейшую историю войти как самое централизованное деспотическое государство»⁸. После завоевания власти в стране Ленин из свободного мыслителя стал «диктатором всей России»⁹, уча большевиков «использовать власть»¹⁰, отказался от анархизма и эгалитаризма, которые ему были необходимы для завоевания власти и «введения диктатуры» пролетариата. Из-за объективной противоречивости марксистско-ленинской идеологии и манипулятивной политики большевистской партии, социалистическое государство, созданное после Октябрьской революции, не выполнило своих обещаний, напротив, появилось новое сильное деспотическое индустриализованное государство, методы которого были намного суровее капиталистических методов; развитие этого государства шло вплоть до появления тоталитарного государства. Вместо того чтобы бороться за свободу каждого человека, уменьшить репрессивную роль государства и построить демократические органы власти, используя Советы, первой задачей большевистской партии, которая впоследствии изменила свое название на коммунистическую, было «уничтожение революционной демократии и анархизма в своих собственных рядах»¹¹.

Анархисты встретили Октябрьскую революцию в России с большой надеждой и энтузиазмом, хотя и были разделены. Многие анархисты, годами находившиеся вдали от отечества, возвращались в Россию не только из Европы, но и из Америки, считая, что настало время для претворения анархистских идей в жизнь. Тогда возникли разногласия между российскими анархо-коммунистами и анархо-син-

---

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem. S. 169.

⁸ Ibidem.

⁹ *Zenjkovski V. V. Istorija ruske filozofije*, SL – CID, Podgorica – Beograd, 2002 S. 587.

¹⁰ *Ulam A. Nedovršena revolucija*, Prosveta, Beograd, 1990. S. 171.

¹¹ Ibidem. S. 172.

*Раздача газет с призывом
к революции.
Москва, февраль 1917 года*

*Политическая
манifestация
в Петрограде.
Июнь 1917 г.*

*Политическая манифестация 18-го Июня 1917 г.
въ Петроградѣ.*

*Кронштадтские моряки-анархисты.
1921 год*

Манифестация детей школьного возраста с требованием бесплатного образования. Фотограф Яков Штейнберг

Деятельность анархистских групп была одним из ярких явлений русской революции.

Выступление солдат Преображенского полка

Анархисты издавали 55 газет и журналов с большими тиражами. Московская «Анархия» печаталась тиражом 20 000 экземпляров, анархо-синдикалисты выпускали «Свободный голос труда» тиражом 15 000 экземпляров, а газета анархо-коммунистов «Свободная коммуна» выходила тиражом 10 000 экземпляров.

дикалистами об анархических формах общественных объединений, которые бы могли стать антиподом государству. На стороне анархо-коммунистических идей об организации федерации синдикатов в качестве переходной формы к общей самоорганизации трудящихся были Кропоткин, А. Карелин, А. Ге, Новомирский. В другую идейную группу входили В. Волин, Е. Ярчук, Г. Максимов. Эти группы сходились во мнении о необходимости передачи власти Временного правительства Советам. На первый взгляд казалось, что большевистская партия могла бы выступить посредником между разными группами в анархистском движении, что создало бы предпосылки для слаженных действий анархистов, независимо от того, являются ли они сторонниками индивидуального, коллективного или коммунистического анархизма. В то же время, Ленин в газете «Правда» с февраля по октябрь 1917 года опубликовал более десяти статей с критикой в адрес анархистов, в частности, их представлений о социальной революции.

В большинстве работ советских авторов, написанных после смерти Ленина, утверждается, что анархисты не играли важной роли в Октябрьской революции, либо этот период не рассматривается, а информация сознательно умалчивается¹².

Некоторые исследователи лишь в 1970-х годах, благодаря «новым веяниям» в советской науке, обратили внимание, хотя и не достаточно обоснованно с научной точки зрения, на то, что в 1917 году существовали анархистские группы, и что их работа не была незначительной. Один из самых известных современных историков русского анархизма Канев пишет, что анархистские группы существовали в 21 городе России и «неверно, основываясь на успешной большевистской пропаганде против анархистов, делать выводы о том, что у них не было поддержки со стороны рабочих, солдат и матросов»¹³. Если эта информация верна, то в течение десяти лет количество анархистских групп уменьшилось до двух с половиной раз, однако нет достоверных данных о том, сколько было активных сторонников и пропагандистов анархизма. Говоря об анархистах, у которых не было своей собственной теории социальной революции, Канев подчеркивает, что Ленин посвятил критике идеологии и тактики анархизма 240 работ, произведений,

---

¹² Ярославский Е. М. Анархизм в России. Москва, ОГИЗ, 1939; Яковлев Я. Русский анархизм в Великой русской революции. Москва, Госиздат, 1921.

¹³ Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. (Борьба партии большевиков против анархизма 1917–1922). М., 1974. С. 58.

писем, заметок, что является показателем того, что эта идея не была маргинальной для большевиков во время третьей русской революции.

Первые группы анархистов после Февральской революции 1917 года появились в Петрограде, Кронштадте и Шлиссельбурге. Среди различных анархистских течений больше всего было анархистов-синдикалистов. В июле анархисты основали петроградский Союз анархо-синдикалистской пропаганды, который вскоре начал издавать газету «Голос труда». Анархисты призывали рабочих поддерживать комитеты на заводах, которые, по их мнению, являлись «лучшей формой организации рабочих... и социальной ячейкой будущего социалистического общества»¹⁴. Анархистские газеты, журналы и другие издания являются наиболее ценными документами об анархистской деятельности, именно они сообщают нам об их методах, кризисах и влиянии на события, связанные с социальной революцией. После Февральской революции в Петрограде был выпущен новый журнал анархистов «Коммуна», который пропагандировал традиционный тезис о разрушении государства и победе социальной революции. В начале июня 1917 года в Петрограде анархисты организовали конференцию делегатов фабрик и военных гарнизонов с участием представителей 95 фабрик из соседних городов и поселков. Временный революционный комитет принял решение о проведении массовой забастовки и демонстраций, однако партия большевиков запретила участвовать в них: большевики в течение нескольких дней проводили свои демонстрации, не желая быть в союзе с анархистами.

Известный анархист Блейхман неоднократно выступал в Петрограде на съезде Советов рабочих и солдатских депутатов против Временного правительства, требуя объединения анархистов с большевиками для свержения Временного правительства любыми средствами. В отличие от анархистов, которые хотели как можно быстрее и решительнее разрушить государство и свергнуть Временное правительство, большевики были сдержаннее и ожидали более благоприятной ситуации для таких действий.

На некоторых заводах анархистам удалось добиться повышения заработных плат для работников с низкой квалификацией, а также обеспечить выходное пособие при сокращении штата. На заводах «Новый Лесснер», «Металлист», «Эрикссон», «Треугольник» и других анархо-синдикалисты были весьма активными, что вынуждало

---

¹⁴ Голос труда. 1917. 18 августа.

большевиков предпринимать серьезные усилия в области пропаганды, чтобы воспрепятствовать росту анархистских настроений в рабочей среде. Анархисты были готовы отправить армию на улицы, чтобы свергнуть власть, однако большевистские лидеры были против таких действий, считая, что в народе не хватает революционных настроений, хотя это было неверно. В начале июня анархисты взяли дачу императорского сановника Дурново, в которой разместили Временный революционный комитет. После объявления об атаке на дачу, анархо-коммунисты получили поддержку рабочих из двадцати восьми предприятий, которые на Выборгской стороне начали забастовку. Анархисты неоднократно организовывали демонстрации и пытались организовать восстание, однако их останавливали большевики, называя это авантюрой, которая будет дорого стоить социальной революции. Кузина косвенно признает, что Октябрьская революция началась с действий анархистов: «Не анархисты вывели людей на улицы. У группы бунтовщиков не было для этого сил. Июньские выступления были стихийными. Тем не менее, факты и участники событий тех дней свидетельствуют о том, что призывы анархистов к немедленной атаке сыграли свою детонирующую роль»¹⁵. Большевики против своего желания, принужденные требованиями и действиями анархистов, принимали участие в их демонстрациях после неудачной попытки мирного смещения Временного правительства. Петроградские, московские, саратовские и екатеринославские анархисты тем летом провели областные конференции с участием представителей их групп. На конференциях было принято решение о созыве Всероссийского съезда анархистов. Горелик, эмигрировавший в Аргентину, писал: «Анархисты, как и во время прошлой революции, остались в 1917 году единственными проповедниками социальной революции. Несмотря на слабость и неорганизованность, они настойчиво следовали идеям настоящей социальной революции»¹⁶.

26 августа 1917 года Кропоткин на Государственном Советании в Москве, несмотря на неодобрение анархистских групп, которые требовали немедленного выступления против авторитарного государства и проведения социальной революции, вновь энергично и настойчиво выступил за продолжение войны с Германией: по его мнению, толь-

---

¹⁵ Кузина Л. А. Из истории борьбы большевиков против анархистов в период подготовки Октябрьской революции. Ленин, Партия, Октябрь. Л., 1967. С. 140–141.

¹⁶ Горелик А. Анархисты в Российской революции. Аргентина, 1922. С. 11.

ко победа могла сохранить завоеванные достижения революции. Он потребовал, чтобы Россию провозгласили республикой, организованной на принципах американского федерализма с широкой автономией локальных единиц. После победы Октябрьской революции Кропоткин все еще доброжелательно относился к большевикам, пытаясь найти компромисс между идеалами анархистской социальной революции и практикой большевиков. В обращении к рабочим Запада Кропоткин призвал к тому, чтобы они оказали влияние на свои правительства и не допустили военного вмешательства в Русскую революцию, потому что «любое вооруженное вмешательство иностранных сил ведет к усилению диктаторских тенденций существующего режима и ослабляет положение русского населения, которое независимо от режима готово помочь России в восстановлении жизни в новых условиях»¹⁷. Учитывая то, что война дает повод для укрепления «диктаторских методов партии»¹⁸, Кропоткин указал на «беды от государственного коммунизма»¹⁹, которые необходимо предотвратить. По его мнению, попытки централизации отдельных частей России потерпят неудачу, поэтому необходимо образовать федерацию свободных коммун и городов. Переходя от тезиса о защите достижений Октябрьской революции от вмешательства извне к острой критике «строго централизованной диктатуры одной партии»²⁰, Кропоткин дальновидно заключил: «События в России учат нас как не нужно строить коммунистические отношения, не смотря на то, что население ослаблено и обездолено старым общественным порядком, оно не восстало с нужной силой против эксперимента нового режима»²¹. Поддерживая идею Советов, свободной прессы, новых форм производства и обмена, Кропоткин осуждал «диктаторскую власть»²², «централизованный режим»²³ и «большой бюрократический аппарат»²⁴: все это, по его мнению, разрушало независимые профсоюзы и потребительские общества.

---

¹⁷ *Kropotkin P.* Anarhizam i moral (Poruka zapadnoevropskim radnicima). Prosveta, Beograd, 1984. S. 215.

¹⁸ *Ibidem.* S. 215.

¹⁹ *Ibidem.*

²⁰ *Ibidem.* S. 216.

²¹ *Ibidem.*

²² *Ibidem.* S. 217.

²³ *Ibidem.*

²⁴ *Ibidem.*

Значительное число анархистов еще в Октябрьской революции штурмовали Зимний дворец, участвовали во многих боевых операциях вместе с большевиками вплоть до окончательной победы социалистической революции. Вместе с большевиками за социалистическое государство боролись известные анархисты: Жук, Карельский, Железняков, Фурманов, Котовский и другие. Когда в 1917 году пролетариат установил свою власть в России, его революционный авангард – большевики – стали правящей партией страны. Комментируя завершение революции, Бердяев отмечал, что «коммунистическая революция могла быть осуществлена только в России»²⁵, при умелом руководстве Ленина, человека с талантами императора Петра I, «революционного марксиста»²⁶, для которого хорошо все, что идет во благо революции.

Наиболее последовательные в отстаивании своих идей анархисты, объединившиеся в Союз анархо-синдикалистской пропаганды «Голос труда», переместились из Петрограда в Москву, новую столицу большевиков. Русский анархист Волин (1882–1945 гг.) в газете «Голос труда» предсказывал события, которые произойдут в России: «Когда их сила будет наконец-то закреплена и легализована, большевики – социалисты, политики и государственники, сторонники централизации и авторитаризма, начнут устраивать жизнь страны и народа правительственными и диктаторскими методами, продиктованными из центра (...). Ваши Советы (...) мало-помалу станут обычными исполнительными органами, действующими по воле центрального правительства (...). Мы станем свидетелями создания одного авторитарного, политического и этатистского аппарата, который будет действовать сверху и разрушать железным кулаком все на своем пути (...). Горе тому, кто не согласится с центральным правительством»²⁷. Ожидалось, что большевики внесут ряд элементов анархизма в новый общественный порядок, но гражданская война и иностранная интервенция способствовали дальнейшему укреплению власти и централизации в управлении обществом. Волин сообщает, что рабочие старого нефтеперерабатывающего завода «Нобель» в Петрограде решили управлять этим заводом самостоятельно и коллективно. Они обратились к большевистскому правительству с просьбой разрешить ввести самоуправление на заво-

---

²⁵ *Berdajev N.* Izvori i smisao ruskog komunizma. Književne novine, Beograd, 1989. S. 96.

²⁶ *Ibidem.* S. 97.

²⁷ *Guérin D.* Anarhizam (od doktrine do akcije). Naprijed, Zagreb, 1980. S. 90–91.

де и самим организовывать производственный процесс. Не получив никакого ответа, они начали действовать самостоятельно, по своей собственной инициативе находили топливо, сырье, рынок сбыта. Для организации грузоперевозок вели переговоры с железнодорожниками. Узнав об этом, большевистское правительство отправило на завод политического комиссара, после чего была запрещена самоорганизация, производство было остановлено, а завод закрыт. Движение анархо-синдикалистов в первом выпуске газеты «Свободный голос труда» от 26 августа 1918 года опубликовало статью, в которой было сказано: «Великая русская революция, которая должна была служить в качестве примера для начала революции в других странах, сегодня переживает чрезвычайно опасный этап, который не позволяет сделать какой-либо конкретный вывод по поводу ее дальнейшего курса... С хорошим началом, большим и широким размахом расширялась и углублялась она почти в течение года до момента, пока советское правительство не начало укрепляться, пока не пришло к этому... Относительно освобождения трудящихся от угнетателя в лице государственной власти, оно будет достигнуто с помощью окончательного уничтожения того, во имя чего проводилась Октябрьская революция. Свободные городские и сельские коммуны в качестве исполнительной власти предлагают Советы делегатов трудящихся масс и союзы этих коммун, локального, областного и регионального уровня, в их федерациях политические комиссары не играют главные роли, в них не будет места даже для таких институтов, как всероссийский Совет Народных Комиссаров, навсегда будет покончено с централизованным государством и вновь народ воззрит жизнь, основанную на принципах федерализма с полной автономией даже самых мелких территориальных единиц»²⁸. Это обращение подписали Х. Ярчук, Г. Максимов, В. Драгун, Е. Тиновицкая, Б. Дукельский, А. Павлова, Н. Павлов. Советская власть запретила анархистскую газету 16 сентября, после выхода четвертого номера.

Анархизм, не имея возможности расширить влияние своих идей после Октябрьской революции, в очередной раз столкнулся с государством, своим величайшим противником.

Со времен Октябрьской революции прошло сто лет. Сбылось предсказание Кропоткина в обращении к Ленину: «Если текущая ситуация продолжит развиваться, само слово социализм станет проклятием»²⁹.

---

²⁸ Вольный голос труда. М., 1918, № 1, 26 августа.

²⁹ *Кропоткин П. А.* Анархизм и морал, Просвета, Београд, 1984. С. 232.

Кризис власти, глобализация и новый мировой порядок ведут к возрождению анархистских идей, которые в XXI веке вновь стали вдохновлять идеологии левого толка. В качестве определенной ценности, не утопии, а реальности, анархизм должен пройти несколько стадий созревания, чтобы стать общепринятым идеалом для большинства людей, которые будут самостоятельно менять себя и окружающий мир.

Напоследок я хотел бы еще раз поприветствовать вас и пожелать, чтобы по крайней мере некоторые из идей Бакунина были реализованы. Спасибо вам и удачи на этом пути!

Цовма М. А.: Поскольку я не смог подготовить тот доклад, который был заявлен в нашей программе, я позволю себе ремарку. Она отчасти относится к предыдущим докладам.

У меня, честно говоря, складывается такое впечатление, что рассказы о том, что анархисты были довольно организованными, многочисленно выпускали газеты массовыми тиражами и обладали заметным влиянием сильно преувеличены. У меня складывается отчетливое впечатление, что это какая-то не та русская революция, которую знаю я. Если погрузиться в чтение мемуаров и дневников того времени, то это совершенно другой мир. Те люди, живые люди с реальными проблемами, находившиеся в состоянии войны в течение нескольких лет, потом в состоянии наступившего общественного катаклизма, который был серьезным, который имел совершенно четкие осязаемые бытовые жизненные последствия для миллионов людей в нашей стране, люди, которые столкнулись с голодом, с войной, с беспределом, в том числе с анархо-бандитизмом, не обязательно идейным анархо-бандитизмом, а таким обычным бандитизмом, который прикрывался черным флагом. Это все какая-то другая история революции. И опять же мы не должны преувеличивать роль анархистов в этих событиях. Действительно анархическое движение получило возможность открытого действия только в феврале с падением монархии, часть людей выпустили из тюрьмы, часть вышла из подполья, часть приехала из эмиграции. Это было очень миноритарное течение в русской революции. Они не имели такого гигантского влияния, значимого влияния, о котором здесь говорилось.

Дзержинский, ЧК и Ленин воспользовались тем, что действительно существовало такое явление, как анархо-бандитизм и тем, что городские федерации не контролировали те экспроприации, которые проводились. Это не мое изобретение, об этом можно почитать в ме-

муарах Бориса Еленского, например, который участвовал в революции 1917 года. Слова «налетчики», «гастолеры» и «анархо-бандитизм» там присутствуют в полной мере. Анархическая пресса выходила, но как заметил один посторонний наблюдатель, каким-то подобием идеологии среди анархистов обладала только анархо-синдикалистская группа, которая была вокруг «Голоса Труда», а у остальных был полный разброд в головах. Анархисты вовсе не представляли собой таких подкованных идейных борцов за либертарное общество. Это были люди, которые могли воспринимать идеи анархии на довольно поверхностном уровне. Были безусловно умные, честные, хорошие и горячие товарищи, но идейных анархистов в России было крайне немного, я вас уверяю.

Дамье В. В.: Я хотел бы сказать. Однако проблема в том, что исторический обзор сделать за 15 минут очень сложно. Злоупотреблять этими трудностями, чтобы опорочить анархистов в русской революции, это, конечно, очень легко, но вряд ли очень достойно. Хорошо, давайте разбираться конкретно. Возьмем конкретного крестьянина какого-нибудь в какой-нибудь конкретной деревне, который естественно не читал никаких анархистских книг, который, конечно, слова «анархия» никогда не слышал, но он очень хорошо знал некоторые основные вещи, связанные с его местной общиной. С тем, что вот приходят красные – мобилизуют, приходят белые – мобилизуют, приходит трудотряд и забирает то, то и то. Да, им было не до идеологии. Однако, что ты скажешь о социализации цементных заводов Новороссийска? Что ты скажешь о планах социализации Волжского торгового флота? Да, большевики не дали это сделать. Когда пришли к Ленину представители профсоюза с этим планом, он сказал: «Мы что, делали революцию для того, чтобы всякий анархо-синдикализм разводиться?» То есть речь идет как раз о совершенно конкретных вещах, именно о стихийном анархизме. Даже не анархизме – про-анархизме. Причем не класс, не массы, здесь совершенно конкретные люди, которые руководствовались совершенно конкретной ситуацией, но именно эта конкретная ситуация подталкивала их к квази-анархистским решениям.

Дундич Д.: Мне не хватает в истории и вообще в работах историков социологизма. Что я под этим подразумеваю: вот мы говорим, столько-то газет выпускала какая-то группа, а где она их распространяла? Мы должны видеть эту картину. Сколько на тот момент выпускали большевики, а сколько анархисты и все анархические группы и какие территории они охватывали, какие социальные группы они охватывали? Мы живем в гипер-информационном пространстве сей-

час. Мы имеем интернет и мобильные телефоны, мы связываемся сейчас со всем миром. Что имели тогда революционеры? Ничего практически. После того, как совершилась революция, сколько ленинских работ знали рабочие или вообще слышали о том, что он еще и писал что-то, оказывается? Мы вот эту социальную атмосферу совершенно не ощущаем и не представляем. Какие политические влияния оказывает эта социальная картина того времени? Вот это будет история настоящая, реальная история. Мы тогда ее почувствуем и поймем.

Рублев Д. И.

Политическая позиция анархистов в Российской революции (1917–1918 годы)^а

Анархисты были одной из активных политических сил Второй Российской революции 1917–1922 гг. Первыми позицию различных фракций анархистского движения попытались проанализировать авторы анархистской эмиграции В.М. Волин (Эйхенбаум) и Г.П. Максимов. Волин при этом излагал исключительно свою собственную позицию¹. Более широко раскрыл тему Григорий Максимов в своем полемическом обзоре². Советские³, американские⁴, современные российские⁵ и белорусские⁶ историки пытались показать, как изменялась политическая позиция анархистского дви-

---

^а Приведенный ниже доклад Д.И. Рублева является существенно расширенной версией текста, который был пересказан В.В. Дамье на конференции. *Ред.*

¹ *Волин В. М.* Неизвестная революция. 1917–1921. М. ГПЦ «Праксис». 2005.

² *Максимов Г. П.* Позиция анархистов в русской революции // *Голос труженика*. № 9–13.

³ *Комин В. В.* Анархизм в России. Калинин, Калининский государственный педагогический институт им. М.И. Калинина. 1969; *Канев С. Н.* Октябрьская революция и крах анархизма (борьба партии большевиков против анархизма 1917–1922 гг.). М. Мысль. 1974; *Канев С. Н.* Революция и анархизм: из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840–1917 гг.). М. Мысль. 1987.

⁴ *Avrich P.* The Russian anarchists. Princeton (New Jersey), 1967.

⁵ *Штырбул А. А.* Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. (1900–1925). Часть 2. Омск. ОмГПУ. 1996; *Шубин А. В.* Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. М. Яуза; ЭКСМО. 2005; *Санон В. П.* Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.). Нижний Новгород. Издательство Нижегородского университета. 2008.

⁶ *Глушаков Ю. Э.* «Революция умерла! Да здравствует революция!» Анархизм в Беларуси (1902–1927). СПб. ШСС. 2015.

Дмитрий Рублев

... нараставшая весной – осенью 1917 г. самоорганизация трудящихся породила надежды на воплощение в жизнь идей анархического коммунизма. Казалось, Советы, фабрично-заводские и солдатские комитеты, профессиональные союзы, кооперативы готовы взять на себя управление различными сферами жизни страны.

жения в 1917–1918 гг. Вряд ли можно считать их работы исчерпывающими. Советские исследователи были скованы идеологическими рамками. Эмигранты и зарубежные авторы не располагали многими историческими источниками. Современные российские и белорусские историки рассматривают эту проблему кратко, исследуя иные темы. В своих работах мы попытались проанализировать эволюцию взглядов анархистов на проблему единства революционных сил⁷ и историю анархистских социальных экспериментов того времени⁸. Рассматриваемый период (март 1917 – декабрь 1918 гг.) был временем радикальной смены политической и социально-экономической модели развития России. В эту эпоху проходит пересмотр теоретических

---

⁷ Рублев Д. И. К вопросу о союзе леворадикальных сил в октябрьские дни 1917 года // Октябрьская революция известная и неизвестная. М. РУСО. 2008. С. 61–80.

⁸ Рублев Д. И. Социально-политические преобразования анархистов в России периода гражданской войны: самоуправление и этатизм // Прямухинские чтения 2009 года. Сборник материалов научной конференции. Москва. «Футурис», 2011. С. 121–138.

концепций и тактики анархистов, поднявших на практике вопрос о воплощении своих идей в жизнь.

При изучении политической позиции анархистов исследователи часто исходят из их принадлежности к течениям анархистской мысли (анархизм-индивидуализм, анархизм-коммунизм, анархизм-синдикализм). Каждое из них рассматривается как обладающее внутренней согласованностью и цельностью позиций. Но подобный подход не во всех случаях оправдан применительно к России 1917–1918 гг. Большинство анархистских организаций включали представителей разных течений или же, по своей структуре, были нацелены на решение этой задачи. Это справедливо в отношении Архангельской федерации анархистов (АФА), Киевской Ассоциации Свободных Анархистов (КАСА), Московской (МФАГ) и Петроградской федераций анархистских групп (ПФАГ) (как и в предшествовавшем им Петроградском анархическом клубе), Московской Анархической Ассоциации Молодежи, Нижегородской Федерации Анархистов (НФА), Организации анархистов Кронштадта, Саратовской Свободной Ассоциации Анархических Групп (ССААГ), Сормовской Группы Анархистов (СГА), Харьковской Ассоциации Анархистов (ХАА) и Харьковской Федерации Анархистов (ХФА). Должность секретаря МФАГ занимал индивидуалист, основоположник «ассоциационного» анархизма Лев Черный (П. Д. Турчанинов), но среди ее лидеров были анархисты-коммунисты (В. В. Бармаш, Г. К. Якобсон, К. И. Ковалевич, А. М. Атабекян) и пананархисты (А. Л. Гордин). Такая же картина наблюдалась в ПФАГ, одним из лидеров которой был теоретик пананархизма В. Л. Гордин. Идеологом КАСА (а затем одним из лидеров ХАА, МФАГ и ПФАГ) был радикальный индивидуалист («неонигилист») А. Н. Андреев, но среди ее активистов преобладали анархисты-коммунисты (П. Арсентьев, Н. Дрикер и др.). Характерно, что участники Конференции анархистов 17 городов России, состоявшейся в Харькове 18–22 июля 1917 г., выступили с идеей объединения «всех анархических сил». Это «решение было принято единогласно» «сторонниками различных течений, начиная от индивидуализма и кончая синдикализмом»⁹. В объединенных организациях преобладали анархисты-коммунисты, что способствовало доминированию этого течения. При этом обособленные федерации и группы этого тече-

---

⁹ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 тт. Т. 2. 1917–1935 гг. М. РОССПЭН. 1999. С. 47.

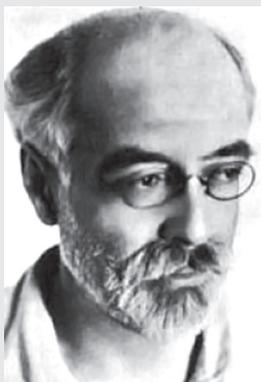
ния действовали в ряде городов (Астрахань, Владивосток, Вологда, Воронеж, Петроград, Ростов-на-Дону, Харьков, Чита и др.). Свои отдельные организации создавали и синдикалисты. Наиболее известны среди них Петроградский и Красноярский Союзы Анархо-Синдикалистской Пропаганды (переехавшие в Москву активисты САСП Петрограда с конца марта 1918 г. переименовали организацию в «Издательскую группу Голоса Труда»), Кронштадтская организация анархистов-синдикалистов-коммунистов (КОАСК), Московский Союз Революционно-Синдикальной Пропаганды (МСРСП), группа «Вольный Голос Труда» (ВГТ), Харьковская группа анархистов-синдикалистов-коммунистов и др. В движении преобладали местные организации. Ведущую роль играли федерации и группы, действовавшие в Петрограде и Москве. Попытки создать общероссийские структуры анархистского движения предпринимались с лета 1917 г., когда, по решению Харьковской конференции, было создано Временное Осведомительное Бюро Анархистов России (ВОБАР), располагавшееся в Харькове и продолжавшее свою работу до конца марта 1918 г. Его секретарем стал анархо-синдикалист Н. И. Доленко, а затем А. Н. Андреев. Целью бюро была подготовка Всероссийского съезда анархистов. ВОБАР выпустило 4 номера бюллетеня, редактировавшегося Андреевым¹⁰. Две попытки провести Всероссийские съезды анархистов, однако, не состоялись, поскольку к назначенной дате, 15 января 1918 г., в Петроград съехались представители далеко не всех организаций и течений, а также не были подготовлены документы для обсуждения. Итоговым решением съехавшихся делегатов был призыв провести новый Всероссийский съезд и выборы Организационного бюро, на сей раз – с пребыванием в Москве¹¹. Лишь весной 1918 г. появляется первая общероссийская структура анархистского движения – Всероссийская федерация анархистов-коммунистов (ВФАК), возникшая как «верхушечная» организация, провозглашенная членами фракции анархистов-коммунистов IV Всероссийского Съезда Советов (14–16 марта 1918 г.).¹² Лишь после Всероссийского съезда

---

¹⁰ Там же. С. 54; ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 80. Л. 24; РГАЛИ. Ф. 2175. Оп. 5. Д. 80. Л. 102–102 об.

¹¹ Резолюция делегатов, съехавшихся на предполагавшийся Всероссийский съезд Анархистов // Безвластие. № 1. Март 1918. С. 13.

¹² Извещение IV Всероссийского Съезда Советов в Москве // Свободная коммуна. № 4. 9 апреля (27 марта) 1918 г. С. 1.

Осенью 1918 г. появляются Бюро Всероссийской Конфедерации анархистов-синдикалистов и Конфедерация Анархистских организаций Украины «Набат» (КАУ).

Всеволод Волин – ведущий идеолог Группы анархистов Украины «Набат».

анархистов-коммунистов (25–28 декабря 1918 г.) она стала общероссийской. Осенью 1918 г. появляются Бюро Всероссийской конфедерации анархистов-синдикалистов и Конфедерация Анархистских организаций Украины «Набат» (КАУ).

В марте 1917 г. анархисты приветствовали свержение монархии как шаг на пути к анархическому обществу. Редакция газеты «Рабочее знамя», издававшейся в Швейцарии лидерами анархистов-коммунистов (И. Гроссман, А. Ге, А. Аникст), предполагала, что «всемирная Революция» перерастет в «коммунистический переворот», который «перекинется в самые отдаленные углы земного шара», приведет к падению государства и капитализма¹³. Вместе с тем, они прогнозировали попытку либеральных политиков и генералов установить контрреволюционную военную диктатуру: «Русская буржуазия мечтает сейчас

¹³ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 13.

Революционные матросы-анархисты линкора «Петропавловск» на Сенатской площади

Красноярские анархисты

Газета «Сибирский анархист» издавалась анархистами-синдикалистами Красноярска с 8 декабря 1917 г. В состав редакции входили Я. Без, К. Каликес и А. Ларин. Запрещена советской властью в марте 1918 г.

В апреле 1917 г. позиция анархистов стала более радикальной вследствие роста антивоенных настроений рабочих, крестьян, солдат. Уже 10 мая в своей речи на заседании Петросовета анархист И.С. Блейхман решительно выступил против коалиции с социалистами.

*Демонстрация
в Кронштадте*

*Стачка
на крупнейшем
в столице
Путиловском заводе*

*Выступление
профсоюзов
рабочих-
маталлистов*

о государственном перевороте по образцу младотурецкого переворота 1908 года и ждет своего Энвер-пашу в лице какого-нибудь русского Поливанов- или Брусилов-паши»¹⁴. Редакция «Рабочего знамени» призвала игнорировать соперничающие центры власти – Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Но действовавшие в России анархисты заняли в марте 1917 года иную позицию.

Опасаясь реванша монархических сил, они выступили за коалицию с социалистами. Так, активисты Петроградского клуба анархистов (ПКА) призвали к объединению сил «демократии» – сил, входивших в Советы¹⁵. Ради сохранения их единства ПКА пошла на временный отказ от лозунгов социальной революции и «прямого действия» в классовой борьбе, ограничиваясь требованиями демократической республики, увольнения офицеров-монархистов, выхода России из войны: «Отсюда вытекает задача революционной демократии <...> провести в жизнь политические реформы в строго демократическом духе. Мы, анархисты, решили идти совместно с демократией к этой цели, пока наш враг не сломлен, пока не преодолены внешние затруднения, т<о> е<сть> продолжается война и временно отказаться от всяких попыток к осуществлению нашей конечной цели. <...> Мы, анархисты, в данный момент воздерживаемся от революционных выступлений против буржуазии»¹⁶. 2 марта на общем собрании анархистов Петрограда было принято обращение к Петроградскому Совету, включавшее условия сотрудничества «с другими социалистическими организациями»¹⁷. 7 марта 1917 г. их изложил в Совете делегат ПКА И. С. Блейхман, выразивший готовность идти «с демократией до полной победы над общим врагом»¹⁸. Объявив Временное правительство Львова реакционным, он требовал: удалить из государственных учреждений сторонников монархии); организовать суд и расправу над министрами Николая II; сформировать социалистическое правительство; выдать оружие революционным организациям; предоставить материальную помощь бывшим политзаключенным; гарантировать свободу слова для левой печати; включить представителя анархистов

---

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ Правительство и Совет депутатов // Коммуна. № 1. 17 марта 1917 г. С. 2.

¹⁶ Революция и ее задачи // Коммуна. № 1. 17 марта 1917 г. С. 1–2.

¹⁷ Петроградская организация анархистов // Коммуна. № 1. 17 марта 1917 г. С. 7.

¹⁸ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. 1917–1935 гг. С. 18.

в состав Совета¹⁹. Некоторые лидеры анархистского движения призвали к суровым репрессивным мерам против сторонников монархии. Так, Блейхман, участвуя 8 мая в обсуждении участи бывших служащих полиции, охранки, а также – части морских офицеров и адмиралов, содержавшихся в тюрьме Кронштадта по инициативе Совета, призвал не допускать смягчения режима вплоть до запрета на передачу продуктов от родственников. Свою позицию он мотивировал чувством мести и необходимости подавить волю врага к сопротивлению. При этом он допускал возможность смягчения тюремного режима после взятия власти Советами: «Благодаря нашим ошибкам реакция собирается, особенно в Петрограде, и начинает душить наших пропагандистов и агитаторов, убивая на месте наших товарищей. Дадим им знать, что мы врагам нашим не даем пощады. Здесь в тюрьме сидят те, которые душили нас всех. Не будем проявлять гуманизма, это будет хорошо тогда, когда мы захватим в свои руки реакцию, чтобы она не могладохнуть. Когда захватим власть в свои руки <...> тогда будем проявлять гуманность. Кто говорит о гуманности к нашим душителям, тот – друг реакции. Мне, больному, в тюрьму ничего не допускали с воли <...> Не будем великодушны к врагам, будем сильны и мужественны и, чем больше будем душить и давить, тем больше разовьем мужество»²⁰.

Еще более умеренную позицию заняли московские анархисты. Характерно воззвание бывших политических заключенных Бутырской тюрьмы, от 9 марта 1917 г., подписанное, в том числе, Петром Аршиновым:

«9-го марта

Мы, освобожденные народом политические заключенные Бутырской каторги, собранные в Народном Университете имени А. Л. Шанявского, обсудив наше отношение к новому политическому строю и, не упуская из виду наших социалистических идеалов, признаем, что Совет Рабочих Депутатов является авторитетным органом трудящихся масс, а поэтому предлагаем в его безусловное распоряжение все наши силы для поддержания временного правительства, пока оно не склонится к реакции, в виду закрепления завоеванных народом прав и созыва Учредительного Собрания.

---

¹⁹ Там же. С. 18–19; Речь анархиста перед Советом рабочих и солдатских депутатов // Коммуна. Журнал Организации петроградских анархистов. С. 6–7.

²⁰ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 1: Март – июнь 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 262.

Для сношения с Советом Рабочих Депутатов избраны:

Лус Карл

Аршинов Петр

Булле Франц»²¹.

Принятая в марте «Декларация» МФАГ рассматривала демократический строй как условие «укрепления пролетарских организаций и развития анархо-социалистического сознания». Ближайшей задачей считалась борьба «за расширение сферы политической свободы и за улучшение экономического положения труда». По отношению к правительству Львова был объявлен временный нейтралитет: «анархический социализм ставит своей задачей обеспечение устанавливаемого республиканского строя от всяких попыток контрреволюции. Не доверяя буржуазному Временному Правительству, анархический социализм, однако, воздерживается от всяких выступлений против него, пока оно не препятствует ведению анархической пропаганды и организации революционных масс»²².

В середине марта – апреле 1917 г. была сформулирована теория третьей революции – наиболее популярное в 1917–1921 гг. обоснование стратегии и тактики анархистского движения. Согласно этой концепции, первый этап (февраль – март 1917 г.), привел к власти буржуазию. Вторая стадия, связанная с борьбой за демократическую республику, завершится захватом власти социалистами. Они проведут аграрную реформу, реализуют меры социальной защиты рабочих, национализируют промышленность и транспорт. Затем под руководством анархистов рабочий класс, крестьянство и солдаты начнут третий этап революции – захват производства федерацией органов самоуправления трудящихся. Впервые эти идеи были высказаны в журнале «Коммуна», в середине марта 1917 г.²³ В апреле их более систематически выразил В. Волин. «Первый этап русской революции – борьба народа с самодержавием, – завершился свержением последнего. <...> Второй этап представляется нам <...> в виде решительной борьбы за власть, <...> между либерально-буржуазным "республиканствующим" правительством и Советом. И этот,

---

²¹ ГАРФ. Фонд. 10035. Опись. 1. Дело П-57396. Л. 20. Автор выражает благодарность доктору исторических наук Я. В. Леонтьеву, предоставившему копию документа.

²² Декларация Московской федерации анархических групп // Клич. № 1. 1917. С. 47.

²³ Революция и ее задачи. С. 1–2.

второй этап, завершится, вне всяких для нас сомнений, победой совета, т<о> е<сть> победой той власти, которая выдвинута и под-держивается передовой, социалистической частью российского пролетариата и является первым шагом на пути к воплощению социал-демократической идеи. <...> Мы думаем, что после некоторого, более или менее продолжительного перерыва, борьба неминуемо возобновится. Начнется третий и последний этап Русской революции <...> Начнется борьба <...> между непосредственно и самостоятельно действующими на местах рабочими и крестьянскими организациями, переходящими к прямой экспроприации земли и всех средств потребления, производства и передвижения, <...> и – отстаивающей свое существование централистской социал-демократической властью, с другой стороны. Борьба между властью и безвластием»²⁴. В итоге этой борьбы будет установлено общество «на началах анархического коммунизма». При этом Волин не отрицал возможности немедленно, не дожидаясь третьего этапа, приступить к «решению всех задач этой революции»²⁵. В марте – апреле 1917 г. эта теория стала обоснованием коалиции анархистов с социалистами против либерального Временного правительства, в апреле-ноябре – союза с большевиками против либералов и умеренных социалистов. После Октябрьского переворота с ее помощью доказывали неизбежность анархистской социальной революции.

Несмотря на готовность к союзу даже с умеренными социалистами, весной – летом 1917 г. большинство анархистов заняло интернационалистскую позицию по отношению к Первой мировой войне. МФАГ охарактеризовала войну, как империалистическую, призвав «к прекращению ее усилиями международного пролетариата»²⁶. В «Декларации» САСП, принятой в начале июля 1917 г., указывалось, что «прочный мир между народами» может «явиться лишь результатом победоносного восстания пролетариата во всех воюющих странах»²⁷. Эта позиция получила поддержку на конференции анархистов 17-ти городов, прошедшей в Харькове 18–22 июля 1917 г. Ее воззвание «Народы России и мира!» призывало покончить с капитализмом

---

²⁴ [Эйхенбаум В. М.] Неизбежное началось // Голос труда. № 133. April 13. 1917. С. 1.

²⁵ Волин [Эйхенбаум В. М.] Революция и анархизм (сборник статей). Б.м. 1919. С. 21.

²⁶ Декларация Московской федерации анархических групп. С. 47.

²⁷ Декларация Петроградского Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды // Голос труда. № 1. Пятница 11 (24) августа 1917. С. 1.

и войнами, установив «анархо-коммунистическое общество» с помощью социальной революции²⁸. Периодически она озвучивалась в прокламациях анархистов, а также – в их выступлениях. Так, в своей речи на заседании Петросовета 13 мая И. Блейхман заявил о том, что вскоре мировая война «превратится в войну угнетенных против угнетателей»²⁹. Со стороны анархистов имели место и случаи поддержки мирной инициативы других революционных сил. Так, лидер КОАСК Е. З. Ярчук выразил поддержку обсуждавшейся 9 июня Кронштадтским Советом резолюции, предлагавшей социалистическому крылу Временного правительства немедленно решить вопрос о продолжении или окончании войны путем референдума – «все-народным, прямым и равным голосованием без различия пола»³⁰. Его инициатором был один из фронтовых делегатов, офицер. Ярчук уточнил, что после такого референдума необходимо немедленно потребовать решения «о переходе всей земли, фабрик и заводов в руки трудящегося класса»³¹. Непонятно, однако, подразумевал ли он проведение референдума и по этому вопросу. Позднее Ярчук конкретизировал позицию анархо-синдикалистов, указывая, что они предлагали сохранять оборонительную стратегию на фронте до победы социальной революции, ставя продолжение войны в зависимость от действий противника: «Анархо-синдикалисты, по вопросу о войне, предлагали с фронта не уходить, но и не наступать. А когда Советы, разбив власть, станут единственной силой, когда земля будет в руках крестьян, фабрики и заводы в руках рабочих, и если тогда предложение революционного народа через свои Советы империалистами – очистить Россию от чужеземных войск – не будет исполнено, то перейти в наступление»³². Из влиятельных анархистов оборонцем остался лишь П. А. Кропоткин. После свержения монархии 3 марта 1917 г. он призвал граждан России спасти «нашу страну и цивилизацию от чер-

---

²⁸ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. 1917–1935 гг. С. 51.

²⁹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций (27 февраля – 25 октября 1917 года). Т. 3. М. РОССПЭН. 2002. С. 67.

³⁰ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. С. 390.

³¹ Там же.

³² Ярчук Е. З. Кронштадт в Русской революции. Нью-Йорк. Исполнительный Комитет Профессиональных Союзов. 1923. С. 20.

ных сотен центральных империй», сплотившись в «объединенный фронт» для достижения победы³³.

Позиция Петра Кропоткина в 1917–1918 гг. требует специально-го рассмотрения. Он не высказывался в пользу «переходного периода» к анархо-коммунистическому обществу. Политические взгляды Кропоткина того времени не были и разрывом с логикой анархического коммунизма. Ведь социальные реформы он рассматривал в контексте представлений о развитии общества, как едином процессе, сочетающем медленный поступательный прогресс (эволюцию) с резкими скачками (революция), вызванными необходимостью ликвидировать препятствия, возникшие на пути перемен. Общественная эволюция, выражавшаяся в поэтапных преобразованиях, реформах, воспринималась анархистами-коммунистами как отражение результатов народного творчества. Основным фактором успеха прогрессивного развития общества считались распространение среди широких слоев населения (в том числе – у представителей правящего класса, осознавших несправедливость существующей системы общественных отношений) анархо-коммунистических идей, этических ценностей взаимопомощи и солидарности. Не менее важное значение имело развитие самоорганизации. Добровольные объединения людей должны были вытеснять государство, ослабляя его роль. В условиях 1917–1918 гг., осознавая невозможность реализации в полном объеме анархо-коммунистической программы, Кропоткин сосредоточился на поддержке прогрессивных реформ, которые приблизили бы строительство безвластного общества. Как в период правления Временного правительства, так и после прихода к власти большевиков, он выступал против диктатуры и политических репрессий, восстановления смертной казни. В вопросах экономических преобразований Кропоткин по-прежнему возлагал надежды на «народный почин», предлагая для организации продовольственного снабжения и товарообмена привлекать профсоюзы и кооперативы, координирующие свою деятельность на съездах. Важным направлением его деятельности была пропаганда идей федерализма. Так, в своем выступлении на Государственном совещании в Москве 15 августа 1917 г. и в ряде

---

³³ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. 1917–1935 гг. С. 29; См. также: *Кропоткин П. А.* Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. М. ЭКСМО-ПРЕСС. 1999. С. 784–790; *Кропоткин П. А.* Избранные труды. М. РОС-СПЭН. 2010. С. 499–502.

статей он призвал превратить Россию в демократическую федеративную республику с парламентами для каждого «штата» и правом вето на решения центра со стороны регионов³⁴. Все права центральной власти сводились бы к минимуму. Решения, касающиеся общедо- рального уровня (по обороне, внешней политике и общедо- ральным предприятиям), должны были вырабатываться на основе «догово- ров провинций», а не указов правительства. Такой метод принятия решений означал децентрализацию власти, перенесение принципа свободного договора на отношения между субъектами федерации³⁵. Кроме того, призывая власти к прогрессивным реформам, Кропоткин не обращался к анархистам с призывом участвовать в органах власти и отказывался сам занимать государственные должности.

В апреле 1917 г. позиция анархистов стала более радикаль- ной вследствие роста антивоенных настроений рабочих, крестьян, солдат. Массовые демонстрации, прошедшие 21–22 апреля 1917 г. в Петрограде, заставили уйти в отставку министра иностранных дел, лидера Конституционно-демократической партии Павла Милюкова, сторонника империалистической внешней политики. Как оценивал ситуацию Волин, «революционные войска и пролетариат Петрограда грозными выступлениями 20 и 21-го апреля против Временного пра- вительства громко заявили всему миру, что Россию никому не удаст- ся поставить на путь буржуазного капиталистического строя...»³⁶ Радикализировалась и позиция анархистов. Так, выступая 25 апреля на заседании Кронштадского Совета, Блейхман, в то время являвший- ся депутатом Петросовета, призвал военнослужащих к вооруженно- му восстанию, которое должно было инициировать экспроприацию предприятий рабочими коллективами, а земли – крестьянами: «Если мы хотим избавиться навсегда от какой-либо войны, то не сложением оружия и бегством с фронта, а вооружением всех рабочих и неиму- щих крестьян, дабы вести войну против внутреннего врага, который натравливает нас друг на друга. <...> Идите вооруженными отрядами к фабрикам, заводам, складам, имениям, сообщая с рабочими и неиму-

---

³⁴ *Кропоткин П. А.* Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. С. 198, 231–232, 768–711; *Кропоткин П. А.* Избранные труды. С. 501–502, 504, 543–544, 551–552.

³⁵ ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. ед. хр. 733. Л. 1. См. там же: «Причем я лично считаю, что везде д<олжен>. Б<ыть> договор (как британские тред-юнионы на своих конгрес- сах), а не указ».

³⁶ *Волин.* В свои руки // Голос труда. № 135. April 27. 1917. С. 2.

щими крестьянами. Объявите всем хозяевам, что отныне они могут жить, только работая, они, трусы по своей психологии, склонят свою голову»³⁷. Блейхман рассчитывал, что восстание послужит примером для германских рабочих, которые также восстанут³⁸. В другом выступлении перед Кронштадтским Советом, 8 мая, он призвал выступить даже против Петросовета, обвинив его умеренно-социалистическое крыло в поддержке реакции: «Разруха в России происходит не потому, что нет хлеба, а потому, что реакция чувствует опору в Совете р<абочих> и с<олдатских> д<епутатов>, который идет рука об руку с правительством. Рабочие и солдаты должны делом, а не словом сказать: "Прочь с дороги!" <...> Сметем красных черносотенцев, идущих рука об руку с черными черносотенцами»³⁹. В своей речи на заседании Петросовета 10 мая, Блейхман решительно выступил против коалиции социалистов на выборах в городские думы⁴⁰. На том же собрании делегаты от анархистов голосовали вместе с большевиками против резолюции о доверии как министрам-социалистам, так и Временному правительству в целом⁴¹. На заседании Петросовета 13 мая, оппонировав министру труда М.И. Скобелеву, И.С. Блейхман фактически объявил, что коалиция препятствует радикальным социальным преобразованиям, «высказал сомнение, чтобы министры-социалисты, составляя меньшинство во Временном правительстве, могли осуществить свою широкую программу»: ⁴² «Вы хотите реквизировать <...> прибыли буржуазии, и вам здесь аплодируют, но вас в правительстве 5 из 16, и я хотел бы присутствовать на голосовании не здесь, а там, в Министерстве»⁴³.

В то же время нараставшая весной – осенью 1917 г. самоорганизация трудящихся порождала надежды на воплощение в жизнь идей анархического коммунизма. Казалось, Советы, фабрично-заводские и солдатские комитеты, профессиональные союзы, кооперативы готовы взять на себя управление различными сферами жизни страны.

---

³⁷ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 1. С. 200.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 261.

⁴⁰ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. М. РОС-СПЭН. 2002. С. 37.

⁴¹ Там же. С. 68.

⁴² Там же. С. 76.

⁴³ Там же. С. 71.

Характерно высказывание Г. Якобсона: «Темный, забытый безграмотный рабочий за семь месяцев революции покрыв все безгранично, неизмеримо громадное пространство Российского Государства густой сетью всевозможных организаций. Создалось небывалое по своей величине и мощи Кооперативное движение. Выросли удивительно быстро могучие профессиональные союзы, охватившие все отрасли промышленности. Рабочий класс сплачивается все больше и больше. <...> Сам, самостоятельно, он творит свое великое дело, без представителей власти, часто вопреки им»⁴⁴. Отношение анархистов к организациям трудящихся не было однозначным. Условием поддержки Советов, как правило, считался их отказ от претензий на власть. При этом признавалось возможным превратить их в либертарные организации. Такую точку зрения высказал активист КАСА Павел Арсентьев: «бороться в них с тенденциозностью, захватом власти, указывать что законы их – это новые кандалы, которые скинул народ, что положительное не Советами может создаваться, а жизнью, а их дело только сконцентрировать в себе эту жизнь и исполнять веления народа»⁴⁵. В случае сохранения за Советами власти, анархисты ограничивали свое участие консультативными функциями. Так, харьковская конференция анархистов признала желательным участие в них с целью получения информации. Ее резолюция указывала, что Советы не должны превращаться в органы власти⁴⁶. Многих, как активиста МФАГ Н. Скворцова, разочаровал партийный состав Советов: «Советы по своей конструкции и внутренней сущности являются организациями партийными, которые интересы политики ставят выше освобождения рабочего класса. <...> Признание самостоятельности рабочего движения на основе классовой борьбы обязывает нас отказаться от политического влияния партий и Советов на ход рабочего движения»⁴⁷. Тем не менее, уже в мае ряд лидеров анархистов, как например И. Блейхман, призывали Советы к взятию всей полноты власти в свои руки⁴⁸. На заседании Солдатской секции Петросовета 19 мая он призвал поддержать Кронштадтский Совет, собравший в своих руках всю власть, фактиче-

---

⁴⁴ Аскаргов Г. [Якобсон Г. К.] «Кризис власти» // Анархия. № 5. 9 октября 1917. С. 1.

⁴⁵ Ар[сентьев П.] Роль «Советов» и анархисты в них // Свобода внутри нас. № 1. 1917. С. 4.

⁴⁶ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 47–48.

⁴⁷ Скворцов Н. О партиях и беспартийности // Анархия. № 6. 16 октября 1917. С. 2

⁴⁸ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 39, 41.

ски отстранив администрацию Временного правительства. При этом он выразил надежду, что и Петроградский Совет последует его примеру⁴⁹. В данном случае, анархисты действовали в контексте концепции «третьей революции».

Возникли споры об отношении к фабрично-заводским комитетам (ФЗК). С одной стороны, уже в мае – начале июня 1917 г. анархисты видели в них силу, способную социализировать промышленность на основах самоуправления. Так, на I и IV конференциях ФЗК Петрограда (30 мая – 3 июня и 10 октября 1917 г.) лидер рабочих Шлиссельбурга, анархист-коммунист И. Жук, призвал передать предприятия в управление контрольным комиссиям, избранным рабочими и служащими, а сельское и лесное хозяйство – крестьянским комитетам. Для координации управления экономикой он предлагал создать региональные и всероссийское бюро комитетов⁵⁰. Эту позицию поддержал и активист МФАГ К. Ковалевич, призывавший ФЗК объединиться в федерацию, взяв в свои руки организацию производства, обмена, статистики⁵¹. На II конференции ФЗК Петрограда и окрестностей, 11 августа 1917 г., лидер САСП В. Волин заявил, что комитеты должны объединиться с крестьянскими и солдатскими организациями и стать центром борьбы за ниспровержение капитала и государства. 19 октября 1917 г. на I Всероссийской конференции ФЗК, анархо-синдикалист В. Шатов предложил использовать комитеты для социализации производства⁵². Однако на конференции анархистов в Харькове мнения разделились. Большинство отвергло сотрудничество с ФЗК, признав его «органом администрации», охраняющим частную собственность. Другие, признавая, что «фабрично-заводской комитет <...> – орган революционной самостоятельности и организованного перехода предприятия в руки трудящихся в момент восстания», призвали участвовать в нем⁵³. Впоследствии эта точка зрения получила поддержку большинства анархистов. Серьезными были разногласия о роли профессиональных союзов в революции. Часть делегатов харьковской конференции признала их организациями, обеспечивающими трудящимся лишь материальные улучшения. Оппоненты встали

---

⁴⁹ Там же. С. 120, 123.

⁵⁰ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 32–33, 38–39.

⁵¹ *Ковалевич К.* Очередные задачи // Анархия. № 7. 23 октября 1917. С. 1.

⁵² Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 37, 39.

⁵³ Там же. С. 48.

на традиционную точку зрения синдикалистов, признав профсоюзы ведущей силой в классовой борьбе и строительстве анархо-коммунистического общества. Среди делегатов были как сторонники неидеологических рабочих союзов, так и профсоюзов с либертарно-коммунистической программой. Не была единой и позиция об отношениях между ФЗК и профсоюзами. Часть делегатов в Харькове признали комитеты единственной классовой организацией рабочих. Их противники требовали интегрировать ФЗК в состав профсоюзов как более массовой организации⁵⁴. Часть анархистов признавала обе организации равноценными. Так, активист МФАГ Н. Скворцов призвал объединить ФЗК и профсоюзы во Всеобщую Организацию Рабочих России⁵⁵. Отметим, что в профсоюзах работали как «бунтари», так и синдикалисты. Причем первые могли даже настаивать на передаче профсоюзам ряда функций социального регулирования. Так, например, Блейхман в июле был избран в состав Кронштадтского Совета как представитель Центрального Бюро профессиональных союзов Кронштадта и секретарь Союза трактирных служащих этого города. Выступая на собрании Совета 8 августа, он призвал передать в ведение бюро профсоюзов кронштадтские биржи труда, находившиеся в руках городского самоуправления и ведавшие трудоустройством безработных⁵⁶. Позднее, 15 сентября, И. Блейхман также призвал ввести всеобщую трудовую повинность, проведением в жизнь которой занимались бы профсоюзы, взявшие в свои руки средства производства⁵⁷. Позднее, на обсуждении 26 сентября кронштадтскими делегатами забастовки железнодорожников он доказывал необходимость принятия резолюции, которая убедила бы рабочих и служащих этой отрасли социализировать железнодорожный транспорт, а затем управлять им через профсоюзы. Его предложение поддержал и представитель КОАСК Ярчук⁵⁸. 29 сентября оба лидера анархистов Кронштадта выступают в Совете с призывом поддержать резолюцией организованный Союзом трактирных служащих бойкот 5 чайных, в которых прошли увольнения работников. Им удалось добиться под-

---

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Скворцов Н.* О партиях и беспартийности. С. 2.

⁵⁶ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 2: Июль – октябрь 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 174.

⁵⁷ Там же. С. 389.

⁵⁸ Там же. С. 310–311.

держки бойкота и вхождения делегатов от Совета в тарифную комиссию трактирного профсоюза⁵⁹.

На кооперацию в марте – октябре 1917 г., напротив, анархисты обращали мало внимания, хотя и предлагали близкие ее духу проекты. Так, Якобсон призывал рабочих создать потребительские союзы, действующие на безвозмездной основе⁶⁰, для закупки по себестоимости продовольствия у производителей и доставки его заказчикам,

Летом 1917 г. завершилось размежевание анархистов на два течения, подтвержденное резолюцией харьковской конференции: «бунтарское с широкой агитацией совместно со стихийными активными выступлениями до периода реакции и синдикалистское – представленное "Союзом анархо-синдикалистской пропаганды"»⁶¹. Обе фракции выступали за свержение Временного правительства. При этом «бунтари», преобладавшие в «общепанархистских» организациях с апреля 1917 г., верили в силу стихийного восстания масс, ведущего непосредственно к анархическому коммунизму⁶². Особую позицию среди них занимали пананархисты, немногочисленные, но влиятельные в МФАГ и ПФАГ. Концепция пананархизма («всеанархизма»), авторами которой были А. и В. Гордины, связывала революционную борьбу с противодействием различным видам угнетения («пять угнетений»): «Пананархизм это расширенный <...> анархизм, который, помимо идеала безвластия включает в себе еще четыре идеала, а именно, Коммунизм с его "все – всем"! Педизм или освобождение ребенка и молодежи из тисков рабского воспитания, космизм (национал-космополитизм), полное освобождение угнетенных национальностей и, наконец, гениантропизм т<о> е<сть> освобождение <...> женщины»⁶³. В некоторой мере, эта концепция напоминает взгляды современных антиавторитар-

---

⁵⁹ Там же. С. 325–327.

⁶⁰ Аскаргов Г. [Якобсон Г. К.] Правительство и продовольственный кризис // Анархия. № 6. 16 октября 1917. С. 1.

⁶¹ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 47.

⁶² Там же. С. 31; Прямо к цели // Коммуна. Май 1917 г. № 3. С. 1; *Вл. Бармаш*. И вновь... ложь и обман // Анархия. № 4. 2 октября 1917. С. 2; *Achim G.* Даровые квартиры народу // Анархия. № 4. 2 октября 1917. С. 2.

⁶³ *Бр. Гордин*. Основные начала пананархизма // Безначалие. Орган Союза пяти угнетенных. Союз работников, женщины, угнетенной национальности, молодежи и личности. № 1. 25 октября 1917. С. 1.

Братья А. и В. Гордины – авторы концепции пананархизма, которая связывает революционную борьбу с противодействием различным видам угнетения.

Григорий Максимов после выхода из таганской тюрьмы.

Анархисты были высланы из России после голодовки, устроенной ими в Таганской тюрьме летом 1921 г. Выступление протеста продолжалось 10 с половиной дней. В 1922 г. в Штеттине была издана брошюра Максимова «За что и как большевики изгнали анархистов из России?».

ных левых, выдвигающих на первый план не только классовую борьбу, но в равной степени – преодоление этницизма, сексизма, патриархата, эйджизма. Движение к анархии представлялось Гординым многоступенчатым процессом. На первом этапе («юридическая анархия») следовало достичь новых политических прав: всеобщего «права на социальное изобретение, социальный эксперимент и социальную попытку»;⁶⁴ права на выход из состава государства и автономную экстерриториальную организацию своей жизни коллективами и индивидами; «права государственной забастовки» с отказом от военной повинности и уплаты налогов. Затем следовала стадия «фактической анархии»: «фактическое уничтожение государства, созидание новых вольных форм управления обществом»⁶⁵. Эта фазу Гордины делили на два этапа. Первый, «социотехнически-экспериментальный», предполагал социальное

⁶⁴ Там же. С. 1.

⁶⁵ Бр. Гордины. Пять идеалов пананархизма // Буревестник. № 8. 19 ноября 1917. С. 3.

экспериментирование в автономных от государства зонах («социотехникумах») с целью создания элементов анархо-коммунистического общества. Второй этап, «социотехнически-реализаторский», Гордины связывали с социальной революцией, которая проведет в жизнь результаты экспериментирования⁶⁶.

Анархо-синдикалисты ориентировались на деятельность в рабочих организациях с целью развития классовой борьбы, подготовки к экспроприации средств производства, строительству новых экономических отношений. Такая задача была поставлена в Декларации САСП, принятой 4 июля 1917 г.⁶⁷ Эта организация придерживалась концепции «переходного периода», в 1915–1916 гг. сформулированной Л. И. Фишелевым. Он предполагал, что после победы социальной революции государство сохранится в виде «федерации вольных городов и вольных общин, которая <...> стремится к разрушению современных централистических государственных форм»⁶⁸. В Советах Фишелев видел форму государственности, переходной к безвластию⁶⁹. Постепенный переход «к полному проведению коммунистических принципов в экономических отношениях», полагал он, приведет к ликвидации государства⁷⁰. В «Декларации» САСП утверждалось, что итогом революции станет «создание общественного строя, который естественно и сравнительно безболезненно будет эволюционировать в направлении к полному осуществлению анархо-коммунистического идеала»⁷¹. Считалось, что его основой станет федерация территориальных общин и производственных объединений трудящихся. Политическую систему реорганизуют Советы. Социализацию земли и производства, управление экономикой возьмет на себя Всероссийский союз организаций производителей, объ-

---

⁶⁶ Бр. Гордины. Пять идеалов пананархизма // Буревестник. № 7. 18 ноября 1917. С. 3.

⁶⁷ Декларация Петроградского Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды. С. 1; Волин. Большевизм и анархизм // Голос труда. № 11. 1917. С. 2.

⁶⁸ Раевский М. [Фишелев Л. И.] Анархо-синдикализм и «критический» синдикализм. Нью-Йорк. Федерация союзов русских рабочих Соединенных Штатов Америки и Канады. 1919. С. 6, 30–31; [Фишелев Л. И.]. Парижская коммуна и настоящий момент // Голос труда. 12 марта 1915 г. № 28. С. 1.

⁶⁹ Раевский М. [Фишелев Л. И.] Роль Советов Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов> в революции // Голос труда. Пятница 11 (24) августа 1917. № 1. С. 2.

⁷⁰ Раевский М. [Фишелев Л. И.] Анархо-синдикализм и «критический» синдикализм. С. 30–31, 68.

⁷¹ Декларация Петроградского Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды. С. 1.

единающий крестьянские комитеты и ФЗК⁷². Участвуя в Советах и других органах самоуправления трудящихся, анархо-синдикалисты пытались проводить в жизнь идеи социального равенства, видя в этом приближении к анархо-коммунистической общественной модели. Так, Е. З. Ярчук при обсуждении Кронштадтским Советом 31 мая вопроса о введении различной шкалы в оплате труда для квалифицированных и неквалифицированных рабочих, призывал первых принять равную заработную плату, призывая к классовой солидарности⁷³. Анархо-синдикалисты стремились использовать Советы и для проведения в жизнь непосредственных требований рабочих. Так, Ярчук на заседании Кронштадтского Совета 21 июля призвал депутатов поддержать резолюцией решение об оценке «экстренного» (сверхурочного) труда в полуторном размере, принятое Конференцией центральных оценочных комиссий портов и заводов морского ведомства Петроградского района (20 июня). Это предложение было принято⁷⁴. Блейхман 18 сентября отстаивал перед Кронштадтским Советом принцип равного распределения труда и заработка, требуя распространить на все категории наемных работников города введенное для ряда категорий правило, что только один из членов семьи имеет право получить рабочее место⁷⁵.

Московские синдикалисты (А. Боровой, Н. Проферансов и др.) действовали независимо от САСП. Они вели пропаганду среди интеллигенции, призывая к объединению для культурно-просветительской работы и классовой борьбы, ориентированной на долгую перспективу. По своим взглядам эта группа была близка не к САСП, а к французским революционным синдикалистам начала XX в. Весной – летом 1917 г. они попытались создать Федерацию Союзов Работников Умственного Труда (ФСРУТ) – беспартийный синдикалистский профсоюзный центр, объединявший работников-интеллигентов, сторонников классовой борьбы⁷⁶. Однако проект не получил развития, столкнувшись с политизацией интеллигенции.

---

⁷² Там же; *Раевский М.* [Фишелев Л. И.] Роль Советов Р<рабочих> и С<олдатских> Д<епутатов> в революции.

⁷³ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 1. С. 258–259

⁷⁴ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 2. С. 136.

⁷⁵ Там же. С. 276, 336.

⁷⁶ *Боровой А., Солонович А., Лев Черный* [Турчанинов П. Д.] Декларация пионеров объединения умственного труда // Клич. № 1. 1917. С. 7–8; *Боровой А.* Интеллек-

В результате «апрельского кризиса» 1917 г. лидеры правосоциалистических партий вошли в состав Временного правительства. Анархисты обвинили их в сотрудничестве с буржуазией. Так, Блейхман заявил: «Определяя пути борьбы, мы считаем необходимым <...> отмежеваться не только от буржуазии, но и от всех демократических элементов, отождествляющих свои задачи с задачами буржуазии, от всех, говорящих о поддержке правительства...»⁷⁷. В результате, весной – осенью анархисты поддержали идею блока леворадикальных сил. Так, в резолюции Читинской группы анархистов говорилось: «Сознавая серьезность создавшегося положения, мы, анархисты, решили поддерживать все революционные организации, стремящиеся к раскрепощению трудящихся масс от ига капиталистов»⁷⁸. В качестве таковых рассматривались и большевики, с которыми героев нашего исследования объединяли ряд общих требований и лозунгов: «мира немедленного и легчайшего без контрибуций и аннексий»⁷⁹, свержения Временного правительства, поддержки Советов и ФЗК. Большое влияние на анархистов оказала близость их взглядам идей, высказанных В. И. Лениным в книге «Государство и революция». Так, в своем выступлении на заседании Петросовета 26 мая Блейхман заявил: «Демократия идет с помещиками. Недалек тот момент, когда мы разойдемся в дорогах. <...> Мы должны сказать "революционным" демократам: почему не реквизируют хлеб и фабрики? Почему не реквизируют дорогу⁸⁰ и т.д. Почему все это не взято в свои руки? <...> Революцию делают не двуликие, [а] большевики и анархисты»⁸¹. В итоге, некоторые анархистские активисты приписывали большевикам даже радикальные требования социализации производства⁸².

Анархо-синдикалисты, напротив, призывали не доверять большевикам. Фишелев обвинял Ленина в стремлении установить диктатуру РСДРП(б): «Выдвигание в России лозунга захвата власти проле-

---

туальный пролетариат // Клич. № 1. 1917. С. 9–13.

⁷⁷ Солнцев Н. [Блейхман И. С.] Что делать? // Коммуна. Май 1917 г. № 3. С. 6–7.

⁷⁸ Резолюция Читинской группы анархистов // Коммуна. Сентябрь 1917 г. № 4–5. С. 10.

⁷⁹ О войне // Коммуна. 1917 г. № 2. С. 1–4; *М – дь*. О войне и мире // Анархия. 25 сентября 1917 г. № 3. С. 1.

⁸⁰ Вероятно, речь идет о социализации транспорта, в частности – железных дорог.

⁸¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 225.

⁸² См., например: *Андреевская*. Канун социальной революции // Коммуна. Сентябрь 1917 г. № 6. С. 6.

тариатом, т<о> е<сть> относительно незначительным меньшинством населения <...> нельзя не считать показателем обратного поворота большевиков к бланкизму <...> Мы, таким образом, имеем дело с установлением диктатуры меньшинства населения, что логически ведет за собой диктатуру той политической партии, которая руководит этим меньшинством. Осуществление же такой диктатуры естественно предполагает не децентрализацию и распыление государственной власти, – что явилось бы неизбежным следствием перехода власти к Советам, – а наоборот, означает захват центральной власти определенной политической партией и дальнейшую централизацию и усиление государственной власти. План, несомненно, утопический, ибо он предполагает устранение от участия в самоуправлении страны <...> многомиллионной массы крестьян, не принадлежащих к числу "беднейших" <...>⁸³. Лев Фишелев полагал, что трудящиеся не выиграют от этой диктатуры, тем более что возможности для самоорганизации существуют и при власти Временного правительства. На стремление большевиков к подмене власти Советов правлением собственной партии указывал и лидер САСП Волин⁸⁴. Критикуя социалистов за желание захватить власть, анархо-синдикалисты видели альтернативу в работе по самоорганизации трудящихся для решения социально-экономических задач. Так, выступая перед Кронштадтским Советом 2 июня, Ярчук предлагал решать проблему снабжения городов продовольствием через налаживание горизонтальных связей между органами рабочего и крестьянского самоуправления: «Но у нас есть социалисты, которые спят и видят власть. Они говорят, что надо создать сильную власть, которая все сделает, но может ли какая бы ни было власть вывести страну из этого положения? Нет, не может! <...> Надо не о власти мечтать, а надо организовывать низы, и не сверху, а на местах: крестьян, рабочих и всех служащих заинтересовать в переустройстве нашего дела, чтобы мы скорее выбрались из того положения, в котором находимся. <...> Когда крестьяне увидят, что город для них делает, тогда и город будет получать хлеб, и рабочие в городе будут заинтересованы, чтобы обеспечить крестьян необходимым для них»⁸⁵. Организаторами этих

---

⁸³ Раевский М. [Фишелев Л. И.] Новый лозунг большевиков // Голос труда. № 2. 18 (31) августа 1917. С. 1.

⁸⁴ Волин. Большевизм и анархизм // Голос труда. № 10. 1917. С. 3; № 11. 1917. С. 2.

⁸⁵ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 1. С. 363–364.

связей он призывал сделать агитаторов Кронштадтского Совета⁸⁶. Позже, в сентябре 1917 г., КОАСК предлагала отправлявшимся в регионы матросам входить в крестьянские организации, проводя их силами учет и экспроприацию помещичьей земли, организуя затем ее обработку на коллективных началах с использованием изъятых у помещиков средств производства. Вопрос же об окончательном разделе земли не должен был решаться вплоть до возвращения с фронта крестьян. Также члены КОАСК ставили вопрос о передаче жилых домов в управление домовых комитетов при ликвидации частной собственности на жилье и его равномерного распределения⁸⁷.

В качестве альтернативы господству партий анархо-синдикалисты пытались проводить в жизнь принцип внепартийности общественных организаций и органов самоуправления. Так, участвуя 31 мая в обсуждении Кронштадтским Советом организации культурно-просветительного клуба, Ярчук настоял на его беспартийном характере, ориентации не на пропаганду, а на удовлетворение культурных запросов трудящихся: «Если вы сделаете клуб культурно-просветительным, будет меньше борьбы между социалистическими партиями и будет большее количество членов. <...> А вам нужно, чтобы наряду с социалистической литературой вы бы могли прочитать литературу классическую, и не только партийные люди будут приходить к вам, и чем больше людей, тем лучше для революции»⁸⁸.

В мае – июне 1917 г. обострились отношения между Временным правительством и анархистами. Поборники безвластия протестовали против попыток укрепить его власть. Вызвала протесты утвержденная 11 мая военным и морским министром А. Ф. Керенским «Декларация прав солдата», ограничивавшая права военнослужащих. «Не Декларацию прав, а бесправие дал Керенский солдату», заявил Блейхман на собрании Петросовета 22 мая⁸⁹. Попытка военного министерства вернуть из отпусков солдат и матросов, аресты отпущенных домой на сельскохозяйственные работы семейных военнослужащих вызвали протесты в Кронштадте. Делегатами солдат-ополченцев старших возрастов, требовавших в Кронштадтском Совете отмены приказа Керенского, выступили анархисты Савичев

---

⁸⁶ Там же. С. 364.

⁸⁷ Ярчук Е. З. Кронштадт в Русской революции. С. 21–23.

⁸⁸ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. С. 357.

⁸⁹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 137.

и Ярчук⁹⁰. Их требования поддержал Блейхман, 19 мая в солдатской секции Петросовета заявивший о необходимости «распространить отпуска на всех солдат-земледельцев, которые с начала войны страдают в окопах»⁹¹. Активно выступали анархисты против готовившегося наступления, как и против планов отправить на фронт пополнение из числа частей Петроградского гарнизона, являвшихся опорой леворадикальных сил. Так, активист Петроградской федерации анархистов-коммунистов (ПФАК) П. Н. Колобушкин, выступая в апреле – июне на митингах в саду у дачи Дурново, призывал к прекращению войны и вооруженному выступлению против буржуазии и либерального крыла Временного правительства⁹². А. Г. Железняков, выступая в конце мая – начале июня перед солдатами 1-го Пулеметного полка, призвал их к отказу от отправки на фронт солдат и оружия, а также – к экспроприации собственности капиталистов⁹³. Началом открытого противостояния стал захват правительственными войсками 6 июня 1917 г. дачи бывшего министра внутренних дел П. Н. Дурново, ранее захваченной рабочими и превращенной в штаб-квартиру ПФАК и профсоюзов. В ответ анархисты призвали трудящихся по всей России к социальной революции⁹⁴. Вскоре, 3–4 июля 1917 г., совместно с большевиками они организовали в Петрограде вооруженную демонстрацию рабочих, солдат и матросов⁹⁵, предполагая, что она перерастет в восстание. По инициативе ПФАК 9 июня, на конференции представителей 150 предприятий и воинских частей столицы был из-

---

⁹⁰ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 1. С. 420, 449.

⁹¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 125.

⁹² Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль – октябрь 1917 г. Сборник документов в 2 кн. Книга 2, Часть 2. М. РОССПЭН. 2012. С. 502–503, 507.

⁹³ Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль – октябрь 1917 г. Сборник документов в 2 кн. Книга 1. М. РОССПЭН. 2012. С. 196.

⁹⁴ См., например, воззвание Саратовской революционной группы анархистов-коммунистов (17 июня 1917 г.): Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 45–46.

⁹⁵ *Ермаков В. Д.* Анархистское движение в России: история и современность. СПб. Санкт-Петербургская государственная академия культуры. 1997. С. 54–56; *Шубин А. В.* Анархия – мать порядка. С. 50–53.

бран Временный революционный комитет (ВРК), в который, без ведома партийного руководства, вошли рядовые большевики из воинских частей. После победы восстания комитет должен был превратиться в орган, контролирующий Петросовет⁹⁶. Лидером пулеметчиков, основной ударной силы выступления, был прапорщик А. Я. Семашко, формально принадлежавший к РСДРП(б), но на самом деле – близкий по своим взглядам к анархистам, постоянно координировавший с ними свою работу⁹⁷. По оценке историка К. А. Тарасова, в этот период анархисты-коммунисты «оставались единственной политической силой, решительно выступавшей за свержение правительства»⁹⁸. Поскольку в первой половине июня «Временный революционный комитет становился центром консолидации протестного движения в Петрограде», руководители Петроградского комитета РСДРП(б) открыто высказывали опасение, что анархисты вскоре окончательно перехватят у них влияние на воинские части и предприятия. Существовала и угроза перехода радикально настроенных большевистских активистов, особенно солдат, в ряды Петроградской федерации, которой большевики, по оценке Тарасова, в той ситуации «уступили место консолидирующего центра»⁹⁹.

Утром 3 июля на собрании военнослужащих полка был избран новый ВРК во главе с Семашко. В его состав вошли Блейхман и делегаты солдат каждой роты¹⁰⁰. Перед солдатами выступали и другие лидеры ПФАК – А. Г. Железняков и Колобушкин. Ранее в своей речи перед Петросоветом, И. Блейхман от имени ПФАК заявил, что анархисты поддерживают часть выдвинутых большевиками лозунгов демонстрации, но выдвинут и свои собственные¹⁰¹, что и было сделано. Выступая утром 3 июля на митинге пулеметчиков, Блейхман призывал солдат не отправляться на фронт, свергнуть Временное

---

⁹⁶ *Ермаков В. Д.* Анархистское движение в России: история и современность. С. 56; *Тарасов К. А.* Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в петроградском гарнизоне (февраль 1917 г. март 1918 г.). СПб. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2017. С. 132, 145.

⁹⁷ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 296; *Тарасов К. А.* Указ. соч. С. 133, 159–161.

⁹⁸ *Тарасов К. А.* Указ. соч. С. 161.

⁹⁹ Там же. С. 148–149, 182.

¹⁰⁰ Там же. С. 172; Следственное дело большевиков... Книга 1. С. 829.

¹⁰¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 320, 322.

правительство и Петросовет. Затем, после захвата власти «помимо Советов рабочих и солдатских депутатов», он предполагал передать ее вновь переизбранным Советам. Также Блейхман вел речь о реквизиции у буржуазии и помещиков денежных средств, продовольствия, захвате рабочими донецких рудников, а также банков, железных дорог и промышленных предприятий по всей России¹⁰².

Это выступление было подавлено и к власти пришло правительство А. Ф. Керенского. Цели «бунтарей» и анархо-синдикалистов первоначально были схожими. «Организация анархистов-синдикалистов-коммунистов считала, что вооруженная демонстрация перейдет в восстание; власти, таким образом, будет нанесен решительный, мощный удар, после которого она уже больше не сможет оправиться; Советы же РСКД¹⁰³ на местах доведут ее, в дальнейшем процессе борьбы, до полного уничтожения»¹⁰⁴, – вспоминал позднее Ярчук. Однако сразу же между ними возникли разногласия. В самом начале событий, 3 июля, когда делегаты пулеметчиков вместе с «бунтарями» призвали матросов на митинге на Якорной площади выступить в направлении Петрограда, он поддержал лидеров Совета, большевиков и левых эсеров, говоря о преждевременности выступления. Наряду с представителями социалистических партий, Ярчук был назначен Исполкомом Кронштадтского Совета в состав комиссии, созданной для руководства действиями демонстрантов, направлявшихся в Петроград¹⁰⁵. По воспоминаниям Ф. Ф. Раскольникова, после прибытия правительственных войск и завершения демонстрации в Петрограде, анархисты-коммунисты, дискутируя с большевиками, выступили за продолжение восстания вплоть до установления власти Советов, тогда как Ярчук считал «невыгодным и обреченным на поражение всякое решительное выступление в целях захвата власти»¹⁰⁶. Между тем, известно, что члены КОАСК солидаризировались с левыми эсерами и меньшевиками, выступив против перехода демонстрации под фактическое управление большевиков и, видя, что большевистская часть руководства кронштадтских демонстрантов привела матросов на митинг к дворцу М. Кшесинской, штаб-квартире боль-

---

¹⁰² Следственное дело большевиков... Книга 1. С. 197, 266, 313, 323.

¹⁰³ Советы РСКД – Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

¹⁰⁴ Ярчук Е. З. Кронштадт в Русской революции. С. 11.

¹⁰⁵ Следственное дело большевиков... Книга 2, Часть 2. С. 401, 419.

¹⁰⁶ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М. Политиздат. 1990. С. 148.

шевиков, двинулись со своими сторонниками дальше, отдельно от участников митинга. Ярчук также протестовал против захвата головы кронштадтской колонны на Марсовом поле группой с флагом ЦК РСДРП(б), отстаивая непартийный характер шествия, проводимого от имени Кронштадтского Совета¹⁰⁷.

После поражения Июльского восстания более резко выделяется негативное отношение анархистов к действующим Советам. Лозунги их переизбрания выдвигали и анархо-синдикалисты. Так, на заседании Кронштадтского Совета 28 июля Ярчук выдвинул лозунг «Вся власть трудовому народу», подчеркнув, что прежде чем говорить о передаче власти Советам, необходимо переизбрать их¹⁰⁸. Ту же позиция на заседании 18 августа высказали и другие делегаты. Анархист Терентьев заявил: «Пусть они [Советы] возьмут власть в свои руки, свергнут Временное правительство, и мы поддержим их»¹⁰⁹. Блейхман, оппонировав Терентьеву, призвал Кронштадтский Совет прекратить финансовую поддержку Петросовета и ЦИК, как учреждения, которые идут «рука об руку с врагами революции». Его точка зрения стала куда более радикальна, чем ранее. Заявляя, что лозунг перехода власти к Советам привел к поражению выступления 3–5 июля, Блейхман призвал отказаться от него: «Мы, анархисты-коммунисты, считаем, что власть революционна только первое время, когда стоят штыки солдат и матросов, но как только штыки укладываются самая лучшая власть делается контрреволюционной. <...> Не сверху вниз, а снизу вверх идет революция, и те, кто ставят лозунг "Вся власть Советам", те губят всякую революцию»¹¹⁰. Достаточно резко представители анархистов протестовали против созыва Государственного совещания в Москве. Выступая 14 августа на заседании Кронштадтского Совета, Блейхман призвал делегатов не только осудить это мероприятие, но и заявить о готовности с оружием в руках выступить против Керенского и его политики¹¹¹. 16 августа Ярчук также призвал кронштадтских делегатов собирать силы

---

¹⁰⁷ Следственное дело большевиков... Книга 1. С. 830; Следственное дело большевиков... Книга 2, Часть 2. С. 420; Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 2. С. 21, 41, 47–48.

¹⁰⁸ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 2. С. 153.

¹⁰⁹ Там же. С. 207.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же. С. 184–185.

для намечающегося в перспективе открытого вооруженного противостояния с контрреволюцией¹¹².

9–13 сентября главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов при поддержке либералов предпринял попытку свергнуть правительство Керенского. Анархистские организации пытались превратить сопротивление мятежу в социальную революцию. Так, саратовские и ростовские анархисты призвали рабочих, выйдя «на улицу с оружием в руках», начать социализацию земли и промышленности¹¹³. В тех условиях они выступали за самое широкое привлечение трудящихся к борьбе с мятежниками. Так, Ярчук в своем выступлении на заседаниях Кронштадтского Совета 30–31 августа, осудил, как дискриминирующую, позицию части делегатов, выступивших против принятия женщин в состав Красной гвардии. Благодаря его докладу было принято решение «принципиально приветствовать желание товарищей женщин обучаться обращению с оружием»¹¹⁴. Мятеж провалился, но осенью 1917 г. Керенский стремительно утрачивал поддержку как буржуазных, так и левых политических сил. Анархисты учитывали это обстоятельство. Так, Федерация Анархистов-Коммунистов Харькова в воззвании указала на опасность нового заговора сторонников Корнилова. Единственный способ противостоять контрреволюционерам харьковские анархисты-коммунисты видели в социальной революции¹¹⁵. Блейхман, выступая 15 сентября на собрании Кронштадтского Совета, одобрил произошедший 30 августа расстрел матросами линкора «Петропавловск» четверых офицеров, отказавшихся поддержать принятую экипажем резолюцию о смертной казни Корнилова и передаче всей власти Советам. Он призвал к решительной борьбе с контрреволюцией, вплоть до расстрелов контрреволюционеров, не только Корнилова, но даже Керенского. Революционные комитеты, образованные Советами для борьбы с корниловщиной, по мнению Блейхмана, должны были призвать трудящихся к социальной революции, направленной на ликвидацию частной собственности и государства¹¹⁶. Осенью 1917 г. в знак протеста против экономическо-

---

¹¹² Там же. С. 196–197.

¹¹³ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 57; К моменту // Анархист. № 7. 5 сентября 1917. С. 2.

¹¹⁴ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 2. С. 232, 233.

¹¹⁵ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 58, 60–61.

¹¹⁶ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 2. С. 263–264.

го кризиса в городах России начались стихийные бунты. Критикуя эти акции, анархисты ориентировали своих сторонников на целенаправленные действия. Так, активист МФАГ Т. Пиро призвал к коллективной и организованной экспроприации, осудив «болезненные явления»: самосуды над офицерами, поджоги и уничтожения имений в деревнях, разгромы магазинов и складов¹¹⁷. Ранее подобные эксцессы также сталкивались с осуждением со стороны активистов анархистского движения, пусть даже его участники проявляли, порой, склонность, к социальному мщению. Так, член КОАСК С. Дыбец, выступая 14 июня как депутат на собрании Кронштадтского Совета, в весьма резкой форме осудил организованный матросами и солдатами Кронштадта самочинный расстрел пяти преступников, ограбивших квартиру подрядчика и в перестрелке с подоспевшим патрулем ранивших одного из военнослужащих. Он призвал ориентироваться не на карательные меры, а на развитие культурно-просветительской и агитационной работы и создание товарищеских судов: «Весь инцидент я приписываю главным образом наследию прошлого, которое выразилось в том, что во многие части войск пришли товарищи, изуродованные тюрьмами и каторжными работами, у которых атрофировалось всякое человеческое чувство и которые только и стоят на том, чтобы больше крови. Эти элементы настолько опасны, что сегодня они расстреливают воров, а завтра будут расстреливать партийных лидеров. Я предлагаю <...> обратить серьезное внимание на культурно-просветительную работу, на товарищеские суды, расширить агитацию на митингах и в частях, а карательные меры не помогали при прежнем режиме, не помогут и при настоящем»¹¹⁸. Также анархо-синдикалисты протестовали против крайностей в выступлениях «бунтарей», порой призывавших к расправам над контрреволюционерами. Так, оппонируя Блейхману 15 сентября в Кронштадтском Совете, Ярчук заявил, что призывать с трибуны к расправам не только неразумно, но и противоречит идеям анархизма: «В этом разве заключается наша революция, чтобы бить и резать. <...> Мечь, общественная мечь, имеет право на существование. Вы можете со мной спорить, но вы меня понимаете, когда я говорю, но когда человек выходит на трибуну и кричит: "режь и бей" – это ужас. Неужели наша революция может прийти к победе, когда мы будем резать и бить? <...> Мало кричать "бейте, режьте", надо, чтобы

---

¹¹⁷ Пиро Т. Дух разрушающий и дух погромный // Анархия. № 4. 2 октября 1917. С. 1.

¹¹⁸ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 1. С. 397.

массы, большинство поняли ужас теперешнего положения, и не только ужас, а самое важное – смысл будущего строя, который может быть. <...> Если вы хотите познакомиться с идеями анархизма, ищите в книгах и слушайте людей, которые говорят мысли, а не людей, которые выходят на трибуну, теряют мысли, теряют чувства и остается у них только топор в руках»¹¹⁹. Напротив, организованные выступления получали поддержку анархистов. Осенняя забастовка железнодорожников, участники которой были отданы под суд Временным правительством, была поддержана КОАСК, МФАГ, ПФАК и САСП. При обсуждении этих событий в Кронштадтском Совете Ярчук настоял на включении в резолюцию дополнения об удовлетворении требований железнодорожников¹²⁰.

Керенский попытался создать опору правительству в виде квазипарламентских структур из представителей общественных организаций и партий. Анархисты разоблачали эти действия. Так, «Всероссийское демократическое совещание», прошедшее в Москве 14–22 сентября 1917 г., они оценили как орган социалистов-«согласателей», сотрудничающих со сторонниками Корнилова¹²¹. Избранный совещанием «Временный совет республики» (Предпарламент) был объявлен буржуазным учреждением¹²². Столь же последовательно противопоставляя парламентаризму «прямое действие», анархисты бойкотировали прошедшие в сентябре 1917 г. выборы в районные думы. МФАГ предложила рабочим предъявить депутатам радикальные требования и добиваться их «прямым воздействием»¹²³. Призывы к давлению на власти звучали и из уст

---

¹¹⁹ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 2. С. 266

¹²⁰ *Ковалевич К.* Провокаторы и железнодорожники // Анархия. № 4. 2 октября 1917. С. 2; *Ковалевич К.* Борьба не закончена // Анархия. № 5. 9 октября 1917. С. 2; *Скворцов Н.* О партиях и беспартийности. С. 2; Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 2. С. 310–312.

¹²¹ *Шапиро А.* Опасные иллюзии // Голос труда. № 7. 22 сентября (5 октября) 1917. С. 1; *Бр. Гордин.* Итоги демократического совещания // Анархия. № 3. 25 сентября 1917 г. С. 1; Демократическое совещание и власть // Анархист. № 9. 20 сентября 1917. С. 1; Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 2. С. 263–264.

¹²² *Шапиро А.* Ликвидация власти // Голос труда. № 8. 29 сентября (12 октября) 1917. С. 1; *Бр. Гордин.* Временный совет российской республики. (Предпарламент) // Анархия. № 4. 2 октября 1917. С. 1

¹²³ *Москвич.* О районных думах // Анархия. № 3. 25 сентября 1917. С. 1

петроградских анархистов. Тот же Блейхман 19 сентября призвал делегатов Кронштадтского Совета вести подготовку к антиправительственному восстанию, создавать «партизанские террористические группы», а также отправлять агитаторов к крестьянам. Выступления Кронштадта, полагал он, получит отклик в других регионах и тогда Временное правительство вынуждено будет пойти на уступки, в частности, — освободит кронштадтских демонстрантов, арестованных после событий 3–4 июля¹²⁴.

К осени 1917 г. серьезно выросло влияние РСДРП(б) на рабочие и солдатские массы. Большевики завоевали большинство во многих Советах, районных и городских думах. 20 сентября председателем Петросовета был избран Л. Д. Троцкий. В этих условиях усилилось недоверие анархистов к большевикам, воспринимаемым приверженцами государственно-капиталистического строя и диктатуры, стремящимся использовать рабочее движение для захвата власти¹²⁵. В своем выступлении на заседании Кронштадтского Совета 15 сентября Блейхман обвинил большевиков в манипулировании сознанием трудящихся: «Каждую минуту, когда народ выходит с оружием в руках, мы должны эту силу направлять не за то, чтобы вместо Керенского и Чернова стали Ленин, Зиновьев, Верховский. <...> Ленин и Чернов ясно знают, что их программа, тактика и теория не имеют никакой логической связи с социализмом, с уничтожением власти, а есть только компромисс, обман для рабочих и крестьян, чтобы красивыми революционными фразами обманывать их, чтобы вести их за собой удержать власть капиталов и власть государства»¹²⁶. «Они добиваются власти, и добившись ее, <...> будут гораздо ожесточеннее бороться со своими противниками (идейными и неидейными), чем нынешнее правительство. Если нынешнее правительство остановилось и не успело настолько зарекомендовать себя, чтобы смело казнить на фронте и в тылу, то большевики за счет нынешней репутации и доверия масс сумеют этим лучше и быстрее воспользоваться»¹²⁷, — писал анархистский публицист Миллер. С ним

---

¹²⁴ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 2. С. 274.

¹²⁵ См., например: К железнодорожной забастовке // Вольный Кронштадт. № 1. 2 октября 1917 г. С. 1; *Бортновский* [Карелин А. А.] Государственный капитализм // Вольный Кронштадт. № 1. 2 октября 1917 г. С. 3–4.

¹²⁶ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 2. С. 263.

¹²⁷ *Миллер*. О советах (наши ближайшие задачи) // Вольный Кронштадт. № 3. 23 ок-

соглашались и братья Гордины: «Ленин безсомненно также быстро превратился бы в безответственного диктатора, как Керенский; ибо чем первый лучше последнего? Разве последний еще так недавно не медоточил на всех митингах, обещая никогда не употреблять силу против народа, если даже это понадобится? <...> Нам кажется, что Ленин такого обещания даже не даст... не то, что исполнит»¹²⁸. Они заявляли, что «диктатура пролетариата» превратится в господство буржуазии и бюрократии, поскольку «пролетариат не приучен к власти, не умеет властвовать, не знает, как обращаться с этим угнетательским механизмом»¹²⁹. Тем не менее, осенью 1917 г. Гордины признали необходимость диктатуры большевиков, рассматривая ее как «меньшее зло» при угрозе возрождения «корниловщины»: «При опасности диктатуры помещичества и буржуазии мы временно поддерживаем диктатуру пролетариата»¹³⁰.

Переворот 24–25 октября 1917 г. был поддержан анархистами-коммунистами и частью анархо-синдикалистов. В состав возглавившего восстание Петроградского Военно-революционного комитета (ПВРК) вошли 3 члена ПФАК (И. С. Блейхман, И. П. Жук, К. В. Акашев), 1 представитель Союза Независимых Анархистов (Г. М. Богацкий), 1 анархист-индивидуалист (Ф. И. Другов), 2 анархо-синдикалистов (член САСП В. С. Шатов и лидер КОАСК Е. З. Ярчук). МФАГ приветствовала захват власти большевиками, полагая, что в РСДРП(б) «находятся изверившиеся в другие партии, обманутые изменниками социализма,— пролетарии, солдаты и крестьяне»¹³¹. Многие, как В. Гордин, поверили в приближение тактики и стратегии РСДРП(б) к анархистской: «Большевик ленинский, в сущности, есть только скверный бессистемный и меньшевистский анархист»¹³². Однако среди влиятельных анархистов оставались критики большевиков. Например, 28 октября Атабекян выступил с воззванием, призвав анархистов не содействовать перевороту. «Совершилась не на-

---

тября 1917 г. С. 1.

¹²⁸ *Братья Гордины*. Ничего не забыли и ничему не научились // Анархист. № 11. 22 октября 1917. С. 2.

¹²⁹ Там же. С. 2.

¹³⁰ *Бр. Гордин*. О моменте. Борьба диктатур // Свободная коммуна. № 1. 17 (30 сентября) 1917 г. С. 1.

¹³¹ Революция продолжается // Анархия. № 8. 26 октября 1917. С. 1.

¹³² *Бр. Гордины*. К объединению! // Буревестник. № 1. 11 ноября 1917. С. 1.

28 октября 2017 г. Александр Атабекян выступил с воззванием, призвав анархистов не содействовать перевороту. «Совершилась не народная революция, а преступный партийный заговор», – писал он, обвиняя большевиков в преследовании инакомыслящих, социальной демагогии и расстрелах без суда в Москве.

родная революция, а преступный партийный заговор»¹³³, – писал он, обвиняя большевиков в преследовании инакомыслящих, социальной демагогии и расстрелах без суда в Москве¹³⁴. Более осторожно осудил участие анархистов в Октябрьском восстании САСП. Протестуя против «политического акта – захвата власти», подчинившего рабочее движение РСДРП(б), анархо-синдикалисты делали оговорку, что если «выступление» примет массовый характер, организация примет в нем «самое активное участие» с целью пропаганды: «Мы не можем не быть заодно с революционной массой, хотя бы она и шла не по нашему пути <...> Мы считаем <...> всегда нашим долгом участвовать в таком движении, стремясь внести в него наше содержание, нашу идею, нашу истину»¹³⁵. Волин полагал, что большевики не пойдут на коммунистические преобразования, «неизбежно будут засосаны болотом сделок, соглашений, закулисной политики, осторожности и умеренности»¹³⁶. В итоге они будут свергнуты народным восстанием¹³⁷. Выход из этой ситуации активисты САСП видели в противодействии усилению власти нового правительства и в объединении

¹³³ Атабекян А. М. Против власти. М. Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2013. С. 23.

¹³⁴ Там же. С. 41–43.

¹³⁵ О так называемом «выступлении» (заявление Петроградского союза анархо-синдикалистской пропаганды, 20 октября (2 ноября) 1917 г.) // Голос труда. № 11. Пятница, 20 октября (2 ноября) 1917 г.

¹³⁶ Волин [Эйхенбаум В. М.] Новая власть // Голос труда. № 14. 4 (17) ноября 1917. С. 1.

¹³⁷ Волин В. [Эйхенбаум В. М.] Большевизм и Анархизм // Голос Труда. № 12. 27 октября (9 ноября) 1917. С. 2.

рабочих и крестьян в «трудовые беспартийные организации»¹³⁸, которые станут основой безвластного коммунистического строя, создании беспартийных Советов, противостоящих «властническим» Советам большевиков¹³⁹.

Ряд социально-экономических преобразований, проведенных большевиками в первые месяцы правления, был поддержан частью анархистов. Так, Ярчук поддержал «Декрет о земле» и переход власти к Советам, но решительно возражал против создания Совета Народных Комиссаров, наделенного властными полномочиями¹⁴⁰. Один из лидеров ПФАГ, Аполлон Карелин, также поддержал введение «Декрета о земле», фактически давшего санкцию на экспроприацию и раздел крестьянами помещичьих владений по общинным традициям: «Большевики сделали даже больше, чем обещали, так как новый "закон" предлагает крестьянам взять землю в трудовое владение»¹⁴¹. Некоторые даже апеллировали к СНК, призывая санкционировать обобществление банковских капиталов, промышленности и недвижимости, передав предприятия в ведение рабочих, частную торговлю – кооперативным объединениям, а дома – жителям¹⁴². Карелин утверждал, что правительство «большевиков ленинского толка» не будет мешать рабочим в проведении анархо-коммунистических преобразований¹⁴³.

Октябрьский переворот усилил надежды на скорое воплощение в жизнь идеалов анархического коммунизма. «Мы должны готовиться к анархической революции. Передовые отряды революционного авангарда уже опережают своих вожаков, они идут прямо к цели. Большевизм уже не удовлетворяет. Стремление к анархизму растет с каждым днем. <...> Теперь, как никогда еще в мире не было столь бла-

---

¹³⁸ Волин. [Эйхенбаум В. М.] Вторая революция // Голос труда. № 13. Пятница, 3 (16) ноября 1917 г. С. 1; Волин. [Эйхенбаум В. М.] Революция и анархизм. С. 46–47.

¹³⁹ Волин. [Эйхенбаум В. М.] Диктатура пролетариата и Советская власть // Голос труда. № 23. 16 (29) декабря 1917. С. 2.

¹⁴⁰ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 2. С. 413–416, 430; Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. С. 103.

¹⁴¹ Карелин А. А. Петроград, 12 ноября 1917 г. // Буревестник. № 2. 12 ноября 1917. С. 1.

¹⁴² См., например: Григорий Сахновский. Призыв к народам России и к лицам, исполняющим волю народную // Буревестник. № 12. 25 ноября 1917. С. 3; Г. С. [Сахновский Г.] Обращение к большевикам и их руководителям // Буревестник. № 12. 25 ноября 1917. С. 3.

¹⁴³ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1936 гг. Т. 2. С. 101.

гоприятных условий для торжества анархии»¹⁴⁴, – писал один из членов ПФАГ. Активисты МФАГ также оценивали события как начало новой революции, в результате которой будет установлен «вольный союз свободных коммун»¹⁴⁵. На эту перспективу был нацелен изданный в ноябре 1917 г. программный «Манифест Московской Федерации Анархических групп». Для реорганизации производства и потребления, борьбы с голодом, управления транспортной системой, предполагалось опереться на сеть ФЗК и крестьянских союзов, объединенную на уровне областей и всей России «снизу вверх на федеративных началах» в «Союзы Труда». Во главе их должны были стоять «экономические советы». В руки «Союзов труда» перешло бы заведование землей и предприятиями, планирование производства, предоставление кредита, налаживание обмена между городом и деревней, внешняя торговля. На уровне всей страны регулирующие функции переходили к Всероссийскому Совету Труда (ВСТ). Ряд мер был актуализирован в условиях экономического кризиса. Так, предполагались отмена обесценившихся денег и установление натуральной оплаты труда, реквизиция торговых предприятий и учет «всех продуктов земли и товаров». Снабжением населения должны были заняться ФЗК и домовые комитеты. В области сельского хозяйства признавались три уклада: индивидуальный (в том числе – хуторской), «товарищеский» (коллективный) и общинный. Манифест признал власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на период формирования новой системы. Им предстояло создать ВСТ, провести намеченные в «Манифесте» меры¹⁴⁶.

Эту модель социальных преобразований многократно дублировали анархо-коммунистические публицисты и авторы деклараций. Происходила и проработка отдельных вопросов строительства нового общества (аграрного¹⁴⁷, медицинского¹⁴⁸ и др.). Большие надежды

---

¹⁴⁴ Горшков Н. Петроград 19-го ноября 1917 г. // Буревестник. № 8. 19 ноября 1917. С. 1.

¹⁴⁵ Товарищи! // Анархия. № 8. 26 октября 1917. С. 1; Анархия – мать порядка! // Анархия. № 8. 26 октября 1917. С. 1.

¹⁴⁶ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1936 гг. Т. 2. С. 66–68.

¹⁴⁷ Анархист-Коммунист. Письмо товарищам-рабочим // Буревестник. № 1. 11 ноября 1917. С. 2; Резолюция. По земельному вопросу, предложенная III Всероссийскому Съезду Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов фракции анархистов-коммунистов // Буревестник. № 13 (52). 20 января 1918. С. 1.

¹⁴⁸ Атабекян А. М. К вопросу об организации общественной медицины на общинно-кооперативных началах // Анархия. № 76. 4 июня 1918. С. 2–3.

возлагались на кооперативы, имеющие «организационные навыки, <...> организованный рынок, огромный распределительный аппарат»¹⁴⁹. В ряде вопросов, как в преобразовании промышленности, «бунтари» были готовы пойти на компромисс, связанный с поэтапным введением анархо-коммунистического строя. Например, выступая 16 ноября на V конференции ФЗК Петрограда и окрестностей, анархист-коммунист И. Жук предлагал, в качестве первого шага к социализации производства, передачу «во всенародное достояние» закрытых хозяевами предприятий¹⁵⁰. Признавалось необходимым использовать государственные банки для обеспечения льготного кредита под залог продукции предприятиям, превращенным в «рабочие артели»¹⁵¹. Карелин в декабре 1917 г. предложил создать Всероссийский Рабочий съезд, целью которого стало бы провозглашение социализации производства и восстановление связи между предприятиями. Предполагалось, что он создаст «Всероссийский Рабочий банк» для кредитования производства¹⁵². А. Дубровский предлагал провести финансовую реформу: заменить денежные знаки на квитанции с обозначением рабочего времени, установив по трудовым часам цены на товары и услуги¹⁵³. В условиях нарастающего дефицита товаров, приближающегося голода, разрушения экономических связей между регионами, зимой – весной 1918 г. анархисты-коммунисты предлагали проекты решения насущных экономических проблем. Так, предполагалось создать из безработных «Революционную гвардию» для защиты революции и выполнения общественных работ¹⁵⁴. Ковалевич, в марте 1918 г. призывал ввести трудовую повинность. В качестве мер по борьбе с безработицей он рассматривал также сокращение рабочего дня до 4–6 часов, освобождение безработных от платы за жилье, наделение их квартирами. Для предотвращения голода предполагалось конфисковать продукты питания и промышленные товары, передать их «продо-

---

¹⁴⁹ Медлить нельзя // Анархия. № 8. 26 октября 1917. С. 1.

¹⁵⁰ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1936 гг. Т. 2. С. 42; Октябрьская Революция и Фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть III. Октябрь. 2-е издание. Токио. Waseda University. 2001. С. 47.

¹⁵¹ Анархист-Коммунист. Письмо товарищам-рабочим. С. 2.

¹⁵² Анархисты. Документы и материалы. 1883–1936 гг. Т. 2. С. 100.

¹⁵³ Дубровский А. Уничтожение денег // Анархия. № 39. 9 апреля 1918. С. 1.

¹⁵⁴ Молотов. К моменту // Буревестник. № 27. 14 декабря 1917. С. 1.

Лев Черный

(Павел Дмитриевич Турчанинов), 1878-1921.

Весной 1918 г. в Москве была создана Черная Гвардия как ответ на создание советским правительством Красной Армии. Работу по созданию Черной Гвардии возглавлял секретарь Московской федерации анархических групп (МФАГ) Лев Черный. Он считал, что вскоре «народ, изверившись в социал-демократии, провозгласит Анархизм своим идеалом», захватив в общенародное пользование «орудия производства и предметы потребления».

вольственным организациям» и распределять по трудовым карточкам. Планировалось создать дешевые или бесплатные столовые, где работали бы нуждающиеся в пище¹⁵⁵.

Не меньший радикализм демонстрировали анархисты-индивидуалисты. Павел Турчанинов заявлял, что вскоре «народ, изверившись в социал-демократии, провозгласит Анархизм своим идеалом», захватив в общенародное пользование «орудия производства и предметы потребления»¹⁵⁶. Он предложил проект обобществления земли, предполагая распределить ее среди жителей России по потребительской норме, на принципах индивидуальной и артельной обработки¹⁵⁷. Турчанинов также разработал план социализации кожевенной промышленности на кооперативных принципах¹⁵⁸. Теоретик «неонигилизма» Андрей Андреев призвал к прекраще-

---

¹⁵⁵ Ковалевич К. Что делать? // Анархия. № 10. 3 марта 1918. С. 3; Ковалевич К. Безработица и голод // Анархия. № 15. 10 марта 1918. С. 1; Скворцов Н. О спекуляции // Анархия. № 15. 10 марта 1918. С. 4.

¹⁵⁶ Лев Черный [Турчанинов П.Д.] Значение октябрьских событий // Буревестник. № 20. 6 декабря 1917. С. 3.

¹⁵⁷ Лев Черный [Турчанинов П.Д.] Аграрный вопрос в 21 тезисе // Анархия. № 10. 3 марта 1918. С. 3.

¹⁵⁸ Лев Черный [Турчанинов П.Д.] Проект социализации кожевенной промышленности // Анархия. № 28. 27 марта 1918. С. 2.

нию производства и борьбе за полное разрушение существующего общества, рассчитывая заменить его добровольными ассоциациями индивидов. Он подверг критике анархо-синдикалистов за их стремление вести конструктивную работу в рамках существующего общества, указывая, что первоначально необходимо его радикальное и всестороннее разрушение. При этом он обвинял в мелкобуржуазных, собственнических настроениях как продающих свою продукцию крестьян, так и рабочих, показывая негативную реакцию последних на социализацию жилья в Харькове. Андреев призывал использовать акты индивидуальной и коллективной экспроприации богатств для подрыва рыночных отношений. Тем не менее, он возлагал надежды и на организацию «потребительски-производительных коммун». Определенной общественной модели основоположник «неонигилист» не предлагал, считая, что человек должен двигаться к новым идеалам свободы, преодолевая любые ограничения общества¹⁵⁹. Приоритетность разрушения социальных институтов перед конструктивными задачами отстаивали и представители других течений анархизма¹⁶⁰.

Осенью 1917 – весной 1918 гг. в своих изданиях «бунтари» приводили факты экспроприации земли, предприятий и жилья, проводя мысль о приближении решающего этапа борьбы¹⁶¹. Так, в марте 1918 г. Скворцов оценивал ситуацию, как переход революции от этапа «чисто политического» к стадии борьбы за установление безгосударственных коммунистических отношений¹⁶². «Массы, левеющие не по дням, а по часам, гигантскими шагами сами приближаются к нашей программе Коммунистической Социальной Революции»¹⁶³, – писал Александр Ге. Надеясь на стихийные действия масс, «бунтари» начали создавать вооруженные отряды. Один из первых призывов к их

---

¹⁵⁹ Александр [Андреев А. Н.] К моменту // Безвластие. № 1. Март 1918. С. 3; Андрей [Андреев А. Н.] Что такое анархия? // Буревестник. № 20 (59). 28 января 1918. С. 2, № 21 (60). 30 января 1918. С. 2; Андрей [Андреев А. Н.] Ко всем! // Безвластие. № 1. Март 1918. С. 2.

¹⁶⁰ См., например: *Ценципер И.* Так что же нам делать? // Под черным знаменем. № 1. Январь 1918. С. 3.

¹⁶¹ Редакция «Буревестника». Экспроприация жилищ // Буревестник. № 29. 16 декабря 1917. С. 1; *Андрюнин М. А.* Утопия или факт? // Буревестник. № 37. 29 декабря 1917. С. 1.

¹⁶² *Н. С.* [Скворцов Н.] Этапы революции // Анархия. № 10. 3 марта 1918. С. 2.

¹⁶³ *Ге А.* Перспективы и задачи // Буревестник. № 6 (45). 12 января 1918. С. 1.

формированию выдвинул активист ПФАГ Борис Верхоустинский: «Идти впереди восставшего народа, прокладывать ему путь пушками и штыками – вот то, что одухотворит бойцов и сделает их львами. <...> Для организованного удара по Капиталу и по Власти, для смертельной битвы за Социальную Революцию – вот для чего необходимы эти вооруженные кадры. <...> Мы признали, что: Земля – народу. Фабрики – народу. Дворцы – народу. Да будет так: массы слабы для осуществления этого, вольные дружины или помогут им своей силой или умрут вместе с ними»¹⁶⁴. Абба Гордин также призывал использовать силы анархических боевых дружин «для переходного к анархии периода»¹⁶⁵. В марте 1918 г. в Москве началось формирование отрядов «Черной гвардии» при МФАГ. Ее целью была борьба против внутренней и иностранной контрреволюции¹⁶⁶. Эти призывы и действия не сопровождалось, однако, подготовкой свержения большевиков, хотя Верхоустинский, Ге и Гордин допускали такой вариант в будущем. Анархисты придерживались идеи единого революционного фронта. Лидеры ПФАГ и МФАГ опровергали слухи о подготовке восстания против большевиков¹⁶⁷. Более того, часть отрядов была ликвидирована. Так, 11 марта 1918 г. был распущен Штаб Анархических Боевых Дружин Петрограда¹⁶⁸.

Несмотря на радикализм «бунтарей», часть из них в 1918 г. приняла идеи «переходного периода», сомневаясь, что при распаде экономической системы удастся реализовать программу анархического коммунизма. В марте на эти позиции перешел Ковалевич, утверждавший, что «анархия, как мы ее понимаем, еще не скоро будет». Переходный этап к ней станет «безвластный социализм», «коммунистический социализм», связанный с восстановлением полномочия Советов. Он предполагал, что объединившись с профсоюзами в Российскую федерацию производителей и потребителей, Советы реорганизуют управление экономикой на началах самоуправления и федерализма.

---

¹⁶⁴ *Верхоустинский Б. А.* Анархические дружины // Буревестник. № 35. 23 декабря 1917. С. 1.

¹⁶⁵ *Бр. Гордин.* Боевые дружины // Анархия. № 25. 23 марта 1918. С. 1.

¹⁶⁶ В Совете Московской Федерации Анархистских Групп // Анархия. № 13. 7 марта 1918. С. 4.

¹⁶⁷ *Бр. Гордины.* Анархический переворот // Буревестник. № 48 (87). 27 (14) марта 1918. С. 1.

¹⁶⁸ Буревестник. № 46 (85). 24 (11) марта 1918. С. 1.

Постепенно будет устранена «властность», ликвидирована частная собственность, решен жилищный вопрос и восстановлен продуктообмен города с деревней¹⁶⁹.

Особое место среди анархистских теоретиков занимал Филипп Маркович Неусыпов, издатель журнала «Революционное творчество». В декабре 1917 г. он сформулировал концепцию «единого анархизма», призванную примирить различные течения. Он признал, что каждое из них имеет право на существование, поскольку «психофизическая сущность и смысл жизни личности абсолютно неодинаковы во всех индивидах». Каждое анархическое учение удовлетворяет «в полной мере запросы разнохарактерных личностей, разнородных органически связанных с натурой индивидуальных миропониманий»¹⁷⁰. Он допускал сосуществование различных безвластных моделей общества: «раз все они имеют в основе своей общие принципы анархизма, то и в организации тех или других форм социальных отношений, в среде отдельных групп в стране анархии должна быть также допущена известная свобода»¹⁷¹. Кроме того, он выдвинул программу «переходного периода» на пути к анархическому строю. С точки зрения Неусыпова «переходно-революционный процесс», ведущий общество к анархической модели, приведет сначала к образованию на месте Российской империи Всероссийского Политического Союза Федеративных Республик, состоящих «из групп автономных штатов»¹⁷². Этот процесс он попытался продемонстрировать на примере Уральского казачьего войска, поскольку сам был выходцем из среды казаков. Учитывая экономический уклад, исторические традиции и современный быт казачества, Неусыпов считал, что вскоре казаки «принципы федерации сделают основой своей социальной жизни»¹⁷³. Казачью автономию Неусыпов предлагал строить, как федеративный союз автономных станиц, управляемый по системе делегирования и «прямой демократии. Войсковой съезд должен был выполнять "законосовещательную" роль и контролировать исполнительную власть. Предполагалась реорганизация эко-

---

¹⁶⁹ Ковалевич К. Вопросы дня // Анархия. № 69. 26 мая 1918. С. 2.

¹⁷⁰ Марк Вольный [Неусыпов Ф. М.] Единая платформа анархизма // Буревестник. № 32. 20 декабря 1917. С. 2–3.

¹⁷¹ Там же. С. 3.

¹⁷² Неусыпов Ф. М. Основы и формы организации автономии Уральского Казачьего Войска // Революционное творчество. № 1–2. Январь – февраль 1918. С. 91.

¹⁷³ Там же. С. 93.

номики на основе кооперативного сектора. Различные области жизни общества должны были регулировать отраслевые съезды, состоящие из делегатов станиц. Их решения считались бы действительными после утверждения станичными сходами (общими собраниями жителей), причем в состав казаков предлагалось принять "иностранцев" (из давних живших там переселенцев). Исполнительная власть должна была перейти к избираемым съездами и работавшим под их контролем советам или комитетам, объединенным в единый орган – "Войсковой круг"¹⁷⁴. Реорганизацию экономической жизни России Неусыпов предлагал провести на основе уже имеющейся сети кооперативов. В условиях развала экономических связей, краха единой денежной системы, полагал он, гораздо проще будет перейти непосредственно к безденежному обмену между кооперативными организациями¹⁷⁵.

Наиболее подробную программу «переходного периода» представил Атабекян, предлагавший временно сохранить рыночные отношения. ФЗК, Советы и домовые комитеты должны были стать основой переходной системы самоуправления. Он идеализировал Советы, веря в их потенциал для подготовки либертарно-коммунистической революции, но главную роль в преобразовании общества уступал домовым комитетам, предполагая, что они возьмут в свои руки организацию безопасности и снабжения горожан продуктами¹⁷⁶. Государство формально сохранялось, но его функции перешли бы в руки общественного самоуправления: «Таким образом, государство будет организовано на начале свободной кооперации, сельских (земских) и домовых (городских) общин, вместо принудительного объединения централизованной правительственной властью»¹⁷⁷. Социализированный сектор экономики (управляемые профсоюзами промышленные предприятия, находящаяся в ведении домовых комитетов городская недвижимость, перешедшие в руки коллективов рабочих и батраков крупные поместья) должен был сосуществовать с традиционным для России «общинным землепользованием», хуторскими и ремесленными хозяйствами. Предполагалось сохранить денежное обращение и налоги. Их сбор и распределение перешли бы к общим собраниям сельских общин и жи-

---

¹⁷⁴ Там же. С. 98–101.

¹⁷⁵ Неусыпов Ф. М. Организация безденежного кооперативного товарообмена // Революционное творчество. № 1–2. Январь – февраль 1918. С. 112–113, 116.

¹⁷⁶ Атабекян А. М. Против власти. С. 31–32, 110–112, 114.

¹⁷⁷ Там же. С. 96.

телей домов в городах. На домовые комитеты и общины возлагались функции социальной помощи. Организация народного образования, здравоохранения, городского хозяйства, связи, транспорта, утверждение бюджетных смет и уровня оплаты труда переходила к профсоюзам. Финансирование общественных служб за счет налогов предполагало бесплатное пользование ими. Предполагалось создать Союз Земских Народных Банков (СЗНБ) – федерацию домовых, районных, городских, уездных и губернских касс и земских народных банков. К их функциям должны были относиться: ликвидация Государственного банка, выпуск денежных знаков, регулирование метрической и монетной систем, хранение средств низовых ячеек самоуправления, учет общественных богатств, финансирование общественных служб, кредитование производства и товарообмена. Экспроприация частных банков не планировалась. Предполагалось, что СЗНБ вытеснит их в конкурентной борьбе. Руководство территориальными общинами должно было перейти к «советам трудовых делегатов» (представителей профсоюзов общественных служб). Предполагалось, что в заводских комитетах будут представлены технические специалисты и даже бывшие владельцы. В рамках новой системы управления должна была сохраниться полиция («наружная охрана»), нанимаемая домовыми комитетами. Должен был существовать и профессиональный суд, имеющий третейский характер, избираемый домовыми комитетами из числа юристов, объединенных в профсоюз. Армию предполагали создавать по территориальному принципу. Контроль за ней и снабжение оставались в ведомстве домовых комитетов и сельских общин, организация и командование передавались профсоюзу офицеров¹⁷⁸.

Активисты САСП также не ставили вопрос о немедленном введении анархического коммунизма. По их модели, преобразования должны были проводиться рабочими организациями, постепенно вытесняющими государственные структуры из сферы активной общественной жизни: «не обращайтесь внимания ни на какую власть, а творите сами свою жизнь: там, где остановились заводы, их нужно не государству передавать, а брать в свои руки, налаживая самим работу завода, и добывание сырья и топлива, и сношения с деревней и другими заводами»¹⁷⁹. Прежде всего, речь шла о решении продовольственного вопроса путем социализации торговли, изъятия продуктов пита-

---

¹⁷⁸ Там же. С. 33, 96, 103–104, 106–107, 114–119, 121, 125.

¹⁷⁹ Павлов Н. В чем выход? // Голос труда. № 4 (28). 28 января 1918. С. 3.

ния «из частно-торгового оборота» и передаче их кооперативам¹⁸⁰. Предполагалось решить жилищный вопрос, социализировав жилье и через домовые комитеты распределив его среди нуждающихся. Федерации домкомов управляли бы городским хозяйством и регулировали потребление¹⁸¹. ФЗК должны были управлять промышленными и транспортными предприятиями, объединившись в отраслевые и межотраслевые союзы¹⁸². Органами управления стали бы общие собрания трудового коллектива, жителей дома и квартала, а также избираемые для взаимодействия советы делегатов¹⁸³. Координационные функции переходили к Всероссийскому рабочему съезду представителей рабочих организаций. Предполагалось конфисковать банковские капиталы, передав их созданному для кредитных операций «Рабочему банку». ФЗК должны были наладить продуктообмен с крестьянами и центрами добычи природных ресурсов¹⁸⁴. Впоследствии товарообмен и организация общественного питания, перешли бы к рабочей кооперации¹⁸⁵. Члены САСП рассматривали фабзавкомы как «единственно жизненные и близкие рабочим массам организации», идущие на смену профсоюзам, лишенным серьезного влияния на предприятиях и потому не имеющим права вмешиваться в рабочий контроль¹⁸⁶. Для преодоления безработицы предлагалась организация общественных работ, преимущественно для ремонта транспортных средств¹⁸⁷.

---

¹⁸⁰ Волин. [Эйхенбаум В. М.] Вторая революция. С. 1–2; Волин. [Эйхенбаум В. М.] Революция и анархизм. С. 52.

¹⁸¹ Волин [Эйхенбаум В. М.] Грядущие задачи // Голос труда. № 22. 9 (20) декабря 1917. С. 1; Максимов Г. П. К чему стремятся анархо-синдикалисты // Голос труда. № 24. 23 декабря 1917 (5 января 1918). С. 2.

¹⁸² Волин [Эйхенбаум В. М.] Грядущие задачи // Голос труда. № 24. 23 декабря 1917 (5 января 1918). С. 1–2; Волин [Эйхенбаум В. М.] Как быть? // Голос труда. № 19. 18 (1) декабря 1917. С. 2; Максимов Г. П. К чему стремятся анархо-синдикалисты. С. 2.

¹⁸³ Максимов Г. П. К чему стремятся анархо-синдикалисты. С. 2.

¹⁸⁴ Волин [Эйхенбаум В. М.] Грядущие задачи // Голос труда. № 24. 23 декабря 1917 (5 января 1918). С. 1–2; Волин [Эйхенбаум В. М.] Как быть? С. 2.

¹⁸⁵ Максимов Г. П. К чему стремятся анархо-синдикалисты. С. 2.

¹⁸⁶ См., например: Октябрьская Революция и Фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть III. С. 48; Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 42.

¹⁸⁷ Волин [Эйхенбаум В. М.] Грядущие задачи // Голос труда. № 24. 23 декабря 1917 (5 января 1918). С. 1–2; Волин [Эйхенбаум В. М.] Как быть? С. 2.

Решение аграрного вопроса лидеры САСП видели в социализации земли, организации ее обработки «на артельных, мирских, общинных началах» при распределении сельскохозяйственной продукции «по едокам». Управление на селе перешло бы к волостным, уездным, губернским и областным крестьянским советам¹⁸⁸. Профсоюзы сохраняли функцию социальной защиты населения. Организация учреждений образования и культуры становилась задачей «рабочих и крестьянских культурно-просветительных организаций». Лидеры САСП полагали, что органы самоуправления возьмут на себя и «подавление буржуазных контрреволюционных попыток», парализовав «полицейские функции государства»¹⁸⁹. На практике же анархо-синдикалисты могли занимать умеренную позицию в отношении социализации производства. Так, Шатов, выступая на V конференции ФЗК Петрограда, заявил, что в настоящий момент достаточно «самого широкого контроля рабочих» над производством, «проводимого исключительно через фабрично-заводские комитеты»¹⁹⁰.

Иную позицию заняли московские синдикалисты, в феврале 1918 г. объединившиеся в Московский Союз Революционно-Синдикалистской Пропаганды (МСРСП). Его лидерами были Н. Лебедев, Н. Проферансов, Н. Критская. МСРСП стоял на позициях революционного синдикализма, выступая за развитие «классовых профессиональных союзов, организующих всех рабочих независимо от их политических настроений»¹⁹¹. Считая существование ФЗК нарушающим единство рабочего класса, московские синдикалисты поддерживали их включение в состав профсоюзов в феврале 1918 г.¹⁹² Участие в Советах МСРСП отверг, считая эти организации «партийными». В качестве альтернативы предполагалось создать «Советы рабочих союзов» из профсоюзных делегатов¹⁹³. Активисты МСРСП призывали

---

¹⁸⁸ *Волин [Эйхенбаум В. М.]* Грядущие задачи // *Голос труда*. № 21. 2 (13) декабря 1917. С. 1; *Максимов Г. П.* К чему стремятся анархо-синдикалисты. С. 2.

¹⁸⁹ *Максимов Г. П.* К чему стремятся анархо-синдикалисты. С. 2–3.

¹⁹⁰ Октябрьская Революция и Фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть III. С. 48.

¹⁹¹ *Наша газета // Рабочая жизнь*. № 1. 25 (12) февраля 1918. С. 1.

¹⁹² *Балин*. Профессиональные союзы и фабр<ично>-заводские комитеты // *Рабочая жизнь*. № 1. 25 (12) февраля 1918. С. 2.

¹⁹³ *З.И.М.* Синдикалисты и Советы // *Рабочая жизнь*. № 4. 18 (5) марта 1918. С. 1; *Единый фронт // Рабочая жизнь*. № 7. 8 апреля (26 марта) 1918. С. 1.

к созданию «трудовой республики» на основе федерации самоуправляющихся профсоюзов. ФЗК следовало включить в их состав, кооперативы превратить в подчиненные профессиональным союзам организации¹⁹⁴. Органами власти стали бы Всероссийский и региональные советы рабочих союзов. Регулирование отношений между местностями предлагалось осуществлять на основе свободных договоров. Некоторое время должны были сохраниться товарно-рыночные отношения при замене денег «трудовыми бонами». После восстановления производства следовало ввести распределение по потребностям¹⁹⁵. Силами профсоюзов МСРСП предлагала перераспределить работу и сократить рабочее время, что решило бы проблему безработицы¹⁹⁶. Снабжение населения революционные синдикалисты предлагали решить через систему непосредственного обмена между крестьянскими организациями и профсоюзами¹⁹⁷.

В большинстве анархистских проектов преобразований центральное место занимали ФЗК. Расширению их полномочий уделялось большое внимание. Так, на II конференции ПФАГ (26–28 ноября 1917 г.) большинство делегатов поддержало идею вхождения в комитеты с целью пропаганды и подготовки к социализации производства. Немногие, как например В. Гордин, предлагали отказаться от участия в них. 15 ноября на V конференции ФЗК Петрограда и окрестностей синдикалисты предложили передать комитетам контроль над снабжением населения. Предполагалось усилить их роль в создаваемых большевиками органах управления экономикой. Так, на Советании председателей и секретарей ФЗК Петрограда (7 декабря) Блейхман требовал предоставить представителям комитетов большинство мест в составе Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ)¹⁹⁸. В своем выступлении на I Всероссийском съезде профсоюзов Григорий Максимов, выступивший с резолюцией фракции анархо-синдикалистов, предлагал превратить ВСНХ в совет представи-

---

¹⁹⁴ *Балин*. Профессиональные союзы и фабр<ично>-заводские комитеты. С. 2; *Балин*. Трудовая Россия // Рабочая жизнь. № 7. 8 апреля (26 марта) 1918. С. 1; *Солонович А. А.* Пролетариат и кооперация // Рабочая жизнь. № 28 16 сентября 1918. С. 2.

¹⁹⁵ *Балин*. Трудовая Россия. С. 1–2.

¹⁹⁶ *Милич Н.* Безработица // Рабочая жизнь. № 1. 25 (12) февраля 1918. С. 2.

¹⁹⁷ *Балин*. Профессиональные союзы и Биржа Труда // Рабочая жизнь. № 3. 11 марта (26 февраля) 1918. С. 1.

¹⁹⁸ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 41–43, 81–82.

телей отраслевых и региональных федераций «фабрично-заводских, железнодорожных, банковых, торгово-промышленных, домовых <...> комитетов»¹⁹⁹. Большинство анархистов уже не рассматривали профсоюзы как организующую силу революции. Считая, что они утратили свое революционное значение, активисты САСП объявили ФЗК организацией рабочего класса, соответствующей «новым революционным формам экономико-политической жизни»²⁰⁰. Они предлагали подчинить профсоюзы комитетам, оставив задачу социального обеспечения и просвещения рабочих²⁰¹. Также Ковалевич утверждал, что в условиях назревшей реорганизации производства на анархо-коммунистических началах «профессиональные союзы разных рангов должны покончить свое существование», их заменит объединение ФЗК, которое возьмет в свои руки обмен продуктами²⁰². Другим органом, воспринимаемым как ячейка либертарного строя были домовые комитеты, охранявшие дома и защищавшие жильцов от произвола домовладельцев и властей²⁰³.

После Октябрьского переворота среди анархистов усилились разногласия во взглядах на роль Советов. Многие призывали бойкотировать их, поскольку считало новыми органами власти. Так, в заявлении редакции органа ПФАГ, газеты «Буревестник», в начале декабря 1917 г. говорилось: «С того же момента, когда в руки советов перешла государственная власть и эти выборные классовые учреждения начали издавать законы-приказы, стали указывать, что неповиновение этим законам люди должны быть наказаны тюремным заключением, штрафами, обязательными, то есть, рабскими работами, – с этого времени анархистам нельзя входить в эти властные государственные учреждения, стало невозможным покрывать их деятельность своим присутствием»²⁰⁴. Однако многие признавали власть Советов как меньшее зло по сравнению с правосоциалисти-

---

¹⁹⁹ 1-й Всероссийский съезд профессиональных союзов // Голос труда. № 4 (28). 15 (28) января 1918. С. 3; Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 265.

²⁰⁰ Профессиональные союзы и фаб<рично>-заводск<ие> комитеты // Голос труда. № 6 (30). 17 (30) января 1918. С. 2.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Ковалевич К. Непроизводительная трата сил // Анархия. № 29. 28 марта 1918. С. 1.

²⁰³ См., например: Гр. Лапоть [Максимов Г. П.] Жилищный вопрос // Голос труда. № 19. 18 (1) декабря 1917. С. 2–5.

²⁰⁴ Петроград 3-го декабря 1917 г. // Буревестник. № 18. 3 декабря 1917. С. 1.

ческой и белогвардейской контрреволюцией. «Мы не пойдем в советы. Но мы не пойдем против них, а мимо них»²⁰⁵, – писал, например, А. Гордин, выражая позицию МФАГ. Однако анархо-синдикалисты и часть «бунтарей» приняли противоположную точку зрения. Так, на II конференции ПФАГ большинство делегатов поддержали вхождение в Советы с целью пропаганды, при отказе от участия в исполнительных и судебно-карательных органах. Отдельные делегаты, как Г.М. Богацкий, предлагали войти и в исполнительные структуры, рассчитывая преобразовать их, как и Советы²⁰⁶. Активист САСП А. Гиттерман писал: «В настоящее время, Советы являются теми организациями, которые, – впервые в истории революционной борьбы, – объединяют весь революционный народ на принципе автономности и самостоятельности»²⁰⁷. Он призвал анархо-синдикалистов входить в их состав для ведения пропаганды. Другой активист САСП А. Шапиро надеялся превратить Советы «в органы самой интенсивной самодеятельности на местах, по всем отраслям политического, экономического и социального быта, <...> в неизбежных предшественников Свободных Коммун»²⁰⁸. Анархо-синдикалисты не исключали и превращения этих организаций в послушное орудие СНК. «Ваши Советы и другие организации на местах должны будут, понемногу, стать простыми исполнительными органами воли центрального правительства»²⁰⁹, – утверждал, например, Волин. Наиболее радикальное крыло движения призывало бойкотировать Советы, рассматривая их, как органы власти и диктатуры РКП(б)²¹⁰. А отдельные, немногочисленные группы, даже выдвигали призывы к боевым акциям против них. «Относясь отрицательно к Советам, как учреждениям государственным, считаем необходимым бороться с ними путем террора»²¹¹, – заявлялось в резолюции группы «Возрождение», действовавшей в Харькове.

---

²⁰⁵ Бр. Гордин. К перевыборам советов // Анархия. № 38. 7 апреля 1918. С. 1.

²⁰⁶ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 81–82.

²⁰⁷ Рабочий Альфа [Гиттерман А.] Вопросы тактики // Голос труда. № 19. 18 (1) декабря 1917. С. 3.

²⁰⁸ Шапиро А. Коммуна и Советы // Голос труда. № 4 (28). 15 (28) января 1918. С. 1.

²⁰⁹ Волин [Эйхенбаум В. М.] Революция и анархизм. С. 58.

²¹⁰ См., например: Дрикер Н. Ко всем... // Безвластие. № 1. Март 1918. С. 2.

²¹¹ Резолюция группы «Возрождение» Харьковской Федерации Анархистов-Коммунистов для Всероссийского Съезда Анархистов // Безвластие. № 1. Март 1918. С. 16.

К зиме 1918 г. среди анархистов-коммунистов сформировалось течение сторонников участия в Советах. В середине января, на III Всероссийском Съезде Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов образовалась фракция анархистов-коммунистов численностью 16 человек. Из них 3 делегата (А. Ге, Ф. Горбов и Г. Шачнев) были избраны во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), заявив, однако, что входят в него «лишь с целью агитации и пропаганды», не принимая участия в голосованиях²¹²: «Мы выступаем по всем вопросам со своими резолюциями. Провести их мы, конечно, не рассчитываем, а смотрим на свои выступления исключительно, как на политические, имеющие демонстративный характер»²¹³. Деятельность фракции вызвала раскол в движении. В январе 1918 г. из ПФАГ были исключены А. Карелин, Б. Верхоустинский, А. Ге и их сторонники. Их охарактеризовали, как «анархо-меньшевиков и полугосударственных коммунистов», участвующих в «парламентских интрижках», а Советы – как парламентские учреждения²¹⁴. Большинство ПФАГ, возглавляемое В. Гординым, Г. Богацким, Е. Чернознаменским и А. Андреевым, выдвинуло лозунг создания «Анархических Советов», консультативных по своим полномочиям, дающих рекомендации представителям трудящихся²¹⁵. На этом борьба не закончилась. Во время IV Всероссийского Съезда Советов (14–16 марта 1918 г.) сторонники Карелина и Ге совместно с членами фракции анархистов-коммунистов провозгласили создание Всероссийской федерация анархистов-коммунистов (ВФАК)²¹⁶. В апреле на страницах анархистских газет были опубликованы заявления протеста против участия анархистов во ВЦИК. Различные организации объявляли, что Ге не является их делегатом. Подобные заявления выпустили: САСП, МФАГ, редакционная колле-

---

²¹² 3-й Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов // Буревестник. № 13 (52). 20 января 1918. С. 1.

²¹³ С 3-го Всероссийского Съезда Советов Рабочих Солдатск<их> и Крестьянск<их> Деп<утатов> (Объединенного) // Буревестник. № 10 (49). 17 января 1918. С. 1.

²¹⁴ *Гефен К.* Они ушли... // Буревестник. № 15 (54). 23 января 1918. С. 1; *Баян Пламень.* Вакханалия парламентаризма // Буревестник. Буревестник. № 15 (54). 23 января 1918. С. 2.

²¹⁵ Товарищи матросы, солдаты, рабочие и крестьяне! // Буревестник. № 29 (68). 22 (9) февраля 1918. С. 1.

²¹⁶ Извещение IV Всероссийского Съезда Советов в Москве. С. 1.

гия газеты «Анархия», Организация анархистов Кронштадта, Союз Анархистов-Синдикалистов-Коммунистов Кронштадта, фракция Анархо-Синдикалистов IV Всероссийского Съезда Советов, редакция газеты «Голос труда», Федерация анархистов Одессы, Московский Союз Анархо-Синдикалистов, Группа Анархистов-Коммунистов Интернационалистов, коллектив русских анархистов Женевы, группа анархистов-коммунистов «Взаимопомощь»²¹⁷. Издательская группа «Голоса труда» назвала сторонников Ге и Карелина «анархистами-шкурниками», обвинив в карьеризме и манипуляции: «Пользуясь слабой связью между нашими организациями, разрозненностью наших сил, они не стесняются выдавать себя за "представителей" мифических, не существующих анархических групп и организаций». По мнению анархо-синдикалистов, такие действия превращали анархистское движение «в марионетку в руках совета народных комиссаров»²¹⁸.

Оставаясь противниками парламентаризма, анархисты призвали бойкотировать выборы в Учредительное собрание, прошедшие в ноябре 1917 г. Они предполагали, что этот орган превратиться в «буржуазно-социалистическое» учреждение, тормозящее развитие революции, или же – в опору диктатуры большевиков²¹⁹. Исходя из этого, анархисты одобрили и его роспуск²²⁰. Между тем, несоответствие политики СНК радикальным ожиданиям анархистов вызывало все новые и новые обвинения большевиков в предательстве интересов рабочего класса и крестьянства. Вместо передачи власти Советам на местах большевики создали централизованную государственную власть, сформировали новые карательные органы (Всероссийскую чрезвычайную комиссию), препятствовали захватам рабочими фабрик и заводов, вместо социализации промышленности ограничи-

---

²¹⁷ Заявления // Голос труда. № 1 (59). 2 апреля 1918. С. 1; Заявления // Анархия. № 20. 17 марта 1918. С. 1.

²¹⁸ Анархисты, самозванцы и ЦИК // Голос труда. № 1 (59). 2 апреля 1918. С. 1.

²¹⁹ См., например: Вместо У<чредительного> С<обрания> // Голос труда. № 21. 2 (15) декабря 1917. С. 1; *Волин [Эйхенбаум В. М.] Революция и анархизм. С. 57–58; К выборам в Учредительное собрание // Анархия. № 6. 16 октября 1917. С. 2; Богдацкий Г. М. Товарищам рабочим и солдатам, крестьянам и матросам! // Буревестник. № 2. 12 ноября 1917. С. 1; Непомнящий. Новый этап революции // Буревестник. № 26. 13 декабря 1917. С. 2.*

²²⁰ См., например: Учредительное собрание // Голос труда. № 1 (25). 9 (22) января 1918. С. 1–2; *Ге А. Перспективы и задачи. С. 1; Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 121.*

лись введением рабочего контроля и национализацией²²¹. В январе 1918 г. в публикациях анархистов прослеживается тревога за дальнейшую судьбу революции. С одной стороны, они видели угрозу в антибольшевистских движениях, с другой стороны – в росте недовольства рабочих, крестьянства и рядовых военнослужащих нерешительностью большевиков. «Каковы итоги вашего трехмесячного управления страной? Каковы практические результаты вашей деятельности? Заключен ли вами мир? Добились ли вы "хлеба" для всех? Уничтожена ли вами частная собственность, – этот главный корень зла, на котором зиждется существующий – капиталистический строй? Нет, нет и нет. Вопрос о мире и поныне остается не разрешенным. Переговоры ведутся с представителями того класса, против которого мы все время боролись и боремся. <...> Цены на продукты изо дня в день повышаются. Спекулянты по-прежнему продолжают свое гнусное дело. Безработица увеличивается. Тысячи и десятки тысяч рабочих выбрасываются на улицу. Фабрики и заводы закрываются. Капиталисты явно стремятся увеличить в стране разруху. Они принимают все меры к тому, что бы заморить революцию голодом. Голод царит в России; он уже постучался в окошко и к нам. Революции грозит опасность. С одной стороны Калединщина и Семеновщина; с другой стороны армия недовольных нерешительностью, бездействием правительства – могут убить революцию в ее зародыше», – заявлял один из активистов Красноярского САСП²²². В статьях анархистских публицистов появилась аналогия между положением Ленина и Керенским, сметенным волной революционных выступлений²²³. По мнению Волина, лишь в вопросе о выходе России из войны СНК проявил решительность, в остальных вопросах правительство «со дня на день становится все умереннее и умереннее»²²⁴. Атабекян назвал декреты СНК «лживыми» и «уворованными» с целью завоевания популяр-

---

²²¹ См., например, статьи А. Ге (*Ал. Г. На очереди // Буревестник. 7 декабря 1917. С. 1*), А. Егорова (*Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 63*) и Н. Петрова-Павлова (*Павлов Н. В чем выход? С. 2*).

²²² *Рабочий Я. Л-нко. Открытое письмо к тт. большевикам // Сибирский анархист. 26 января 1918. [Электронная публикация: <http://otambove.ru/ccsp/?p=1755>. Дата обращения: 28.09.2016 г.]*

²²³ *И.С. К моменту // Сибирский анархист. 26 января 1918. [Электронная публикация: <http://otambove.ru/ccsp/?p=1781>. Дата обращения: 28.09.2016 г.]*

²²⁴ *Волин. Как быть? // Голос труда. № 19. 18 (1) декабря 1917. С. 2.*

ности у Временного правительства и левых политических партий²²⁵. Нарастающие экономические проблемы (банкротство предприятий, коллапс транспортной системы, нарушение связей промышленности с сырьевыми регионами, рост дефицита продуктов питания и товаров первой необходимости) анархисты связывали с централизацией, мешающей взаимодействию коллективов и индивидов. «Самодетельность убивается непоследовательностью и половинчатостью: большевики отошли от марксизма, но не подошли к анархизму; они на словах призывают массы к самодетельности, но, <...> на деле заставляют массу ждать благ от власти, прислушиваться к тому, что скажет центр, наверху»²²⁶, писал, например, Петров-Павлов. Начатая в ноябре 1917 г. постепенная национализация производства подверглась критике как нарушающая принцип «автономности организации производителей и потребителей»²²⁷. Протест вызвало и огосударствление Народного банка, созданного кооперативами и кредитовавшего их деятельность²²⁸. Ведущие анархистские издания уже в дни Октябрьского переворота были полны подтвердившихся вскоре прогнозов о развитии гражданской войны и военной интервенции стран Антанты²²⁹. «Мы не застрахованы от той возможности, что Российские революционеры будут атакованы английскими империалистами у Архангельска, а китайскими и японскими на Дальнем Востоке»²³⁰, – заявляли активисты МФАГ. Предполагалось, что северные и центральные регионы будут изолированы от сельскохозяйственных районов Украины и Южной России²³¹. Угрозу революции анархисты видели и в назревавшем конфликте между рабочим классом и крестьянством²³². Обсуждая альтернативу государственной монополии на товарообмен с деревней

---

²²⁵ Атабекян А. М. Против власти. С. 25.

²²⁶ Павлов Н. В чем выход? С. 3.

²²⁷ См., например: Ковалевич К. «Национализация» // Анархия. № 47. 26 апреля 1918. С. 2.

²²⁸ Кооператор-анархист. Большевики, банки и кооперация // Буревестник. № 36. 24 декабря 1917. С. 3.

²²⁹ См., например: К моменту // Анархия. № 8. 26 октября 1917. С. 1; Н. Солнцев [Блейхман И. С.] Гражданская война // Буревестник. № 1. 11 ноября 1917. С. 1.

²³⁰ К моменту // Анархия. № 8. 26 октября 1917. С. 1.

²³¹ Будьте готовы! // Голос труда. № 24. 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.). С. 1.

²³² См., например: Крестьянское дело // Сибирский анархист. 26 января 1918. [Электронная публикация: <http://otambove.ru/cccp/?p=1751>. Дата обращения: 28.09.2016 г.]

и распределение продовольствия, многие активисты встали на сторону крестьян. Так, Архангельская федерация анархистов в феврале 1918 г. призывала: «Деревня! Не слушай приказов города, не подчиняйся центру. Устраивай коммуны! Пусть Вольная деревня обменяет свои продукты с Вольным городом»²³³. Один из лидеров вологодских анархистов, А. Федоров, призывал рабочих в срочном порядке проявить инициативу, наладив производство необходимых для деревни товаров, на которые можно было бы обменивать продукты для города²³⁴.

Преследования оппозиции, проводимые новой властью, вызвали неоднозначную оценку анархистов. Так, лидеры САСП и сторонники А. Ге осудили убийство депутатов Учредительного собрания, кадетов Шингарева и Кокошкина, совершенное пробольшевистскими и проанархистскими матросами, отметив, что подобные расправы дают «повод и легкую возможность противникам революции <...> действуя на неустойчивые умы, отбросить их в лагерь равнодушных или – еще хуже – враждебно озлобленных»²³⁵. Анархисты публиковали заявления, осуждавшие введение цензуры и восстановление смертной казни²³⁶. Вместе с тем, в анархистской прессе можно встретить и оправдание репрессий. Так, активист ПФАГ, в ноябре 1917 г. писал, что закрывая газеты конституционных демократов и правых социалистов-революционеров, «правительство большевиков нанесло удар не свободной, а рептильной прессе, прессе пресмыкающейся, прессе продажной»²³⁷. Большинство ПФАГ, впоследствии исключившее Ге, одобрило убийство либеральных депутатов.

В 1917–1918 гг. среди активистов анархистских организаций постепенно утверждается представление о капиталистическом характере социально-экономической системы, установившейся в РСФСР. «Современный строй – по существу, в самой своей основе буржуазный, хотя бы в комиссариатах и сидели наиболее революционные представители рабочих»²³⁸, – писал активист МСРСП Н. Милич. В. Гордин харак-

---

²³³ Анархист. Орган Архангельской федерации анархистов. № 1. 20 февраля 1918. С. 2.

²³⁴ Федоров А. Борьба за власть и задачи рабочих // Анархист. Орган Архангельской федерации анархистов. № 1. 20 февраля 1918. С. 3.

²³⁵ Волин [Эйхенбаум В. М.] Судорога // Голос труда. № 1 (25). 9 (22) января 1918. С. 1.

²³⁶ Всякая власть портит людей... // Буревестник. № 29. 16 декабря 1917. С. 4.

²³⁷ Анархист-коммунист. Петроград 23-го ноября 1917 г. // Буревестник. № 10. 23 ноября 1917. С. 1.

²³⁸ Милич Н. «Диктатура» и пролетариат // Рабочая жизнь. № 8. 15 (2) апреля 1918. С. 1.

теризовал новый строй, как «диктатуру экс-пролетариата»: «Верхушкам пролетариата нужна была диктатура, чиновничьи места и верховодство, они пристроились и успокоились»²³⁹. Уже с ноября 1917 г. среди анархистов получила популярность оценка нового режима, его планов преобразований и проводимой политики, как государственного капитализма²⁴⁰. Ее возникновению способствовали как тенденция к государственному регулированию в эпоху Первой мировой войны, так и проводимая большевиками национализация, бюрократизация управления экономикой. Атабекян охарактеризовал государственный капитализм как «новую стадию хозяйственного развития»²⁴¹. Активист МСРСП Людмилиин утверждал, что переход к государственному капитализму произошел в результате Первой мировой войны. В рамках этого строя управление экономикой перейдет к государству, правящим классом станет интеллигенция – «аристократия знания и таланта», состоящая из «специалистов управления и политики». В политической сфере установится господство «одного определенного общественного настроения» – социалистического²⁴². Подробный анализ «государственно-капиталистической» модели дал Максимов в статье «Пути революции». При огосударствлении экономики, указывал он, возник «новый класс администраторов – новый класс, рождаемый преимущественно из недр так называемой интеллигенции»²⁴³. Государство стало коллективным собственником средств производства и эксплуататором пролетариев²⁴⁴.

Осенью 1917 – весной 1918 гг. среди анархистов преобладали надежды на всемирную революцию. «Социальная революция должна быть целью всех угнетенных, она надвигается и не только в одной России, ее признаки мы видим везде и всюду», писал, например Блейхман²⁴⁵. С этих позиций были подвергнуты критике переговоры о заключении мира с Германией и ее союзниками. Популярность при-

---

²³⁹ Бр. Гордины. Почему мы против диктатуры пролетариата – против советской власти? // Буревестник. № 70 (109). 23 (10) апреля 1918. С. 1.

²⁴⁰ См., например: Бортновский [Карелин А. А.] Государственный капитализм. С. 3–4.

²⁴¹ Атабекян А. М. Против власти. С. 52.

²⁴² Людмилиин. Смысл происходящего // Рабочая жизнь. № 22. 5 августа 1918. С. 1.

²⁴³ М. Сергеен [Максимов Г. П.] Пути революции // Вольный голос труда. № 4. 16 сентября 1918. С. 1.

²⁴⁴ Там же. С. 2.

²⁴⁵ Солнцев Н. [Блейхман И. С.] Гражданская война. С. 1. См. также воззвания ССААГ: Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 121.

обрела идея прекратить войну явочным порядком. В декабре – январе активисты САСП призвали солдат организованно покинуть фронт с оружием. Ожидалось, что этот акт вызовет волнения и дезертирство среди солдат противника, лишив морального оправдания попытки правительств Германии и Австро-Венгрии возобновить войну с Россией. Солдат призвали также к братанию с военнослужащими противника, ведению антивоенной агитации²⁴⁶. Эти взгляды были близки позиции Троцкого, избравшего путь прекращения войны без подписания мирного договора. Анархо-синдикалисты поддержали его в январе 1918 г., призвав отвергнуть ультиматум Германии о принятии невыгодных условий мира²⁴⁷. Тогда же редакция «Голоса Труда» обратилась к Петроградскому Совету и Центральному Совету ФЗК с предложением отправить рабочие делегации в воюющие страны для ведения революционной пропаганды²⁴⁸.

Несмотря на разногласия с большевиками, анархистские организации в ноябре 1917 – зимой 1918 гг. были сторонниками единства революционных сил в борьбе с контрреволюцией. Эти идеи высказывались уже в дни Октябрьского переворота²⁴⁹. «Пока большевики не подались вправо, пока они еще продолжают вести борьбу – борьбу не бумажную только, а фактическую – с контрреволюцией и буржуазией, – мы будем бить вместе с ними, даже будучи их идейными противниками»²⁵⁰, – заявлял Ге. Аникст, член Издательской группы «Голоса труда», опровергая слухи о подготовке анархистами вооруженного восстания против большевиков в апреле 1918 г., писал: «Всякое вооруженное выступление, какой бы то ни было идейной группы революционеров, играло бы только на руку реставрационным планам буржуазно-монархических классов»²⁵¹. Усиление контрреволюцион-

---

²⁴⁶ Ге. А. Русская революция // Буревестник. № 8. 19 ноября 1917. С. 2; Волин [Эйхенбаум В. М.] Заключение мира // Голос труда. № 21. 2 (13) декабря 1917 г. С. 2; Его же. Революция и анархизм. С. 51; Товарищи солдаты! // Буревестник. № 3. 14 ноября 1917. С. 1; Солнцев Н. [Блейхман И. С.] Конец войны // Буревестник. № 10. 23 ноября 1917. С. 1–2.

²⁴⁷ Волин [Эйхенбаум В. М.] За Революцию // Голос труда. № 6 (30). 17 (30) января 1918. С. 1; Р. А. «Толстовство» ли? // Голос труда. № 19 (43). 14 февраля 1918. С. 2.

²⁴⁸ Спешите! // Голос труда. № 21 (45). 17 февраля 1918. С. 1.

²⁴⁹ См., например, позицию МФАГ: Что будет? // Анархия. № 8. 26 октября 1917. С. 1.

²⁵⁰ Ге А. Врозь идти, вместе бить // Буревестник. № 31. 19 декабря 1917. С. 1.

²⁵¹ Рабочий Альфа [Гиттерман А.] О так называемом «выступлении» анархистов. С. 1. См. аналогичное заявление Донской группы анархистов Москвы от 11 апре-

ных выступлений (бои на Украине, мятеж донских казаков во главе с Калединым на Дону, формирование отрядов Белой гвардии на Юге России и Дальнем Востоке) укрепили идею «единого революционного фронта», о необходимости которого часто писали анархистские публицисты²⁵². На наступление германских войск в январе – марте 1918 г. анархисты ответили призывом к организации революционной войны. «Только одно важно для нас: спасение и победа революции. <...> Все мы, как один человек, все без исключения должны встать на защиту революции, взять ружье и идти на последний бой», – писал Волин²⁵³. А. Н. Андреев даже призвал социалистов забыть о борьбе за власть и межпартийной борьбе и с оружием в руках выступить против контрреволюции: «Кто бы вы ни были и к каким бы партиям не принадлежали, знайте, что готовится страшный суд над великой революцией. Забудьте все партийные споры и раздоры о том, кому должна принадлежать власть на земле, большевикам или меньшевикам. <...> Без колебаний, все к оружию!»²⁵⁴ К организации боевых анархических дружин против Германии призвали все влиятельные анархистские организации²⁵⁵. Подписание Брестского мира России с Германией и ее союзниками 3 марта 1918 г. вызвало новый конфликт анархистов с большевиками. Все анархистские организации осудили этот шаг, оценив его как «предательство международного социализма»²⁵⁶. А. Ге в своей речи на IV Чрезвычайном съезде Советов от имени фракции анархистов-коммунистов призвал отказаться от ратификации договора, продемонстрировав миру, что «Русская Революция не боится быть раздавленной немецким бронированным кулаком»²⁵⁷. Волин назвал договор «постыдной» и «пагубной» сделкой с империализмом, равносильной поражению революции. Ряд анархистов солидаризировались

ля 1918 г.: Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 221.

252 См., например: *Ценципер И.* Так что же нам делать? С. 3.

253 *Волин В.* За революцию! // *Голос труда.* № 23 (47). 20 февраля 1918. С. 1.

254 *Зенон.* Революционеры! // *Безвластие.* № 1. Март 1918. С. 6.

255 К оружию! // *Анархия.* № 10. 3 марта 1918. С. 1; *Бр. Гордин.* Война и мир // *Анархия.* № 11. 5 марта 1918. С. 1; *Бармаш В. В.* Слушай товарищ! // *Анархия.* № 11. 5 марта 1918. С. 1; *Богацкий Г. М.* Накануне ужасов // *Буревестник.* № 28 (67). 21 (8) февраля 1918. С. 2; Признать ли мир или воевать? // *Рабочая жизнь.* № 2. 4 марта (19 февраля) 1918. С. 1.

256 См., например: *Атабекян А. М.* Против власти. С. 45; *Бр. Гордины.* Сепаратный мир // *Буревестник.* № 32 (71). 26 (13) февраля 1918. С. 1–2.

257 Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 140.

с левыми эсерами, также выступившими против Брестского договора²⁵⁸. Серьезными были сомнения в долговременности мира. Многие, как активисты МСРСР, исходили из необходимости готовиться к сопротивлению предстоящей германской агрессии²⁵⁹. Анархисты призывали усилить борьбу с контрреволюцией внутри страны, провести социальные преобразования в либертарном духе. С их точки зрения, дело организации обороны должны были взять на себя рабочие и крестьянские организации²⁶⁰.

Весной 1918 г. начались акции ВЧК по разоружению анархистских отрядов. Первая операция прошла в Петрограде в марте, но наибольшую известность получили события 11–12 апреля по ликвидации отрядов «Черной гвардии» в Москве. Разоружение анархистских формирований шло по всей стране. Анархисты рассматривали эту акцию как разрыв союза революционных сил и возвращение к полицейской диктатуре²⁶¹. Активист ХАА Н. Дрикер призвал «резко противопоставить анархизм большевизму, бойкотируя все органы революционной власти», объявив советских анархистов и анархо-синдикалистов «невольными могильщиками анархизма». При этом он заявил о том, что Ленин и его «лисья политика» с использованием «анархической фразы» куда более опасны для анархистов, чем правые социалисты²⁶². Протест выразили даже сторонники работы в Советах, как А. Ге²⁶³. Особенно резко протестовало радикальное крыло МФАГ и ПФАГ, лидерами которого стали М. Крушинская, Г. Богацкий и В. Бжостек.

---

²⁵⁸ См. «Открытое письмо к Советам» активиста МФАГ С. Двумянцева: Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 147.

²⁵⁹ Признать ли мир или воевать? С. 1.

²⁶⁰ См., например: *Волин В.* [Эйхенбаум В. М.] Зигзаги // *Голос труда*. № 25 (49). *Голос труда*. 22 февраля 1918. С. 1.

²⁶¹ См. например: *Атабекян А. М.* Против власти. С. 41; *Марк Вольный* [Неусынов Ф. М.] Разложение власти большевизма // *Анархия*. № 44. 23 апреля 1918. С. 1–2; *Бр. Гордин*. Погром // *Анархия*. № 45. 24 апреля 1918. С. 1; *Кровавая бойня* // *Голос труда*. № 11 (69). 13 апреля 1918. С. 1; *Роцин И.* [Гроссман И. С.] Горе победителям // *Голос труда*. № 11 (69). 13 апреля 1918. С. 2; *Они оправдываются...* // *Голос труда*. № 11 (69). 13 апреля 1918. С. 2; *Арест и разоружение анархистов* // *Голос труда*. № 11 (69). 13 апреля 1918. С. 2; *Ярчук Е. З.* Революция продолжается // *Голос труда*. № 11 (69). 13 апреля 1918. С. 2; *Расправа с анархистами* // *Рабочая жизнь*. № 8. 15 (2) апреля 1918. С. 1.

²⁶² *Дрикер Н.* Анархизм в опасности // *Безвластие*. № 1. Март 1918. С. 7.

²⁶³ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 235.

«В дико-черносотенном наступлении комиссародержавцы решили погасить очаги Социальной Революции. <...> Над свободой личности поставлен ими крест. <...> Изменив заветам Революции они превзошли Николая. <...> Ничего не изменилось. Самодержавие приняло другое название»²⁶⁴, – писала Крушинская. Радикалы утверждали, что операцию большевики готовили давно. Ее причина – недовольство рабочих условиями Брестского договора и провалом попыток реорганизовать экономику на социалистических началах. В результате, правительство Ленина начало искать компромисс с буржуазией, пытаясь завоевать ее доверие разгромом радикальных союзников²⁶⁵. Анархисты прогнозировали, что вскоре большевики разгромят и отстранят от власти своих союзников – Партию левых социалистов-революционеров²⁶⁶. Появились открытые призывы к борьбе против РКП(б). «Насилию большевиков во всей Руси и немцев в оккупированной России общее народное восстание скоро положит конец»²⁶⁷, – утверждал Владимир Бармаш. «Единственный выход для спасения революционных завоеваний – это свержение большевиков»²⁶⁸, – писал Андрей Андреев, утверждая, что приход к власти любой политической силы не будет хуже большевистской диктатуры. Вероятно, в ходе этих протестов произошло объединение людей, причастных к движению «Анархистов подполья» (Бжостек, Андреев и др.).

Апрельские события не разрушили идею единства революционных сил. Активисты МФАГ, критикуя диктатуру Ленина, противопоставляли ей восстановление революционного фронта социалистов против контрреволюции, в том числе – большевиков, анархистов, меньшевиков и эсеров²⁶⁹. Ради этого анархисты были готовы на время отказаться от своей программы. «Призывая к созданию единого

---

²⁶⁴ Крушинская М. Расправа // Черное знамя. Вольная анархическая трибуна. № 1. 10–17 мая. С. 1.

²⁶⁵ Чернокостов М. А. Довольно лжи! // Черное знамя. Вольная анархическая трибуна. № 1. 10–17 мая. С. 3.

²⁶⁶ Ковалевич К. Разоружают // Анархия. № 46. 25 апреля 1918. С. 1.

²⁶⁷ Бармаш В. В. Ваш час настал // Анархия. № 49. 28 апреля 1918. С. 1.

²⁶⁸ Андрей [Андреев А. Н.] Что делать? // Анархия. № 57. 12 мая 1918. С. 2.

²⁶⁹ Бр. Гордин. Диктатура или единство фронта // Анархия. № 57. 12 мая 1918. С. 1; Уралов М. К единению // Анархия. № 57. 12 мая 1918. С. 1; Бармаш В. В. О соглашении // Анархия. № 58. 14 мая 1918. С. 1; Ковалевич К. Еще не поздно // Анархия. № 59. 15 мая 1918. С. 1.

фронта, мы, анархисты, учитываем всю сложность момента и уверены в том, что было бы погибелью дробить силы масс, силы народа своими программными требованиями. Сейчас дело не в наших программах, а в сохранении условий, при которых мы могли бы говорить с народом о своих программах», – писал Бармаш²⁷⁰. В качестве условия для коалиции активисты МФАГ выдвигали «решительную социалистическую политику, без расстрелов и тюрем»²⁷¹. Бармаш включал в их число разрыв отношений с Германией, высылку немецкого посла В. Мирбаха, всеобщее вооружение народа²⁷². В случае отказа большевиков предстоял уход в подполье²⁷³. Андреев призывал налаживать конспиративную работу, создавать небольшие подпольные ячейки²⁷⁴. Звучали призывы к «пропаганде действием» и террору²⁷⁵.

Анархисты теперь все больше обращали внимание на силы, которые стали бы противовесом диктатуре большевиков. Так Неусыпов, критикуя политику «расказачивания», призвал добиваться союза с трудовым казачеством²⁷⁶. Другие активисты обоснованно прогнозировали приближение крестьянской войны, которая свергнет диктатуру²⁷⁷. Наиболее глубокий анализ ее предпосылок дал Бармаш. Курс большевиков на национализацию земли и поддержку «беднейшего» крестьянства, полагал он, приведет к восстанию большинства населения – среднего крестьянства. Однако он одобрил курс на создание крупных сельскохозяйственных коммун, пользовавшихся поддержкой власти, поскольку «это даст выход беднейшему крестьянству из действительно скверных для него сейчас условий жизни, с одной стороны, и поднимет сельское хозяйство в стране – с другой»²⁷⁸. По мнению Бармаша, следовало пойти на-

---

²⁷⁰ Бармаш В. В. О соглашении. С. 1.

²⁷¹ Ковалевич К. Еще не поздно. С. 2.

²⁷² Бармаш В. В. Требуи // Анархия. № 60. 16 мая 1918. С. 1.

²⁷³ Андрей [Андреев А. Н.] Что делать? С. 2; см. также: Владимир [Аришинов П. А.] Пора в подполье // Анархия. № 64. 21 мая 1918. С. 1–2.

²⁷⁴ Андрей [Андреев А. Н.] Будем готовы! // Анархия. № 62. 18 мая 1918. С. 2.

²⁷⁵ Виктор Орленок. Пропаганда действием // Анархия. № 66. 23 мая 1918. С. 4; Андрей [Андреев А. Н.] Бзнаказанные террористы // Анархия. № 83. 12 июня 1918. С. 1.

²⁷⁶ Марк Вольный [Неусыпов Ф. М.] Разложение власти большевизма // Анархия. № 44. 23 апреля 1918. С. 1.

²⁷⁷ Андрей [Андреев А. Н.] Довольно передышки // Анархия. № 66. 23 мая 1918. С. 1.

²⁷⁸ Бармаш В. В. Земельный вопрос // Анархия. № 68. 25 мая 1918. С. 2.

встречу устремлениям среднего крестьянства к уравнительному распределению земли²⁷⁹. Он подверг критике деятельность большевиков в области снабжения городов продовольствием, предложив передать его закупку кооперативам, разрешить свободную перевозку между регионами. Бармаш предлагал ввести распределение продуктов по удостоверениям, выданным ФЗК и другими общественными организациями. Установление цен должно было стать прерогативой производителей и покупателей, но санкционированной Советами²⁸⁰. Эти требования во многом предвещали лозунги крестьянских восстаний 1919–1922 гг.

Однако нельзя назвать однозначно сочувственным отношение анархистов к антибольшевистским социальным движениям. Так, МСРСП отрицала полезность крестьянских восстаний против большевиков, считая, что свои усилия крестьянам следует обратить на организацию прямого товарообмена с городскими рабочими организациями²⁸¹. Негативно оценивалось и находившееся под контролем меньшевиков движение собраний «рабочих уполномоченных». Анархисты видели в нем «авантюру правосоциалистических элементов», хотя и отвергали репрессии против его активистов²⁸². Впрочем, анархисты не игнорировали это движение. Так, Блейхман принял участие в Чрезвычайном собрании уполномоченных фабрик и заводов Петрограда в апреле 1918 г., призывая к созданию коммуны и социализации производства. Также он выступил против сотрудничества этих организаций с буржуазией и представителями власти большевиков²⁸³. Характерно при этом и неприятие анархистами так называемого «белого террора». Так, Абба Гордин осудил убийство М. Володарского – комиссара по делам печати, пропаганды и агитации Петрограда, ответственного за преследование оппозиционной прессы. Действия Канегиссера он сравнил с карательными мерами руководителей ВЧК – большевика Дзержинского

---

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Бармаш В. В. Хлеба нам, хлеба // Анархия. № 71. 29 мая 1918. С. 2.

²⁸¹ Милич Н. В чем выход? // Рабочая жизнь. № 13. 27 мая 1918. С. 1; Ближайшие перспективы // Рабочая жизнь. № 28. 16 сентября 1918. С. 1.

²⁸² За неделю // Рабочая жизнь. № 16. 17 июня 1918. С. 1; Ковалевич К. Советы и учредительное собрание // Анархия. № 90. 21 июня 1918. С. 1.

²⁸³ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. М. РОССПЭН. 2006. С. 143, 144, 145.

и левого эсера Закса²⁸⁴. Лев Фишелев обвинил в смерти Володарского большевиков, заметив, что именно они доверили этому амбициозному и неопытному молодому человеку высокие посты²⁸⁵. Анархо-синдикалисты также осудили покушения, осуществленные сторонниками Учредительного собрания в 1918 г.²⁸⁶

Усиление террора большевиков против своих противников весной – осенью 1918 г. повысило степень протеста анархистов. Прежде всего они выступали против смертных казней. На страницах газеты «Анархия» в марте – июне появились протесты²⁸⁷ и лозунги: «Долой расстрелы безоружных!», «Требуем немедленной отмены декрета о расстрелах безоружных, кто бы они были!», «Долой смертную казнь!»²⁸⁸ «Вот она – политическая "диктатура пролетариата", смотрите и поучайтесь: голод, произвол, расстрелы открытые белым днем и расстрелы по закоулкам темной ночью»²⁸⁹, – писал Милич. Анархисты протестовали и против казни отдельных деятелей, например, – адмирала А. Щастного, бездоказательно обвиненного в заговоре, и даже Ф. Каплан, совершившей покушение на Ленина²⁹⁰. «Вряд ли можно считать достигающей своей цели кровавую месть большевиков. <...> Если бы Ленин смог возвыситься до того, чтобы не расстрелять Каплан – это вызвало бы огромное одобрение его действий не только у друзей его, но и у врагов его»²⁹¹. Один из анархо-синдикалистов фактически оправдал действия Каплан, сравнив лидера большевиков с Плеве – министром внутренних дел императора Николая II, которого председатель СНК превосходил по масштабам своей власти. Фанни Каплан он сопоставил при этом с эсером Егором Созоновым, убившим Плеве²⁹². Террор большевиков осудили даже наиболее ло-

---

²⁸⁴ Бр. Гордин. Террор // № 93. 25 июня 1918. С. 1.

²⁸⁵ М. Раевский [Фишелев Л. И.] Страничка современной истории // Жизнь. № 49. 23 (10) июня 1918. С. 3.

²⁸⁶ Ильич [Доленко Н. И.] Вести с революционного фронта // Вольный голос труда. № 3. 9 сентября 1918. С. 2.

²⁸⁷ См., например: Бр. Гордин. Кровь // Анархия. № 17. 14 марта 1918. С. 1.

²⁸⁸ Анархия. № 16. 12 марта 1918. С. 1, 4; Анархия. № 81. 9 июня 1918. С. 1, 3.

²⁸⁹ Милич Н. Снова расстреливают // Рабочая жизнь. № 17. 24 июня 1918. С. 1.

²⁹⁰ Атабекян А. М. Памяти мученика // Анархия. № 93. 25 июня 1918. С. 1.

²⁹¹ Ильич [Доленко Н. И.] Вести с революционного фронта. С. 2.

²⁹² Ли – зин [Доленко Н. И.] Покушение на большевизм // Вольный голос труда. № 4. 16 сентября 1918. С. 2.

ально настроенные к ним анархисты. «Но принципы террора наносят удар, удар непоправимый – свободе и революции. Чудовищная власть одинаково развращает как ее носителей, так и тех, над кем она стоит. Народ, не знающий еще свободы, привыкает к диктатуре»²⁹³, – писал Алексей Боровой. Анархисты осудили также изгнание из Советов правых социалистов. По этой причине Новомирский сравнил большевистский режим с диктатурой буржуазии: «вы признали право голоса связанным не с конкретной социальной функцией, а с политическим *credo*, с какой-то фикцией, нездоровой условностью. Ваша республика отныне не советская, а большевистская, т<о> е<сть> ничем не прикрытая диктатура партии, т<о> е<сть> обычная буржуазная республика»²⁹⁴. Анархо-синдикалисты призвали положить конец произволу: «Ленинцы быстро воспользовались советом своего учителя и пошли по России-матушке разгоны Советов, неугодных большевикам, не контрреволюционерами, а большевистскими диктаторами, комиссарами, которые требуют от советов беспрекословного подчинения своей воле. Такому хозяйничанью должен быть положен конец»²⁹⁵. Представители «бунтарского» крыла анархистов констатировали полный отрыв власти большевиков от избранных Советов. «"Советская" власть перестала быть властью советов, властью, зависящей от советов и исполняющей их волю»²⁹⁶, – писал активист МФАГ С. Двумянцев.

Наступление германских войск на Западном фронте, усиление позиций Германии на Украине, в Финляндии и Прибалтике подпитывало ожидания новой интервенции в РСФСР. В конце апреля эти ожидания усилились после установления германскими властями украинской монархии во главе с гетманом П. Скоропадским. Считая это первым шагом на пути к восстановлению монархического строя в России, МФАГ призвала трудящихся вооружаться и готовиться к сопротивлению²⁹⁷. В апреле – июне протест анархистов вызвало разоружение на Дону и под Царицыным отрядов, отступавших с Украины, в том числе – анархистских подразделений.

---

²⁹³ Боровой А. А. Террор и соглашательство // Жизнь. № 31. 1 июня (19 мая) 1918. С. 3.

²⁹⁴ Новомирский Я. И. Запрос революции // Жизнь. № 43. 16 (3) июня 1918. С. 3.

²⁹⁵ Ярчук Х. З. О Советах. (Доклад к первой всероссийской конференции анархо-синдикалистов) // Вольный голос труда. № 1. 26 августа 1918. С. 2.

²⁹⁶ Двумянцев С. «Советская» власть // Анархия. № 45. 24 апреля 1918. С. 1.

²⁹⁷ Революция в опасности! // Анархия. № 55. 10 мая 1918. С. 1.

«Предав анархию, предав Украину, вы не спасетесь. <...> Разоружив анархистов и отряды на украинском фронте, вы впустили немцев в Киев и Ростов, вы обрекли народ на медленную смерть»²⁹⁸, – писал Андреев. Выдвигалось требование расторжения Брестского мира²⁹⁹. Активисты МФАГ намеревались развернуть партизанскую войну, поддержав крестьянские восстания против оккупантов³⁰⁰: «В занятых немцами местностях крестьянство и рабочие буквально стонут. И они ждут нашей поддержки. Если они убедятся, что они не одни и нами не забыты, то они создадут рабоче-крестьянское восстание, которое мы должны всемерно поддержать. Повсеместные партизанские революционные очаги безусловно обожгут крылья реакции»³⁰¹. Вплоть до Ноябрьской революции 1918 г. в Германии анархисты призывали разорвать Брестский мир³⁰². Но были и те, кто не считал германскую оккупацию фатальной для развития революции в России. Так, по мнению активистов МСРСП, в этих условиях осталась бы возможность для революционно-синдикалистской деятельности: «И при немецком господстве не будут закрыты все пути для профессионального сплочения рабочих, и шейдемановские социал-демократические цепи не смогут так сковать нас, чтобы мы совершенно не были в состоянии планомерно действовать в области экономической борьбы»³⁰³.

Другой реакцией на усиление Германии стало проявление националистических симпатий среди группы анархистов, издававших беспартийную газету «Жизнь». А. Фриденберг опубликовал патриотическое эссе о любви к России³⁰⁴, А. Боровой проповедовал патриотизм и национализм, «как живое, здоровое чувство любви к своей родине»³⁰⁵. Новомирский, призывавший русскую интеллигенцию стать

---

²⁹⁸ Андрей [Андреев А. Н.] Предательство свободы // Анархия. № 55. 10 мая 1918. С. 1–2.

²⁹⁹ Бр. Гордин. Долой мир! // Анархия. № 56. 11 мая 1918. С. 1; Уралов М. К единению. С. 1.

³⁰⁰ Бр. Гордин. Восстание // Анархия. № 98. 30 июня 1918. С. 1; Уралов М. К восстанию // Анархия. № 98. 30 июня 1918. С. 2.

³⁰¹ Ковалевич К. Еще не поздно. С. 1–2.

³⁰² См, например: Максимов Г. П. Текущий момент и революция // Вольный голос труда. № 4. 16 сентября 1918. С. 4.

³⁰³ Больше бодрости // Рабочая жизнь. № 11. 13 мая 1918. С. 1.

³⁰⁴ Фриденберг А. Родина // Жизнь. № 35. 6 июня (24 мая) 1918. С. 3.

³⁰⁵ Боровой А. А. Анархизм. Москва. 1918. С. 148, 153.

«патриотичной» и «национальной»³⁰⁶, перешел на сторону Антанты. Он заявлял, что из-за немецкого наступления во Франции, Россия должна вступить в войну, так как после победы Германия повернет войска на Восток: «Мы должны порвать с лицемерным и бесплодным лавированием и заявить прусским налетчикам, что наши экономические интересы не с ними, что, оставаясь нейтральными, мы не хотим помогать немецким сабельщикам "додушить" наших естественных союзников. И если на это нам ответят войною, – лучше война теперь, чем позже»³⁰⁷. Во время восстания чехословацкого корпуса (конец мая – июнь 1918 г.) Яков Новомирский даже призвал к примирению с мятежниками, исходя из того, что они необходимы как военная сила против Германии: «Советское правительство не должно забыть, что, разоружая чехов, уничтожает последний заметный барьер для продвижения германских банд на Урал, когда им захочется. <...> Советская власть должна посметь: чехословаки нам могут пригодиться, и даже скоро. И надо помнить, что победа над Корниловым привела к свержению временного правительства, а победа над чехами может вырыть яму для советской власти»³⁰⁸. Этот призыв не получил поддержки среди анархистов, выступивших против чехословаков. Так, в сентябре 1918 г. подпольная группа анархистов в Самаре выпустила листовку с призывом не вступать в Народную армию Комуча³⁰⁹.

Считаясь с угрозой германского вторжения, некоторые активисты одобрили призыв в Красную армию³¹⁰. Однако ее создание вызвало критику со стороны большинства анархистских организаций, отвергавших принятие на службу бывших офицеров и генералов, принудительную мобилизацию и приветствовавших лозунг всеобщего вооружения народа³¹¹. Так, активист САСП А. Лисс, указывал, что новая армия представляет реакционное явление, поскольку «отрывает воина от его класса» и формирует искусственно новую военную «касту».

---

³⁰⁶ Новомирский Я. И. Подпольщина // Жизнь. № 52. 27 (14) июня 1918. С. 3.

³⁰⁷ Новомирский Я. И. Русский пример // Жизнь. № 42. 15 (2) июня 1918. С. 3.

³⁰⁸ Новомирский Я. М. Новая корниловщина // Жизнь. № 39. 11 июня (29 мая) 1918. С. 3.

³⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р9550. Коллекция листовок советского периода. Оп. 9. Д. 492. Л. 1.

³¹⁰ См., например: Бр. Гордин. На защиту революции // Анархия. № 74. 1 июня 1918. С. 1.

³¹¹ См., например: Андрей [Андреев А. Н.] Наконец то! // Анархия. № 74. 1 июня 1918. С. 1; Андрей [Андреев А. Н.] Предатели революции // Анархия. № 43. 21 апреля 1918. С. 1; М. Чекерес [Доленко Н. И.] Наша позиция // Вольный голос труда. № 1. 26 августа 1918. С. 1.

Поскольку цель борьбы солдату «диктуется <...> тем, в чьих руках его жизнь», военными чиновниками, РККА не отличается от обычной армии. В качестве альтернативы он предлагал добровольную армию из бывших солдат царской армии и отрядов Красной Гвардии, организованную на основе производственных единиц (предприятий и крестьянских общин)³¹².

Весной – осенью 1918 г. усилилось влияние сторонников поддержки политики РКП(б), получивших наименование «советских анархистов». Причины этого разнообразны. Прежде всего, апрельский разгром анархистских организаций ослабил радикальное крыло движения. Кроме того, оппозиционные анархистские органы печати прекратили свое существование к осени этого года. В мае из-за недостатка средств прекратилось издание «Буревестника», тогда же сразу после выхода первого номера была запрещена газета «Черное знамя», 2 июля – решением Президиума ВЧК закрыта «Анархия»³¹³. Росту пробольшевистских настроений способствовала динамика гражданской войны, сопровождавшаяся поляризацией политических сил. Воспринимая большевистскую диктатуру как меньшее зло по сравнению с победой белогвардейцев «советские анархисты» признали необходимость работы в государственных органах, выражая надежды на их эволюцию на основе самоуправления. В апреле – июле эту позицию заняли издававшие беспартийную газету «Жизнь» анархисты А. Боровой, Я. Новомирский (Кирилловский) и сотрудничавший в ней Г.Б. Сандомирский. Установленная большевиками система характеризовалась ими как «поворотный пункт в сторону от "демократии", от лжи ее всеобщего избирательного права, испытанных гнусностей ее парламентаризма»³¹⁴. Предполагалось, что итогом эволюции этой системы станет переход к революционно-синдикалистской модели общества: «к чисто экономической аполитической форме общественной организации, в которой найдут полное выражение все трудовые элементы страны»³¹⁵. В соответствии с этим выводом Новомирский призывал анархистов входить «во все советские организации», чтобы «всеми силами со-

---

³¹² Лисс А. Красная Армия и борьба классов // Голос труда. № 21 (45). 17 февраля 1918. С. 2–3.

³¹³ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 247.

³¹⁴ Боровой А. А. К бодрости! // Жизнь. № 1. 28 (10) апреля 1918. С. 3.

³¹⁵ Там же.

действовать их реорганизации на чисто экономическом начале с целью превращения советов из органов власти и репрессии в орган экономического управления хозяйством»³¹⁶. Так он предполагал, что Советы постепенно превратятся в центры, координирующие деятельность «экономических организаций»³¹⁷. Указывая на тяжелые экономические условия, вынужденный мир с Германией, редакторы «Жизни» призывали примириться с большевиками ради спасения революции от гибели³¹⁸. Борьба против РКП(б) приравнивалась к пособничеству монархистам: «Пусть большевиками нагромождены тысячи непоправимых ошибок <...> перед лицом Скоропадских и прочих благодетелей революционной России приветствовать гибель политической партии, несущей на себе всю тяжесть борьбы с Отрепьевыми воскресающей монархии, преступно»³¹⁹. Единственным выходом из ситуации Новомирский и Боровой признавали «единый фронт против черной сотни и против Германии вокруг советов»³²⁰.

Военное поражение «центральных держав», революции в Германии и Австро-Венгрии осенью 1918 г., привели к падению прогерманского режима на Украине. В этих условиях большевики денонсировали Брестский мир и оказали военную помощь украинским леворадикальным повстанцам. Некоторые из лидеров движения, как А. и В. Гордины, под влиянием изменения политики РКП(б) перешли к ее поддержке. В инициированном Гординами в ноябре воззвании МФАГ, Ассоциации пананархистов, Первого центрального социотехникума, секретариата Северного областного союза анархистов, содержался призыв «бороться с оружием в руках за восстановление Советской власти, за установление ее там, где ее нет, за поддержку ее всеми силами и мерами там, где она существует». В документе проведенная СНК национализация промышленности и торговли признавалась прогрессивным явлением, утверждалось что существующая в РСФСР «Советская власть есть необходимый этап к освобождению

---

³¹⁶ Платформа анархизма, принятая Лефортовской районной организацией анархистов. Вариант, написанный т. Я. Новомирским // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 37. Л. 24.

³¹⁷ Новомирский Я. И. Республика советов // Жизнь. № 1. 28 (10) апреля 1918. С. 3.

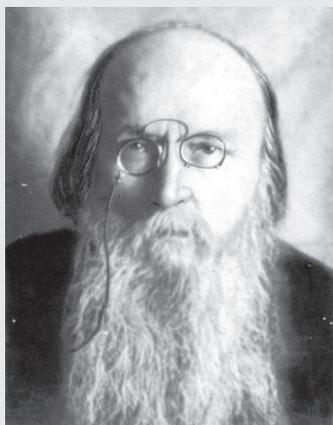
³¹⁸ Двенадцатый час // Жизнь. № 3. 25 (12) апреля 1918. С. 3.

³¹⁹ Сандомирский Г. Б. Расслоение большевизма // Жизнь. № 22. 22 (9) мая 1918. С. 3.

³²⁰ Новомирский Я. И. Нам с вами // Жизнь. № 24. 24 (11) мая 1918. С. 3.

*Допрос участника
Кронштадтского восстания*

Аполлон Карелин, один из лидеров «просоветского» направления в анархизме первых послереволюционных лет. Руководил Всероссийской федерацией анархистов-коммунистов (ВФАК). Считал советский государственный строй прогрессивным как обеспечивающим предпосылки для анархического коммунизма.

Арон Давидович Барон (1891–1937) принимал участие в анархистском движении еще с дореволюционных лет, затем эмигрировал в США, где активно проявлял себя в американском рабочем движении. После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию и стал одним из ведущих активистов анархистского движения первых послереволюционных лет.

человечества от всех видов угнетения»³²¹. Теоретики пананархизма теперь утверждали, что «социалистический порядок – это преддверие к анархическому порядку», «этап к Анархии». При этом под «социализмом» понималась система политических и экономических отношений, устанавливаемая в России большевиками. Анархистам, по мнению Гординых, следовало путем теоретических разработок и экспериментального создания социальных институтов готовить общество к функционированию на основе безвластия³²².

На позиции «советского анархизма» перешли многие активисты ВФАК во главе с Карелиным, утверждавшим прогрессивность государственно-капиталистического и советского строя, как обеспечивающего предпосылки для анархического коммунизма. В своем докладе на I Всероссийском съезде анархистов-коммунистов (25–28 декабря) он охарактеризовал советскую власть как прогрессивный государственный строй. Советы выполняют ряд функций, которые находились бы в их руках и в условиях анархического общества, отмечал Карелин. Он предполагал их постепенное превращение в безвластные органы координации, центры экономической и культурно-просветительской деятельности. Эту цель, полагал Карелин, можно достичь лишь при участии анархистов в работе советских государственных органов (в том числе во ВЦИК) в сочетании с деятельностью по распространению в массах антибюрократических настроений и духа инициативы. Участие в государственных структурах предполагало информационную, хозяйственную, культурно-просветительскую деятельность при отказе от насилия над трудящимися³²³. Лидер ВФАК утверждал, что политика «правительства коммунистов-большевиков» подрывает «материальные силы» буржуазии и создает предпосылки «для перехода к строю вольного рабочего социализма, то есть к анархо-коммунистическому общежитию»³²⁴. В число прогрессивных преобразований большевиков включались: ликвидировавшая «класс землевладельцев» аграрная реформа; введение хлебной монополии государства; национализация торговли, банковских капиталов, крупных и средних промышленных предприятий; отказ государства от выплаты внешнего долга; ограничение

---

³²¹ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 205–206.

³²² Там же. С. 199, 201–203.

³²³ Там же. С. 172, 174.

³²⁴ Там же. С. 170.

размеров наследства; муниципализация жилья. Признавался «государственно-капиталистический» характер нового строя «с присущей ему властью, неравенством, бюрократизмом», но утверждалась неизбежность его эволюции «на началах вольного рабочего социализма»³²⁵. О близости перерастания государственного капитализма в анархический коммунизм, по мнению Карелина, свидетельствовало улучшение материального положения рабочих, получивших возможность участвовать «в организации производства», улучшить продовольственное снабжение и жилищные условия, получить высшее образование. Утверждалось даже, что «инициатива и творчество народных масс» подавляются государственно-капиталистическим режимом большевиков «в значительно меньшей мере, чем в буржуазных странах». Отсутствие же свободы слова и печати компенсировалось тем, что допускалась анархистская пропаганда в больших масштабах, нежели в других государствах. По мнению Карелина, большевики все больше склонялись к точке зрения анархистов. По всем этим причинам выступление против них приравнялось секретарем ВФАК к выступлению в поддержку контрреволюционеров³²⁶. На Всероссийском съезде анархистов-коммунистов из 15 губерний именно позиция Карелина получила поддержку большинства участников. Характерно, что осуждая «белый террор», члены ВФАК исходили не из осуждения позиции противников Ленина, как другие анархисты, а из защиты революционного характера политики РКП(б). В посвященной покушению на Ленина резолюции Секретариата ВФАК и группы «Вольная община», утверждалось: «Деятельность т<оварища> В. И. Ленина характеризуется разрушением старых форм государственной власти и уничтожением устоев буржуазного могущества, следовательно, является деятельностью революционной. Покушение на убийство революционера, с нашей точки зрения, безусловно недопустимо, причем безразлично, от кого исходит такой акт террора»³²⁷. Террор большевиков они, по сути, оправдывали. Такова была позиция входившей в ВФАК Лефортовской районной организации анархистов Москвы (ЛРОА): «Но в то время как белый террор, поражая самые центры советской власти, служит страшным оружием в руках буржуазии и ее наймитов, ответный красный террор, не-

---

³²⁵ Там же. С. 170–171.

³²⁶ Там же. С. 171–173.

³²⁷ Резолюция ВФАК // Анархист. № 1. 20 сентября 1918. С. 4.

смотря на свои жестокие формы, является только актом бессильной мести»³²⁸. При этом сторонники Карелина в качестве альтернативы террору рассматривали экспроприацию богатств буржуазии и немедленное проведение коммунистических отношений³²⁹.

В соответствии со своей позицией, «карелинцы» апеллировали к советскому государству, предполагая использовать его для проведения преобразований. Так, в своем выступлении на V Всероссийской съезде Советов, 9 июля 1918 г., Карелин выразил поддержку аграрно-продовольственной политике РКП(б), предложив некоторые поправки. Он призвал сторонников Советской власти «неустанно работать», чтобы создать «социалистическое государство» и обеспечить «условия для могучего роста великой русской земли»³³⁰. Источая похвалы политике Ленина и РКП(б), секретарь ВФАК поддержал введение хлебной монополии государства и твердых цен на хлеб в качестве средства борьбы с голодом. При этом, он предлагал разрешить Советам регулировать цены, чтобы крестьяне могли покрыть свои расходы. Также он призвал власти снабдить деревню орудиями труда и лошадьми. Карелин поддержал и создание комитетов крестьянской бедноты, создававшихся большевиками с целью раскола крестьян и контроля над деревней. В целом положительный отзыв он дал продовольственным отрядам, созданным большевиками для изъятия продовольствия у крестьян: «Что касается продовольственных отрядов, то хотя они иногда и безобразничают в деревне, однако, приносят несомненную пользу»³³¹. При этом Карелин требовал расстреливать бойцов этих отрядов, злоупотребляющих властью. Это при том, что за три дня до этого, на заседании Съезда Советов 5 июля, он выступал принципиально против смертной казни³³². Также активисты ВФАК предлагали силами государства ликвидировать церковь, закрыть хра-

---

³²⁸ Москва 20 Сентября // Анархист. № 1. 20 сентября 1918. С. 2.

³²⁹ Там же; Резолюция ВФАК. С. 4.

³³⁰ 5-й Всероссийский съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов. Стенограмма заседания 9-го июля // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов и Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. № 139 (403). 6 июля 1918 г. С. 2.

³³¹ Там же. С. 2.

³³² Там же; 5-й Всероссийский съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов. Стенограмма заседания 5-го июля 1918 г. С. 5.

мы и конфисковать церковные богатства, направив их «в фонд усиления средств по народному просвещению»³³³.

Осенью 1918 г. проходит процесс консолидации анархистского движения в России. Еще до Всероссийского съезда анархистов-коммунистов состоялся ряд форумов анархистов России и Украины, оппозиционно настроенных к большевикам. Так, 26 августа – 16 сентября 1918 г. в Москве состоялась Первая Всероссийская конференция Анархо-Синдикалистов, в которой приняли участие 16 делегатов с правом решающего голоса от 10 групп и 23 делегата с правом совещательного голоса. Был избран Секретариат Всероссийской Конфедерации анархо-синдикалистов в составе Г. Максимова, С. Маркуса, Н. Павлова и Х. Ярчука³³⁴. Принятая большинством «Резолюция о текущем моменте» указывала, что партия большевиков «сделалась партией застоя и реакции». Предлагалось создавать вольные советы рабочих и крестьянских депутатов, ликвидировать армию, отказаться от продовольственной монополии государства, передав товарообмен «в руки пролетарско-крестьянских организаций». Был выдвинут лозунг «коммунальной и синдикальной революции», предполагающий «переходный период»³³⁵. Резолюция меньшинства призывала к борьбе за социальную революцию, отрицала Брестский мир, отвергла лозунг диктатуры пролетариата. Меньшинство предлагало решить вопрос о снабжении населения «добровольным свободным соглашением между крестьянством, с одной стороны и рабочими экономическими и потребительскими организациями с другой»³³⁶. Резолюция призвала к борьбе за ликвидацию государства и эксплуататорского строя³³⁷.

Большинством против одного голоса была принята «Резолюция о профессиональных союзах, фабрично-заводских комитетах и о биржах труда». Сложившаяся в РСФСР социально-экономическая система была признана «государственно-капиталистической»³³⁸. Утверждалось, что профсоюзы не соответствуют условиям Российской

---

³³³ Виталий. Церковь и революция // Анархист. № 1. 20 сентября 1918. С. 2.

³³⁴ Г.М. [Максимов Г.П.] 1-я Всероссийская конференция Анархо-Синдикалистов // Вольный голос труда. № 3. 9 сентября 1918. С. 3.

³³⁵ Резолюция о текущем моменте // Вольный голос труда. № 3. 9 сентября 1918. С. 3.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Там же.

³³⁸ Резолюция о профессиональных союзах, фабрично-заводских комитетах и о биржах труда // Вольный голос труда. № 3. 9 сентября 1918. С. 4.

революции. Новой формой рабочей организации был признан ФЗК, в то же время и орган «переустройства экономической жизни – на началах коммунизма»³³⁹. Биржи труда предполагалось превратить из государственных структур в автономные рабочие организации, а в перспективе – в «трудоустройство справочные бюро будущего свободного общества»³⁴⁰. Резолюции, принятые большинством и меньшинством, осудили покушение на Ленина как контрреволюционное. При этом, если большинство призвало к единству революционных сил, меньшинство более критически оценило ситуацию, объявив «террористические покушения» «следствием политики большевистской советской власти»³⁴¹. «Резолюция о Советах» призвала восстановить их «как чисто классовые организации». В таком виде они признавались «переходной формой политической организации общества, которая будет предшествовать уничтожению государства и окончательному торжеству коммунизма»³⁴². Выборы в Советы должны были пройти на началах делегирования от фабрик и сел непосредственно работающих там людей. Выборы по партийным спискам предстояло отменить. Постановления Советов считались действительными после обсуждения избирателями. СНК предстояло ликвидировать. Властные функции перешли бы к съездам Советов, создающим комиссии по различным вопросам. «Федерация вольных советов и общин» должна была сохранить властные формы. Конференция рекомендовала анархо-синдикалистским активистам входить в местные Советы³⁴³. Управление народным хозяйством должно было перейти к федерации «независимых рабоче-крестьянских производственных организаций». Единогласно была принята «Резолюция по докладу о крестьянском движении», рекомендовавшая проводить работу по увеличению и уравниванию земельных наделов крестьян. Организация сельскохозяйственных коммун или артелей признавалась конечной целью работы в деревне. Поощрялось участие во всех видах кооперации и налаживании натурального обмена между городом и деревней. Принятая единогласно «Резолюция по докладу о кооперации» предлагала обратить внимание не на кооперати-

---

339 Там же.

340 Там же.

341 Резолюции по поводу покушения на Ленина // Вольный голос труда. № 3. 9 сентября 1918. С. 4.

342 Резолюция о советах // Вольный голос труда. № 4. 16 сентября 1918. С. 4.

343 Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 269, 282.

вы, уклоняющиеся «в сторону капиталистических начинаний и политической борьбы», а на производственные артели³⁴⁴. Предполагалась «синдикализация производства» с передачей руководящих функций профсоюзам. Задачу снабжения должно было решить предоставление хозяйственной автономии низшим производственным единицам с превращением их в самоуправляющиеся «производственно-потребительские коммуны». Базовым органом самоуправления на предприятии становились ФЗК, в городе – домкомы, в деревне – сельский Совет³⁴⁵.

В ходе конференции на почве обсуждения вопроса о сотрудничестве с большевиками произошел раскол в группе «Голос труда». Вышедшие из нее активисты (Х. Ярчук, Г. Максимов, В. Драчук, Е. Тиновицкая, Б. Дукельский, А. Павлова, Н. Павлов, С. Флешин) образовали группу «Вольный Голос Труда» (ВГТ), настроенную резко критически по отношению к большевикам. Ее сторонники обвиняли РКП(б) в «извращении» выдвинутых трудящимися задач революции³⁴⁶. При этом ВГТ выступала за сохранение «единого фронта революции»³⁴⁷. Указывалось, что падение большевистского правительства в результате интервенции государств Антанты, заговоров офицеров и правых социалистов задержит победу идеалов анархизма³⁴⁸. Утверждение безвластных форм общества ВГТ связывала с победой международной социальной революции. Реорганизовать жизнь на безвластных началах должны были беспартийные организации трудящихся – «промышленные рабочие союзы, фабрично-заводские, рудничные, железнодорожные и пр<очие>, рабочие комитеты, союзы трудового крестьянства, советы рабочих и крестьянских делегатов»³⁴⁹. Следуя концепции Фишелева, ВГТ поддержал концепцию «переходного периода». Признавая, что «непосредственный скачок из нынешнего строя прямо в строй безгосударственного коммунизма невозможен», пред-

---

³⁴⁴ Резолюция по докладу о крестьянском движении // Вольный голос труда. № 4. 16 сентября 1918. С. 4.

³⁴⁵ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 280–281; Г.М. [Максимов Г.П.] Избирательное право и самоуправление // Вольный голос труда. № 2. 2 сентября 1918. С. 1.

³⁴⁶ М. Чекерес [Доленко Н.И.] Наша позиция. С. 1.

³⁴⁷ Григорий Лапоть. Мертвые стыда не имут // Вольный голос труда. № 3. 9 сентября 1918. С. 1.

³⁴⁸ Ильич [Доленко Н.И.] Вести с революционного фронта. С. 2.

³⁴⁹ М. Чекерес [Доленко Н.И.] Наша позиция. С. 1.

полагалось сохранить форму государственности, которая «децентрализовала бы и распылила государственную власть»³⁵⁰. Г. П. Максимов, идеолог «Вольного Голоса Труда» выступал за «Республику автономных Советов»³⁵¹: «республика советов, т<о> е<сть> распыление власти по местным советам, общинам (городским и сельским коммуна), организация вольных советских городов и деревень, федерация их через советы, – вот задача анархо-синдикалистов в грядущей коммунальной революции. <...> Республика советов, – вот, следовательно, приемлемая для анархо-синдикалистов политическая форма организации общества в период переходный к полной свободе – к анархии»³⁵². Эта позиция была признана большинством I Всероссийской конференции анархо-синдикалистов (Москва, 25 августа – 1 сентября 1918 г.). Свою активность сторонники ВГТ предлагали направить на работу в «экономических организациях», проводя в жизнь принципы самоуправления³⁵³.

25 ноября – 1 декабря 1918 г. в Москве прошла II Всероссийская конференция анархо-синдикалистов. Констатируя «тупик революции» в странах Восточной Европы и процессы бюрократизации в России, делегаты возлагали надежды на усиление революционного движения в тех странах Антанты, где традиционно сильно было профсоюзное движение и слабы марксистские партии (Франции, Англии, Италии). Высказывались надежды и на развитие «второй революции» на Украине. Цель нового этапа революции в России рассматривалась, как «устранение <...> от власти политической партии и возобновление самостоятельного, экономические классового и беспартийного строительства массами как своих органов, так и всей хозяйственной и общественной жизни»³⁵⁴. Подтверждалась программа «переходного периода», принятая большинством предыдущей конференции. Новые резолюции призывали акцентировать внимание на пропаганду, работу с целью «проведения в жизнь анархических принципов ведения народного хозяйства и организации труда» в рабочих организациях,

---

³⁵⁰ См., например, ссылку на работы Фишелева: *Ярчук Е.* О Советах. С. 2.

³⁵¹ *Гр. Лапоть* [Максимов Г. П.] Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и наше к ним отношение. Нью-Йорк. 1919. С. 1.

³⁵² *Григорий Лапоть* [Максимов Г. П.] Да здравствует коммунальная революция // Вольный Голос Труда. № 2. 2 сентября 1918. С. 1.

³⁵³ *М. Чекерес* [Доленко Н. И.] Наша позиция. С. 1.

³⁵⁴ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 278.

кооперативах, на промышленных предприятиях и среди крестьян. Признавалась актуальной поддержка повстанческих сил на Украине и других регионах, контролируемых белыми и интервентами. РКП(б) признавалась «лжереволюционной партией»³⁵⁵.

На этой конференции наметились серьезные разногласия среди анархо-синдикалистов. Прежде всего, по признанию одного из делегатов, спор вызвало определение «переходного периода»: «В то время как одни отрицали его, указывая на то, что переходную стадию смешивают с моментом строительства социальной революции, другие признавали, но, никто не смог описать характерные признаки этого переходного периода. Одни предполагали, что переходная стадия – это "Советская власть", "советизм" так сказать, другие предпочитали "синдикализм", "ячеечную теорию" и т.д., третьи просто признавали ее, не желая даже утруждать себя вопросом, в чем же будет состоять эта система переходной стадии»³⁵⁶. Позицию «советского анархизма» на этой конференции заняли оказавшиеся в меньшинстве сторонники «Союза анархо-синдикалистов "Голос труда"» (САСГТ), во главе А. М. Шапиро и И. С. Гроссманом. Они сочли необходимым «признать советскую власть, защищать ее, помогать ей» поддержав большевиков в строительстве «новой жизни». Утверждалось, что РКП(б) придерживается принципов «массового анархического творчества» реализовав на практике принципы антипарламентаризма и власти Советов. Своей целью сторонники САСГТ выдвинули создание «единого народного творческого революционного фронта» с целью защиты завоеваний революции и «воссоздания народного хозяйства». Борьбе с режимом РКП(б) противопоставлялась стратегия участия «во всех проявлениях созидания и творчества» в сфере хозяйственной и культурно-просветительской деятельности. «Принудительная мобилизация» в Красную армию и ее централистская организация были подвергнуты критике, однако САСГТ считал необходимым поддержать бойцов ведением пропаганды. Считалось, что таким образом в их действиях будет пробуждаться «добровольный мотив» борьбы с контрреволюцией. Предусматривалась пропаганда в пользу Советской России среди солдат интервентов и белогвардейцев³⁵⁷. В оппозиции «ВГТ»

---

³⁵⁵ Там же. С. 279–281.

³⁵⁶ Семеныч. О первой конференции анархистских организаций Украины «Набат» // Вольный труд. № 1. 23 ноября 1918. С. 28.

³⁵⁷ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 283–285.

оказалась и Питерская Федерация Анархо-Синдикалистских Групп (ПФАСГ). Ее активисты призвали к единству революционных сил в борьбе с контрреволюцией³⁵⁸, утверждая, что Ленин и большевики эволюционируют «через государственный коммунизм – к коммунизму безвластному – анархизму»³⁵⁹. Существующая РСФСР форма государства, указывали они, «содержит в себе самой зачатки самоуничтожения». Утверждалось, что при условии поощрения большевиками свободы строительства экономических структур безвластного общества, анархисты не будут выступать против них³⁶⁰. Активист ПФАСГ Л. Грабарь призывал к отказу от антимилитаристской пропаганды, чтобы не ослаблять Красную армию. Предполагалось ограничиться лишь критикой «милитаристского духа» этой армии и пропагандой создания партизанских «повстанческих дружин»³⁶¹.

Летом – осенью 1918 г. образовалась Инициативная Группа анархистов Украины «Набат» (ИГАУ), ведущим идеологом которой стал Всеволод Волин. На конференции, проведенной активистами ИГАУ 12–16 ноября 1918 г. была создана Конфедерация Анархистов Украины «Набат» (КАУ) в составе 12 анархо-коммунистических и анархо-синдикалистских организаций. Участники конференции выдвинули в качестве ближайшей задачи объединение анархистов во всероссийском и всеукраинском масштабах. Принятые резолюции провозгласили оппозицию по отношению к большевикам. В рамках концепции «единого анархизма» предполагалось соединение анархического коммунизма, как цели борьбы и индивидуализма, как обосновывающей свободу личности философской доктрины, с синдикалистской («массово-организационной») стратегией борьбы³⁶². Конференция предлагала анархистам ориентироваться на создание «Советов рабочих и крестьянских экономических организаций», формируемых на основе созданных самими трудящимися фабрично-заводских комитетов, коммун, рабочих и крестьянских союзов. Это означало следование стратегии,

---

³⁵⁸ *Лопиш*. Задача дня // Вольный труд. № 1. 23 ноября 1918. С. 13.

³⁵⁹ *Топтыгин М.* Наша позиция // Вольный труд. № 1. 23 ноября 1918. С. 16

³⁶⁰ *Топтыгин М.* Наша позиция // Вольный труд. № 2. 21 декабря 1918. С. 14.

³⁶¹ *Грабарь Л.* Антимилитаристская пропаганда и Красная Армия // Вольный труд. № 1. 23 ноября 1918. С. 18.

³⁶² Первая конференция анархистских организаций Украины «Набат». Декларация и резолюции. Б. м. Ноябрь 1918. С. 5–8, 16, 19.

провозглашенной теоретиками САСП еще летом – осенью 1917 г. Существующие в России и Украине Советы отвергались, как проникнутые духом «партии, бюрократизма и властничества»³⁶³. В отличие от САСП, идеологи «Набата» отказались от идеи «переходного периода», утверждая: «ни о какой "переходной стадии" между "разрушенным капитализмом" и "анархическим строем" не может быть и речи»³⁶⁴. Так, в воззвании «К товарищам», подписанным в ноябре 1918 г. Секретариатом КАУ «Набат», высказывалась мысль, что разочарование украинских рабочих и крестьянства итогами «второй революции» породило надежды на то, «что грядущая революция на Украине сразу же может направиться по пути беспартийно-массового народного творчества и сразу же может превратиться в революцию социальную, долженствующую создать анархо-коммунистический строй»³⁶⁵. Итогом преобразований должно было стать создание федерации городских и сельских коммун. Делегаты выразили надежду, что развитие либертарно-коммунистической революции в Украине вызовет революционные движения в других странах, как во время Германской революции. В отличие от ВГТ в вопросе о преобразованиях на селе «Декларация» КАУ выступала за «коммунизацию». Предполагалось обобществление земли и орудий труда, создание коммун. Ставка в процессе преобразований делалась на сельскую бедноту. Зажиточное крестьянство подлежало экспроприации³⁶⁶.

Были учтены уроки событий лета 1917 – весны 1918 гг., когда возлагавшие надежды на стихийное действие масс анархистские организации оказались не в состоянии противопоставить большевикам массовое движение. В «Декларации» подчеркивалось, что «социальная революция и строительство анархической коммуны» – «сознательный, а не стихийно-бунтарский процесс»³⁶⁷. Одной из наиболее важных сил, на которые предстояло опереться на Украине, КАУ считала повстанческое движение против германо-австро-венгерских оккупантов и режима гетмана Скоропадского. Одна из резолюций конференции призывала к активному участию в повстанческих формиро-

---

³⁶³ Там же. С. 27.

³⁶⁴ Там же. С. 15.

³⁶⁵ Там же. С. 4.

³⁶⁶ Там же. С. 4, 14, 15, 21.

³⁶⁷ Там же. С. 17.

ваниях с целью ведения военно-организационной, пропагандистской, культурно-просветительской работы. Создание анархистских отрядов Конференция признала нецелесообразным, памятуя о неудачном опыте «Черной гвардии». При этом делалась оговорка, что анархисты могут участвовать только в беспартийных формированиях, отказываясь от властных функций по отношению к населению³⁶⁸. Допускалось участие «с чисто информационными (осведомительными) целями» в органах власти, но лишь «в случаях, когда революции угрожает опасность и требуется быстрая и решительная боевая работа для ее спасения»³⁶⁹. Помимо повстанческого движения КАУ поддержала участие в массовых организациях рабочих и крестьян, за исключением профсоюзов и Советов. В профсоюзах видели отжившую форму рабочей организации³⁷⁰. Советы же, по мнению делегатов конференции, были «проникнуты духом партии, политики, бюрократизма и властничества»³⁷¹. Приоритет отдавался ФЗК и другим организациям рабочих, крестьянским комитетам бедноты, сельскохозяйственным коммунам и кооперативам. Предполагалось объединить их в рамках «беспартийных и безвластных» «Советов рабочих и крестьянских экономических организаций», а также – отраслевых союзов предприятий³⁷². Задачи работы в этих организациях были связаны с развитием анархических принципов самоорганизации и распространения анархо-коммунистических идей. При этом резолюция, получившая название «Борьба со злоупотреблением именем анархизма», запрещала членам КАУ участие в карательных органах: ВЧК, милиции, судах, тюрьмах, следственных комиссиях. Было запрещено занимать руководящие посты в любых государственных структурах³⁷³.

Революционные события 1917–1918 гг. впервые в истории России открыли анархистам перспективы проведения в жизнь модели либертарно-социалистического общества. Преобладание среди них сторонников учения П. А. Кропоткина предопределило идейную гегемонию анархического коммунизма. Представители различных течений анархизма вполне добросовестно пытались адаптировать эту модель к соци-

---

368 Там же. С. 23–25.

369 Там же. С. 25.

370 Там же. С. 26.

371 Там же. С. 27.

372 Там же. С. 26–27.

373 Там же. С. 27, 32.

ально-экономическим условиям своего времени, используя сложившиеся общественные структуры, будь то сельская община, домовые комитеты, профсоюзы, кооперативы, фабрично-заводские комитеты, крестьянские союзы, Советы, повстанческие отряды. Однако подобная модель могла быть реализована лишь при условии сильной культурной гегемонии анархизма, преобладающем влиянии его идеологии в обществе. Но как раз укорененности либертарных идей среди широких слоев населения России и недоставало российским анархистам. В 1917–1918 гг. они не имели ни массового влиятельного профсоюзного объединения, принявшего анархо-коммунистическую программу, ни многих десятилетий культурно-просветительской и организационной работы. Для планомерной и систематической пропагандистской деятельности, создания собственных массовых рабочих организаций, производственных коммун и потребительских кооперативов им было отпущено мало времени. Но, оказавшись в динамичной, быстро меняющейся ситуации 1917–1918 гг., анархисты были вынуждены действовать. К тому же, их работе препятствовали как условия начавшейся гражданской войны, так и репрессии со стороны правящей партии. Развитие массовой самоорганизации трудящихся прибавляло им уверенности и порождало самые радикальные планы и надежды, что было характерно для всех течений и фракций российского анархизма того времени. Однако герои нашей статьи не обращали внимания на то обстоятельство, что органы общественного самоуправления, возникшие в условиях установившегося после свержения монархии вакуума власти, развивались по собственной логике, далеко не во всем совпадавшей с пожеланиями анархистов. Пусть даже во многом соответствуют действительности утверждения ряда исследователей о близости социальных чаяний рабочих и крестьян того времени идеалам анархизма, анархистам не хватило сил и опыта, чтобы организовать социальные движения под своими знаменами. Ликвидация большевиками вооруженных отрядов поборников безвластия весной – летом 1918 г. лишила не обладавшие массовостью либертарные организации серьезной поддержки и защиты от репрессий РКП(б). Разворачивание же гражданской войны в 1918 г. вынудило большинство анархистов принять сторону большевиков, хотя бы с точки зрения логики «меньшего зла», отказавшись на время от реализации собственных программных принципов. Тем не менее, решающие битвы анархистского движения в рамках Махновщины, Сибирского повстанчества и Кронштадтского восстания были еще впереди.

Леонтьев Я. В.

«Мы – русские гебертисты, бабувисты...»

**(Забывтый мыслитель Юрий Михайлович Панебратцев –
синдикалист, максималист, штирнерианец).**

К 80-летию со дня гибели

Если можно, прошу вывести на экран фотографии из следственного дела. Я хотел, чтобы видели в лицо этого человека, потому что на самом деле его имя вообще никому ничего не говорит и до недавнего времени вообще нигде никак не фигурировало, за исключением каких-нибудь изданий 20-х годов, указания его в списках каких-нибудь политзаключенных того времени.

Ярослав Леонтьев

Панебратцев выдвигал очень любопытную систему рассуждений о будущем социализма и анархизма: «...действительно свободное развитие человека возможно только при полном отсутствии каких бы то ни было устойчивых общественных форм... Поэтому тенденция развития социализма заключается в индивидуализации, в распадении общества на отдельные личности... люди будут объединяться в совершенно свободные союзы, без всякого принуждения. Это будет торжество анархо-индивидуализма».

На самом деле, это крайне любопытный человек, я сейчас попытаюсь это до вас донести. Это вообще мое первое выступление о нем. Я ему хочу предоставить слово самому, прочтем один из его текстов, поскольку действительно так получилось, что не было у него возможности выпустить ни одной книги в жизни. Юрий Михайлович Панебратцев принадлежит к забытому поколению, он 1901 года рождения, как одна из сестер Гарасёвых – Татьяна Михайловна Герасёва, о которой в прошлом году мне довелось говорить.

Еще два слова об источниках моего выступления. Этими источниками являются рассекреченные архивно-следственные дела, привезенные из украинских и нижегородских архивов. Начну с дела, которое совсем недавно ко мне попало в руки. Это не просто архивно-следственное дело, это даже агентурное дело, это еще один тип неразработанных источников, они были на каждого участника социалистического, анархистского движения. И вот из этого дела мы впервые узнаем какие-то штрихи биографии нашего героя.

До недавнего времени казалось, что имя Юрия Михайловича Панебратцева навсегда выпало из общественного дискурса. Однако в номере 11 за 2014 г. в журнале «Вопросы философии» появилась публикация его писем из ссылки Н. А. Бердяеву в Париж, осуществленная Т. Г. Щедриной. В свою очередь, я упоминал о нем в одной своей статье¹. Таким образом, пелена забвения вскоре останется в прошлом. Но по сию пору фигура этого самобытного мыслителя и яркого революционера остается фактически не изученной. Причина этого кроется в том, что архивы еще хранят тайны в отношении его творческого наследия, а иные из архивов остаются недоступными. Обнаружение в одном из архивно-следственных дел, хранящемся в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) девяти писем к Г. А. Нестроеву и А. А. Зверину и двух статей («Мысли о максимализме» и «Новые английские "лорды" и социальная революция») Панебратцева можно считать большой исследовательской удачей.

Данное следственное дело в отношении группы революционно-народнической молодежи, имеющее заголовок «По обвинению Кабанова

---

¹ Леонтьев Я. В. Партия левых социалистов-революционеров (синдикалистов) Украины: история возникновения и идейной эволюции // Новые профсоюзы и демократические левые: исторические корни и идейные ориентиры. Материалы международной научно-практической конференции (Киев, 2–3 ноября 2013 г.). Киев, 2014. С. 60–71.

Анисима Ксенофонтовича, Петрова А. С., Гольдберга Б. Л. и другие, всего 12 человек», было начато в Нижнем Новгороде 20 марта 1925 г. и окончено 30 октября того же года. Во втором томе собраны вещественные доказательства по делу. Среди них находятся перепечатанные на пишущей машинке тексты Панебратцева, имеющие заголовок «Письма и статьи Юрия Панебратцева», по-видимому, распространявшиеся в тогдашнем самиздате в сообществе его единомышленников.

О себе Юрий Панебратцев сообщал в письме от 4 января 1930 г. Бердяеву в таких выражениях: «Я принадлежу к тому поколению русской молодежи, которая выросла и духовно созрела уже после революции. (В 17 году мне было 16 лет). В детстве я был очень религиозным. Рос в очень интеллигентной и либеральной семье педагогов. Лет с 12 стал увлекаться философией, поэзией и политикой и писать. Жил очень замкнуто (это на всю жизнь осталось). Сначала – Спиноза, Платон (об "идеальном" государстве), Шиллер, Байрон. Потом Л. Н. Толстой. В 17-м году считал себя "толстовцем", даже переписывался с Булгаковым (толстовцем). С лета 17-го года стал народником и революционером. Засел за Михайловского, Маркса, Лаврова, "Подпольную Россию". Особенно мне близки были Дм. Лизогуб и Ив. Пл. Каляев. С 1918 года совсем ушел в революцию и "в народ". (Примкнул к "максималистам-народникам"). Философией занимался урывками и по очереди переходил: от позитивизма к Канту, потом к Бергсону, наконец, "осел" на Махе и Авенариусе. Потом совсем "с головой нырнул" в революционную борьбу (1920–1923 гг.) и "вынырнул" только на дальнем севере физически, нравственно и духовно разбитый. Моя вера в социальную революцию и в "земной рай" – рухнула, и окончательно. Тут подоспели Ницше, Штирнер, декаденты»².

К этому можно добавить, что его родителями были люди посвоему замечательные. Отец – Михаил Михайлович Панебратцев в 1888 г. окончил Вологодское духовное училище, затем учился в семинарии и в Нежинском историко-филологическом институте. Потом он, в частности, преподавал в женской гимназии в г. Ромны Полтавской губернии и был составителем учебника «Методическая грамматика русского языка для средних учебных заведений и самообразования» в двух частях (Могилев-Подольский, 1909). Он контактировал с В. Г. Короленко, упоминается в одном из писем писателя к поэту И. Ф. Анненскому. Мама – Варвара Митрофановна, урожденная

---

² РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Д. 662.

Левчановская, была сестрой врача Н. М. Левчановского, друга юности будущей «звезды» медицины А. А. Богомольца.

По одним сведениям, Юрий Панебратцев родился в 1900 г. в Омске, тогда относившемся к Акмолинской губернии. По другим – в 1901 г. в Киеве, еще по одним – в древнем селе Мрин Нежинского уезда Черниговской губернии, волостном центре на реке Остер с интересной историей. Образование он получил в Коммерческом училище в Кременчуге, и точно работал учителем в селе Мрин. Согласно одной из архивных справок первоначально он принадлежал к украинским эсерам-боротьбистам и, несмотря на юный возраст, даже считался основателем Кременчугской организации УПСР (боротьбистов). В 19 лет Ю. М. Панебратцев становится секретарем Областного Комитета Правобережья Партии левых социалистов-революционеров (синдикалистов) Украины. В этот период он использовал партийный псевдоним «Юрко Акмолинский», что указывает на его связь с Акмолинском.

В первый раз он был арестован 29 ноября 1920 г., и по постановлению на заседании президиума Киевской губЧК от 24 декабря 1920 г. подлежал высылке за пределы Украины в Москву, однако на основании резолюции начальника Секретного отдела Цупчрезкома (Центрального Управления чрезвычайных комиссий) при СНК Украины Панибратцев-Акмалинский был освобожден из-под стражи в Харькове 26 января 1921 г. Во второй раз он арестовывался Кременчугской ЧК в 1921 г., а в третий – был арестован 2 августа 1923 г. на станции Екатеринослав. За это время он успел пожить в Полтаве и поработать учителем в селе Мрин, одновременно ведя «усиленную партийную работу в левонародническом духе среди местных крестьян», скрыться в Москву в апреле 1923 г. из-за угрозы ареста, снова вернуться на Украину, составить программу занятий в кружках «социально-революционной молодежи», организовать в Харькове пять кружков (три из рабочих и два из учащихся), посетить с целью воссоздания синдикалистских организаций и созыва всеукраинского совещания Киев, Полтаву и Екатеринослав, где его и схватили чекисты с рядом партийных документов и изданий и собственных рукописей на руках. Следствие выяснило факт его кооптации в Центральное Бюро Объединения Партии левых эсеров и Союза эсеров-максималистов и установило, что в Москве он прожил около месяца на квартире своего соратника, известного литературного критика, публициста и писателя Я. В. Брауна. Из материалов следствия видно, что в Москве

Панебратцев познакомился с ветераном эсеро-максималистского движения и одним из лидеров левонароднического «Объединения» Г. А. Нестроевым. С другим видным теоретиком и эсером-максималистом А. А. Звериным Панебратцев пересекался во время приезда того в Полтаву и Харьков.

Крайне интересна характеристика, которую он получил в 1923 г. от чекистов: «Очень начитан, теоретик, активен, с железной силой воли». В итоге, на основании заключения уполномоченного Секретного отдела ГПУ УССР, его выслали на 3 года в Зырянский край. Сначала Панебратцев оказался в Вятке, а оттуда был направлен в Котлас³. В 1917 г. Временное правительство присвоило этому поселку при станции Пермской железной дороги статус города. В 1923 г. Котлас состоял из четырех деревень и поселка железнодорожников, с населением в четыре тысячи человек на 1926 г. Позднее здесь был развернут печально знаменитый Котласский пересыльный лагерь из 12 зон. Численность арестантов в нем доходила до 30 тыс. человек.

Для раскрытия идейных и духовных поисков Панебратцева несомненный интерес представляют письма из ссылки в Котласе двум известным лидерам эсеро-максималистского движения – Григорию Абрамовичу Нестроеву и Арону Александровичу Зверину^а. Упомянутый в начале первого письма с написанием через букву «а» «Крапоткинский сборник» – это сборник статей, посвященный памяти П. А. Кропоткина под редакцией А. А. Борового и Н. К. Лебедева. В конце опубликованной в нем статьи «Место анархизма в левом народничестве» видный левый эсер И. З. Штейнберг заключал: «Подобно тому, как буржуазная революция [17]89-го года была зачинательницей социализма, и наша социалистическая революция несет в себе зародыш анархизма. Левое народничество хочет сознательно помогать рождению его»⁴.

Интересно и важно дополнить выводы самого Панебратцева в публикуемых отрывках продолжением его высказываний в других письмах тем же адресатам. Так, в недатированном письме Нестроеву

---

³ Интересно отметить, что именно здесь в 1379 г. начал свою проповедь среди народа коми преподобный Стефан Пермский.

^а Их краткие биографии, подготовленные автором доклада, см. в разделе «Приложения» в настоящем сборнике. *Ред.*

⁴ *Штейнберг И. З.* Место анархизма в левом народничестве. Цит. по: <http://kropotkin.site/sbornik-statej-1922#12>.

он сравнивал максималистов с легендарным французским революционным коммунистом-утопистом Бабёфом и с Жаком-Рене Эбером (фр. Jacques-René Hébert), крайне левым среди якобинцев, давшим имя своим сторонникам-эбертистам, защитникам санкюлотов. «Они не имели тогда влияния, они все погибли, но на их стороне была историческая правда, правда будущего... – писал Панебратцев. – В период созидания социализма мы заглядываем в далекое будущее и видим за Лавровым и Бакуниным – Ницше и его Заратустру. Но идеал Ницше – аристократический. Его сверхчеловек великий каннибал. Он ненавидит ближнего и живет его эксплуатацией. Наш Заратустра – не таков. Он любит людей, в нем сильна "дарящая добродетель". Наш человек будущего – синтез Заратустры и Христа. Он не непротивленец, он борется за свою духовную независимость, он отстаивает свою личность. Но он любит людей и хочет сделать их тоже свободными, но не покушается ни на чью свободу. В нем сочетаются два чувства, которые Михайловский считает основами морали: чувство чести и чувство совести»⁵.

В письме же Зверину от 22 февраля 1924 г. Панебратцев дополнительно сообщал: «Что касается Христа и Заратустры, то я указал, какие черты их характера должны синтезироваться в будущем человеке. У Христа он возьмет любовь к людям (которая одна, а не отвлеченный долг является основой морали), отбросив уродливые формы "непротивленчества" и кротости; у Заратустры – волю к независимости и самоутверждению, отбросив пошлый аристократизм и "белокурого зверя". Утверждение себя через других и других через себя – двойная форма анархо-индивида»⁶.

В письме от 8 января 1924 г. на имя Нестроева Панебратцев выдвигал очень любопытную систему рассуждений о будущем социализма и анархизма:

«Меня сейчас занимает вопрос о том, каковы возможные перспективы человеческого развития за социализмом? Ведь социализм не есть конечный пункт истории, а лишь один из этапов на ее пути. Что же за социализмом? Многие из социалистов полагают, что следующий этап за социализмом – анархизм. Эта мысль имеется в статье И.З. [Штейнберга] в "Крапоткинском сборнике". Я сам раньше так думал. Но в одной из бесед со мной Ар.<он> Ал.<ександрович> вы-

---

⁵ ЦГАНО. Ф. 2209. Оп. 1. Д. 21374. Т. 2. Л. 87.

⁶ Там же. Л. 88.

сказал мнение, что анархизм Бакунина и Крапоткина в основном тождественен с учением П.Л. Лаврова и по существу есть не анархизм, но "федерализм", т.к. отрицая государственность, признает власть, т.е. подчинение меньшинства большинству. Истинный же анархизм – это анархо-индивидуализм, который резко противоположен социализму. Эти мысли А.А. сильно меня заинтересовали, и, хотя я не успел поговорить с ним подробнее об этом, но моя мысль непрерывно возвращалась к ним и работала над ними. Дело в том, что меня всегда очень смущало одно возражение, делаемое нам анархистами: как это вы, максималисты в социальной области вместе с тем минималисты в политике. Борясь за немедленное осуществление социализма, вы вместе с тем отрицаете возможность немедленного безвластия, хотя и признаете его наивысшей формой общественной организации. Это непоследовательно. Я, правда, делал им возражение, что наш максимализм заключается в том, что мы хотим немедленной замены классового типа общества типом бесклассовым, но что вначале возможно лишь осуществить лишь низшую степень этого высшего типа. Но меня самого это возражение не удовлетворяло, потому что даже в низшей степени социалистического типа не должно быть элементов, принципиально противоречащих развернутому социалистическому идеалу. Элемент же государственности принципиально ему противоречит. И вот слова А.А. открыли мне выход из этого идейного тупика. Я понял, что анархизм вовсе не есть какая-то высшая форма общества, следующая за социализмом. Я понял, что социалистический анархизм (Бакунин и Крапоткин) и анархический социализм (Лавров и максимализм) есть один тип социализма – "федерализм". Для этого я обратился к анализу основных понятий, на основании работ Лаврова и Бакунина. По Лаврову есть три формы общественных союзов: 1) свободная ассоциация; 2) политическое общество; 3) государство. Свободная ассоциация, образом которой является научное общество, или кружки – это идеал анархо-индивидуализма (Штирнера и Л. Толстого); это по существу отрицание каких бы то ни было устойчивых общественных форм, это полная индивидуализация, раздробление общества. Политическое общество является идеалом Лаврова. Оно же идеал Бакунина. Оно отличается от государства двумя признаками: 1) правом свободного выхода своих членов и 2) полным слиянием власти с массой, достигаемое путем отсутствия "передоверия мандатов" и непосредственного решения всех вопросов не делегатами, а самим населением. От свободного же союза политич.<еский>

союз отличается тем, что признает власть большинства над меньшинством (при которой только и возможно существование устойчивых общественных форм). Государственная форма для социалиста вовсе и никогда не приемлема, т.к. социализм стремится к освобождению личности от гнета путем социализации хозяйства, культуры и власти. Прав был Бакунин, когда говорил о необходимости ликвидировать государство вместе с капитализмом, признавая вместе с тем, что власть должна остаться в форме непосредственной воли большинства. Этим самым падает сильно отдающая максимализмом теория переходного периода и вместе с ней деление социализма на две ступени: от революции и ликвидации государства и от этой ликвидации до скончания веков. Нет, социализм, как таковой в корне отрицает принудительную государственность и соц. революция непосредственно ведет к замене государства "федерацией коммун". В процессе развития только варьируется этот основной тип. (Правда меня смущает еще вопрос о праве выхода из общ.<естественного> союза: может ли оно осуществиться в период борьбы с буржуазией?). Но этим вопрос не разрешается. Спрашивается: каковы же все-таки тенденции развития в социалистическом обществе? Цель социализма – гармоническое развитие личности человека. А действительно свободное развитие человека возможно только при полном отсутствии каких бы то ни было устойчивых общественных форм, т.к. всякий быт, всякая принудительность, всякая "культура" (в смысле Лавровском) ограничивает свободу личности. Поэтому тенденция развития социализма заключается в индивидуализации, в распадении общества на отдельные личности. Люди будут в одиночку жить, ведя бродячий образ жизни (сохранив, разумеется, все завоевания техники и духа). Это не значит, что каждый уйдет "в келью под елью" и станет отшельником. Социальные чувства останутся у людей и наоборот еще разовьются. Только люди будут объединяться в совершенно свободные союзы, без всякого принуждения. Это будет торжество анархо-индивидуализма. Для этого строя необходим социализм, как предварительная ступень, т.к. он требует полного изменения и преобразования человеческой природы.

(Разумеется сейчас этот идеал – только утопия). Но и этим еще не решается вопрос. Спрашивается: каков будет этот человек будущего? В чем будет лежать основание его воли и морали? Ведь есть две противоположные системы индивидуализма: система М. Штирнера и учение Л. Толстого. Первое – учение Штирнера и Ницше говорит о "воли к власти" и о том, что каждый человек стихийно бо-

рется за власть над другими (конечно в будущем это будет борьба не за общ.<ественную> власть, а за власть над душами, за влияние). Толстой же говорит, что высший идеал для человека – это отказ от власти над другими (в этом вся суть его "непротивления"). Ницшевский Заратустра и Толстовский Христос – два резко противоположных идеала будущего. Какой из них приемлемее? – Пока кончаю. Как Ваше мнение обо всех этих вопросах?»⁷

Не менее интересно и письмо Зверину от 11 февраля 1924 г.:

«Дорогой, милый Арон Александрович. Спасибо Вам за Ваше хорошее письмо. Давно уже жду я от Вас весточки и наконец-то получил. Для меня каждое Ваше письмо и Григория Абрамовича праздник, "именины сердца". Ведь для меня товарищи по партии – это не просто единомышленники, с которыми меня связывают общность взглядов и деловые отношения общей работы. Такого рода отношения присущи всем буржуазным партиям, либералам, их формула: "Уважаемый единомышленник" холодно-деловая. Нет. Для меня товарищи – это самые близкие люди на свете, это родные. Когда однажды к Христу (как рассказывает Евангелие) во время его проповеди пришли мать и братья и передали, что хотят повидаться с ним и поговорить, он сказал, показывая на своих учеников: "Вот мать моя, мои братья; других я не знаю". То же самое должно быть для всех революционеров. Товарищи революционера – его единственная семья. Отношения между революционерами уже сейчас должны быть таковы, какими будут при социализме отношения всех людей друг к другу. В этом отношении мы должны возродить традиции первых христиан и социалистов 70-х годов. К сожалению очень многие из товарищей считают это "анахронизмом", отжившим романтизмом и т. п.

Отвечаю теперь на Ваше письмо. Почти со всем я согласен. Но есть два пункта, с которыми не могу согласиться. 1) Вы говорите, что государства нельзя разрушить, а оно само умрет, когда массы станут активны. Если Вы хотите этим сказать, что государство не будет уничтожено, когда в какое-либо место, где массы пассивны и индифферентны, явится кучка "анархистов", разгонит учреждения и объявит "анархию" (как это делали махновцы), а что вместо анархизма начнется "грабилька", война всех против всех, которая закончится тем, что первый проходимец захватит власть, которая хотя и будет "упразднена" внешне, но психологически будет "валяться на улице" – Вы правы.

---

⁷ ЦАНО. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 21374. Л. 77–78

Но тогда Вы не точны. Государство само не умрет. Его убьют массы, восставшие в большинстве против него и создавшие свои массовые органы власти – Советы. Таким образом, анархия по декрету должна быть заменена анархией по воле трудящихся (верней, не анархией, а федерализмом).

2) Вы отрицаете не только коммунистический анархизм, но и индивидуалистический – это основная тенденция развития социалистического общества. Конечно индивидуализм – не общеобязательный идеал, подобно социализму. Но спрашивается: в чем суть социализма? Социализм имеет своей целью обеспечить для каждого возможность свободного всестороннего развития. Но пока существует общество до тех пор полная свобода лица – невозможна, т.к. во всяком обществе меньшинство будет должно подчиняться большинству. Абсолютная свобода человека возможна только вне общества, при полном уничтожении устойчивых общественных форм, быта и проч. Понятно, что анархо-индивидуализм станет задачей дня только после разрешения социального вопроса, когда все люди будут в равных условиях. Поэтому сейчас он не общеобязательный идеал. В человеке есть два стремления, одно – к абсолютной свободе и неограниченному утверждению своей воли, другое – к сотрудничеству с другими людьми, к самоограничению. Первое – есть проявление свободного духа, воли и мысли, не знающих страха и предела (предел – это страх).

Второе связано с ограниченной и слабой физической природой человека. Человек боится окружающего, он слишком слаб, ему нужна поддержка. Чувство общности основано на слабости человека. Социализм должен "выпрямить" человеческий дух, сделать человека смелым и сильным. Тогда человек перестанет нуждаться в обществе, он станет жить один. Это не значит, что люди станут отшельниками. Нет, человек будет общаться с другими, но это он будет делать не из нужды, как сейчас, а из чистого чувства любви ко всем. Сейчас общество нужно человеку, чтоб брать. Тогда люди будут нужны ему (человеку), чтоб давать (помните "дарящую добродетель" Фр. Ницше). Поэтому принуждения не будет никакого и общества не будет. Будет лишь общение между людьми (собственно, такие существа даже не будут людьми в собственном смысле слова; это будут "сверх-человеки" – гениальный Ницше и тут прав).

Что касается Ваших мыслей об идеале, то я целиком согласен. Идеал не вне, а внутри нас. Но откуда он взялся? Есть два ответа.

Один: идеал вырабатывается на основании наблюдения окружающего; мы берем хорошие стороны настоящего и прошедшего, соединяем их и получается идеал. Но как же мы отличаем хорошие стороны от плохих? Значит, должен у нас заранее быть готовый критерий. Итак, приходим к второму ответу: идеал, т.е. критерий хорошего и дурного в нас существует раньше опыта и наблюдения, он априорен. Но откуда он взялся в нашем разуме? Кто вложил его туда? Бог? Всеединое Паульсена? Кантовский Нумен? Если стоять подобно кантианцам на рационалистической точке зрения, то идеал – загадка без ответа. Но если принять волюнтаризм – идеал перестает быть тайной. Разум – орган воли. Воля человека стихийно стремится к жизни так же, как гармоническому развитию личности. Это стремление воли, преломляясь в разуме, создает идеал. Но почему же в таком случае идеалы у людей различны, а идеал одного лица тоже непрерывно развивается? Это целиком объясняется теорией борьбы воли за индивидуальность, т.е. за самоутверждение. Более слабая воля подчиняется более сильной воле высших индивидуальностей, ведущих с ней борьбу (в отношении к человеку: он подчиняется коллективной воле государства, семьи, корпораций и т.д.). Кроме того, разум, лишь постепенно развиваясь, начинает осознавать стихийные стремления воли. Разум вырабатывает идеал, руководясь внутренним волевым опытом. (Я не касаюсь здесь гносеологической проблемы, согласно которой и воля, и разум, и борьба за индивидуальность, и весь мир, и мое я есть лишь элементы сознания).

Ах, Арон Александрович. Какая трудная вещь выработка мировоззрения. Сколько на пути ям, тупых углов, каменных стен. Я не хочу ничего принимать на веру, я хочу все знать, все продумать. И самое трудное – это найти тот пункт, от которого можно начать плести нить рассуждений. Если б найти эту абсолютно достоверную Архимедовскую точку мировоззрения. Но каждый раз, начнешь строить, доведешь почти до конца, до "текущего момента". И вдруг – как молния в мозг промчится шальная мысль, и вся моя стройная система – насмарку. И возвращаешься к Монтэневской формуле: "я сомневаюсь", откуда Сократовское: "я знаю, что ничего не знаю". И встает насмешливая фигура Мефистофеля Антокольского, которая будто хочет спросить: "ну что, нашел истину?" В одном я не сомневаюсь – это в моем жизненном пути. Над этим разум бессилен – это внутренняя тяга, тут для меня все ясно, здесь я абсолютно уверен в своей правоте и уже сам посмеюсь над Мефистофелем, или что еще хуже пожалею его...

Итак, вот пока результаты моих "мудрствований лукавых" (так православная церковь называла всякие попытки свободной мысли).

1) Философия должна быть превращена в «науку мировоззрений». Тем самым определится вполне ее характер.

2) Мировоззрение может быть построено в двух перспективах: педагогической и логической. Учение о мировоззрении принимает второй порядок.

3) Логический порядок построения мировоззрения: а) гносеология; б) антропология; в) космология; г) социология.

4) Логической основой гносеологии является понятие сознания. Бытие – содержание сознания. Я и не-я два его основных элемента. Между ними группируется все содержание сознания. Сознание безлично, но единично. Вокруг него тьма. Но и самая тьма – существует лишь в сознании, поскольку оно пытается заглянуть за свои границы. Бытие есть самосознание сознания.

5) Логическая основа антропологии – понятие "я" (субъекта). Сюда входят психология и этика. Психология отвечает на вопрос: что такое "я"? Здесь от "я" через чувство любви к людям мы приходим к понятию равенности человека, которое и кладем в основу системы нравственности. Психология же рассматривает вопрос, какая часть сознания включается в понятие "я".

6) Логическая основа космологии – понятие "не я" объекта. Здесь дается картина мира, очищенная от метафизики методом чистого опыта Авенариуса. Мир берется, как он есть, и излагаются его физические отношения. Существующий мир и есть единственный реальный для сознания.

7) Логическое основание социологии – понятие личности. Это понятие синтезирует "я" и "не я". Социология изучает фактические отношения между людьми и оценивает их с точки зрения этического идеала. Итак, вот путь. Данные сознания – "я" и "не я" – личность. В понятии личности я и не я соприкасаются (психика – это мое "я", а тело – это уже "не я", между ними ряд переходов). Вы видите, что это лишь первоначальный, еще не разработанный, слабый набросок, но в таком направлении я думаю его обрабатывать мыслью»⁸.

Из житейских подробностей Панебратцев сообщал в этом письме Зверину, что живет в ссылке «сносно»: «Здоров вполне. Настроение бодрое». В письме же Нестроеву от 14 февраля 1924 г., стеснитель-

---

⁸ ЦАНО. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 21374. Л. 80–82.

но называя себя «недоучкой», он сообщал о существующем у него «плане таких статей: 1) Основы мировоззрения Н.К. Михайловского. 2) Им. Кант и народничество (1724–1924). 3) Сущность максимализма. 4) О Шпенглере. 5) О драме Ф. Верфеля "Человек из зеркала", кот.<орую> я считаю замечательнейшим и характернейшим произведением нашей эпохи. 6) К характеристике нашей эпохи (автор.<итарный> социал.<изм> и федерал.<изм>). 7) О нек.<оторых> методах борьбы с буржуазией. 8) Программа самообразования для кружков молодежи. 9) Вопросы этики».

Из подписи к сохранившимся в нижегородском следственном деле двум его статьям, можно узнать псевдоним Панебратцева: Непримируемый. Его идейные и духовные поиски продолжались и позднее. Как он сам сообщал Н. А. Бердяеву в 1930 г.:

«Сначала я занялся "примирением" Христа и Заратустры, а потом пришел к полному "ничевочеству". Тут встала мысль о смерти и о самоубийстве. В это время у меня появляется опять мысль о религии, как единственном выходе из пустоты. Решаю "попробовать". Все равно "терять нечего". Сначала меня привлекает теософия. Но тут я встретился с замечательными представителями "страдающей Церкви" и они, заинтересовавшись моими исканиями, направили мое внимание к христианской мистике»⁹.

Подробности дальнейших его исканий отчасти изложены в письмах Бердяеву, но по большей части еще не выяснены до конца. По крайней мере, одной ногой он оставался на левонароднических позициях, так как в очередной раз его арестовали в феврале 1933 г. по делу так называемого «Народнического центра». Оказавшись в новой ссылке, он работал плановиком пивзавода в Тюмени. В последний раз его арестовали 19 февраля 1937 г. Есть надежда, что ознакомление со следственными делами 1933–1937 гг. может дать дополнительную информацию о местонахождении других текстов Ю. М. Панебратцева. Согласно «Книге памяти Тюменской области», он был приговорен Тройкой Омского УНКВД 5 августа 1937 г. к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 27 августа в Омске, где, по странному стечению обстоятельств, он и родился за 36 лет до этого.

Сидоров С. И.: Маленькая реплика. Мне этот образ странника, свободного и сильного духом, не строящего никакие фиксированные ор-

---

⁹ РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Д. 662.

ганизационные структуры, но не ставшего отшельником и не порвавшего с технической цивилизацией, очень напомнил образ человека в романе «Туманность Андромеды» Ефремова. Если добавить, что у Ефремова там еще и национальных государств не было, хотя общество и не было строго говоря анархическим, то параллель, по-моему, становится еще более интересной.

Я. Л. Прусский

Октябрьская революция

и отношение к ней П. А. Кропоткина.

Была ли неизбежной диктатура большевиков?

«23 ноября (1920). Бурный разговор с Софьей и Сашей. Всё те же вечные упрёки – зачем не выступаю с определённой программой – чего? Действия? – нет: "взгляда, общего взгляда на современные события!"»¹ – так начинается трёхстраничный документ, который принято называть «политическим завещанием» П. А. Кропоткина.

Стиль для Кропоткина не характерный. «Бурный разговор» и «вечные упрёки» – и это о самых близких людях, о нежно любимых жене и дочери?

Видимо, уж слишком странным казалось им это молчание о главном – о революции, подготовке которой была отдана жизнь мужа и отца.

Молчание это казалось странным и многим анархистам, которые считали себя учениками Петра Алексеевича, ведь ни разу за три с лишним года жизни в России после Октябрьской революции он не сделал того, чего они от него ждали: не осудил публично «диктатуру пролетариата», которая была на самом деле диктатурой одной партии – большевиков.

Это молчание, бесспорно, отдалило от Кропоткина часть его последователей. Однако оно далось ему нелегко и стало результатом тяжелейших нравственных испытаний. Кроме того, называя Октябрьскую революцию «стихийным переворотом», он понимал, что и сам был одним из её невольных творцов. Это мучило его.

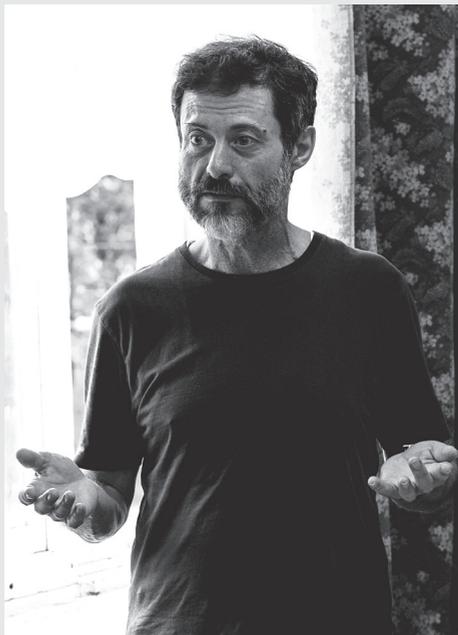
Мог ли Кропоткин открыто выступить с анархических позиций после октября 1917 г. против диктатуры большевиков, которых он не-

---

¹ Так что же делать? // В. А. Маркин. Неизвестный Кропоткин, 2002. С. 403.

Ян Львович Прусский

Пётр Алексеевич считал, что подлинная революция должна развиваться работой земств, Советов, кооперативов, но земства были упразднены в 1918 г., свободные кооперативы в 1920 г., а Советы довольно скоро стали приобретать всё более декоративный характер, выполняя приказы партии.

однократно критиковал раньше? На этот вопрос вряд ли возможно ответить однозначно. Например, сразу после Октября он поддерживал сам факт победы социалистической революции. По мере усиления диктатуры большевиков и красного террора его отношение менялось, о чём он писал, например, в 1920 г. в письме Ленину о заложниках. Публичная же критика большевиков могла навредить если не самому Кропоткину и его семье, то его ученикам и последователям.

Более свободно высказывался Кропоткин в беседах с близкими друзьями. В разговоре с А. Беркманом и Э. Гольдман в начале 1920 г. всего одна фраза объясняла многое: «Они показали, – сказал он о большевиках, – какой революция не должна быть»².

Продолжая эту беседу, Кропоткин говорил, что современная жизнь навязана правящим классом. Поступки небольшой политической партии продиктованы ложными теориями, боязними ошибок, насильственными методами и общей неэффективностью.

---

² А. Беркман. Некоторые воспоминания о Кропоткине. Международный Институт Социальной Истории, Амстердам, ф. Кропоткина, перевод А. В. Бирюкова.

Эмма Гольдман и Александр Беркман дважды посетили Кропоткина в Дмитрове.

В разговоре с ними в начале 1920 г. всего одна фраза П. Кропоткина объясняла многое: «Они показали, – сказал он о большевиках, – какой революция не должна быть».

Большевики, говоря о «диктатуре пролетариата», на самом деле подавляли инициативу всего народа, которая способна восстановить экономику страны.

Поведение союзных держав, нападение на Россию и блокада её интервентами, по мнению Кропоткина, создавали обратный результат – помогали большевикам усиливать свою власть. Он верил, что народ осознает: никакая партия или однопартийное правительство в будущем не сможет монополизировать революцию. Такие устремления приведут к их гибели. Однако российский народ оказался слишком доверчив и напуган столетиями рабства.

Во время другой встречи с Беркманом без посторонних летом 1920 г. Кропоткин говорил об ужасных условиях жизни при большевиках и подчёркивал, что диктатура – их величайшее преступление.

Кропоткин и Беркман беседовали и о других сторонах революции. Пётр Алексеевич подчёркивал, что главная и первая необходимость революции – организация экономической жизни как основы её развития и существования. Эта идея важна, утверждал он, и для успешной борьбы мирового пролетариата³.

Однако Пётр Алексеевич не видел оснований терять веру в свободное развитие воли народа в ходе революции. «Нужно собирать лю-

---

³ Там же.

дей, – писал он, – ... среди каждой из своих партий, после того, как революция изживёт свои силы»⁴.

В «политическом завещании» Кропоткин говорил о своём взгляде на то, что такое революция, о «миллионах причин», почему она произошла. Называл её «стремительным потоком», который невозможно сдержать. Он писал, что партия большевиков «уже не правит, а её несёт течение, которое она помогла создать, но которое теперь уже в 1000 раз сильнее её»⁵. Возникает вопрос, кто же тогда руководил страной 70 лет?

Пётр Алексеевич предрекал приход реакции, предлагая уменьшить её рост и силу «построительной работой», которой со временем народ, представители разных партий могли бы исправить те ошибки, которые допустили большевики. К сожалению, осуществить это в полной мере не получилось.

О том, почему революцию удалось совершить небольшой и не самой влиятельной ещё весной партии большевиков, и что этому способствовало с февраля по октябрь 1917 г., он не писал, однако отметил, что «мы переживаем революцию, которая пошла не по тому пути, который мы ей готовили»⁶ т. е. по пути, подготовленному большевиками.

У современного же исследователя Октябрьской революции не могут не возникнуть конкретные вопросы, на которые ответа в «Завещании» Кропоткина нет. Постараемся рассмотреть хотя бы некоторые из них.

Истина, что история не имеет сослагательного наклонения, казалось бы, отмечает вопросы, почему революция развивалась так, а не иначе, отчего произошёл и был успешен Октябрьский переворот. Однако, хочется попробовать ответить на некоторые вопросы, предложенные нам устроителями Чтений.

Сейчас вряд ли можно говорить о революции только как о стихийном явлении. Она возникает по объективным причинам, но достигает успеха только при продуманной подготовке и руководстве. И Октябрьская революция тому подтверждение: её готовили и ею руководили Ленин и его окружение.

Была ли она неизбежна? Наверное, нет, например, если бы Россия развивалась предыдущие столетия по демократической модели.

---

⁴ Так что же делать? // *В. А. Маркин*. Неизвестный Кропоткин. М., 2002. С. 405.

⁵ *А. Беркман*. Некоторые воспоминания о Кропоткине... С. 404.

⁶ Там же.

Интересно, как смотрел на это владелец дома Кропоткина, где расположен наш музей, один из лидеров октябристов и Прогрессивного блока Д. А. Олсуфьев: «...При Петре I, Елизавете и Александре I в России был "просвещённый" абсолютизм. При Николае и последующих монархах "ум" страны порвал с престолом и пошёл бродить своей дорогой (Белинский, Герцен)»⁷.

Наиболее многочисленная часть населения – крестьяне, рабочие и солдаты, чьими руками большевики совершили революцию, – ждали от неё собственности на землю, фабрики и заводы и необходимый для всех мир. Временное правительство откладывало выполнение этих мер и созыв Учредительного собрания, не обладая реальной властью. Кроме того, серьёзные политики, в том числе и Кропоткин, понимали, что переустройство жизни в России потребует многих лет тяжёлой работы.

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, большую часть которых составляли эсеры и меньшевики, также не были готовы выполнить подобные обещания. Большевики же во главе с Лениным, ещё в апреле 1917 г. начали формирование отрядов Красной гвардии (в июне они насчитывали более 10 тысяч человек) и готовились к насильственному захвату власти.

Наконец, 14–15 августа в Москве было решено созвать Всероссийское демократическое совещание представителей всех государственных и общественных организаций, чтобы объединить их вокруг правительства. Однако большевики отказались от участия, подтвердив, что имеют свои особые цели.

Кропоткин был приглашён как член «группы русской истории», куда вошли старейшие народники. Большая часть присутствовавших согласилась, что возврата к самодержавию быть не может.

Однако стихийное выступление народа, как обычно в любой революции, нравилось далеко не всем и именовалось «анархией», которую правые партии стремились обуздать диктатурой.

На второй день совещания выступали представители «левых» партий. Речь анархо-коммуниста Кропоткина поразила присутствовавших. Обращение к представителям торгово-промышленных кругов явилось полной неожиданностью. «Мы многое не знаем, многому ещё должны учиться. Но у вас есть... то, что важнее капитала, – зна-

---

⁷ Д. А. Олсуфьев. Вечный ковёр жизни. Семейная хроника. М., 1916. С. 40.

ние жизни. Вы знаете, торговлю, производство и обмен. Так умоляю вас, дайте общему строительству жизни ваши знания.

Соедините их с энергией демократических комитетов и Советов, соедините и то, и другое и приложите их к строительству новой жизни...»⁸. Это были слова анархиста, отказавшегося от неизбежности классовой борьбы.

И хотя бурные аплодисменты приветствовали речь Кропоткина, единения всех слоёв общества не произошло. Время было упущено. Кропоткин, благодаря своему личному опыту времён Александра II, видел, что революцией пытается руководить правительство, теряющее поддержку населения, всё больше людей склоняются к мысли о необходимости сильной власти, к которой они привыкли, и быстрого решения главных проблем, которое обещал Ленин, а популярность большевиков растёт среди вооружённых солдат и рабочих. Даже назначенные, наконец, выборы в Учредительное собрание не изменили положения. 25 октября (7 ноября) наступил новый этап революции: власть захватил Военно-революционный комитет Петроградского Совета, состоявший в основном из большевиков.

Могли ли быть другие сценарии развития революции? Правые партии утверждали, что Ленин и верхушка большевиков, вернувшись в Россию в plombированном вагоне через территорию противника, намерены совершить революцию на немецкие деньги. Если бы их судили в апреле 1917 г., большевики не смогли бы захватить власть без своих руководителей.

Октябрьская революция не была неизбежной, если бы различные силы, вовлечённые в происходящее, уже весной 1917 г. сумели договориться между собой, работая в Учредительном собрании и многопартийных Советах. Если бы все наиболее значимые силы, как правые, так и левые, пришли к взаимному согласию, это позволило бы не только избежать так называемой «диктатуры пролетариата», которая была на самом деле диктатурой большевиков, а затем компартии, продолжавшейся 70 лет, но и миллионов невинных жертв Гражданской войны, голода 1920-х годов, коллективизации, политических процессов, которые были следствием этой диктатуры.

Любое коалиционное правительство, избранное демократическим путём, принесло бы России больше пользы, чем диктатура.

---

⁸ ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 734.

Кроме того, первые же декреты большевиков, например, о земле, о печати, были со временем ими фактически отменены. Не случайно Кропоткин отказался от предложения Ленина печатать своё собрание сочинений в государственном издательстве, так как свободная печать была уничтожена.

Пётр Алексеевич считал, что подлинная революция должна развиваться работой земств, Советов, кооперативов, но земства были упразднены в 1918 г., свободные кооперативы в 1920 г., а Советы довольно скоро стали приобретать всё более декоративный характер, выполняя приказы партии.

Многие анархисты выступили близкими союзниками большевиков в Октябрьской революции, что не помешало последним в начале 1920-х гг. большинство из них посадить в тюрьмы, а многих в 1930-е – 1940-е гг. расстрелять. Их выступления – боевые действия Махно, акции 1918-го – 1920-го гг. в Москве и Кронштадтское восстание – носили стихийный характер и не могли изменить хода революции.

Один из главных уроков Октябрьской революции для анархистов: не иметь ничего общего с диктаторскими партиями. Справедливость этой рекомендации подтверждается примерами Махно и Гражданской войны в Испании. Цель – построение коммунизма – не оправдывает средства, которые использовали для этого большевики.

Дундич Д.: Скажите, пожалуйста, каким образом... вы сказали, что большевики были прозорливыми и все подготовили и осуществили. Но ведь «прозорливый» Ленин еще буквально в 1915 или 1916 году говорил, что «мы, старики, не доживем до революции, а вот вы, молодежь, будете осуществлять эту революцию». Если он так говорил, то каким образом можно утверждать, что большевики так подготовили все?

Прусский Я.Л.: Давайте попробую ответить. Большевики воспользовались результатом, об этом говорили докладчики до меня. То, что они были прозорливыми и все подготовили и осуществили, я не говорил. Я сказал о том, что люди умные, в том числе и другие партии, Временное правительство понимали, что с наскока ничего не делается, но была такая ситуация, шла Первая мировая война, когда, естественно, народу надо было дать какой-то выход из создавшейся ситуации, а они тянули время. А русский народ любит сильную власть, и чтобы все вопросы разрешались быстро, а поскольку не было ни того, ни другого, то большевики воспользовались этой

ситуацией. Они соврали, что решат быстро все вопросы, и они дали сильную власть, только что эта власть делала в течение десятилетий, мы с вами знаем.

Дундич Д.: Скажите пожалуйста, кто и как определил, что русский народ или российский народ, вся империя, любит сильную власть?

Прусский Я.Л.: А мы это видим сегодня. Разве вы не видите?

Дундич Д.: Так я знаю, как это сейчас делается, но я не знаю, как это тогда делалось.

Прусский Я.Л.: Тогда были просто другие силы, но примерно так же и делалось. Хотите сильную власть – нате вам сильную власть. Еще какие-то есть вопросы ко мне?

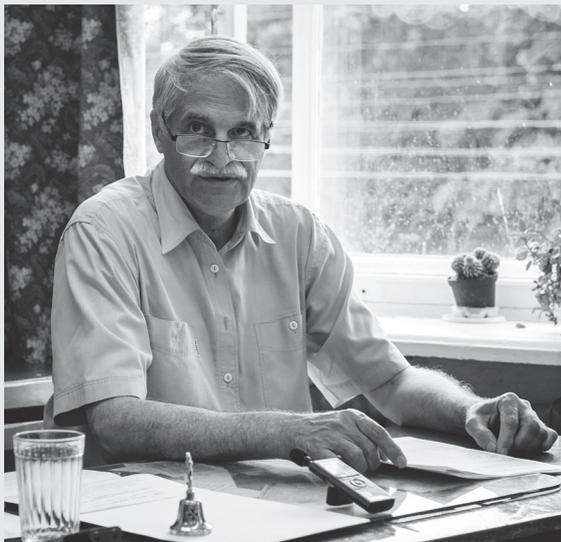
П. И. Талеров

Российские революции 1917 г. в судьбе П. А. Кропоткина

После более чем 40-летней эмиграции Пётр Алексеевич Кропоткин вернулся на родину в начале июня 1917 г.,¹ совершив длительное путешествие из Англии через Скандинавию и практически повторив свой путь в изгнание летом 1876 г. после побега из арестантского отделения Николаевского военного госпиталя в Петербурге. Такое возвращение стало возможным благодаря Февральской революции и Временному правительству, которое первым же своим декретом объявило амнистию всем политическим заключенным. У Петра Алексеевича не было никаких колебаний по поводу своего возвращения – решение было принято сразу и безоговорочно, настолько сильна была ностальгия по родине. И это несмотря на то, что, во-первых, здоровье и возраст требовали особо трепетного внимания (незадолго до этого П. А. перенес операцию и рана долго заживала); во-вторых, за долгие годы эмиграции в приютившей его Англии сложился вполне комфортный образ жизни и круг общения и любое изменение в привычном существовании неминуемо грозило определенными осложнениями, особенно, если учесть, что, в-третьих, полыхало пламя мировой войны, на полях сражений гибли тысячи людей, а в тылу воюющих государств был хронический дефицит продовольствия и других предметов первой необходимости, свирепствовали эпидемии, а также нарушались все виды коммуникаций. Поэтому, в этих условиях, в-четвертых, несмотря на радужные надежды и томительные

---

¹ 30 мая (по старому стилю) Кропоткины прибыли в Петроград.

Павел Иванович Талеров

Феномен оппозиции П. А. Кропоткина с его анархо-коммунистической доктриной становлению и развитию Советской республики состоял в том, что цели его теории, как и социал-демократии... полностью совпадали – построение бесклассового, коммунистического общества, а используемые методы... совершенно различались. Большевистские методы диктатуры пролетариата с ее массовым насилием и террором оказались неприемлемыми для противников всякого угнетения – анархистов.

ожидания, весьма туманны были перспективы нормального обустройства семьи Кропоткиных (вместе с П. А. в путешествие отправились его жена Софья Григорьевна и дочь Александра с мужем Борисом Фёдоровичем Лебедевым) в условиях революционной России. Что же, кроме упомянутых надежд, ожиданий и ностальгии, так сильно тянуло на родину старого больного человека? В первую очередь – острое чувство долга, стремление оказаться в гуще событий, преобразующих Россию на новых мировоззренческих основах, когда в революционных передрягах мог оказаться востребованным тот идейный багаж, который русский мыслитель накапливал и пропагандировал всю свою сознательную жизнь. Более того, Кропоткин чувствовал определенную ответственность перед теми, кто поверив в его анархистскую теорию коммунизма готов был в реальных условиях воплощать ее в жизнь. Возможно, что Временное правительство, а за-

тем, с большой вероятностью, большевистские лидеры – могли повернуть в эту сторону в складывающихся условиях и усилении на них идеологического давления.

Здесь можно привести исторические аналогии: с одной стороны, попытки М. А. Бакунина (правда, безуспешные) включиться в европейский революционный процесс конца 1860-х – начала 1870-х гг., с другой стороны, особо показательный процесс возвращения А. И. Солженицына в постсоветскую Россию с идеями демократического обустройства своей Отчизны. Ну и, конечно же, возвращение многих русских политэмигрантов, включая В. И. Ленина, в Россию в начале 1917 г. преследовало, в основном, цель активного непосредственного участия в революционных политических событиях.

Нашему современнику активная роль П. А. в революционных событиях 1917 г. и последующих лет в России и его политические оценки динамично меняющейся ситуации могут быть интересны по разным причинам: 1) как свидетельства очевидца событий тех далеких лет в сравнении с другими историческими материалами (взгляд изнутри); 2) оригинальность взглядов П. А. заключалась в том, что он долго не был на родине и у него под влиянием западноевропейского идейно-политического и революционного процесса, а также собственного опыта к этому моменту сложилось особое мировоззрение (взгляд со стороны); 3) анархистские принципы П. А. хотя и вступали в конфликт с политическими решениями в разное время находящихся у власти российских (и советского) правительств и служили основой критическим оценкам мыслителя, с другой стороны, позволяли ему делать попытки найти в действиях этих властителей позитивные элементы и наладить, по возможности, конструктивный диалог; 4) П. А. был и оставался величайшим всемирно известным ученым и благовоспитанным интеллигентом, к его мнению и оценкам прислушивалась мировая общественность и их не могла в то время игнорировать, пожалуй, любая власть, заботящаяся о своем имидже как внутри, так и вне государственных границ; 5) П. А., благодаря своим интеллекту, знаниям и жизненному опыту, обладал даром предвидения и мог с высокой долей вероятности прогнозировать возможные сценарии развития грядущих событий.

В революционном Петрограде Кропоткины поселились на съемной квартире в доме в Соляном городке – на Рыночной ул., 10, но вскоре, испытывая болезненное состояние (П. А. и его дочь Александра простыли во время поездки, а потом и супруга Софья Григорьевна «разболелась

чем-то вроде желудочной инфлуэнцы»)), переехали на Каменный остров на дачу с большим роскошным садом (Средняя аллея, 45). Дача принадлежала голландскому консулу Хенрику ван Гильзе ван дер Пальсу (H. van der Pals), который предложил ее племяннице П.А. Екатерине Половцовой, оставшейся в это время без квартиры².

В своих письмах из Петрограда Кропоткин с известной долей драматизма повествовал друзьям-адресатам свои первые впечатления о водвороте революционных событий, в котором он вдруг оказался: «Иные факты до того прекрасны, другие до того ужасны по последствиям, что две-три недели приходилось всё время переходить от умиления к ужасу и от ужаса к умилению»³. Вместе с тем П.А. чересчур оптимистично высказывал веру в то, «что теперь, когда Россия отделилась от внутренних врагов, она справится [с теперешней разрухой] и в новых условиях начнет развиваться»⁴ в направлении федеративного устройства и самоуправления, избежит хаоса гражданской войны. Однако ситуация, с которой столкнулся теоретик анархо-коммунизма («Момент ведь ужасный мы переживаем», – писал он), была не просто архисложной и опасной, но и совершенно неясной, быстроменяющейся и непредсказуемой. Приходилось, по словам П.А., разбираться на ходу: «я учился всё время, стараясь понять, как стоит дело во всяких направлениях: война, продовольствие, настроение рабочих в городах, крестьян, буржуазии и т.д.», помогал, как мог, людям, посещающим его, «согласиться на чем-нибудь и направить усилия на строительство *внутренней* жизни, доходящей до большой разрухи». При этом Кропоткину приходилось входить не только в общие «политиче-

---

² «В это время "анархисты", которых П.А. не признавал своими, заняли дачу Дурново, и ван дер Пальс, боявшийся того же относительно своей дачи, с удовольствием уступил ее мне», – вспоминала Е.Н. Половцова [*Половцова Е.Н.* «Апостол правды и братства людей»: Воспоминания о П.А. Кропоткине // Московский архив. М., 2006. Вып. 4. С. 78].

³ *Кропоткин П.А.* [Письмо Сергею Петровичу Тюрину.] Петроград, Рыночная, 10. 26 июля / 8 августа 1917 г. / Первые впечатления от революционной России: Письма П.А. Кропоткина С.П. Тюрину в Лондон // *Кропоткин П.А.* Избранные труды / Ин-т общественной мысли; [сост. П.И. Талеров, А.А. Шириняни]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 510.

⁴ *Кропоткин П.А.* [Письмо Александру Николаевичу Орнатову.] Петроград, Рыночная, 10, 20.VII.1917. / П.А. Кропоткин в 1917 году: Первые впечатления от революционной России [Публ. А.В. Бирюкова, Н.К. Фигуровской] // Труды Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. В 2-х вып. М.: Ин-т экономики РАН, 1992. Вып. 1. С. 168.

ские» соображения, но и, главным образом, «в подробности, мелкие частности нового, повсюду слагающегося строя, взаимного отношения различных органов общественной и хозяйственной жизни»⁵.

Вместе с тем, известна резкая реакция П. А. на предложение премьер-министра А. Ф. Керенского войти в состав Временного правительства, заняв одно из министерских кресел, и непосредственно принять участие в строительстве новой жизни. Место чистильщика сапог апостол анархизма посчитал более почетным, чем состоять при власти, пусть и самой демократической. «Не могу я этого сделать! – возмущенно воскликнул знаменитый революционер, гордо отказываясь от вроде бы заманчивого предложения. – Вы все забываете, что я анархист и не могу протягивать руки к казенному пирогу»⁶. И это, несмотря на то, что ближе познакомившись с Керенским Пётр Алексеевич «полюбил высоко-трагическое его положение» и даже высказывал готовность ехать ему помогать⁷. В это время Кропоткина в его «резиденции» на Каменном острове посещали многие именитые общественные деятели. В частности, несколько раз П. А. встречался с бывшим главой правительства кн. Г. Е. Львовым: «видел его раза четыре, однажды как раз в день 18-го июня, потом во время правительственного кризиса, и накануне своего отъезда в Москву он был у нас на даче». Они оба понравились друг другу, и П. А. очень сожалел, что Георгий Евгеньевич вышел из правительства: «он и его помощники из Земского Союза серьезно работали, чтобы организовать всё Земское Самоуправление на широко демократических началах. И я уверен, что в последнем кризисе он не дал бы ему затянуться так долго»⁸.

---

⁵ *Кропоткин П. А.* [Письмо Сергею Петровичу Тюрину.] Петроград, Рыночная, 10. 26 июля / 8 августа 1917 г. / Первые впечатления от революционной России: Письма П. А. Кропоткина С. П. Тюрину в Лондон // Кропоткин П. А. Избранные труды. С. 511. Здесь и далее в цитатах курсив автора.

⁶ ОР РГБ. Ф. 520. Д. 87. Л. 20. Цит. по: *Половцова Е. Н.* Указ. соч. С. 78. П. А., по-видимому, априори считал каждого чиновника не чистым на руку, казнокрадом – то, что сегодня мы зовем коррупцией.

⁷ *Кропоткин П. А.* [Письмо Сергею Петровичу Тюрину.] Москва, Большая Никитская, 44. 4 сентября 1917 г. / Первые впечатления от революционной России: Письма П. А. Кропоткина С. П. Тюрину в Лондон // *Кропоткин П. А.* Избр. труды. С. 514.

⁸ *Кропоткин П. А.* [Письмо Сергею Петровичу Тюрину.] Петроград, Рыночная, 10. 26 июля / 8 августа 1917 г. / Первые впечатления от революционной России: Письма П. А. Кропоткина С. П. Тюрину в Лондон // Кропоткин П. А. Избранные труды. С. 512.

Друзья и знакомые с самого начала советовали Петру Алексеевичу ехать в Москву, полагая, что «оттуда придет подъем духа, не такими героическими средствами, как женские батальоны смерти и ударные батальоны, а *общим* заражающим подъемом»⁹. Однако в Москву П. А. отправился в августе 1917 г. в целях принять участие в Государственном совещании и больше в Петроград не вернулся. Это совещание проходило 12–15 августа, в его работе приняло участие 2414 человек от различных политических структур, хотя организациям «демократии» было «предоставлено минимальное количество. <...> Меньшевики и эсеры, в союзе с представителями крупной и средней буржуазии, генералами, офицерами и правительственными чиновниками, были господами на этом "Земском Соборе", где, по словам В. И. Ленина, совершалась "коронация" контрреволюционного правительства»¹⁰. Вместе с тем П. А. Кропоткин придавал своему участию на этом форуме большое значение: «Я предложил это [провозгласить республику – П. Т.] в очень скромной форме (до того даже никто слово "Республика" не упоминал), а именно нисколько не предвосхищая прав Верховного Учредительного Собрания, а только облегчая его задачу, высказать пожелания Совещания в пользу Республики. Весь зал вскочил на ноги и устроил бурную овацию. Она продолжалась долго: минуту или полторы»¹¹. Хотя Совещание и не имело юридического права принимать судьбоносные решения, выступление на нем русского революционера-анархиста наглядно продемонстрировало актуальность поднятых им проблем: и левая, и правая части зала (а это было принципиальное разделение участников на консерваторов и либералов) поддержали демократические предложения П. А. И, по-видимому, не без влияния этого выступления Временное правительство 1 сентября 1917 г. провозгласило Россию республикой еще до проведения Учредительного собрания и создания нового правительства. Родина и революция, по мнению П. А., нераздельны, и раз «Родина сделала революцию, [то] она должна ее довести до конца». Репрессивными мера-

---

⁹ Там же. С. 511.

¹⁰ Государственное совещание: Стенографический отчет. М.–Л.: Гос. изд-во, 1930. С. XXIV.

¹¹ *Кропоткин П. А.* [Письмо Сергею Петровичу Тюрину.] Москва, Больш. Никитская, 44. 4 сентября 1917 г. / Первые впечатления от революционной России: Письма П. А. Кропоткина С. П. Тюрину в Лондон // Кропоткин П. А. Избранные труды. С. 513.

ми тут ничего не сделаешь, а нужно, «чтобы русский народ во всей его массе понял и увидел, что наступает новая эра: такая эра, которая открывает всему народу возможность для каждого получать образование, жить не в той отчаянной нищете, в какой живет до сих пор русский народ». И в решении этой задачи Кропоткин, призывая к общественному строительству, не без наивности (а, возможно, и предвидя приближающееся кровавое противостояние в России) полагал, что участники Совещания, идеологически и социально разделенные на правую и левую части, сделают всё от них зависящее, чтобы «этому народу жилось легче, чтобы ему открыть двери к свету, свободе и образованию». Сидящие справа (промышленники, финансисты) ответили аплодисментами, остальные воздержались. Почувствовав поддержку, П. А. прямо обратился вправо: «у вас есть то, что важнее капитала: знание жизни. Вы знаете жизнь, вы знаете торговлю, вы знаете производство и обмен. Так умоляю вас: дайте общему строительству жизни ваши знания. Соедините их с энергией демократических комитетов и советов, соедините то и другое и приложите их к строительству новой жизни: эта новая жизнь нам необходима». Эти слова Кропоткина потонули в бурных аплодисментах и возгласах «Браво!». Завершил же П. А. свое краткое выступление попыткой примирить обе части зала: «Ведь у нас одна родина, и за нее мы должны стоять и лечь, если нужно, все мы, и правые и левые»¹², чем вызвал овацию всех присутствовавших.

Совсем мало времени отделяло страну от Октябрьского переворота (социалистической революции) и развернувшегося после нее кровопролития Гражданской войны. Попытки Кропоткина развернуть мирное строительство новой жизни разбились о массу трудноразрешимых проблем и нарастающий системный кризис в стране сразу по многим направлениям (социальным, политическим, финансово-экономическим и т. д.). Тем не менее, Советской власти, которой преждевременно пророчили быструю гибель, всё-таки удалось справиться с этими проблемами и кризисом и приступить к построению нового общества при колоссальной поддержке русского народа. Отношение этой новой власти к «бывшему» князю – Петру Алексеевичу Кропоткину было и трепетным, и снисходительным одновременно. В очередной раз оказавшись в тяжелой для себя и своих близких обстановке, П. А. не капитулировал, отказавшись от своих анархистских идей, а, напро-

---

¹² *Кропоткин П. А.* Речь на Государственном совещании // Там же. С. 499–502.

тив, старался донести до объявившей себя народной, демократической власти свое видение будущего свободного общества, предупредить трагические ошибки.

Советское правительство уже с первых дней в своей идеологической работе приступило к переизданию социально-политических сочинений прежде всего прогрессивных, как их тогда называли, авторов. В их число попал и П. А. Кропоткин. Однако к такой своей популярности П. А. отнесся весьма скептически, хотя был кровно заинтересован в пропаганде идей анархо-коммунизма и ранее не возражал против издания своих трудов (достаточно вспомнить его активное сотрудничество с издательством «Знание» в 1906–1907 гг. при подготовке семитомного собрания сочинений). Но власть переменилась, и такому отношению П. А. было несколько объяснений. Во-первых, новая власть узурпировала издательское дело, подчинив его своей идеологии, «становясь единственным издателем целого народа». Принять предложение правительства издать избранные труды Кропоткин не мог, поскольку это «значило бы убить всякое развитие мысли в России, кроме тех мыслей, которых держится правительство». Во-вторых, вряд ли будут изданы сочинения, которые «по своей критике государственного социализма не подойдут к программе Советского Правительства». Но если эти основания скорее личные, более принципиально то, что, в-третьих, разрешение П. А. печатать его сочинения одновременно означало бы признание автором, что «в социалистическом государстве, где книгопечатание и издательство национализированы, не допускается в печати выражение мыслей, не только враждебных существующему правительству и зовущих к активному противодействию, но даже просто несогласных с правительством в его началах и в способах их применения»¹³. А с этим Кропоткин примириться не мог. Мы прекрасно помним, чем закончилось единомыслие под «чутким» руководством единственно «правильной» партии «всего народа» в нашей стране, каких жертв физических, а еще более – духовных, всё это стоило в быстро укрепляющемся тоталитарном государстве.

Прозорливо предвидя эти неизбежные роковые последствия порабощения мысли, ведущие, «если не к полной реставрации дореволюционного режима, то к злой и, увы, глубокой реакции на несколько десятилетий», Кропоткин отказался от предложения государственного

---

¹³ *Кропоткин П. А.* [Письмо Семену Львовичу Мильнеру]. Дмитров, 6 февраля 1919 // Вопросы философии. М., 1991. № 11. С. 56.

издательства, тем самым отказавшись нравственно одобрить то, что «целая страна низводится на степень рабского безмолвия», которое считал «пагубным, не только для развития вообще мысли и жизни, но и самой русской революции»¹⁴. Одновременно это был сигнал-предупреждение представителям Советской республики, хотя так и не услышанный, проигнорированный.

Пётр Алексеевич с энтузиазмом принял Октябрьскую революцию¹⁵ и первые шаги Советской республики (надо понимать – и власти) в направлении изменения социума, поскольку считал, что ее «цель, ее стремление совершить социальный переворот – общая цель всей нашей социалистической и анархической работы за последние 40–50 лет». Теоретик анархизма не без оснований полагал, что новая власть «набросает программу изменений в социалистическом направлении, которые так или иначе будут происходить в разных странах, в течение следующих 100–120 лет». Вместе с тем, метод, который большевики приняли на вооружение, чтобы совершить переворот, «из центра, якобинскую властью и террором», П. А. считал безусловно ложным, не достигающим своей цели, и был убежден, что это неизбежно приведет «не только к неудаче, а и к суровой реакции, которая может продлиться не только у нас, но и вообще в Европе десятки лет». Однако, с другой стороны, Кропоткин осудил вмешательство европейских государств – союзников по Антанте во внутренние дела молодой республики: «Я, безусловно, против этого, – конечно, не из "патриотизма", а потому что предвижу, как такое вмешательство неизбежно приведет к возбуждению национализма и в данном случае создаст в России враждебность к народам, с которыми мы должны были бы быть в дружбе». Не говоря уже о том, что такая агрессия «пробудит в части английской буржуазии завоевательные вождедения»¹⁶.

Пожив долгие годы в Англии, Кропоткин хорошо знал традиции и нравы этой страны. Он помнил солидарные выступления английских рабочих, протестующих против лишения в самодержавной

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, П. А. Кропоткин рассматривал Октябрьскую революцию «как попытку довести до своего логического завершения предыдущую, Февральскую революцию с переходом к коммунизму и федерализму» [Цит. по: *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1969. С. 442.]

¹⁶ *Кропоткин П. А.* [Письмо Семену Львовичу Мильнеру.] 1919 марта 6 Дмитров. // Вопросы философии. М., 1991. № 11. С. 57.

России права народа выражать свои мысли, свои убеждения и свою критику правительства словом и в печати, которое является важнейшим завоеванием Запада и из-за чего «столько было пролито крови, что оно считается основным положением всякой не-тиранической государственности, – тем более республики». Такие выступления рабочих, как правило, способствовали принятию соответствующих правительственных решений. И, «если бы симпатии рабочих масс были вполне на стороне Советской республики, то правительства и буржуазия были бы бессильны», но вот этого в то время и не было. Узурпирование власти в Советской России, приведшее к «запрещению всех газет, кроме своей собственной», к запрету всякого осведомления, кроме своего, – к этому «англичане не могут отнестись иначе, как враждебно, и притом с подозрением, как к желанию скрывать что-то очень существенное. Такова психология Запада, – и с нею надо считаться»¹⁷. Но это-то и игнорировали Ленин и К^о, оказавшись, с одной стороны, в сложной социально-политической ситуации, требующей оперативных, зачастую – кардинальных, решений, а, с другой, выбирая, по-видимому, свой собственный оригинальный путь, не обращая внимания на посторонние критические мнения.

П. А. Кропоткин не раз обращался к главе Советской республики В. И. Ленину, и письменно, и при личной встрече. «Нужно торопиться с переходом к более нормальным условиям жизни, – писал П. А. главе государства – долго так продолжаться не может, и мы идем к кровавой катастрофе». И далее высказывал свои сомнения в отношении диктатуры одной партии: даже, если она была бы «подходящим средством, чтобы нанести удар капиталистическому строю (в чем я сильно сомневаюсь), *то для создания нового, социалистического строя она безусловно вредна. Нужно, необходимо местное строительство, местными силами, а его нет! Нет ни в чем!*». Россия стала Советской республикой лишь формально, по имени. «Наплыв и верховодство людей "партии", т. е. преимущественно новорожденных коммунистов (идейные – больше в центрах) уже уничтожили влияние и строительную силу этого много-обещавшего учреждения – Советов»¹⁸. Но невозможна, по мнению П. А., постройка новой

---

¹⁷ Там же. С. 58.

¹⁸ Кропоткин П. А. [Письмо Владимиру Ильичу Ленину. г. Дмитров Москов. губ. д. Олсуфьева 4-го марта 1920 г.] / Бонч-Бруевич В. Д. Мои воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине // Звезда. М., 1930. № 6. С. 187.

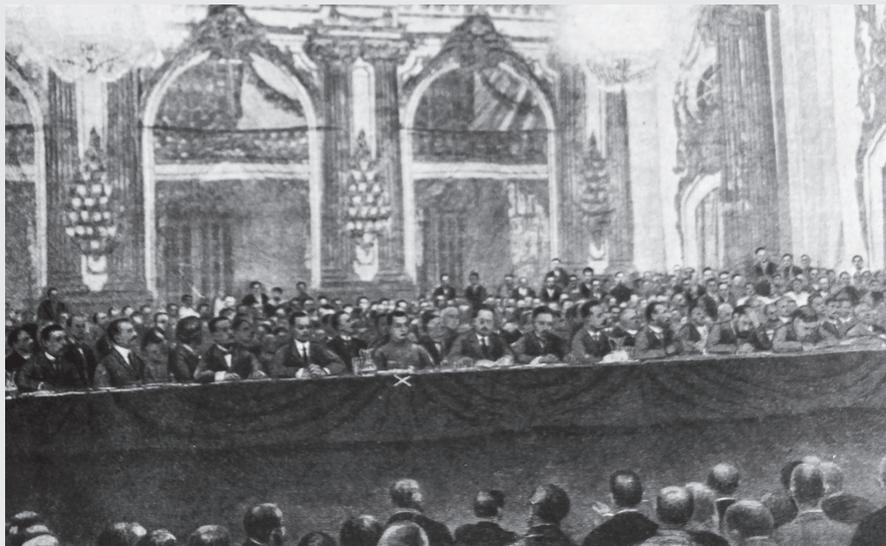
жизни без участия местных сил, самих крестьян и рабочих, самого народа. Проводимая партией социализация земли, промышленности и торговли является основой социализма, но проведение ее с помощью декретов лишь «парализует постройительную работу народа, делает успех их дела совершенно невозможным и лишь подготавливает почву для злобной реакции»¹⁹. Это нужно как можно скорее понять новой власти и быстрее обратиться к «творчеству местных сил, которые <...> могут стать фактором для создания новой жизни». Если нынешнее положение продлится, то, по мнению анархистского мыслителя, «самое слово "социализм" обратится в проклятие. Как оно случилось во Франции с понятием равенства на сорок лет после правления якобинцев»²⁰.

Пётр Алексеевич сильно переживал тот исторический момент, в котором волею случая оказался он и его семья. Переехав весной 1918 г. из Москвы, ставшей столицей Советской России, в ближнюю провинцию – подмосковный Дмитров – Кропоткины в полной мере хлебнули те лишения и невзгоды, которые обрушились на страну в годы Гражданской войны и иностранной интервенции. Дезорганизация производства и товарообмена, голод со всеми последствиями, разгул преступности. Тем не менее, П. А. глубоко верил в будущее: «Я верю в то, что синдикальное движение, т.е. движение профессиональных союзов, которое на свой конгресс недавно собрало представителей от 20-и миллионов рабочих, выступит великою силою в течение ближайших 50-и лет, чтобы приступить к созданию коммунистического безгосударственного общества». Кропоткин также верил в то, что «для организации социалистического, – вернее, коммунистического – общества среди крестьянства, кооперативное движение – и именно русское, крестьянское кооперативное движение, – в течение ближайших 50 лет, тоже представит живучее, творческое ядро коммунистической жизни, безо всякой примеси религиозного элемента». Вместе с тем, П. А. понимал, что для того, чтобы «вдохнуть живую силу в оба эти движения, – оформить, разработать, обосновать их, помочь им обратиться, из орудий самозащиты в могучие орудия коммунистического преоб-

---

¹⁹ *Кропоткин П. А.* Письмо Георгу Брандесу. [Дмитров. 28 avril 1919.] // ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 2. Ед. хр. 13.

²⁰ *Кропоткин П. А.* [Письмо Владимиру Ильичу Ленину. г. Дмитров Москов. губ. д. Олсуфьева 4-го марта 1920 г.] / *Бонч-Бруевич В. Д.* Мои воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине // Звезда. М., 1930. № 6. С. 187.

П. А. Кропоткин принял участие в Государственном совещании в Москве 12–15 августа 1917 г. Петр Алексеевич придавал своему участию на этом форуме большое значение: «Я предложил это [провозгласить республику - П. Т.] в очень скромной форме..., а именно нисколько не предвосхищая прав Верховного Учредительного Собрания, а только облегчая его задачу, высказать пожелания Совещания в пользу Республики. Весь зал вскочил на ноги и устроил бурную овацию».

*Павел Милюков
и Петр Кропоткин
на московском
Государственном совещании*

Открытка, выпущенная по случаю Государственного совещания с портретами выступивших на нем ораторов

С. Г. и П. А. Кропоткины
в Дмитрове

разования общества», нужны свежие силы. И они уже есть, хотя «еще не сознают предстоящей им будущности»²¹. По поводу своего участия в этом процессе П. А. не питал иллюзий: «В мои годы физически невозможно принимать участие в общественной жизни в период революции, а делать это кое-как – не в моей натуре»²². Тем не менее он продолжал встречаться со своими учениками и соратниками, вел обширную переписку, старался принимать участие в местной общественной жизни²³, несколько раз выезжал в Москву на встречи, а также постоянно работал над последним своим научным трудом «Этикой», не завершенной и так и не увидевшей свет при жизни мыслителя.

Много раз Кропоткин обращался к власти предрежающим с ходатайствами об освобождении из-под ареста своих единомышленников, считая такие задержания неправомерными. Резко негативно относился П. А. к заложничеству, принявшему в те годы угрожающе повсеместный характер. Такие меры, писал Кропоткин Ленину, «представляющие возврат к худшим временам средневековых и религиозных войн, – недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах; <...> на такие меры не может идти тот, кому дорого будущее коммунизма». И далее: «Вы не должны запятнать свое дело такими актами, слишком близкими к животному страху; <...> именно такие акты, совершенные в прошлом, делают так трудными новые коммунистические попытки»²⁴. Конечно не только большевики прибегали к заложникам и децимациям, использовали ложь и запугивание, провокации и пытки, расстреливали и вешали для устрашения и нейтрализации своих противников. Но были ли другие, более «чистые» и «справедливые», если так можно сказать, способы борьбы в трагические годы национального противостояния? Не оставался ли Кропоткин в своих надеждах на мирное разрешение векового конфликта идеалистическим мечтателем?

---

²¹ *Кропоткин П. А.* [Письмо Александру Моисеевичу Атабеяну.] Дмитров, 2 мая 1920 г. // Почин. М., 1922. № 3. С. 5–6.

²² *Кропоткин П. А.* Письмо Георгу Брандесу. [Дмитров. 28 avrii 1919.] // ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 2. Ед. хр. 13.

²³ П. А. «выступал на учительском съезде, участвовал в съезде кооператоров и горячо поддерживал идею устройства краеведческого музея» [*Бонч-Бруевич В. Д.* Указ. соч. С. 442.]

²⁴ *Кропоткин П. А.* О заложниках: Письмо В. И. Ленину [30 ноября 1920 г.] // *Кропоткин П. А.* Избранные труды. С. 551–552.

Эти же проблемы затронул Петр Алексеевич в середине мая 1919 г. на встрече с главой Советского государства, инициированной последним на кремлевской квартире В. Д. Бонч-Бруевича. Разговор, судя по цензурированному, с многими отточиями пересказа Бонч-Бруевича, не привел к взаимопониманию и консенсусу – стороны так и остались при своих мнениях. Несмотря на внешне уважительное отношение Ленина к заслуженному революционеру, Владимир Ильич в свойственной ему манере пытался доказать ничтожность и даже вредность кооперативного движения²⁵ и особенно – синдикального в буржуазном мире, отвлекающего рабочие массы от непосредственной борьбы: «Нужны прямые действия масс, а пока там этих действий нет – нечего говорить ни о федерализме, ни о коммунизме, ни о социальной революции. Это всё детские игрушки, болтовня, не имеющая под собой ни реальной почвы, ни сил, ни средств...». А когда Кропоткин согласился, что «без борьбы дело не обойдется», Ленин тут же воскликнул: «Но только массовой <...> Все остальные способы, и в том числе анархические, сданы историей в архив, и они никому не нужны, они никуда не годятся, никого не привлекают и только разлагают...». С другой стороны, Ленин соглашаясь с замечанием Кропоткина о том, что «местные власти <...> обюрократились, превратились в чиновников», взывает: «Мы против чиновников всегда и везде <...> мы против бюрократов и бюрократизма, и это старье мы должны вырвать с корнями». Однако, «людей переделывать очень трудно», сетует вождь пролетариата, некультурность, безграмотность и отсталость дают о себе знать, «сама жизнь заставляет, конечно, многому учиться» да и «в белых перчатках революцию не сделаешь». Поэтому необходима помощь таких, как Кропоткин: «сообщайте о всех неправильностях, которые вы замечаете, и будьте уверены, что каждый из нас отнесется к ним самым внимательным образом»²⁶. И неясно, чего в этих словах вождя больше: наивности из-за нежелания понять текущий момент или циничности в преддверье становления системы всеобщего доносительства (тем более, что, по мнению Ленина, стонали, вернее – выли – тогда разве что сопротивляющиеся контрреволюционеры)...

---

²⁵ Вместе с тем, в начале 1921 г. В. И. Ленин диаметрально изменил свое отношение к кооперации в связи с предложенной им же новой экономической политикой, но П. А. Кропоткин об этом уже не узнал.

²⁶ *Бонч-Бруевич В. Д.* Указ. соч. С. 444, 445–446.

После ухода Кропоткина Ленин высказал Бонч-Бруевичу свой скепсис в отношении анархизма: «Вот – бедность идей анархистов и всех других мелкобуржуазных реформаторов и теоретиков, которые в момент массового творчества, в момент революции, никогда не могут дать ни правильного плана, ни правильных указаний, что делать и как быть»²⁷.

Знаменательно, что феномен оппозиции П. А. Кропоткина с его анархо-коммунистической доктриной становлению и развитию Советской республики состоял в том, что цели его теории, как и социал-демократии (с 1918 г. принявшей название коммунистической партии), здесь полностью совпадали – построение бесклассового, коммунистического общества, а используемые методы (или пути, по Ленину) совершенно различались. Большевистские методы диктатуры пролетариата с ее массовым насилием и террором оказались неприемлемыми для противников всякого угнетения – анархистов. Пётр Алексеевич, конечно, не мог предвидеть и оценить все грядущие достижения Советского Союза, ставшего одной из мировых держав, но русский революционер считал, что свершившаяся в России на его глазах революция «набрасывает очертания целого ряда экономических изменений, которых большая часть, вероятно, не удержится, но послужит во всей Европе стимулом для совершения тех же преобразований в форме, однако, соответствующей реальной жизни и, следовательно, способной жить и развиваться»²⁸.

Прусский Я. Л.: У меня все-таки возникает все время вопрос. Ведь когда Кропоткин вернулся после сорока лет эмиграции в Россию, он включился в политическую жизнь, но почему он из нее выключился, уехал сначала в Москву, а затем вообще в глухомань, каковой был Дмитров, как ты считаешь?

Талеров П. И.: Во-первых, в Москву он уехал по одной простой причине, что его пригласили участвовать в совещании, совещании демократических сил, и он питал надежды, что он все-таки сможет как-то там повлиять. И в своем письме он, кстати, пишет...

---

²⁷ Там же. С. 447.

²⁸ *Кропоткин П. А.* Отрывки из неопубликованной работы, посвященной критике марксизма // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: П. А. Кропоткин / Под ред. А. А. Ширинянца; Сост. П. И. Талеров, А. А. Ширинянец. М.: Социально-политическая мысль, 2004. С. 163.

Прусский Я.Л.: «Государственное» оно называлось, а не «демократическое». Демократическое проходило в Петрограде.

Талеров П.И.: Тем не менее, оно имело целью именно собрать и интегрировать демократические силы общества.

Прусский Я.Л.: Какие же они демократические? Там были Корнилов, Рябушинский...

Талеров П.И.: Тем не менее, попытки такие были. Если бы это было что-то чисто монархическое или чисто буржуазное, а не демократическое, вряд ли бы Петр Алексеевич туда поехал и стал бы участвовать. Он видел там перспективы, и в письмах он тоже об этом пишет и говорит о тех надеждах, которые здесь испытывает. Более того, после выступления он испытывал даже определенный энтузиазм. Потом, да, затихание произошло. Почему он все-таки в дальнейшем уехал? В Москве было просто физически тяжело жить в то время. Кстати в письмах это тоже встречается, что и стреляют на улицах, и голод, несомненно, тоже присутствовал, то есть жизнь тяжелая, некомфортная. Тем более, возраст, семья – обремененность и ответственность он всегда чувствовал.

Цовма М.А.: Нет, там по-моему и ЧК к нему приходила.

Талеров П.И.: Более того, он противодействовал тем арестам, которые были среди анархистов. Анархистов арестовывали, он выступал в их защиту, и не только в защиту анархистов. Более того, он из Дмитрова уже приезжал и общался с ЧК, ВЧК и писал Ленину через свои связи с тем, чтобы вызволить кого-то из заключения. Тем не менее, скорее всего жизненные эти неурядицы, в первую очередь, повлияли на его выбор.

Прусский Я.Л.: И ведь не только Кропоткин уехал, уехала и Вера Фигнер, уехал Короленко – к себе, в Полтаву вернулся. Они использовали выражение «внутренняя эмиграция». Кропоткин очень четко не принял октябрьские события, он попал как раз в разгар боев у Никитских ворот, он говорил своей жене: «Соня, они хоронят нашу революцию». У него было неприятие произошедшего. И неприятие гражданской войны – поэтому он и пошел на государственное совещание, а ни на какое не демократическое. Демократическое совещание как раз проводили в Питере демократические организации в пику этому августовскому государственному совещанию в Москве. Для многих было нонсенсом появление Кропоткина, но в том-то и дело, что его появление было обусловлено тем, что он выступал с позиций гражданского мира в противовес гражданской войне, к которой как раз призывали все остальные левые.

Рябов П. В.: Еще два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, как известно, Петр Алексеевич был убежденным оборонцем после возвращения. В России была повестка – участие всех сил в войне против немцев. До какой степени, по твоему мнению, это оборончество в 1917–1918 годах у Кропоткина было сильно и как оно соотносилось с другими его идеями? И второй вопрос. Поскольку всегда говорилось об известной изоляции Кропоткина среди анархистов, интересно узнать твое, Павел, мнение, относительно его окружения в это время – это, скорее, были такие умеренные социалисты типа Мельгунова, с которым они делали союз федералистов?

Талеров П. И.: Что касается непосредственно оборончества, он на этой позиции оставался до конца и считал, что Германию надо победить и в полной мере изолировать в дальнейшем.

Рябов П. В.: Его позиция не эволюционировала в 1917 году?

Талеров П. И.: Нет, она не изменилась, и даже в письмах он об этом говорил неоднократно. Что касается круга общения, у него всегда был достаточно широкий круг. Скорее, конечно, преобладали умеренные, нежели чем крайние, потому что здесь уже сказывались определенные различия в понимании той ситуации, в которой он оказался.

Прусский Я. Л.: Я с тобой не могу согласиться: жена его писала, что Кропоткин в Дмитрове находится в большей изоляции, чем в тюрьме. Это письмо, которое...

Талеров П. И.: Там было немножко по-другому. Он приезжал несколько раз в Москву, редко, там было тяжело ехать.

Цовма М. А.: Я могу небольшую ремарку сделать по второму вопросу. Действительно был такой жанр в мемуарной анархистской литературе: «Я описываю события революции в России и свой визит к Кропоткину. Приехал к Кропоткину послушать великого учителя, рассказал, чем я занимался». Махно к нему приезжал, Еленский. Они приезжали к нему, рассказывали чем занимаются, но они не пересказывают того, что он им говорит, потому что, видимо, он был очень сдержанным человеком. То же самое – во время визита Беркмана и Гольдман. Беркман был, кстати, в 1920 году в России. Он перед ними не распространялся: что, ему рассказывать им о своем участии в Государственном совещании, о неприятии идеи гражданской войны? С ними я так понимаю, он со второго раза все же разговорился, что-то им такое сказал, но они просто активно искали информации, пытались понять, что происходит. Они приехали в 1920 году в Россию, здесь революция уже практически умерла, и происходит чудовищная бюрократизация нового

большевистского государства. Они вообще здесь ничего не понимают, они поехали к нему за советом, но он не с первого раза с ними начал общаться. Гольдман, например, описывает процедуру поездки к Кропоткину. Она говорит, что в Дмитров нужно поехать на паровозе, а нельзя в России просто так в 1920-м году кататься на паровозе – ты должен иметь разрешение, а для того, чтобы получить разрешение, ты должен долго стоять в очереди, если у тебя нет блата. У Гольдмана и Беркмана блат был, поэтому они достаточно быстро это разрешение получили, съездили к нему, но остальным приходилось преодолевать.

Дамье В. В.: Во-первых, по поводу визитов. О Кропоткине есть воспоминания Беркмана, хотя они достаточно скудные. То ли у Беркмана, то ли у Гольдмана, кажется у Беркмана, проскакивает что-то такое, что во время первой встречи зашла речь о войне. Какая-то такая фраза была, что «я посмотрел на Кропоткина, мне стало жалко, я не хотел его волновать, поэтому не стал с ним говорить о войне». Надо понять, что отношение анархистов к этому было такое: «ошибся товарищ, мы не будем напоминать ему об ошибках, все равно уже все проехали, война закончилась».

Прусский Я. Л.: Там еще было другое. В их воспоминаниях Кропоткин сначала при первой встрече стал пенять Беркману на его отношение к войне, тот не стал возражать.

Дамье В. В.: Совершенно верно. А по поводу визита Беркмана и Гольдмана – интересно, потому что есть разные источники, которые здесь целесообразно использовать только вместе, потому что каждый из них по отдельности дает неполную картину. Собственно, есть дневники Беркмана в России.

Цовма М. А.: Это кстати не совсем дневники.

Дамье В. В.: Да, книга написанная на основе дневников, куски дневников, сделанные в виде книжки, совершенно верно. Есть воспоминания Гольдмана, которые скоро, я надеюсь, выйдут третьим томом на русском языке, «Проживая мою жизнь», и есть книжка Гольдмана, которую она написала в 1922 году в Стокгольме по дороге дальше в Европу после того, как их выслали из России. Если сопоставлять все эти, три по крайней мере, источника, то картина получается примерно такая. К Кропоткину они приехали первый раз в самом начале 1920-го года, то ли в январе, то ли в феврале, не совсем понятно, дата неясна. Они поехали как сопровождающие английского корреспондента-социалиста, который приехал на свой страх и риск в Россию посмотреть, что здесь делается. Имя сейчас не помню, но неважно, можно найти.

Короче говоря, они его сопровождали, по-моему они и по-моему еще кто-то, по-моему там был Шапиро из большевиков. Судя по воспоминаниям, дело было сначала так. Кропоткин был очень болен, как они пишут, в эту первую поездку, – была очень тяжелая зима, которую он тяжело перенес, и он был в очень мрачном настроении. Он боялся, совершенно четко пишут, боялся говорить открыто о том, что происходит в стране. Возможно, при большевиках, которые там тоже были, переводчиках, не знаю. Нет полного списка тех, кто приехал вместе с ними. Но Эмма Гольдман воспользовалась тем, что она хорошо говорила по-русски.

Цовма М. А.: Она не очень хорошо говорила по-русски.

Дамье В. В.: Так она пишет, я пересказываю. Поэтому она оставила Беркмана, а сама уединилась с Кропоткиным и имела с ним, об этом она пишет в «Упадке русской революции», еще один дополнительный более подробный и откровенный разговор, где он вообще высказал все, что думает по поводу событий в России: про диктатуру большевиков, про то, что они все давят, про то, что они всех сажают, про террор, про разгон кооперативов, про заложников, про голод, про ЧК, после чего они уехали и вернулись снова летом 1920-го года. Как пишет Гольдман, Кропоткину было уже намного лучше, весна на него хорошо подействовала, он очень хорошо себя чувствовал, водил их по саду, улыбался, показывал огородик, он любил это дело, еще в Англии, и они там разговаривали еще раз и опять-таки более откровенно, как она пишет, чем они говорили первый раз. Она собиралась к нему приехать в третий раз в начале 1921-го года, когда пошла информация, что Кропоткин плохо себя чувствует, умирает. Они хотели поехать, как она пишет, но они не успели, пришли новости о его смерти. Вот что удалось накопать.

Цовма М. А.: Кстати, в журнале «Былое» публиковалась статья Гольдман о Кропоткине.

Прусский Я. Л.: Кропоткин еще здраво оценивал состояние своего здоровья, он все-таки хотел дописать «Этику», которую считал книгой своей жизни, поэтому ему нужно было отшельничество и «внутренняя эмиграция», чтобы просто уединиться.

Дамье В. В.: Вообще, по поводу позиции Кропоткина, возьмите хотя бы его комментарии, – помните, может быть, издали в 1990-м году «Хлеб и волю» и «Современную науку и анархию». Туда вошли вот эти работы уже в изданиях 1919-го года, и там в одном из мест, по-моему, в «Современной науке и анархии», есть его собственное при-

мечание к его же собственной фразе «разрушая, создал»: «в свете последних событий нам следовало бы изменить эту позицию и сказать иначе – создавая, разрушить».

С. Г. Корнилов

«Выдь на Волгу, Тверцу иль Осугу...»

(К 100-летию Русской революции 1917–1921 годов)

Я сконцентрирую внимание на том, к чему Россия пришла через сто лет. Это не более чем краткий обобщенный набросок, этюд на заданную тему.

Для начала, я исхожу из того, что никакая революция не может быть великой. Так называемая «Великая французская революция» или «Великая испанская» или «Великая октябрьская социалистическая» – это не великие революции в значении плодотворные, способствующие освобождению трудящихся. Революция – это беда, большая или очень большая, это катастрофа. Она может быть великой только в значении масштаба. Но масштабная катастрофа не может быть названа «великой». Всякая революция является результатом неспособности

Корнилов Сергей Гаврилович

Никакая революция не может быть великой. Так называемая «Великая французская революция» или «Великая испанская» или «Великая октябрьская социалистическая» – это не великие революции в значении плодотворные, способствующие освобождению трудящихся. Революция – это беда, большая или очень большая, это катастрофа... Всякая революция является результатом неспособности конфликтующих общественных сил мирно, конструктивно разрешать назревшие противоречия. Она ведет к кровавому гражданскому противостоянию – к войне.

конфликтующих общественных сил мирно, конструктивно разрешать назревшие противоречия. Она ведет к кровавому гражданскому противостоянию – к войне. Революция – это свидетельство незрелости и бескультурия нации, это трагедия данного общества.

В том, что эпитет «великая» употребляется и другими народами, в истории которых имели место революции, отчасти объясняется потребностью национального самооправдания и даже самовосхваления. Как известно, среди присяжных историков, философов и высокопоставленных персон всегда найдутся такие, которые любое национальное позорище по заказу власти преподнесут как великое деяние. Так произошло в отношении большевистского октябрьского переворота 1917 года, в отличие от Февральской социальной революции, не удостоенной в советской историографии категории «великая».

Гражданская война окончательно обескровливает общество, развязывает самые жестокие и низменные инстинкты в людях, сеет смерть, разрушает человечность в людях, разрушает производительные силы и самую жизнь. В итоге «революционное», обескровленное гражданской войной общество всегда становится легкой добычей политических авантюристов, и в стране устанавливается диктатура, погружающая общество во мрак реакции и отбрасывающая общество на десятки лет назад.

Вывод один: усилия всего народа по преодолению революционного напряжения в процессе конструктивного диалога между властью и обществом по установлению управляемой «ядерной» реакции в обществе и предотвращению возможной «цепной» – это единственный реальный путь преодоления бескультурия и варварства. Нация, пережившая революцию или несколько революций, осознавшая их как социальные катастрофы, сделавшая правильные выводы о причинах их возникновения и находящая пути к предотвращению их в будущем, эта нация может считаться культурной и, если угодно, великой. Этот позитивный процесс невозможен без активного участия всех общественных сил и интеллигенции, прежде всего.

Варварство – это обобщенная категория нравственного и духовного облика народа, свидетельствующая об очень низком уровне гражданского сознания людей, об отсутствии в них свободы и человечности. Не может быть такой ситуации, когда общество на варварском уровне, а власть одновременно на не-варварском. Алчность власти, произвол, отсутствие справедливого человеческого законодательства; неравенство граждан перед законом, отсутствие неотвратимости на-

казания за преступление – это варварство. Покорность людей, их страх и трусость, гражданское безразличие – это тоже варварство, какие бы позитивные цели ни декларировались властью и даже несмотря на возможные отдельные проявления гуманности, благородства и человечности в людях.

Варварство и бескультурье русского общества достигли в начале XX века небывалых высот. Это обусловлено было, с одной стороны, неспособностью царского режима ни в формате самодержавия, ни в формате парламентской монархии к действиям в интересах общества. Был короткий период столыпинских реформ, дававший надежду на позитивное развитие страны, но и тот трагически оборвался с гибелью Петра Столыпина от руки террориста. С другой стороны, попавшая в результате безответственной внешней политики в многолетнюю мясорубку мировой войны, войны безуспешной и многострадальной, страна оказалась на грани банкротства. Свершилась февральская социальная революция, давшая, как мне кажется, новый толчок к раскрепощению общественных сил и более демократической организации социума. Но среди политических сил России была такая, которая шла к власти, нагло попирая всякие законы, используя любые средства. Это РСДРП(б). Путем дискредитации политических противников, путем тайных убийств, разгромов средств печати политических оппонентов большевики добились большинства в Советах в последние месяцы перед октябрём 1917-го года. Общество не сразу осознало этот бандитизм от политики. А когда осознало, было поздно. Вспомните вполне публичную доктрину РСДРП(б) и Ленина: «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую!» Этот план был блестяще реализован! В обществе не нашлось реальной силы, которая бы остановила этот варварский план.

В предреволюционный период в среде русских революционеров шли ожесточенные споры. Плеханов, меньшевики утверждали, что революция преждевременна и захват власти восставшими массами приведет нацию к катастрофе, что революция не даст положительного результата. Они считали, что нужен другой путь – реформистский. Ленин, большевики, эсеры, анархисты, кадеты уверяли в обратном. История через сто лет свидетельствует: правы были Плеханов и меньшевики. Они справедливо считали Россию отсталой, неразвитой, бескультурной страной. Население малограмотное, опыта самоорганизации нет. Они предупреждали, что захват власти – еще далеко не все. Важно раскрепостить людей, сделать их жизнь и труд плодотворными

и комфортными. Увы, и у меньшевиков не достало сил и умения повлиять на ход событий. Большевики в подробности будущего не входили. Для них главным был именно захват власти и захват любой ценой. И, как скоро выяснилось, делиться властью с кем-нибудь не входило в их планы. Придя к власти, они разгромили сначала попутчиков, потом все, что мало-мальски походило на оппозицию. Абсолютная монополия власти! Вот к чему они напролом шли и пришли. Их несколько не беспокоило несметное число жертв в гражданской войне и потом в ходе построения «светлого» будущего. Ложь стала одним из главных инструментов власти. История минувшего столетия – это история совершенствования форм и методов лжи внутри государственной идеологии. И ничто так не способствует всемогуществу лжи, как монополия правящей политической партии.

Несмотря на кажущуюся стабильность советского общества после 1917–1921 гг. в течение семидесяти лет, революционный взрыв произошел в 1991 году. И даже произошла краткая гражданская война 1993 года.

Кстати, надеюсь, все помнят распад СССР и юридическое оформление этого распада. Трое собрались, подписали бумагу, выпили и разъехались. Взгляните на то, как ныне происходит брексит, и сравните развод по-европейски и развод по-советски с культурной точки зрения.

Но и с приходом более свободного режима в 1991 году, с появлением большего доступа к исторической информации не произошло главного – осмысления обществом пережитых исторических событий. Наряду с десятками миллионов граждан России, безвинно погибших в сталинских лагерях, расстрелянных в застенках, погибших от голода, холода, болезней и непосильного труда, за годы большевистской диктатуры в стране насильно проведены реформы и достигнут более высокий уровень производства. Но ни тогда, ни до сих пор в нашем обществе нет ясного понимания и единых оценок достигнутых «сводней» результатов. Есть миллионы людей самого разного возраста и социального статуса, положительно их оценивающих, не глядя на бесчисленные жертвы и искалеченные судьбы нескольких поколений советских людей. Тот факт, что в обществе не было общенациональной дискуссии, общенационального референдума по оценке деятельности РСДРП(б)-ВКП(б)-КПСС, тот факт, что не было настоящего суда типа Нюрнбергского трибунала над КПСС с ее практикой геноцида советского народа, свидетельствует сегодня о том же хрониче-

ском бескультурии и варварстве российского общества. **Это первый и главный итог минувшего столетия.**

С ним напрямую связан второй: за минувшее столетие люди десятилетиями варились, перековывались в котле всеобъемлющей лжи, и в итоге возник «новый» человек – *«Homo soveticus»* – в котором выработалась не только привычка, но и потребность во лжи, необходимость самообмана. **Это, может быть, наиболее существенный итог столетия русской революции.**

Один штрих. Из многих тысяч великолепных дворянских усадеб, типа Прямухинской усадьбы дворян Бакуниных, бывших центрами культуры, искусства и хозяйства и разрушенных населением в ходе революции 1917–1921 гг., за прошедшее столетие восстановлены лишь десятки. До сих пор не проведены на государственном уровне адекватные меры по их восстановлению и включению в культурный оборот, не произведен юридический анализ совершенных истреблений национального наследия, и никто не понес адекватных наказаний. **Это – тоже свидетельство хронического бескультурия российско-го общества.**

Последствия социальной катастрофы 1917 года мы не преодолели до сих пор. Обольщение признаками технического прогресса, успехами наук, искусств, пятилетками, коллективизацией и индустриализацией, победой в войне 1941–1945 гг., восстановлением разрушенного войной хозяйства, успехами в космосе и т. д. это свидетельство отсутствия у русского человека честного и серьезного отношения к себе. Общество не замечает, что цена человеческой жизни в России не изменилась за прошедшие сто лет, она остается и до сего дня нулевой. **Еще один главный итог минувшего столетия.**

После социальных взрывов 1991–1993 гг., приведших к смене общественной формации в России, в частности, в политической жизни – к преодолению монополии КПСС, всего через 10–12 лет в стране (в нарушение Конституции РФ) вновь образовалась монополия одной правящей партии – на этот раз «Единой России». Отличие в том, что захват власти произошел в стране, не разгромленной гражданской войной, а вроде бы успешно развивающейся – по официальным данным, а в действительности, находившейся десятки лет в стагнации и разложении. Мы снова на том же уровне, что и сто лет назад. Правовая оценка указа президента Путина 2004 года, согласно которому выборы губернаторов были заменены их назначением сверху – то есть самим президентом, еще должна совершиться. Благодаря этому указу,

«Единая Россия» за несколько лет добилась монополии, совершив незаконный захват власти. Фактически, Путин и «Единая Россия» для достижения своей монополии использовали точно те же бандитские методы, что большевики в 1917-м году и нацисты в 1933-м.

Минувшее столетие в плане развития гражданского сознания, в плане развития гражданского общества не дало ничего позитивного. Нужных выводов нация не сделала. Были два коротких периода – «оттепель» и «перестройка», в которых осуществлялась прививка советскому человеку правды. Но эти времена были недолгими, хотя и благотворными, и не смогли коренным образом повлиять на ход русской истории. Нравственное разложение людей продолжается и сегодня благодаря тотальному манипулированию и тотальной лжи власть предержащих. Не упустить бы еще одно столетие! Очередная «великая» социальная катастрофа, безусловно, ждет нас впереди.

Один пример монопольной политики «Единой России» в сфере сельского хозяйства. Я мало разбираюсь в этом, но и того, что я вижу, довольно.

Больше половины территории Европейской части России занимает Нечерноземье с его менее плодородными почвами, чем чернозем. Это великое научное открытие навело правящую партию на «мысль»: будем вкладывать средства в развитие Черноземья – это ж намного выгоднее! О том, как фактически вкладываются средства в Черноземье, говорить не буду – не владею точной информацией. Во что превратилось Нечерноземье – достаточно посмотреть вокруг. Поля, на которых десятки лет выращивались весьма высокие урожаи зерновых и технических культур, заросли лесом, достигающим уже 8–10 метров в высоту. Животноводство разгромлено. Молока, которое здесь всегда отличалось высоким качеством, нет. Нет птицеводства и растениеводства. Есть люди, которым жить нечем: им негде трудиться, кроме личной усадьбы. «Единая Россия» о них забыла... Ну, да... какие-то там еще остались люди... Но мы их всем обеспечиваем. Чего им еще надо!? Пусть скажут спасибо! Как и чем здесь обеспечены люди, тоже легко убедиться – зайдите в магазин. Впрочем, доходы сельского населения, на которые оно может что-то купить в магазине – это его пенсии и пособия по нетрудоспособности.

Русский человек привык приспосабливаться к любым условиям, к самым бесчеловечным, в том числе. Но условия, в которых ныне оказался сельский житель Нечерноземья, привели его к нежеланию и неумению трудиться – с одной стороны, а с другой, к повышен-

Гражданская война окончательно обескровливает общество, развязывает самые жестокие и низменные инстинкты в людях, сеет смерть, разрушает человечность в людях, разрушает производительные силы и самую жизнь.

Правительственные войска стреляют по демонстрантам. Угол Невского проспекта и улицы Садовой, Петербург. Фотограф Карл Карлович Булла, 4 июля 1917 года.

Жертвы еврейских погромов. 1919 г.

Палачи и их жертвы

Очереди за хлебом

*Бугуруслан.
Истощенные от голода дети
из приемника №17, 1917–1918 гг.,
фотограф Либерман*

«Неизвестная революция», в результате которой власть узурпировали большевики, привела к неисчислимым жертвам на протяжении десятков лет. Памятник жертвам репрессий в Твери

ному интересу к суррогатному спиртному, воровству, хамству... То есть к тому, что уже не один век является символом русского варварства.

Труд на благо государства во времена предыдущей монополии считался делом чести, доблести и геройства – этот слоган радовал зеков на входе в советские концлагеря. Теперь человек на селе – ту-неядец по определению. Моральный кодекс «Единой России» вполне допускает жизнь вне трудовой деятельности. Эти впечатляющие результаты политики «единоросов» достигнуты благодаря их героическому стремлению к рационализации, оптимизации и эффективности управления народным хозяйством. Таким же образом, на селе подорвано здравоохранение, начальное, среднее и дошкольное образование.

Можно говорить о преемственности политик КПСС и «Единой России». В этом отношении, нынешние монополисты, основу которых составляет непомерно разросшееся чиновничество, значительно превосходили предшественников. Если немного подождать, то догонят и во всем остальном.

Представление и просмотр фильма о Прямухине, снятого Соней Пигаловой (Нижний Новгород) и Робертом Якобссоном (Швеция).

Заседание 16 июля

Представление книг

Цовма М. А.: Мы начинаем сегодняшнюю работу с кратких книжных презентаций. Тех, кто будет представлять книги, я призываю укладываться в пять минут.

Талеров П. И.: В прошлом году мы представляли два сборника антологии в серии «Pro et contra»: «Бакунин» и «Анархизм». В качестве завершающей вышла монография «Классический анархизм в теории и практике революционного движения». В ней освящен период с середины XIX века до начала XX века. В книге порядка тридцати печатных листов. Многие материалы наверняка знакомы участникам Прямухинских чтений. На обложке – портреты Бакунина, Кропоткина и Махно. Кто-то сказал, что надо было бы поместить портрет Льва Толстого, потому что о нем там тоже идет речь, хотя в заголовках мы его не упоминаем.

Мы начали работу над этой серией на конференции в РХГА, которая теперь уже проводится практически ежегодно. На сегодняшний день состоялось четыре конференции. Первая прошла в мае 2015-го года и была посвящена Михаилу Александровичу Бакунину. Все материалы конференции вошли в сборник. В настоящее время в печати находятся материалы конференции 2016-го года.

Корнилов С. Г.: Я представляю книгу очередной нашей конференции 2016-го года, которая была посвящена 80-летию Испанской гражданской войны и революции. Я хочу выразить самую искреннюю, самую глубокую благодарность всем, кто участвовал в ее издании, в расшрифровке. Это Кира Подлипаева, Лена Кондрахина, моя семья: моя жена Алла, дочка Варвара. Это их оформление, верстка. С моей точки зрения, книга хороша, но имеет один-единственный минус – она опять великовата по объему.

Дамье В. В.: Меня попросили представить книгу, которая буквально только что вышла и называется «Испания. 1936–1939: пролог Второй мировой или последняя война идеалистов». Это материалы научных чтений в Государственной публичной исторической библиотеке, которые были посвящены юбилейной дате 80-летия Испанской революции. Я рекомендую эту книгу всем, кто интересуется тематикой, связанной с испанской революцией. Во-первых, она интересна широтой материалов. Здесь идет речь не только об анархистах, но так-

же о разных течениях, принимавших участие в испанских событиях. Говорится и об анархистах, и об иностранных добровольцах, которые были как в армии Франко, так и в армии республики. Есть специальная статья об ирландских республиканцах, которые воевали в Испании с той и с другой стороны. Идеи франкистского лагеря здесь представлены статьей о концепции Испанидад как основе идеологии правых. Помимо всего прочего, интересно еще и то, что большое место уделено историографии и документам, которые имеются в наличии в разных архивах и библиотеках. То есть помимо чисто научного значения, материалы этой книги имеют справочно-ориентировочный характер. Упомяну статью Дмитрия Рублева «Документы об испанской гражданской войне в фондах РГАСПИ».

Статья Андрея Федорова, который в прошлом году здесь выступал, «Проблемы историографии гражданской войны в Испании» – это попытка проанализировать современное состояние исторической науки, современной историографии, в том числе современную российскую историографию, посвященную проблематике испанской революции. Интересна статья Юрия Фетисова «Представление гражданской войны в Испании в современных средствах массовой коммуникации и информации на примере социальной сети ВКонтакте». Здесь есть обзор имеющихся во ВКонтакте групп, посвященных дискуссиям об испанской гражданской войне. Этим групп, оказывается, очень много. Проводится попытка анализа этих групп, что они из себя представляют, как идет обсуждение, как идут дискуссии, как высказываются позиции. Четвертая часть посвящена выставке, которая проходила в Государственной публичной исторической библиотеке. Этот каталог, который есть в конце, тоже носит ориентировочный характер. Будущие исследователи и те, кто интересуется данной проблематикой и хочет заниматься данными исследованиями, могут просто взять и посмотреть, что вообще есть в наличии, знать, с чем можно работать.

Рябов П. В.: Я представлю несколько книг всем известного издательства УРСС. Во-первых, два слова надо сказать о книге, которая вышла совсем недавно. Ее автор – участник наших Прямухинских чтений, даже сегодня он будет в них участвовать, хотя и заочно. Это Вячеслав Ященко из Волгограда. Книжка вышла совсем недавно, называется «Хроника утаенного бунта. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918–1923)». Это второе издание, первое издание выходило некоторое время назад, предисловие и послесловие писали как раз мы с Ярославом. Данная книга при-

мерно в два раза больше, и предисловие уже другое, расширилась география, расширилась хронология. Название говорит за себя – это так называемая «третья революция», зеленое повстанчество. Здесь, например, фигурирует командарм Миронов, знаменитый командир Второй конной армии, пытавшийся восстать против большевиков, казненный; Маслаков, знаменитый комбриг, который был анархистом, и так далее и так далее, самые разные движения. Восстание анархистов в Царицыне, события в Астрахани, то есть в общем – поволжская широкая география, пять лет повстанчества и подавление всего этого. Вячеслав Яценко занимается этой темой очень много лет.

Второе, о чем я хотел бы сказать чуть подробнее, это серия «Размышляя об анархизме», которая издается в УРССе под общим руководством, скажем так, Дмитрия Рублева, который тоже, к сожалению, в этот раз не приехал. За этот год вышел ряд новых книжек. Очень приятно осознавать, что эта серия вышла уже сильно за рамки тридцати книг. Ранее в основном издавали книги столетней давности – тот же упомянутый Прудон, Кропоткин и другие авторы: Реклю, Гольдман, Беркман и далее по списку. Сейчас издательство встало на путь тоже довольно плодотворный и полезный – авторы, жившие и писавшие в советское время, но очень оппозиционно относившиеся к большевизму, большевистским трактовкам анархизма и очень много сделавшие для переоткрытия анархизма. Лично я знал, не очень близко, двух авторов. Пять книг, которые были изданы за последние годы, это уже классика, добротная классика, не столетней, а сорока, пятидесяти, тридцатилетней давности, даже пятнадцатилетней давности...

Первый автор – Василий Федорович Антонов – это человек, который был большим знатоком и любителем русского народничества, человек, всегда критически относившийся к марксизму-ленинизму, человек, который сыграл определенную роль в становлении даже нашего анархистского движения, поскольку он помогал первым шагам клуба «Община», поддерживал его и был учителем основателей, так сказать, московского анархизма. Это крупнейший специалист по Чернышевскому, Лопатину и другим народникам. В конце своей долгой и насыщенной жизни Василий Федорович написал две книжки, которые выходили давным-давно, лет уже двадцать назад, а сейчас были переизданы. Они носят откровенно провокативные названия, и они довольно спорные, но интересные. Одна называется «А. И. Герцен: общественный идеал анархиста» и вторая книга на-

зывается, может быть, еще более удивительно «Н. Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста». Откройте любой учебник и вы узнаете, что Герцена сейчас представляют исключительно либеральным автором, иногда говорят, что он имеет какое-то отношение к народничеству, но где Герцен, и где анархизм, и уж тем более Чернышевский. Антонов доказывает, что они оба имеют отношение к анархизму. Несомненно, эта спорная концепция, особенно в отношении Чернышевского. Тем не менее, эти книги интересны, все-таки их писал автор, хорошо знающий материал, можно с ним спорить, но прочитать непременно стоит. Надо сказать, что эти две книжки сопровождаются нашими предисловиями: к книге о Герцене написал предисловие Дмитрий Рублев, он подробно разбирает сложные отношения Александра Ивановича и анархизма, либертарной мысли, очень интересная содержательная статья на тему «Герцен и анархизм» предваряет эту книжку Антонова, а ко второй книжке о Чернышевском писал статью я, я здесь немножко рассказал о самом Василии Федоровиче и о том, чем он нам дорог, и вообще, чем он известен, и дальше я позволил себе поспорить отчасти с его концепцией. На мой взгляд, ему все-таки не удалось доказать, что Чернышевский имеет отношение к анархизму, хотя, несомненно, имеет, но гораздо более отдаленное, чем это утверждает сам Василий Федорович.

Другой автор совсем не нуждается в представлении, это имя постоянно звучит у нас на Прямухинских чтениях, — это Наталья Михайловна Пирумова, человек, который сделал невероятно много для исследования анархизма и самого анархизма в России. Сейчас начали переиздавать ее классические работы. Здесь они совместили две УРССовских серии: серию «Размышляя об анархизме» и серию «Биографии выдающихся личностей», это даже отражено на обложках. Во-первых, переиздали самую первую книгу Пирумовой о Бакунине 1966-го года «Михаил Бакунин. Жизнь и деятельность». Вторая книга, на мой взгляд, более ценная и интересная, — «Петр Алексеевич Кропоткин», 1972 год, первая книга о Кропоткине в Советском Союзе, очень интересная и замечательная. И, наконец, третья книга Пирумовой, которую переиздали с моим большим-большим предисловием, это ее последняя книга 1990-го года, называется «Социальная доктрина Бакунина». На мой взгляд, Пирумова написала гениальную книгу о Бакунине 70-года, ЖЗЛовскую, на которой многие из нас выросли, что называется, мы часто о ней вспоминали, но последняя ее книга о Бакунине вот эта, здесь о Бакунине не сколько как о человеке, сколько как о мысли-

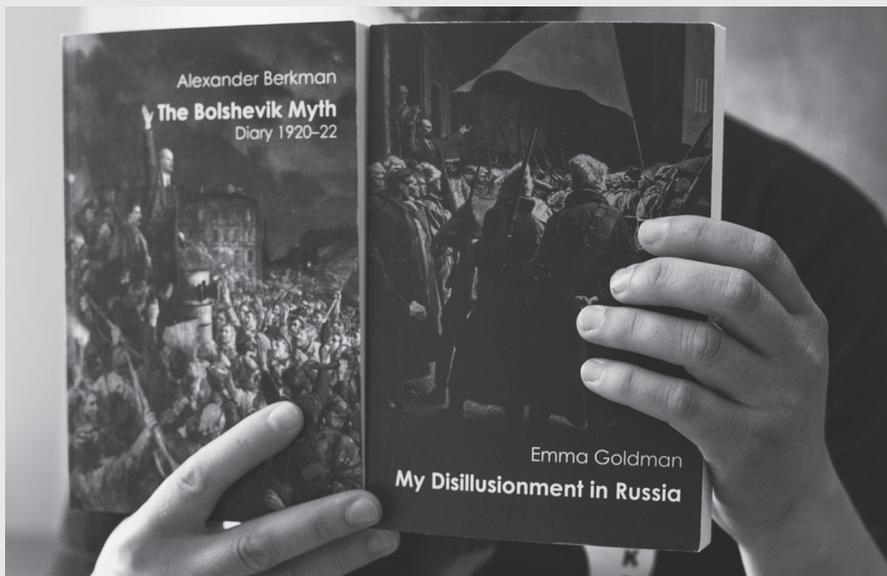
теле. Я в своей статье немного внимания уделил анализу этой книги, но я назвал свою статью о Пирумовой «Бабушка русского анархизма Наталья Михайловна Пирумова», и опираюсь на разные имеющиеся материалы. Я постарался суммировать и написать большую статью о Пирумовой, посмотреть с разных сторон, чем она была для нас, для анархистов. Освятить не только ее научную, но и общественную деятельность. Она была связана с диссидентскими кругами, участвовала в воссоздании общества «Мемориал», занималась историей узников советских концлагерей, ее отец был репрессирован и выслан из СССР. Она была человеком глубоко небольшевистского склада, и с этим был связан ее глубокий интерес и сочувствие к народникам и анархистам. Я рассказал здесь и о ее вкладе в Прямухино и Дмитров.

Я надеюсь, что УРССовская серия будет продолжаться. Во многом от нас зависит, чтобы серия продолжалась и издавались разные авторы: и столетней давности, и современные, и переводы, и классики, и современники.

Дамье В. В.: Видимо, в этом году уже достаточно скоро должна выйти моя монография об испанском анархо-синдикализме, называться будет, если я не ошибаюсь, «Революционное движение в Испании и анархо-синдикализм 1919–1939». Книга будет достаточно большая – порядка 35 или 40 печатных листов.

Цовма М. А.: Я представлю еще две книги. Они довольно хорошо известны англоязычным читателям, но, к сожалению, не в России. Это книги Александра Беркмана и Эммы Гольдман, которые они написали по итогам своего практически двухлетнего пребывания в России в 1920–1921 годах.

Первой вышла книга Эммы Гольдман. У нее была довольно странная проблемная судьба – сначала вышла половина книги, но ни издатель, ни читатель этого не заметили, был большой скандал. После некоторого выяснения отношений вышла вторая часть. Сейчас я представляю полное издание под новым названием. Гольдман назвала свою книгу «Мои два года в России», а вышла она в итоге под названием «Мое разочарование в России», но в принципе издатель примерно передал основной посыл. Конечно, это разочарование в большевистской практике, которую Эмма Гольдман наблюдала в 1920–1921 годах. В дальнейшем они с Беркманом постоянно следили за ситуацией и много писали о России. Там была такая коллизия, что Эмма Гольдман села писать свою книгу первой и использовала многие материалы из тех, которые они с Беркманом вместе собирали. Сюжеты этой кни-

Книги Александра Беркмана и Эммы Гольдман, написанные по итогам их почти двухлетнего пребывания в России в 1920–1921 годах

ги и книги «Большевистский миф. Дневник 1920–1922», которая вышла уже спустя несколько лет, пересекаются, но акценты расставлены авторами несколько по-разному. Мне лично больше нравится книга Беркмана. Это не сами дневники, а книга, написанная на основе дневников, которые он вел в России. Там присутствует некоторое количество документов, которые они вывезли из России и которые касаются анархического движения и Кронштадтского восстания в особенности.

Я считаю, что сейчас, в год столетия Великой российской революции эти тексты должны быть переведены на русский язык. Несколько глав из книги Гольдман в свое время начал переводить Александр Ермаков из Петербурга, и они были изданы в виде небольшой брошюры, но работу эту по переводу нужно продолжать, потому что кроме этих книг есть еще и другие, например, совершенно замечательная книжка Бориса Еленского о его опыте участия в русской революции в период с 1917 по 1923 годы. Там описаны не только его боевые и пропагандистские приключения, но и опыт кратковременного построения анархо-синдикалистской модели социализированной промышленности, и попытки перейти к коммунизму анархическому, а не больше-

вистскому в одном отдельно взятом районе Новороссийска, где это удалось небольшой группе анархистов, представивших рабочим хорошо действующую интересную модель экономического самоуправления. Это очень интересный опыт, который, к сожалению, мало известен. Прямо сейчас я занимаюсь тем, что помогаю издательству «Радикальная теория и практика» с переводом мемуаров Гольдман. Я взялся за перевод 52-й главы, которая касается участия Гольдман в событиях в России. Как только я завершу эту работу, я планирую перейти к переводу книжки Еленского и хотел воспользоваться этой возможностью, чтобы обратиться к присутствующим: если есть кто-то, кто заинтересован в участии в переводческой группе по переводу на русский язык Беркмана и Еленского, то можно связаться со мной, чтобы поделить текст и переводить коллективно.

Сейчас мы переходим к докладам.

Д. А. Батшев

Роль ВМФ в Кронштадтском восстании 1921 г.

Кронштадтский мятеж 1921 г. стал финальным аккордом Русской революции. С ним были связаны последние надежды анархистов на преодоление большевистской «диктатуры пролетариата», на идеалы «третьей революции». О самих событиях написано достаточно – можно упомянуть хотя бы Вс. Волина¹; не обошли эту тему и профессиональные историки (П. Эврич², Вл. Крестьянинов³). В данной работе будут подняты вопросы несколько иного характера. Так как Кронштадт – база военно-морского флота, а моряки – «краса и гордость революции», то речь пойдет о двух главных кораблях Кронштадтского восстания – линкорах одного типа постройки «Севастополь» и «Петропавловск».

Оба корабля были заложены в 1909 г., спущены на воду в 1911 г., а в строй вступили в 1914 г. Они являлись русским ответом новой тенденции ВМФ ведущих держав перед Первой мировой войной, так называемой серии кораблей «all big guns» (с однородным артиллерийским вооружением из большого числа орудий только крупного кали-

---

¹ *Волин Вс.* Неизвестная революция 1917–1921. М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://piter.anarhist.org/volin3-1-01.htm> (дата обращения: 15.05.2017).

² *Эврич П.* Восстание в Кронштадте. 1921. Москва: Центрполиграф, 2007.

³ *Крестьянинов В. Я.* Кронштадтский мятеж. Хроника событий. СПб., 2016.

Денис Батшев

Речь пойдет о двух главных кораблях Кронштадтского восстания – линкорах одного типа постройки "Севастополь" и «Петропавловск»...

Они являлись русским ответом новой тенденции ВМФ ведущих держав перед Первой мировой войной, так называемой серии кораблей "all big guns"... Наличие кораблей подобного типа стало олицетворением мощи и престижа государства.

бра), которые имели значительное бронирование, а также большие калибры главных орудий. Прародителем данного класса судов был английский «Дредноут», спущенный на воду в 1906 г. Наличие кораблей подобного типа стало олицетворением мощи и престижа государства. Прозванные в свою эпоху «пожиратели бюджетов», они служили символом экономического, научного, технического и промышленного расцвета держав⁴.

Тактико-технические характеристики кораблей «Севастополь» и «Петропавловск»

«Севастополь» и «Петропавловск» поражали своими колоссальными размерами: длина 181.2 м, ширина 26.9 м, осадка 9.2 м. Они работали на двух видах топлива – нефти и угле, причем последнего требовалось в несколько раз больше. Максимальная ско-

---

⁴ *Виноградов С. Е.* Последние исполины Российского императорского флота: Линейные корабли с 16" артиллерией в программах развития флота, 1914–1917 гг. СПб., 1999. С. 17.

рость кораблей могла достигать 21.75 узла (40.281 км/ч), дальность хода 3500 миль (6482 км при скорости в 13 узлов) либо 900 миль (при скорости в 21 узел). Такая большая разница объясняется количеством сжигаемого топлива. Они имели так называемую «мониторную» архитектуру – количество надстроек на корпусе сводилось к минимуму. Но форма кораблей оказалась неудачной для открытого моря, так как при серьезном шторме они могли потонуть. Экипаж обоих судов состоял из – 1125 матросов и 31 офицера⁵. Заложенная в смете стоимость каждого корабля равнялась 37 млн рублей золотом. Такие деньги можно было получить только с одобрения Государственной Думы⁶.

Как мы видим, данные корабли представлялись внушительной силой. Что касается военной мощи, то вооружение составляли двенадцать 305-мм/52 (диаметр ствола 305 мм, длина ствола 52 калибра – 15,85 м) орудий в компоновке (4х3), шестнадцать 120-мм/50, четыре 47-мм пушки, четыре 450-мм торпедных аппарата (рассчитанные в общей сложности на 12 торпед). Угол возвышения орудий главного калибра составлял от –5 до +25 градусов, что позволяло обеспечить дальность стрельбы 470-кг снарядом до 125 кабельтов (22,8 км). Боезапас составлял по 100 выстрелов на орудие при скорости два выстрела в минуту, что считалось высокой скорострельностью⁷. Шестнадцать 120-мм/50 орудий обеспечивали стрельбу 29-кг снарядом (300 выстрелов на ствол) на 76 кабельтов (13.8 км) и предназначались для противоминной борьбы (отражения атак легких кораблей противника, оснащенных торпедным оружием)⁸. Форштевни кораблей имели ледокольное образование⁹.

История кораблей «Севастополь» и «Петропавловск»

Корабли «Севастополь» и «Петропавловск» строились на Балтийском заводе. «Севастополь» первым сошел со стапеля 16 июня 1911 г.¹⁰ Однако к началу Первой мировой войны линкоры уже устаре-

---

⁵ *Патянин С. В., Дашьян А. В.* Все дредноуты Первой Мировой войны. М., 2016. С. 246.

⁶ *Цветков И. Ф.* Линейные корабли типа «Севастополь» (1907–1914). Ч. I. Проектирование и строительство. СПб., 2005. С. 32.

⁷ Там же. С. 53.

⁸ *Патянин С. В., Дашьян А. В.* Указ. соч. С. 249.

⁹ *Цветков И. Ф.* Указ. соч. С. 57.

¹⁰ Там же. С. 48.

ли относительно новой группы «сверхдредноутов»¹¹. При этом, сама конструкция кораблей показала свои явные недостатки еще на этапе строительства. Стало понятно, что новые корабли просто не смогут в открытом море противостоять немецкому флоту. Фактически, их основная задача сводилась к артиллерийской поддержке сухопутных войск. В конце 1914 г. все дредноуты типа «Севастополь» (еще два корабля – «Полтава» и «Гангут») перебазировались в Гельсингфорс.

Личный состав флота встретил известие о начале войны с воодушевлением. При этом, военно-морское командование было уверено, что немецкий флот появится в Финском заливе, и даже готовили «Петропавловск» в качестве плавучей батареи около о. Нарген, так как этот корабль не был достроен и неясно было, когда он мог бы вступить в строй¹². Но даже если бы все четыре линкора были достроены, считается что германский флот все равно смог бы прорваться в Финский залив, если бы ему была поставлена такая задача¹³.

Из-за пассивности Германии на Балтике, нейтралитета Швеции и скорой готовности линкоров к участию в войне начались волнения среди личного состава флота – мол, война скоро закончится, а флот останется не у дел. Активных действий, несмотря на материальную слабость флота, требовала молодежь, и командующему флотом стоило больших трудов ее утихомирить. Вице-адмирал В. А. Канин, командующий флотом, даже ходатайствовал об использовании хотя бы только одного «Севастополя» вне Финского залива для поддержания боевого духа личного состава. По сути, это бездействие привело в дальнейшем к коллективному неповиновению на различных кораблях ВМФ во время войны¹⁴.

Весной и в начале лета 1915 г. корабли выходили несколько раз в море на маневры¹⁵. Впоследствии «Севастополь» принимал участие

---

¹¹ Боевые возможности линкоров типа «Севастополь» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wunderwaffe.narod.ru/Magazine/Midel/06/05.htm> (дата обращения: 05.05.2017).

¹² Козлов Д. Ю. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917): Монография. М., 2012. С. 148

¹³ Там же. С. 86.

¹⁴ Там же. С. 178.

¹⁵ Боевые возможности линкоров типа «Севастополь» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wunderwaffe.narod.ru/Magazine/Midel/06/06.htm> (дата обращения: 05.05.2017).

в восстановлении минных заграждений в Рижском заливе. На обратном пути, 15 августа 1915 г., он сел на мель и оказался так поврежден, что полтора месяца простоял в Кронштадтском доке на ремонте. Кроме того, «Севастополь» еще дважды повреждал обшивку днища до конца Первой мировой войны. «Петропавловск» также при выполнении боевой задачи сел на мель и не мог сняться в течении двух недель.

17 октября 1915 г. «Севастополь» едва не взорвался от пожара полузаряда 305-мм орудия, случившегося на палубе зарядного погреба. Пострадало пять человек, один из которых умер от ожогов. Осенью 1915 г. Балтийский флот проводил минные постановки в районе о. Готланд. Эти операции прикрывал в том числе и «Петропавловск». Его выход с линкором «Гангут» стал последней боевой операцией линкоров-дредноутов в ходе Первой мировой войны. Они так и не применили свою артиллерию против военно-морского флота Германии.

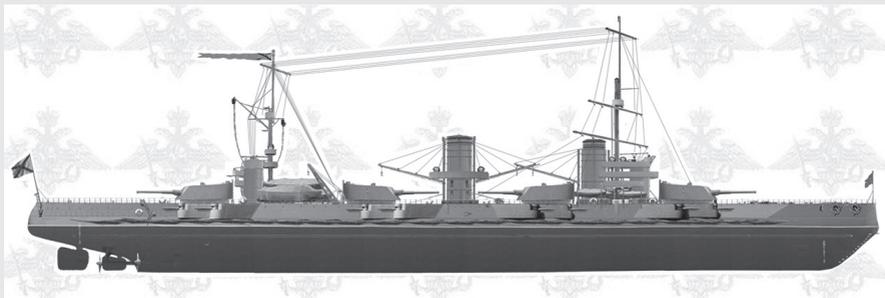
3 марта 1918 г. был заключен Брестский мир, по условиям которого Балтийский флот покидал свои базы в Финляндии. 12 марта 1918 г. Гельсингфорс покинул первый отряд кораблей, в который в том числе входили «Севастополь» и «Петропавловск». Проводку осуществляли ледоколы «Ермак» и «Волынец». Эта операция является уникальной. Переход проходил в тяжелейших условиях: сплошные ледяные поля толщиной до 60–70 см¹⁶; укомплектованность экипажей на разных кораблях составляла от 20 до 40% их штатной численности. Осложняло проводку то, что ширина более мощного и крупного из ледоколов «Ермака» составляла лишь 22 м, а ширина линкоров – более 26 м: часто приходилось останавливаться из-за того, что тот или иной корабль затирало в пробитом во льдах канале. Однако преодолев за пять суток 180 миль (более 330 км), 17 марта линейные корабли без существенных поломок достигли Кронштадта¹⁷. Условия мира с Германией также предполагали ограничение по использованию флота.

Вскоре на Балтику пришли англичане, для противодействия которым была создана группа кораблей вместе с «Петропавловском». Боевые действия против недавнего союзника начались весной и продолжались до конца навигации 1919 г. «Петропавловск» лишь один раз принимал участие в боевом столкновении – 31 мая 1919 г., когда выпустил по английским кораблям 16 305-мм и 94 120-мм снаряда, тем самым отразив

---

¹⁶ Ледовый поход Балтийского флота [Электронный ресурс]. URL: <http://www.korvet2.ru/ledovyyj-pohod.html> (дата обращения: 20.08.2017).

¹⁷ Там же.

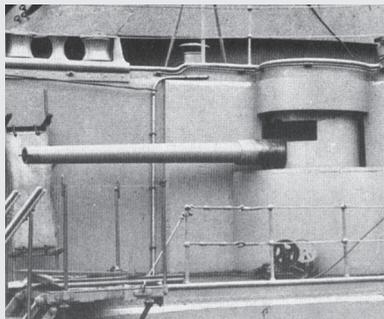
Линейный корабль «Петропавловск»

*Повреждения
Петропавловска
и орудия главного
калибра*

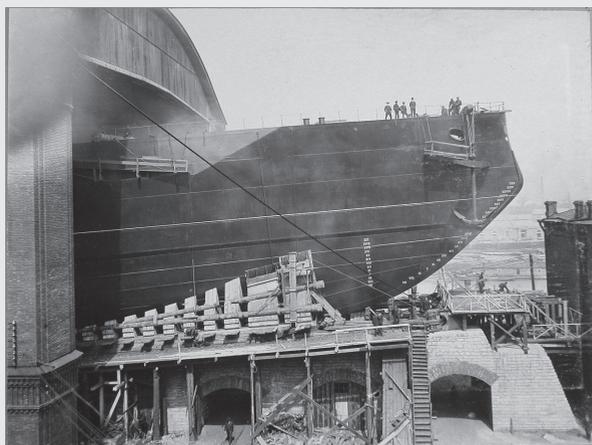
*Корабль «Гангут»
(дредноут типа
«Севастополь»)*

*Пушка 120-мм
на линкоре «Гангут»*

*Форштевень
над водой*

*Характерный
ледокольный
форштевень*

нападение. Этот эпизод является единственным реальным использованием балтийских дредноутов при столкновении с кораблями противника.

«Севастополь» и «Петропавловск» в Кронштадтском восстании

Кронштадт окружен льдами с ноября по апрель. Он находится в 30 км от Петрограда посередине Финского залива. На южном берегу Финского залива в 20 км от Кронштадта – форт «Красная Горка» и г. Ораниенбаум. На северном берегу Финского залива, в 10 км от Кронштадта расположены «Лисий Нос» и г. Сестрорецк¹⁸. С юга и севера Кронштадт окружен именными и номерными фортами.

К зиме 1920–1921 гг. в Красной армии, состоявшей из крестьян, начались брожения. Были волнения, связанные с перебоем в поставках продовольствия, в Петроградском гарнизоне голодные обмороки у солдат носили массовый характер.

Корреспонденты с различных мест сообщали, что ситуация в стране похожа на весну 1918 г., как перед началом чехословацкого мятежа. Очевидец из Екатеринослава вспоминал, что публика в марте 1921 г. произносила слова: «Кронштадт восстал!» созвучно словам: «Христос воскрес»¹⁹. А Екатеринослав еще хорошо помнил Н. И. Махно. Но парадокс заключается в том, что Кронштадт хоть и «восстал» («воскресе»), однако мятежный остров так и не получил необходимой ему поддержки. С одной стороны, политический кризис не приобрел достаточного размаха, а с другой, ЧК смогла помешать организованному характеру восстания сразу же начав активные действия.

В Петрограде действовал Комитет обороны, который проводил с помощью прибывших войск чистки среди неблагонадежных рабочих, солдат и матросов²⁰. Ненадежные части отсылались в отдаленные районы. Было объявлено военное положение, запрещены собрания. При этом обошлось без жертв, поскольку вызванные на улицы красные курсанты разгоняли демонстрантов выстрелами в воздух. Одновременно началось отоваривание продовольственных карточек, распределение среди рабочих мануфактуры, обуви, угля²¹.

---

¹⁸ *Волин Вс.* Указ. соч.

¹⁹ *Павличенков С. А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 104.

²⁰ *Волин Вс.* Указ. соч.

²¹ *Щетинов Ю. А.* За кулисами Кронштадтского восстания 1921 г. // Вестник Московского университета. Сер.: 8. История. 1995. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://rabkrin.org/shhetinov-yu-a-za-kulisami-kronshtadtskogo-vosstaniya-1921-g-statya/> (дата обращения: 23.04.2017).

Обстановка в Петрограде была нервная. Происходили новые остановки заводов, распространялись упорные слухи о волнениях рабочих в Москве и сельских мятежах на востоке страны и в Сибири, о расстреле рабочих, женщин и детей в самой «колыбели революции». Однако за весь период Кронштадтского восстания серьезных выступлений так и не произошло – периодически бастовали рабочие крупных предприятий, но дальше этого дело не заходило²².

Дело в том, что рабочие Петрограда восприняли Кронштадтское восстание неоднозначно и, в значительной мере, пассивно. Однако первая реакция была скорее негативной: с одной стороны, рабочие опасались восстановления монархии (сказывалась активная агитация большевиков), а с другой, негативно относились к матросам на бытовом уровне, называя их «клёшниками»²³.

Члены Временного революционного комитета (ВРК) и сочувствующие им представляли собой наиболее решительную антибольшевистскую группу. Что же касается кронштадтской массы в целом, то после неожиданного для многих образования ВРК, она пребывала в индифферентном состоянии или сильно колебалась, не переходя ни на одну из противоборствующих сторон²⁴.

В ходе Кронштадтского восстания советское командование получало сведения от разведчиков и перебежчиков о том, что «почти половина команд обоих линкоров не желает боя», что «машинная команда "Севастополя" (400 человек) почти вся целиком против мятежников», что многие старослужащие моряки прячутся в трюмах «кто куда», лишь бы не принимать участия в «заварухе».

Еще больший разброд царил в армейских подразделениях. В инженерно-рабочем батальоне, например, из 750 числившихся там рядовых в «вооруженном отпоре красным» участвовало лишь около 100 человек. Это установило специальное расследование, проведенное большевиками позже. Аналогичная информация поступала и во время самого восстания. Так, в агентурной сводке от 8 марта указывалось, что гарнизоны «фортов Риф, Обручев, Шанц, поднятые к восстанию кронштадтцами, желают сдаться красным».

---

²² Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. Составление, введение и примечания В. П. Наумова, А. А. Косаковского. М., 1997. С. 53.

²³ Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М., 2014. С. 224, 226.

²⁴ Щетинов Ю. А. Указ. соч.

Рабочие типографии, поддерживающие большевиков, постоянно скрывали истинные размеры запаса бумаги, чтобы выпускать «Известия ВРК» меньшим тиражом, а 15 марта отказались печатать листовку «Ко всем гражданам России!», заказанную ВРК. Коллектив минно-заливочной мастерской систематически на 50% не выполнял норму подготовки шестидюймовых снарядов, в которых повстанцы испытывали особую нужду. Минный отряд крепости во главе со своим командиром А. Н. Никитиным отказался закладывать подледные минные заграждения на подступах к Кронштадту. Таким образом, восстание фактически саботировалось.

Согласно материалам Политического доклада Политуправления Балтийского флота о положении на флоте с 15 по 31 января 1921 г. в Кронштадте в тот период находились следующие корабли²⁵, которые теоретически могли бы помочь восставшему городу: «Петропавловск», «Севастополь», «Андрей Первозванный» (небоеспособен), заградители «Ловать» и «Нарова», ледокол «Тосно», сторожевое судно «Ястреб», буксир «Сильный», гидрографические суда «Котлин-1» и «Котлин-2», плавучий маяк «Лондонский», транспортные корабли «Баррикада», «Красноармеец», блокшивы (несамоходные суда или баржи) № 2, № 4, № 49.

Численность экипажей²⁶ линейных кораблей на 20 декабря 1920 г. была следующей: «Севастополь» – 1216 человек, «Петропавловск» – 1379, «Андрей Первозванный» – 688; стоящих в Петрограде кораблей: «Гангут» – 137 человек, «Полтава» – 145, «Гражданин» («Цесаревич») – 36, «Республика» («Император Павел I») – 96, крейсер «Баян» – 54, «Богатырь» – 47. Исходя из приведенных данных, можно заключить, что флот был наиболее полно укомплектован именно в Кронштадте, а в Петрограде, в виду отсутствия кадров, говорить о боеспособности флота не приходилось. На 13 марта на «Севастополе» оставалось 1020 человек, на «Петропавловске» – 1257 человек, на «Нарове» – 150 человек.

Во время Кронштадтского восстания в марте 1921 г. «Севастополь» и «Петропавловск» стояли борт к борту, стреляли только правым и левым бортом, соответственно. На «Севастополе» не было угля, и электричество поступало с «Петропавловска». «Севастополь» стрелял меньше и реже. Из сводки ВЧК известно, что

---

²⁵ Крестьянинов В. Я. Указ. соч. С. 296.

²⁶ Там же. С. 36.

«Петропавловск» вел огонь по Ораниенбауму и «Красной горке», т.е. его орудия были направлены на южный участок фронта; соответственно, другой линкор направил орудия на север²⁷. В Средней гавани в 200 саженях (почти в полукилометре) от линкоров против фарватера у Петровского парка стоял «Нарова», который не принимал в боях активного участия.

До 14 марта с транспорта «Спиноза» было принято на «Петропавловск» до 50 т соляного масла²⁸. В целом, во время восстания ситуация со снабжением линкоров топливом была очень сложной: «Севастополь» стоял без топлива, на «Петропавловске» оставалось 300 тонн, сжигали по 40 тонн в день²⁹. К 9 марта угля на «Петропавловске» оставалось на 4 дня³⁰. В то же время, определенный запас топлива (как и снарядов) в восставшем городе был – сказывалось особое стратегическое положение крепости³¹.

Относительно участия в боях или артиллерийских перестрелках с фортами, контролируемые большевиками, необходимо отметить, что 14 марта с форта «Красная Горка» 305-мм снаряд попал в «Севастополь», где было убито 14 и ранено 36 человек³². Но больше всего корабли пострадали от авиации. 15 марта летчик Б. Шмидт сбросил с высоты 460 м бомбу весом 4 кг на корму «Петропавловска» и обстрелял корабль из пулеметов. На линкоре была повреждена труба, около 20 человек ранены. Сбрасывались бомбы и на минные заградители «Нарова» и «Волга», блокшивы с минами. На 17 марта авиация сделала 33 боевых вылета, сбросив 176 кг бомб.

Одной из самых тяжелых потерь для Кронштадта стало отсутствие рабочего ледокола. Дело в том, что еще 1 февраля 1921 г. ледокол «Ермак» из-за отсутствия угля стоял в Кронштадте, и на нем из всей команды находилось лишь 20 человек. Затем команду набрали и на остатках угля 25 февраля корабль пришел в Петроград.

---

²⁷ Из оперативно-информационной сводки секретно-оперативного управления ВЧК Ленину // Кронштадт 1921. Документы... С. 80.

²⁸ *Крестьянинов В. Я.* Указ. соч. С. 141, 177.

²⁹ Агентурная сводка в особый отдел ВЧК // Кронштадт 1921. Документы... С. 68.

³⁰ Сводка регистрационного отдела Петроградского военного округа о положении в Кронштадте // Кронштадт 1921. Документы... С. 77.

³¹ Из донесения информационной части 1-го особого отделения // 1921. Документы... С. 237.

³² *Крестьянинов В. Я.* Указ. соч. С. 120.

Если бы он находился в Кронштадте на момент восстания, то мог бы отколоть лед вокруг линкоров, чтобы они имели возможность развернуться для ведения огня. После начала восстания была сделана попытка увести ледокол в Кронштадт, но она окончилась неудачей³³. В Петрограде на ледоколах «Трувор» и «Огонь» были арестованы сторонники восставших, что лишало возможности задействовать и эти ледоколы для освобождения линкоров. «Ермак» большевики использовали для разламывания льда на Неве по несколько раз в сутки.

При этом, ситуация сложилась парадоксальная. Возможно, правительство не исключало использования флота против Кронштадта, но, например, после 3 марта на «Гангуте» и «Полтаве» были сданы оружие, снаряды и патроны. Команды были выведены на берег³⁴. Многие военные моряки высылались из Петрограда, из чего можно заключить, что им не доверяли. Большевики с трудом могли положиться и на надежность пехотных частей: многие солдаты оказывали пассивное сопротивление и высказывали нежелание идти в наступление на Кронштадт по открытому льду. 531-й полк в количестве 250 человек даже перешел на сторону восставших³⁵.

После провала наступления на крепость 8 марта в Петрограде ходили слухи о возможной высадке Кронштадтского десанта в городе³⁶. Поползли даже «слухи об отъезде коммунистов с Варшавского вокзала... о неизбежности переворота»³⁷.

После провала большевистского наступления, в самом Кронштадте было сорвано решение ВРК разбить лед вокруг острова Котлин с помощью минеров³⁸. Два буксира пытались пробить во льду проход к фарватеру, но попытки не увенчались успехом. Из сводки ВЧК известно, что лед вокруг «Петропавловска» все же удалось сломать³⁹. Но 11 марта были арестованы матросы, которые ломали лед на бук-

---

³³ Там же. С. 38.

³⁴ Там же. С. 79.

³⁵ Из донесения информационной части 1-го особого отделения // Кронштадт 1921. Документы... С. 213.

³⁶ Яров С. В. Человек... С. 230.

³⁷ Цит. по: Яров С. В. Человек... С. 231–232.

³⁸ Щетинов Ю. А. Указ. соч.

³⁹ Из оперативно-информационной сводки секретно-оперативного управления ВЧК Ленину // Кронштадт 1921. Документы ... С. 80.

сирах, корабли не справлялись и выходили из строя, что и стало формальной причиной ареста⁴⁰.

Главная проблема восставшего Кронштадта в использовании линкоров «Севастополь» и «Петропавловск» заключалась в отсутствии мобильности из-за сковавшего Финский залив льда. Решение этого вопроса осложнялось отсутствием ледокола, способного не только проломить лед для удобного боевого разворота кораблей, но и создать, например, фарватер для прохода в Петроград. Взорвать лед с помощью минных фугасов было невозможно, так как минный отряд крепости саботировал решения ВРК. Использование орудий самих линкоров для взрыва льда представляется возможным, хотя и маловероятным сценарием: нужно было бы применять 120-мм орудия, но главный калибр можно было использовать лишь на значительных расстояниях. Более реалистичным вариантом развития событий из тех, что были возможны, представляется использование для раскалывания льда формы самих кораблей: их форштевни имели ледокольную форму. Пример подобного использования боевых кораблей дал «Андрей Первозванный», который работал как ледокол в Ледовом походе Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт в феврале-мае 1918 г.⁴¹ Однако это требовало огромного количества топлива, которого не было в восставшем Кронштадте.

Со стратегической точки зрения, возможность движения в сторону Петрограда вряд ли может быть обоснована. Тяжелейший переход, оставление крепости без поддержки линкоров, сопротивление части моряков указывают на проблематичность такого мероприятия. Сложная ситуация с агитационной работой и невозможность, несмотря на многочисленные попытки, установить контакты с рабочими Петрограда⁴², неприязнь с их стороны по отношению к матросам-«клёшникам», делает возможную попытку прорыва в город самоубийственной. Основной задачей могло бы стать маневрирование кораблей в районе Кронштадта и фортов, поддержка обороны города и наступления восставших ма-

---

⁴⁰ Крестьянинов В. Я. Указ. соч. С. 69, 110.

⁴¹ Мельников Р. М. Линейный корабль «Андрей Первозванный» (1906–1925). СПб., 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://coollib.com/b/269894/read> (дата обращения: 17.04.2017).

⁴² Яров С. В. Кронштадтский мятеж в восприятии петроградских рабочих (по неопубликованным документам) // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.–СПб., 1992. С. 544.

тросов на позиции большевиков. В сложившихся на тот момент условиях, в том числе, ситуации с техническим обеспечением Балтийского ВМФ в крепости, воплотить эту стратегию в жизнь не удалось, что сыграло свою роль в столь скором падении восставшего Кронштадта. Позже, стремясь искоренить память о восстании, большевистское правительство переименовало линкоры: «Севастополь» – в «Парижскую коммуну», а «Петропавловск» – в «Марат».

Гарявин А. Н.: Денис, спасибо большое, интересный доклад. А есть ли у вас предшественники в работе по изучению данной темы, кто-нибудь изучал участие ВМФ в Кронштадтском восстании и каково ваше отношение к вашим предшественникам, если они были?

Батшев Д. А.: Тема не совсем стандартная, рассмотрение линкоров в мятежах. Естественно, есть предшественники, прежде всего, это «Флот в Первую мировую войну», «Постройка флота»...

Гарявин А. Н.: Я имел в виду авторов.

Батшев Д. А.: Виноградов «Последние исполины Российского Императорского флота», Козлов «Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне», Патянин «Дредноуты Первой мировой», Цветков «Линейные корабли типа "Севастополь"».

Гарявин А. Н.: Большая часть – дореволюционные работы.

Батшев Д. А.: Да, советская историография предполагала использование красного флота.

Дундич Д.: У меня вопрос такой. Ты упомянул, что старослужащие и молодежь по-разному относились к событиям в Кронштадте. Пожалуйста, уточни, старослужащие были сторонниками большевиков?

Батшев Д. А.: Это большевистский миф, что на момент восстания в Кронштадте не осталось хороших моряков, которые делали революцию в 1917 году, потому что все они отправились на фронты гражданской войны, воевали в пехоте. А те, кто начал Кронштадтское восстание, во-первых, генерал Козловский, а во-вторых, люди, якобы не имевшие отношения к флоту, подняли этот «белогвардейский мятеж». А вот настоящие моряки, согласно этой логике, предотвратили уничтожение Кронштадта.

Дундич Д.: Я этот миф знаю, я его учил в школе. Что тебе показали твои исследования? Какова действительно была ситуация? Есть ли материалы? Были среди старослужащих сторонники Кронштадтского восстания?

Батшев Д. А.: Я сейчас точно не скажу, но Петриченко, по-моему, тоже старослужащий. Я не смотрел послужные списки и с такой точки зрения тему не рассматривал. Естественно, было много старослужащих, которые поддержали Кронштадт.

Сидоров С. И.: Насколько эффективным был этот большевистский миф, насколько ему поверили в то время?

Цовма М. А.: Можно я сделаю небольшую ремарку. Там в основном все-таки упирали не на старослужащих, а на то, что это мятеж белых генералов. Антанта идет поддержать, это все антиреволюционный мятеж, но надо отдавать себе отчет, что, конечно, может быть, где-то передавались слухи, но это были именно слухи. Информации не было, большевики об этом в газетах не писали практически ни слова правды. Я читал «Дневник москвича» Н. Окунева, который вел его с Первой мировой войны до 1923-го года, что было большой редкостью. Он до революции читал газеты и конспектировал их в свой дневник. И в годы революции он тоже регулярно покупал газеты, хотя бедствовал. Он пишет, что о смерти Кропоткина узнал из газеты, которая циркулировала, а вот о Кронштадте из газеты, которая висела на заборе, потому что в то время были перебои с бумагой, распространением газет, и они не всегда были доступны. Циркуляция информации о восстании была очень ограничена, не так, что все услышали и болели душой за Кронштадт. Многие об этом просто не знали.

Анархисты, Эмма Гольдман и Александр Беркман, просто находились в Петрограде в то время, поэтому они пытались как-то вмешаться в эти события и вести переговоры с большевиками. Но в целом, население вовсе не обязательно знало о восстании в Кронштадте именно в то время, когда это происходило, и если знало, то как о мятеже белых генералов из большевистских газет.

Прусский Я. Л.: Хотелось вот что узнать. Почему ты сделал упор именно на эти два корабля, потому что название доклада «Роль ВМФ», а говорил в основном об этих двух кораблях. Они что, главную роль сыграли в этом восстании?

Батшев Д. А.: Да, дело в том, что действительно у них была главная роль в восстании. ВРК образовался на «Петропавловске», плюс это главная ударная сила. Понятно, что в той же Средней гавани стоял крейсер «Нарова» и еще множество других кораблей, но они не играли главную роль практически ни в чем. Главная роль ВМФ – это именно эти два корабля в этом восстании, и ударная сила, и организационная.

И. Л. Кислицына

Российская революция (1917–1921)

с позиций идеологии революционного анархизма

М. А. Бакунина

Михаил Александрович Бакунин первым в истории русской общественной мысли, во второй половине 1840-х гг., провозгласил историческую необходимость и неизбежность Социальной революции в России и утверждал, что эта революция будет крестьянской, всеобщим восстанием народа. Он создал теорию Социальной революции и программу ее подготовки – деятельности революционной интеллигенции в народе. Поэтому закономерен вопрос о соотношении революционной идеологии Бакунина и реального развития Великой Русской революции, изменившей систему общественных отношений в России и оказавшей огромное воздействие на мировое социальное развитие. Данный вопрос связан с проблемой научного значения иде-

И. Л. Кислицына

Согласно современной научной концепции, Революция 1917–1921 гг. в России представляла собой самый мощный в истории социальный взрыв, вызванный... противоречием между народом и государственной системой. В основе этого взрыва была крестьянская революция, главный вопрос русской жизни после отмены крепостного права – аграрный. Данная концепция полностью подтвердила основополагающие принципы революционной идеологии Бакунина.

ологии русского народничества, революционного анархизма, степени ее реализма, а также с определением причин сложившегося направления развития Российской революции, итогом которой была победа большевиков.

Согласно современной научной концепции, Революция 1917–1921 гг. в России представляла собой самый мощный в истории социальный взрыв, вызванный достигшим, в условиях войны, своего предела противоречием между народом и государственной системой. В основе этого взрыва была крестьянская революция, главный вопрос русской жизни после отмены крепостного права – аграрный.

Данная концепция полностью подтвердила основополагающие принципы революционной идеологии Бакунина, и, прежде всего, его мысль об исторической обусловленности, объективной сущности революционного процесса. «Революции не импровизируются произвольно ни личностями, ни даже могущественными ассоциациями, – говорилось в статье "Политика Интернационала" (1869). – Независимо от чьей бы то ни было воли, от какого бы то ни было заговора, они всегда производятся силою вещей. Их можно предвидеть, предчувствовать их приближение, но никогда нельзя ускорить их взрыв»¹. В равной мере история Революции в России доказала правоту и другого важнейшего представления Бакунина – о стихийности революционного взрыва. Обусловленная объективными причинами, Великая Русская Революция вспыхнула неожиданно для всех российских политических партий того времени. В Революции ярким образом подтвердилась идея великого анархиста о социалистических стремлениях русского народа. На прямых равных честных выборах в Учредительное собрание российское общество в своем огромном большинстве проголосовало за социалистические партии.

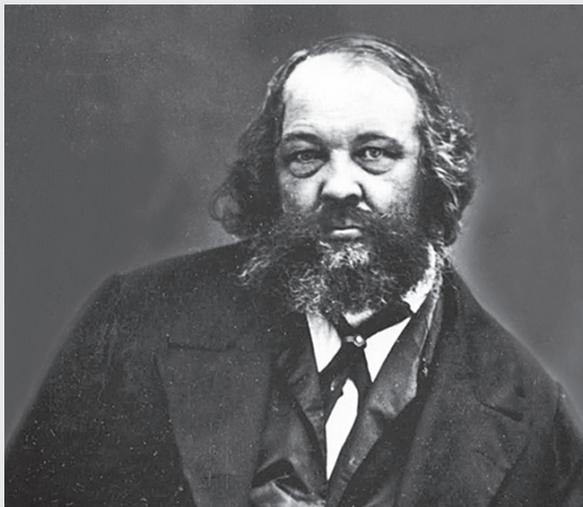
Народ поднялся на революцию в соответствии с бакунинской теорией эволюции русского народного идеала: вследствие массового пробуждения в нем сознания своего права на достойную человека жизнь, «...на полное человеческое развитие и на участие, равное во всех наслаждениях, удовлетворениях и благах общественной жизни...»².

---

¹ Историческое развитие Интернационала в его прессе, конгрессах, отчетах и проч. Цюрих: Изд-во Общины русских революционеров-анархистов, 1873. С. 65.

² *Бакунин М. А.* Прибавление «А» к книге «Государственность и анархия» / Революционное народничество 70-х годов XIX века: Сб. док. и материалов. Т. 1. М.: Наука, 1964. С. 44.

*М. А. Бакунин: «Революции
не импровизируются
произвольно
ни личностями, ни даже
могущественными
ассоциациями».
Статья «Политика
Интернационала», 1869 г.*

Стремление к свободе, равенству, социальной справедливости выразилось в русском народном сознании в идеале земли и воли (народного самоуправления). В результате развития крестьянского движения в начале XX века были существенно преодолены определенные Бакуниным «отрицательные» черты русского народного идеала: патриархальность, замкнутость крестьянских миров и разрозненность народных выступлений, вера в царя. Борьбу против этих «собственно народных» черт Бакунин считал тенденцией эволюции русского народного сознания и обязанностью революционной интеллигенции. Сам факт народной революции, в основе которой была борьба крестьян за землю, означал выход народа из состояния патриархальности – покорности, «подлого послушания», которым характеризовалась главная «отрицательная черта» русского народного мира в идеологии Бакунина.

Революция произошла потому, что народ обрел уверенность в том, в нем «...живет несокрушимая сила, против которой ничто и никто устоять не может...»³. Эта сила была создана («собрана», по выражению Бакунина) вследствие стихийной самоорганизации народной борьбы и целенаправленной деятельности революционной интеллигенции, реализовавшей бакунинскую программу подготовки народной революции.

---

³ Там же. С. 54.

Программа деятельности революционеров в народе была сформулирована Бакуниным в «Прибавлении "А"» к книге «Государственность и анархия» (1873). Исходя из представления о диалектическом единстве сознательного и бессознательного, назначение представителей образованного общества Бакунин видел в революционной пропаганде и организации народной борьбы, в том, чтобы они сделались «...безустанными посредниками между нуждами, инстинктами неодолимой, но еще не сознательной силой народа и революционной идеей». Интеллигенция, по его мысли, должна помочь преодолеть замкнутость общин, разрозненность народных выступлений и царистские иллюзии народа, убедить народ в том, что «столь ненавистное ему государство – это сам царь»⁴.

Представляя путь к социальному освобождению как соединение народа и интеллигенции, Бакунин подчеркивал необходимость наступательной стратегии борьбы. Одно из основных требований его программы заключалось в том, чтобы интеллигенция «...сама воспитывалась и воспитывала народ не только к отчаянному сопротивлению, но также и к смелому нападению»⁵. Это имело принципиальное значение в ходе революции: наступательная стратегия определила победившую в ней силу.

Вопреки распространенному мнению о том, что Бакунин был пропагандистом немедленного революционного взрыва, он, напротив, представлял подготовку революции – всеобщего восстания народа – громадной, постепенной, поэтапной работой. Для создания «действительного единства» народной борьбы, согласно его программе, следовало «...связать лучших крестьян всех деревень, волостей и по возможности областей, передовых людей, естественных революционеров из русского крестьянского мира, между собою, и там, где оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством»⁶. Для решения этой задачи необходимо было установить личную связь представителей революционной интеллигенции с передовыми крестьянами, убедить сначала этих крестьян, «...а через них, если не весь народ, то, по крайней мере, значительную и передовую часть его, что для целого народа... в целой России, да и вне России, существует одна общая беда, а потому и одно общее дело». Задача революционной пропаганды в народе, в итоге, за-

---

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 53–54.

ключалась в том, чтобы «создать то единодушие, без которого не может быть победы»⁷.

Принципиальное значение имела мысль великого анархиста о необходимости прямого участия интеллигенции во всех народных волнениях и бунтах⁸. Эта идея была предметом традиционной критики в советской историографии, и ранее – во взглядах представителей менее радикальных направлений русского освободительного движения. Однако провозглашенный Бакуниным принцип соединения интеллигенции с народом в его борьбе за свои права, непосредственного участия революционеров в народном движении был, как показал опыт Революции, одним из важнейших условий ее подготовки.

Бакунин подчеркивал, что революционная деятельность в народе требует от интеллигенции всех ее сил, безграничной самоотверженности и жертвенности. Как утверждал он в «Прибавлении "А"», революционеры должны принадлежать «...исключительно делу народного освобождения, ...тратить себя лишь на пропаганду народную, на постепенное возбуждение и на организацию всенародного бунта»⁹.

Бакунинская программа подготовки всеобщего восстания народа была воспринята народничеством 1870-х годов и стала основой всей последующей работы революционной интеллигенции в народе, значение которой определил Г.В. Плеханов в своей речи на Государственном совещании в Москве (12–15 августа 1917 г.). «... Нужно помнить, что для того, чтобы против позорного режима самодержавия восстал, наконец, весь народ, для этого нужна была чрезвычайно продолжительная, упорная и самоотверженная работа. Нужно с историческим беспристрастием признать, что эту длинную, упорную, самоотверженную работу сделала именно крайняя революционная демократия»¹⁰, – говорилось в ней. Возникновение направления крайней революционной демократии в русском освободительном движении связано, прежде всего, с Бакуниным – с идеологией и практикой создателя революционного анархизма.

Государственную систему самодержавия Бакунин считал главным эксплуататором народа и «самой страшной реакцией» в России,

---

⁷ Там же. С. 55.

⁸ Там же. С. 54.

⁹ Там же. С. 55.

¹⁰ Государственное совещание 12–15 августа 1917 года. (Стенографический отчет). М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 233.

поэтому первым необходимым делом революции он определял уничтожение этой системы¹¹. Великая Российская Революция, в полном соответствии с его теорией, началась со свержения самодержавия в результате стихийного народного взрыва. Революция явилась скачком в самовыражении воли общества. Однако последующее развитие Революции представляло собой расхождение с идеологией революционного анархизма.

Один из основополагающих принципов теории Бакунина заключается в единстве политических и экономических преобразований. Революция в России, по его мысли, должна разрешить «вопрос экономически-политический, экономический в смысле социальной революции и политический в смысле разрушения государства»¹². Назначение революционной партии великий анархист видел в пробуждении самостоятельности, самодеятельности народа в осуществлении народных требований, стремлений, в последовательном проведении воли народа, всемерном содействии развитию народной инициативы. Принцип бакунинской идеологии: «Народная жизнь, народное развитие, народный прогресс принадлежат исключительно самому народу»¹³, означал утверждение права и реальной возможности народа самому создавать свою жизнь, социальную организацию и определять их развитие.

Великий анархист последовательно осуществлял этот принцип на практике. М. П. Сажин, описывая деятельность своего друга в Лионском восстании, приводит присланную ему Бакуниным в конце сентября 1870 г. прокламацию Революционной Федерации Коммун, в которой утверждалось следующее: «Если народ, революционно организованный, не поторопится действовать, его будущее погибнет, революция погибнет, все погибнет. В виду громадной опасности и имея в виду, что решительные действия народа не должны быть задержаны ни на миг, делегаты федеральных Комитетов Спасения Франции, предлагают немедленно принять следующие резолюции...»¹⁴ Далее излагались конкретные необходимые решительные меры, сущность

---

¹¹ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб.: Врублевский, 1906. С. 288; Историческое развитие Интернационала. С. 356.

¹² *Бакунин М. А.* Прибавление «А». С. 48.

¹³ Там же. С. 45.

¹⁴ *Сажин М. П. (Арман Росс).* Первое знакомство с Бакуниным / Неизданные материалы и статьи. 1876–1926. Сборник. М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1926. С. 16.

которых состояла в том, что «французский народ берет всю власть в свои руки»¹⁵. Прокламация была подписана 26-ю руководителями восстания, в том числе, Бакуниным. Согласно программе революционного анархизма, после свержения самодержавия требовались немедленные решительные действия по осуществлению народных требований, коренных общественных преобразований в интересах народа.

Само время начала революции, казалось бы, подталкивало к единству решения «экономически-политического вопроса». Политическая революция началась в феврале. Идеальным временем разрешения главного экономического вопроса революции – аграрного – была весна 1917 г., начало сельскохозяйственного сезона.

Начало полевых работ имело огромное значение, с точки зрения крестьянской психологии. Для крестьянина это время начала создания материальных основ жизни, надежд на лучшее, поэтому оно было наиболее благоприятным для решения вопроса о земле (основного средства производства крестьян) и для развития политической революции – самостоятельности народа, создания системы общественного самоуправления.

Свержение самодержавия вызвало духовный подъем общества, повсеместное пробуждение самостоятельности, инициативы крестьян в решении важнейших проблем своей жизни. Осуществление аграрной революции на волне этого подъема было наилучшим для создания практики действительного самоуправления народа (общества). В начале революции еще не было того накала ненависти, раздражения и озлобления крестьян, насилия с их стороны, которые стали проявляться с конца лета, и особенно, осенью 1917 г., в самозахватах земли, убийствах помещиков, потравах лугов, рубке лесов и т.д. Массовые захваты земли явились следствием изнурительного ожидания осуществления главной мечты крестьян, сохранения, несмотря на революцию, несправедливости их положения. Насильственные действия крестьян в это время были связаны не только с тем, что обещание созыва в сентябре 1917 г. Учредительного Собрания не было выполнено. Разочарование усиливалось и тем, что сельскохозяйственный сезон подходил к концу, а вопрос о земле так и не был решен, что особенно тяжело воспринималось крестьянством, основной его массой. Решение аграрного вопроса было провозглашено большевиками в конце октября – на пределе социальных ожиданий крестьян.

---

¹⁵ Там же.

Нарушение принципа единства политической и социальной революции в развитии революционного процесса в России явилось следствием недостатка революционной воли, соглашательской политики преобладавших в Революции демократических направлений. На всем протяжении демократического этапа в развитии Российской революции (до прихода к власти большевиков) крестьянство направлялось органами новой власти и доминировавшими демократическими партиями и течениями в русло законности, ожидания решения вопроса о земле правительством. Самостоятельная инициатива крестьян в решении главного вопроса русской жизни оценивалась демократическими органами как «своеволие» и постоянно ограничивалась, пресекалась и подавлялась, в том числе, насильственными методами, к которым власти стали прибегать все более широко с конца лета – начала осени 1917 года. Ограничение социальной инициативы крестьян прямо противоречило программе Бакунина, направленной на развитие самостоятельности, самодеятельности народа.

Другим важнейшим вопросом жизни того времени был вопрос о войне. Позиция доминирующих направлений революционной демократии и в этом вопросе расходилась со стремлениями народа, с нараставшим требованием мира. Риторика новой власти и поддерживающих ее демократических течений в этом вопросе была таковой, какая постоянно высмеивалась Бакуниным в приводимых им примерах лицемерия политики государства, действительная сущность которого состоит в господстве и угнетении. Народ призывался к тому, что «перед угрозой самому существованию России должны смолкнуть личные интересы, и каждый из граждан должен ясно сознать, что первым и самым важным делом его» является «служение Родине всеми силами своими и поступками» (из Распоряжения № 1 Тамбовского губернского продовольственного комитета, июль 1917 г.)¹⁶ Во имя спасения Свободной Родины от народа требовали «*действительных*, а не словесных жертв», при этом подчеркивалось, что «...крестьянство уже показало, что оно *всегда шло этим путем* (Курсив мой. – И.К.)» (Из выступления члена Совета крестьянских депутатов Кондратьева на Государственном совещании в Москве)¹⁷. Наряду с призывами к просвещению темного народа, на фронте и в тылу, с це-

---

¹⁶ Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2003. С. 108.

¹⁷ Государственное совещание 12–15 августа 1917 года. С. 92.

лью пробуждения его сознательности, с течением времени представители выборных демократических органов все настойчивее требовали от правительства принятия «самых энергичных мер» для укрепления дисциплины в армии¹⁸.

Создание демократии в крестьянской стране могло осуществиться только на основе удовлетворения требований крестьянства – абсолютного большинства общества. Основная масса крестьян стремилась к равному переделу земли и к миру, армия была крестьянской. В условиях полной поддержки и доверия крестьянства, революционно-демократическое направление не решило главный вопрос Социальной революции – создания экономической основы демократии. Работа самой массовой российской политической организации – партии социалистов-революционеров – над аграрным законом напоминает слова В. Г. Белинского о русских либералах 1840-х годов: «Сперва хотят составить программу жизни, хорошенько обдумать и обсудить ее, а потом уже и жить по этой программе. Удивительно ли, что вся жизнь таких людей проходит в составлении программ?»¹⁹

В партии эсеров доминировало направление, которое стремилось выразить крестьянское требование земли так, чтобы оно было признано всем обществом. Надежды на то, что идеальный аграрный закон, принятый высшим, самым авторитетным демократическим органом – Учредительным собранием, предотвратит социальный раскол, не соответствовали действительности, так как раскол общества был существующим фактом. Теория Бакунина, основанная на представлении о растущем *непримиримом противоречии* между миром народа и государством, чиновничье-помещичьим, буржуазным миром, как движущей силе общественного развития, отражала реальные условия развития российского революционного процесса. Идеальный аграрный закон в России был невозможен вследствие неразрешимого противоречия между привилегированными землевладельцами и крестьянством, крайней несправедливости и запутанности земельных отношений, сложившихся в историческом развитии российского общества. Бакунин был убежден, что чем дольше коренные вопросы русской жизни не получают своего разрешения, тем будет глубже раскол общества и сильнее социальный взрыв. В революции время стре-

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. [В 13 т.] М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 9. М., 1955. С. 382.

нительно ускоряется, и для участвовавших в ней демократических партий «промедление» в решении главных вопросов жизни оказалось, в буквальном смысле, «смерти подобно».

Последовательная революционно-демократическая тенденция не стала определяющей в развитии Российской революции. Приход к власти большевиков был следствием противоречивости политики, деятельности в осуществлении революционных преобразований, наиболее влиятельных демократических течений. Большевики приняли аграрную программу эсеров, которая, по существу, привела их к власти. Данный вопрос раскрыт в литературе. В частности, в монографии В. М. Лаврова приводится свидетельство В. И. Ленина, прямо заявлявшего: «Мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую и осуществили ее на практике. Наша победа в том и заключается, что мы осуществили эсеровскую программу; вот почему эта победа была так легка»²⁰. Однако большевики «приняли» и «осуществили» аграрную программу эсеров вследствие того, что она не была осуществлена самими эсерами. Эта программа реализовывалась большевиками непоследовательно, вскоре они полностью свернули ее, «повели» крестьянство по собственному пути. Но определяющими в победе большевиков были решительные действия по изменению существующей системы социальных отношений, нетерпимых для большинства российского общества, и самая активная пропаганда того, что политика Советской власти заключается в удовлетворения народных требований, стремлений.

Можно также отметить, что распространенные обвинения Ленина в плагиате («неординарном плагиате»²¹ и т. п.) в связи с принятием большевистской партией аграрной программы эсеров несправедливы, так как он не приписывал большевикам создание этой программы, а, напротив, подчеркивал авторство социалистов-революционеров. Кроме того, общеизвестно, что выдвижение идей и их практическое применение не одно и то же, идеи могут выдвигаться одними людьми, а осуществляться – другими, но и те, и другие являются создателями нового.

Отсутствие в демократическом лагере единства, наступательной стратегии, ограничение народной инициативы в решении главных

---

²⁰ Лавров В. М. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора. Повествование в документах. М.: Археографический центр, 1996. С. 159.

²¹ Лавров В. М. Партия Спиридоновой (Мария Спиридонова на левозерских съездах). М.: Ин-т Российской истории РАН, 2001. С. XII.

вопросов жизни и, как следствие, – «решение» их ленинскими декретами, привели к победе большевиков и способствовали возрождению «царистских иллюзий» (вождизма) народа.

Идеология Бакунина, «старого народничества» представляла альтернативу общественного развития России – путь «естественной», стихийной, органической модернизации общества. «Право выхода для лица из того общества, посреди которого он живет, мещанина из города, селянина из общины, должно быть безусловное и беспрекословное»²², – провозглашалось в программном воззвании Бакунина «Русским, польским и всем славянским друзьям» (1862), написанном сразу после его побега из сибирской ссылки. Народу «...нужна вся свобода, и прежде всего безызытная и бесконтрольная свобода движения. Всякий русский человек должен идти, куда хочет, заниматься и делаться, чем хочет, не отдавая никому отчета»²³, – подчеркивалось в работе. Этот принцип утверждался Бакуниным в связи с анализом противоречий крестьянской реформы 1861 г., которую он рассматривал как поворотный пункт российской истории, начало новой жизни русского народа, общества. Великий анархист первым выдвинул и обосновал мысль о том, что ограниченное, непоследовательное освобождение народа, осуществленное самодержавием, закономерно вызовет «кровавую революцию» в России, так как «непреклонно-логическое течение» народной жизни удержать невозможно²⁴.

В Революции 1917–1921 гг. со всей силой проявились оба из представленных Бакуниным возможных путей развития русской революции: и *диктатор* – Ленин, партия большевиков (коллективный диктатор), и *Пугачев* – Великая крестьянская война (коллективный Пугачев), охватившая Россию после установления диктатуры.

Возможность «естественной» модернизации российского общества была уничтожена самодержавием, следствием чего явилась форсированная модернизация. Условия общественного развития первой половины XX в. определяются переделом мира между великими державами и характеризуются как период войны (двух мировых войн) и межвоенный период, который, по сути, был продолжением военного.

---

²² Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Лондон – Женева. Вольная русская типография. Вып. 5. Лондон, 1862. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 1025.

²³ Там же.

²⁴ Бакунин М. А. Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель? Лондон, 1862. С. 6–7, 15, 45.

Россия вступила в период империализма экономически, технологически отсталой страной. Для самосохранения и развития социума требовалась ускоренная модернизация экономики, общественной системы. Поэтому борьба между демократическими (неонародническими) течениями и большевиками происходила за путь модернизации страны. Необходимость ускоренной модернизации была очевидна для всех российских партий того времени. «...Кто из нас этого не говорил, – обращался ко всем участникам Государственного совещания Г. В. Плеханов, – что перед Россией в настоящее время, между прочим, стоит великая задача развития ее производительных сил»²⁵.

Интеллигенция, участвовавшая в Революции, в своем подавляющем большинстве, была убеждена, что модернизация может быть проведена только при руководстве народом со стороны образованного общества. И эсеровское большинство, и меньшевики, подобно большевикам, были далеки от того, чтобы «предоставить жизни полноту самопроизвольности», к чему призывал Бакунин. Эсеры как самая влиятельная революционно-демократическая партия и большевики боролись за *руководство массами* в Советах, в осуществлении революционных преобразований. Борьба между ними велась за разные пути модернизации, проводимой «сверху», при руководящей роли интеллигенции.

Выступление Е. К. Брешко-Брешковской на Государственном совещании показательное не своим реформистским содержанием, так как умеренный реформизм не был характерен для большинства партии эсеров, а выраженным в нем пониманием проблемы соотношения народа и интеллигенции. «Бабушка русской революции» говорила об интеллигенции – «одаренных интеллектуальными способностями», «цензовиках», как о «старших» по отношению к народу, его «учителях», «наставниках»²⁶. Речь пронизана мыслью о руководящей роли интеллигенции в революции, жизни общества. Оратор подчеркивала, что с момента получения известия о революции перед ней возник вопрос, вполне сохраняющий свое значение: «...Как мы встретим и, главное, как *мы проведем эту революцию* (*Курсив мой. – И. К.*), что она может нам дать?»²⁷. Представление о народе как о «братьях меньших» интеллигенции, о ведущей роли образованной части общества

---

²⁵ Государственное совещание 12–15 августа 1917 года. С. 235.

²⁶ Там же. С. 228.

²⁷ Там же. С. 229.

в социальных преобразованиях было невозможным в «движении в народ» 1870-х годов.

Для периода индустриализации, технического скачка, связанного с превращением промышленного производства в основу экономики, характерны абсолютизация рационального знания и, соответственно, роли обладающих им, по преимуществу того или иного рода. Для держав, вступивших на путь индустриального развития с опозданием, особенно характерен культ науки, общественного прогресса, осуществляемого на основе научной мысли (теории), и идущей во главе этого прогресса силы – партии, государства. Поэтому закономерным было то, что эволюция народничества – от классического («старого») народничества 1870-х годов к неонародничеству – заключалась в тенденции перехода к свойственным индустриальной эпохе рационализму мировоззрения и утилитаризму, этатизму в политике, к идее управления народом «сверху». Изменение в принципах мировоззрения, политического сознания, произошедшее в процессе эволюции народничества, стало основой соглашательской политики наиболее влиятельных демократических направлений, действовавших в революции, их сотрудничества с Временным правительством и с большевиками, в ходе и после установления Советской власти. Непоследовательность революционной демократии, доминировавших в ней течений, привела к тому, что более благоприятный для народа путь модернизации в России потерпел поражение.

Е. К. Брешко-Брешковская, «бабушка русской революции», была убеждена в руководящей роли интеллигенции в революции, жизни общества.

Установление «диктатуры пролетариата» в крестьянской стране означало приход к власти «меньшинства меньшинства» – меньшинства класса, составляющего меньшинство общества. Поэтому в полной мере подтвердилось бакунинское понимание этой власти как наиболее жестокого порабощения народа. Великий анархист подчеркивал ложь и лицемерие государства, провозгласившего цель освобождения народа и творящего насилие, угнетающего народ в интересах собственного господства, во имя «передовой теории». Закономерным ответом на возникновение этого государства была Великая крестьянская война, разразившаяся в 1918 г. и достигшая наивысшего подъема в 1920–1921 гг., когда вполне выявилась сущность «нового государства». Пришедший к власти диктатор (коллективный диктатор) не был, прибегая к эпитету Бакунина, «человеком народным»²⁸, вопреки надеждам великого анархиста, выраженным в связи с его представлением о возможности революционной диктатуры в России как пути преобразования общества. Крестьянство – основное население страны, было для «диктатуры пролетариата» средством, и оно ответило на установление диктатуры Великой крестьянской войной. Как и в предшествовавшие периоды (отмены крепостного права и пореформенного развития) крестьянство вело борьбу за создание условий для свободного, самостоятельного хозяйствования²⁹, «...за "подлинную" волю на завоеванной в 1917 г. земле»³⁰. Революция завершилась самым жестоким подавлением Крестьянской войны.

При этом невозможно согласиться с распространенными в постсоветской историографии утверждениями, что большевики действовали, завоевали и удержали власть, исключительно насилием в виду того, что «коммунистическая власть просто не могла предложить ничего конструктивного»³¹. Большевизм шел в некотором отношении по пути осуществления идей народничества, использовал, и, в еще большей мере, пропагандировал их. Но произнесенное слово, по выражению Герцена, это – *начало дела*, поэтому провозглашение Советской властью принципов уважения людей труда, социального освобождения, равенства, братства между людьми и народами, справедливости ока-

---

²⁸ Бакунин М. А. Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель? Лондон, 1862. С. 46.

²⁹ Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург: Изд-во Оренбургская губерния, 1999. С. 3–4.

³⁰ Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918). С. 18.

³¹ Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 260.

*Продовольственный отряд
в Уральской губернии.
Установление «диктатуры
пролетариата»
в крестьянской стране
означало приход
к власти меньшинства.
Подтвердилось бакунинское
понимание этой власти
как наиболее жестокого
порабления народа.*

*Послереволюционная
ликвидация
неграмотности
среди взрослых
преследовала четкие
политические цели.
Наряду с грамотой, люди
должны были освоить
новую идеологию
и разговаривать на языке
власти.*

зывало влияние на общественное сознание. Важнейшее значение для развития общества имела система всеобщего научного образования, к созданию которой большевики приступили сразу после прихода к власти, в разгар Гражданской войны. Полное гражданское и политическое равенство мужчин и женщин, достигнутое в Западном мире только в результате «революции феминисток» 1960-х–1970-х гг. было сразу признано и узаконено Советской властью. Бакунин был убежден в мировом значении предстоящей революции в России, что полностью подтвердила история XX века.

Великая Российская Революция несла громадный творческий потенциал, раскрывавшийся в духовной и материальной культуре. Идея

Большую роль в те годы играло феминистское движение, оно было символом революционных взглядов. У его истоков стояли жительницы столичных городов, многие принадлежали к обеспеченным слоям. Их целью было получение женщинами всей полноты гражданских прав.

всестороннего развития личности и общественных гарантий содержания, воспитания и образования каждого ребенка, от рождения до совершеннолетия, создания социальных условий для развития и применения всех способностей и сил, заложенных в человеке природой, т. е. бакунинский идеал «свободы в положительном смысле», – получила принципиально бóльшие возможности реализации по сравнению с предшествующими периодами российской истории. В этом заключалось прогрессивное значение Революции, движение общества в направлении социальной демократии.

Благоприятные объективные условия для этого движения возникли после Второй мировой войны, когда в СССР была создана мощная экономика, способная технологически конкурировать с экономикой ведущей капиталистической державы и другими развитыми экономиками мира, и когда, в результате создания системы коллективной безопасности, произошло принципиальное изменение основы международных отношений, и, как следствие, внешнеполитической обстановки. Однако возможность не была реализована. На протяжении нескольких десятилетий в СССР со всех ученых трибун и учебных кафедр пропагандировался метод диалектики, при его полном забвении в главной сфере жизни – реальных общественных отношениях. Данное противоречие само по себе указывало на кризис социума. Оторванность от проблем общественного развития бесконтрольной власти и инертность, пассивность общества привели к консервации и нарастанию противоречий созданной Революцией системы, в уничтожении которой вновь подтвердилась идея Бакунина о том, что необходимым условием социального развития является постоянное изменение *status quo*. История народного движения в России и Великой Российской революции доказывает справедливость и другого представления великого анархиста – о том, что борьба народа (общества) за свободу возможна только при условии и на основе «народного идеала», который вырабатывается самим народом (обществом), представления об альтернативе существующей общественной системе.

Дундич Д.: Правильно ли я понял ваш доклад: вы предлагаете взглянуть глазами уже умершего к тому времени Бакунина на революцию 17-го года?

Кислицына И. Л.: С позиции теории Бакунина. Я в данном случае рассматриваю Бакунина как основоположника радикального направления в социальной демократии. Речь идет об идеях Бакунина,

они живы до сих пор и живы были тогда, вот с позиции этих идей взглянуть на революцию. Проясняются ошибки революционной демократии. Сейчас очень модным стало говорить об альтернативных моделях, и мне кажется, что было бы полезно представить научно обоснованную альтернативную модель пути модернизации на основе народнической программы – была ли она возможна объективно? Был ли единственным путь развития модернизации путем гигантского насилия в отношении народа в 30-е годы, или существовал другой путь, истоком которого являются идеи Бакунина?

Дундич Д.: Когда говорят, что интеллигенция была в чем-то непоследовательна, а крестьянство хотело того-то, то я хочу знать, на основе чего делается такой вывод, что интеллигенция была непоследовательна, непоследовательна в чем? Какое крестьянство? Сколько этого крестьянства? То есть я опять говорю, истории не хватает социологичности. Возможно ли это вообще в истории?

Кислицына И.Л.: Я с вами согласна. Но историки-аграрии десятки лет проводят гигантскую работу, чтобы выяснить народные стремления и требования. Вышел сборник документов по истории крестьянской революции, он так и называется «Крестьянская революция 1917–1920-х гг.». Это серия, целые тома, которые превосходно отражают настроения народа, там как раз показана и деятельность демократических партий. В этих томах показана деятельность эсеров, даже «распоряжение № 3» Тамбовского губернского комитета, которое вышло до большевистского Декрета о Земле. В Тамбовской губернии была очень сильная организация эсеров, они занимались бесконечными обсуждениями, составляли анкеты из десятков вопросов, по конфискации земли, по распределению. Даже после этого распоряжения, которое брало под контроль все помещичье землевладение в губернии, они проводят совещание, составляют анкету из 12 пунктов и, в том числе, по вопросу, нужен ли выкуп. Вот эти документы очень полезны, они показывают народные требования, стремления. Тогда же волостные старейшины на съезде высказались за немедленный равный передел земли между крестьянами, но понадобилось собрать съезд эсеровской партии, потом крестьянский съезд, потом дожидаться Учредительного собрания. Все это для крестьян выглядело бесконечным. Революция началась в начале сезона сельскохозяйственных работ, а это для крестьянина время ожиданий, надежд на будущее. Время весны было идеальным для развития политической народной инициативы, но демократия не решила пробле-

му создания экономических основ, вот о чем идет речь, и это привело к победе большевиков.

Прусский Я.Л.: Вы сказали, и это общеизвестно, что аграрный вопрос был главным для революции. Как вы относитесь к решению большевиками земельного вопроса?

Кислицына И.Л.: Большевики не решили земельный вопрос, они не следовали своему декрету. Они не решили земельный вопрос так, как этого требовало крестьянство, хотя объявление Декрета о земле в глазах крестьян было осуществлением многовековой мечты. И Ленин писал, что «мы победили так легко именно потому, что мы осуществили эсеровскую программу». Вот именно в тот момент это выглядело как осуществление эсеровской программы. Понятно, что крестьяне не мечтали о коммунах, они боролись против коммун, и коллективизация сопровождалась гигантским насилием. Правда, был беднейший слой, который всегда шел за большевиками, но там тоже были противоречия. Создание комбедов не поддерживала вся крестьянская беднота, и там тоже были протесты, но какая-то часть крестьянства принимала ленинский путь решения аграрного вопроса. Мы сейчас говорим об условиях победы большевиков, а не о том, как и что они в итоге осуществили. Они реализовывали народнические идеи, всестороннее научное образование, доступное, они приступили к созданию этой системы, можно считать, в момент прихода к власти, в разгар гражданской войны. А Бакунин именно с революцией связывал решение этой проблемы в России. Здесь народничество и марксизм совпадали. Большевики в момент революции провозгласили равенство мужчин и женщин. То есть какие-то идеи, которые пропагандировали большевики, были прогрессивными, они были взяты у народничества.

П. В. Рябов

Алексей Боровой в Феврале 1917 года

(по неопубликованным мемуарам)

Общее полотно истории участия анархистов в Великой Российской Революции 1917–1921 годов ещё весьма далеко от своего создания и, тем более, завершения. На этом пути предстоят и широкие смелые, по неизбежности, схематические обобщения (вроде тех, что вчера в своём докладе делал Вадим Дамье), и кропотливое упорное

заполнение белых пятен, собирание мозаики скромных фактов. Моё небольшое сегодняшнее выступление будет именно таким эскизом с целью собирания материала. Я буду (прямо в соответствии с классицистским канонм трёх единств) говорить об одном человеке, действовавшем в одном месте на протяжении нескольких дней Революции, и говорить я буду, опираясь на один, правда, бесценный, неопубликованный источник. Человек этот – мой постоянный и нежно любимый герой Алексей Алексеевич Боровой, ключевая фигура анархической мысли и движения первой трети XX века; место и время действия – падение самодержавия в Москве (то есть: самый конец февраля – начало марта 1917 года); а источник – не опубликованные до сих пор мемуары Борового. Предпоследняя крохотная тридцатая главка (всего пять рукописных страниц) первого тома мемуаров называется «Два дня» и описывает эти события. На неё я и буду опираться: частично – пересказывая и анализируя, частично – обильно цитируя. При всём лаконизме, субъективизме и тенденциозности здесь ярко проявляются типичные черты Борового-мемуариста: кра-

Петр Рябов

Романтик, поэт, революционный мистик Боровой... красочно передал атмосферу первого дня Революции в Москве: атмосферу свободы, весны, праздника, театральной карнавальности, необузданного исторического творчества, стихийности, вырвавшейся из давящей рутины и прозы прошлого.

сочность и драматизм изложения, включение диалогов, сочетание описания событий с их осмыслением через образы и символы, показ себя в контексте событий и – событий через призму своего воображения и рефлексии. И так...

Предыстория. Февраль 1917-го застал Алексея Алексеевича Борового в несколько странной и необычной для анархиста роли – в качестве военного, высокопоставленного служащего во Втором Московском Эвакуационном Пункте. Здесь он служил с осени 1914 года – сначала младшим писарем регистрационного отдела, затем – старшим писарем и начальником регистрационного отдела, а с 1915 года – делопроизводителем всего огромного Эвакуационного Пункта. Принципиальность, честность, организованность, огромная эрудиция, инициативность, добросовестность, редкое трудолюбие позволили Боровому не просто сделать за пару лет блестящую военную карьеру от младшего чина до высокой должности и реформировать всю постановку делопроизводства в своей части, но и завоевали ему огромный авторитет и всеобщую любовь среди военнослужащих и безграничное доверие со стороны начальника Второго Эвакуационного Пункта пожилого генерала П. П. Махаева (с которым они много неформально общались и, по словам Борового, он ненавязчиво и постепенно, но неуклонно и, как показали события, вполне успешно склонял генерала на сторону будущей Революции).

Курьёзность ситуации – начавшейся драмы Мировой войны и горячо занятой Боровым «оборонческой» позиции – сделала этого романтика и мыслителя-созерцателя, бунтующего анархиста-одиночку – писарем, делопроизводителем, организатором и начальником военных чиновников. В мемуарах он честно и красочно описывает нравы этих военных чиновников (взятки, коррупцию и воровство), жалеет о занятой им оборонческой позиции, подорванном на службе здоровье, потерянных годах, несвободе военного, отступлении от анархических принципов. В тоже время как психологу и социологу ему немало открылось нового в эти годы, а полученный им опыт организатора не раз пригодился потом, когда Боровой стал одним из лидеров анархического движения. Он высоко оценивает новые наблюдения, новый бесценный жизненный опыт, полученный им в эти два с половиной года: «Изучив, в пределах мне доступных, дело военной эвакуации а fond – я начал тяготиться моей работой. По общему признанию, она была поставлена "образцово". Размещение и учёт эвакуированных в Москве, лечение в госпиталях, контрольное сви-

*Алексей Алексеевич Боровой,
ключевая фигура анархической мысли
и движения первой трети XX века*

детельствование, денежное довольствие, реэвакуация – шли бесперебойно, несмотря на массы конкретных трудностей, возникавших при осуществлении громоздкого и сложного дела. Работа продолжала съедать меня, не давая ничего, в смысле дальнейшего изучения обстановки и техники дела»¹.

К апрелю-июню 1916 года непосильным трудом Боровой подорвал своё весьма хрупкое здоровье: врачебная комиссия нашла у него нервное переутомление, а затем и воспаление лёгких. Летом 1916 года он был отправлен на лечение на курорт в Судак в сопровождении своего подчинённого по Эвакуационному Пункту писаря С. В. Герасимова – в будущем известного художника, написавшего в те годы два портрета Алексея Алексеевича. Если в первый год войны Боровой совмещал военную службу с продолжением журналистской деятельности, то осенью 1916 года, продолжая работать в Эвакуационном Пункте, он был прикомандирован как дельный экономист к Московскому Военно-Промышленному Комитету в качестве консультанта по вопросам обеспечения и снабжения тыла.

Описывая последние месяцы 1916 года и надвигающийся взрыв, Алексей Алексеевич так излагает в воспоминаниях своё общение с начальником – генералом П. П. Махаевым, испытывавшим к нему глубо-

---

¹ *Боровой А. А. Моя жизнь. Воспоминания. Главы XXIX «Война», XXX «Два дня», XXXI «Я – оратор».* РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Д.171. Л.176.

кое уважение и безграничную симпатию: «Мой генерал всё чаще задерживал меня в кабинете для бесед – о положении в стране, о судьбах войны, самодержавия и я постепенно раскрывал ему глаза на неминуемость катастрофы... И... несмотря на многолетний военный стаж, почти полувековое пребывание в офицерских чинах, принадлежность к дворянству, [*неразборчивое слово, может быть, "томную" – П.Р.*] супругу баронского происхождения, генерал – легко и с любопытством вступал в круг запретных для него понятий, добродушно-иронически колебал священные устои не только откровенно признавая справедливость революционных требований, но ещё приводил в защиту их примеры из своей богатой опытом – военной и помещичьей жизни»². Эта неторопливая, подспудная, но целенаправленная работа Борового-агитатора вышла на поверхность и дала свои неожиданные плоды в дни Революции.

Наступили славные дни восстания в Петрограде, которые в три дня смели самодержавный режим и открыли простор для народного революционного творчества. В начале главки мемуаров «Два дня» анархист кратко описывает петроградские события, участником и очевидцем которых он не был: голодные бунты, демонстрации, свержение романовского деспотизма. И затем он переходит к сверхлаконичному и эмоциональному описанию событий в Москве, по-блоковски фиксируя упоительную и прекрасную «музыку революции» (выстраданной всей русской историей и ставшей её высшим мигом) – с её ошеломляющей быстротой, внезапностью, неразберихой, выразительным символизмом, весенней живительной праздничностью и одушевлением, разлитыми в природе и людях, открывающихся к новой жизни. Вот что он пишет в мемуарах о приходе революции в первопрестольную:

«Она не сразу пришла в Москву... Заносы, военная цензура... Первый *благовест*³ слышали телефонные наушники газет; в тысячах рукописных, ремингтоновских листках – полетела, расплзлась и осела она в Москве!

То были последние дни февраля и первые дни марта. С революцией в Москву пришла весна – засверкало весеннее солнце, заструились весенние потоки, весенняя жадность, бодрость. Пришли с юга телеграммы об отгрузке долгожданного хлеба»⁴.

---

² Там же, Л.185.

³ Курсив мой. П. Р.

⁴ Боровой А. А. Моя жизнь. Воспоминания. Главы XXIX «Война», XXX «Два дня»,

А что же происходило в ближайшем окружении мемуариста, в его Втором Эвакуационном Пункте? И что делал он сам в эти чудесные дни? И опять цитата из мемуаров: «Для моего генерала, политического младенца, воспитанного, выросшего, жившего в благоговейных чувствах царю и родине, революция, несмотря на предварительную "подготовку" была громом среди ясной погоды.

Я пользовался его безграничным доверием. Моя "учённость" торжествовала над всеми правилами чинопочитания. И первый "возмутительный" листок, попавший к нам на пункт, соединил нас для воспроизведения классического французского диалога конца 18-го века⁵:

– Что это, Боровой, бунт?

– Это – революция, Ваше Превосходительство.

– Что же нам делать?

– Идти вместе с революцией. Никто не повернёт истории назад. Идти против революции, значит, идти против своей страны, своего народа.

Три года эвакуационной работы накопили огромный заряд политической энергии и красноречия [*не без некоторого самолюбования замечает о себе мемуарист, в число добродетелей которого скромность вряд ли входила – П.Р.*]; генерал, естественно, должен был пасть жертвой моей агитации.

– Что же вы думаете надо делать?

– Немедленно ехать к Начальнику Революционных сил Москвы и заявить о своём присоединении к Революции»⁶.

Прерву цитату ненадолго. Так, если верить Боровому (а, думаю, ему в целом можно верить) он обратил генерала Махаева в революционную веру и тем способствовал торжеству революции в собственной военной части, а через это – и в Москве в целом. Правда, этот путь революции, увы, больше напоминал методы планируемого октябристами и кадетами в начале 1917 года верхушечного военного заговора, чем анархического восстания снизу, но ведь в это время Боровой – и своим «оборончеством», и участием в Военно-Промышленном Комитете, и надеждами на обновление России после победоносной

XXXI «Я – оратор». РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Д.171. Л.186.

⁵ Приводимый далее разговор напоминает вошедшую в историю беседу с участием Людовика XVI, будто бы прозвучавшую в день взятия Бастилии 14 июля 1789 года.

⁶ *Боровой А. А. Моя жизнь. Воспоминания. Главы XXIX «Война», XXX «Два дня», XXXI «Я – оратор». РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Д.171. Лл.186–187.*

войны, и кругом личного общения – больше был связан как раз с умеренными буржуазными демократами, чем с анархистами. Обратим внимание и на драматургичность, художественность и образность дальнейшего описания событий. Теперь снова продолжу цитирование воспоминаний:

«Не помню – колебался ли генерал... Весенний ли воздух был заразителен, были ли убедительны слова, заговорила ли старческая интуиция, но в одно короткое мгновение были сожжены корабли пятидесятилетнего беспорочного плавания в офицерских чинах.

– Едем.

Мои товарищи, нижние чины пункта – отличнейшие люди, с которыми я прожил три года душа в душу – наскоро соорудили знамя. Добыли белую, только что отструганную палку, привесили, неизвестно откуда явившийся, лоскут красного бархата, знамя было готово. Подали казённую лошадь. Сажусь с генералом со стягом в руках и торжественно, среди взбаламученного моря людей по Покровке едем в Революционную Думу.

Эффект необычайный. В эти часы генерал с красным флагом в Москве был уникалом. Со всех сторон кричат ура.

В Думе – хаос. С великим трудом, под одинаким красным знаменем, возбуждающим всеобщее внимание, шествуем мы в зал, где «революционный» полковник Грузинов ведёт счёт новой армии. Мы застаём его в жестоком споре с начальником Александровского Военного Училища, защищающим свою верность присяге.

Генерала под красным стягом, известного в Москве, окружают... Растерявшиеся начальники частей бросаются к нему, инстинктивно чувствуя, что здесь – есть уже готовое и явно прочное решение.

– Итак, вы, ваше Превосходительство, за Революцию?

– За новую жизнь, новый свободный строй – с пафосом возглашает генерал.

– А как команда?

– Все за Революцию.

– Порядок?

– Идеальный!

Возвращение наше столь же радостно-возбуждённо. Сбиваясь, восторженно лепечет старик о долге перед родиной, о счастье, которое ждёт её на новом пути. Как юноша, он влюблён в весну, человеческие потоки, томится новым, никогда неизведанным, чувством мгновенного

слияния с массовым экстазом, творческой волей коллектива. В могучий водоворот, вставший из вековой истории, влетела человеческая песчинка и её закутило, как тысячи подобных ей, неодолимым вихрем»⁷.

Вновь прерву цитирование. Романтик, поэт, революционный мистик Боровой – с его любовью к театру и музыке, к ярким образам и выразительным символам – весьма красочно передал атмосферу первого дня Революции в Москве: атмосферу свободы, весны, праздника, театральной карнавальности, необузданного исторического творчества, стихийности, вырвавшейся из давящей рутины и прозы прошлого. Звёздный миг истории России стал и его личным звёздным мигом.

Но что дальше? Послушаем вновь ликующие и вдохновенные слова Алексея Алексеевича – знаменосца, восторженного поэта и экстатического оратора революционного новорожденного Февраля в Москве, сумевшего, с его тонкой артистической интуицией и анархическим инстинктом прочувствовать, пережить и выразить всю мощь пробуждения торжествующей природы и раскрепощающегося общества и пережившего в те дни то настоящее, ради чего, наверное, всё же только и стоит жить, то, чем после живёшь унылыми и скучными годами буднями:

«Утро следующего дня.

Команда пункта, усиленная служащими всех подведомственных нам госпиталей, строится на дворе. Мы идём на улицу – упиться радостью революции, выявить вовне брызжущий в нас энтузиазм, слушать и кричать о Революции, победе пролетариата, падении царя, открытии застенков... Впервые заключённые, даже не единомышленники наши, стали для нас, как подлинные братья: их хочется видеть, касаться, обнимать.

Импровизированное знамя в моих руках. Мы месим весеннюю грязь, свершая важную историческую миссию. На Красной Площади – затор. Океан голов, толкаемых одним порывом.

Слово! Слово! – кричит команда.

На автомобиле, захлёбываясь от восторга, чувствуя, как волос встаёт на голове, сердце бьёт, как молот, а голос рвётся крыть всё видимое пространство впереди, кричу о смысле революции, свалившей деспотизм, о необходимости объединения революционных сил страны, об организации защиты революции от многочисленных врагов и пр. и пр.

---

⁷ Там же. Л.187–188.

За этой речью – речь у Иверских Ворот, у Думы, на фонаре Театрального Проезда, на фонтане Лубянской площади, в угловом подъезде Почтамта на Мясницкой, у чугунных решёток Пункта на Покровке...

На Лубянской площади многотысячная толпа слушает, как один человек. После речи плачут, обнимают... С весенними потоками течёт пробудившееся человеческое сердце...

Продрогшие весенней сыростью, непрерывно нараставшим возбуждением несколько часов – идём к себе, по домам, нести далее, всюду пьянящее нас чувство...

Да здравствует революция!

Да здравствует великий праздник!»⁸

Так Боровой снова вернулся к своей подлинной стихии – к активной анархической деятельности, обрёл многотысячную благодарную аудиторию, пережил великий и святой революционный экстаз.

И последняя краткая цитата, завершающая главу «Два дня»:

«Прошло несколько дней. Я председательствовал, избранный аккламацией, на шумном Учредительном Собрании Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Через месяц я был откомандирован в распоряжение Совета, в качестве лектора "Солдатского Университета" и началась "революционная" работа, открылся новый, во многих смыслах, важнейший период моей жизни, навсегда покончивший с моим политическим "одиночеством"»⁹.

Остальное осталось за рамками первого тома воспоминаний, а второй том так почти и не был написан. Мы знаем, что впереди у Алексея Алексеевича Борового было много славных революционных свершений: попытка создания Федерации союзов работников умственного труда (синдиката интеллигенции) и издание его органа – журнала «Клич», знакомство и тесное сотрудничество с Аршиновым, Гроссман-Рощиным, Новомирским, Махно, издание газеты «Жизнь», создание новых книг, участие в Московской федерации анархических групп, в Московском союзе идейной пропаганды анархизма, в анархо-синдикалистском издательстве «Голос Труда» и в Кропоткинском комитете, триумфальное возвращение в Университет... а потом – из-

---

⁸ Там же. Лл.189–190.

⁹ Там же. Л.190.

гнание, аресты, ссылка. Но всё это остаётся за рамками сегодняшнего моего сюжета. Целью моей было – рассказать об участии Борового в событиях Февраля в Москве, о его восприятии и осмыслении этих событий, а также ввести в оборот неизвестный публике источник. Надеюсь, эту скромную задачу я выполнил.

С места: Какова судьба наследия Алексея Алексеевича? Там действительно большие мемуары, неизданные дневники и фрагменты дневников. Какой вы видите их судьбу?

Рябов П. В.: Естественно, я стараюсь делать то, что могу. Есть какие-то замыслы, планы на этот счет. Сейчас появилась надежда на издание одной из главных книг позднего Борового – «Достоевский». Также мне удалось опубликовать одну главку из его мемуаров, есть грандиозный замысел напечатать все мемуары, но это требует колоссальных сил и времени.

Прусский Я. Л.: У вас упоминается полковник Грузинов, начальник московского гарнизона. Было четыре брата Грузиновых, помещики Дмитровского уезда. Там он упоминается только один раз?

Рябов П. В.: Насколько я помню, один раз.

А. А. Левандовский

Анархизм Александра Грина

Автор хорошо сознает, что тема, заявленная в названии, может вызвать, как минимум, серьезные сомнения и во всяком случае нуждается в разъяснении. Ведь формально А. С. Грин к анархизму как к общественно-политическому движению начала XX века отношения не имел: ни в каких анархических акциях он не участвовал и, более того, о своих симпатиях к анархизму публично никогда не заявлял. В революционном движении, вообще, Грин себя известным образом проявил: в 1902 году он примкнул к эсерам и работал в партии активно, но недолго, около года; затем был арест, тюрьма, ссылка... В 1906–1907 годах Грин «ушел из революции», явно разочаровавшись в ней как в средстве решения основных проблем бытия¹.

---

¹ См. об этом: *Левандовский А. А.* А. С. Грин и революция: преодоление соблазна // Многоликий и беспокойный славянский мир. Научный сборник в честь 50-летия Ю. А. Борисенка. М., 2016. С. 335–352.

А. А. Левандовский

Формально А. С. Грин к анархизму как к общественно-политическому движению начала XX века отношения не имел... И все же некоторые основания для подобной постановки темы, по-моему, есть.

И все же некоторые основания для подобной постановки темы, по-моему, есть: она оправдывается разнообразием форм такого явления как анархизм, который, согласитесь, никак не исчерпывается социально-политической и экономической деятельностью. Помимо этого, он может ярко проявляться в сфере морально-этической, поведенческой; может быть образом жизни. Об этом, собственно, и пойдет речь.

Александр Степанович Грин всю свою жизнь прожил особым образом – это бросается в глаза при самом первом приближении к его биографии. Он буквально физиологически не терпел внешней принудительной дисциплины, в чем бы она ни проявлялась. Подобное свойство личности порождало великое множество проблем, которые начались с самого детства. Из первого класса вятского реального училища Грина уволили на год «за плохое поведение», из второго – исключили вообще², после чего он вынужден был получать образование в малопрестижном и неперспективном 4-х классном городском училище.

---

² Формальным поводом к изгнанию послужили «сатирические» стихи на учителей, которые мальчик сочинил в подражание пушкинскому «Собранию насекомых».

В своих странствиях по Руси, которые начались сразу после окончания учебы и продолжались около пяти лет, Грин ни на какой работе не мог удержаться дольше нескольких месяцев. Затем, будучи призван в армию, он, по его собственным словам, из девяти месяцев службы три с половиной провел в карцере и в конце концов дезертировал³.

Проблемы с дисциплиной возникали у Грина постоянно и в эсеровской партии⁴... Арест и тюремное заключение, которым завершилась его революционная деятельность, Грин переносил чрезвычайно тяжело. Тюрма, конечно, ни для кого не благо, но переживания нашего героя приобретали просто физиологический характер: поначалу он впал в иступление – «бился о стену головой [...] в безумии тряс толстую решетку окна»⁵. Сама по себе неволя была для Грина непереносима; за два года предварительного заключения он трижды пытался бежать; а будучи сослан в Тобольскую губернию, сбежал на другой день по прибытии в ссылку. Недаром побег впоследствии стал одним из самых любимых сюжетов Грина-писателя.

В общем, подчиняться внешнему принуждению, соблюдать формальную дисциплину Грин не хотел и не мог по определению. И вплоть до того времени, когда он выбрал свой жизненный путь окончательно – стал писателем, часто голодным, но всегда независимым, – проблем по жизни у нашего героя было не счесть...

Но и в писательской среде Грин очень быстро стал «белой вороной»... Стремление к независимости проявлялось у него отнюдь не только внешне; он был духовно непокорен. Не сразу, но очень быстро и решительно Грин определил себе место вне «мейнстрима русской психологической прозы»⁶ – оказалось, что у молодого писателя-недоучки есть свои ясные представления о том, как надо писать.

Представления эти он выработал сам, по ходу своей непростой и нелегкой жизни. С раннего детства Грин был великим книгочеем; недаром, его грустная «Автобиографическая повесть» начинается так неординарно – с воспоминания о первой книге, которую он прочел в пятилетнем возрасте (это было сытинское издание «Путешествий

---

³ Калицкая В. Моя жизнь с Александром Грином. Феодосия – Москва, 2010. С. 17–18.

⁴ См. об этом: Быховский Н. С «Алексеем Долговязым» – по городам России // Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками. Феодосия – Москва, 2012. С. 377–382.

⁵ Грин А. С. Автобиографическая повесть // Жизнь Александра Грина... С. 149.

⁶ См. Варламов А. Н. Александр Грин. М., 2005. С. 30.

Гулливера»)⁷. И сразу же Саня Гриневский «подсел» на приключенческую литературу: Майн Рид, Густав Эмар, Жюль Верн, позже – Эдгар По и Фенимор Купер.

В мемуарах современников Грина, детство которых пришлось на 1880-е–1890-е годы, можно найти немало свидетельств подобного увлечения: наступали времена, когда читающие русские мальчики миновать всякую приключенческую литературу просто не могли. Обычно это увлечение, подобное детским болезням, вместе с детством и проходило; на смену шла классика, литература «идейная».

У Грина же болезнь оказалась хронической: взрослев, он сохранял верность литературе приключений и подвигов, сильных чувств и решительных действий – хотя, по его собственным словам, уже в юношеские годы одолел классику «до Решетникова». Мир, созданный мастерами приключенческого жанра, манил его, представлялся единственно стоящим. При этом отвлеченными мечтами Саня отнюдь не удовлетворялся – он постоянно искал этот сказочный мир, стремился приобщиться к нему. В результате жизнь его как бы раздвигалась. Семья, школа, все провинциальное бытие воспринимались мальчиком как самая скучнейшая обыденность, переносить которую приходилось лишь по необходимости. Счастье же Саня обретал только в окрестных лесах, куда он уходил при первой возможности. Отсюда – резкие переходы от эйфории к тоске и постоянные и неизбежные конфликты. В ту схему, в которой ему предстояло существовать по самим обстоятельствам его рождения, социальной принадлежности и тому подобное, Саня Гриневский никак не вписывался.

В поисках вожаемого счастливого бытия Грин после окончания училища пять лет бродяжил по Руси, дезертировал из армии, прошел через революционное подполье. Постепенно к нему приходило осознание сути житейских сложностей... Трудностей, как таковых – испытаний тела, так сказать – Грин не боялся вовсе; его неприхотливость, «безбытность» просто поражает: он легко переносил холод, голод, изнурительную работу, не говоря уже об отсутствии хотя бы относительного комфорта. Но вот испытания духа... Вместо воображаемых им героев приключенческих романов Грину и на бродяжьих тропях, и в подполье пришлось столкнуться с великим множественством людей озлобленных, наглых или – что ничуть не лучше – совершенно равнодушных. Исключений было так мало... Именно люди

---

⁷ Грин А. С. Автобиографическая повесть // Жизнь Александра Грина... С. 33.

стали главным разочарованием будущего писателя. Постепенно он начинает понимать, что самое важное – это не благородные поступки и героические подвиги, сами по себе, а те чувства, которые их вызывают. Позже, в одном из автобиографических очерков, посвященных бродяжьем периоду своей жизни, Грин писал, что ему стало ясно: «Чудеса – в нас самих»⁸.

Поискам этих чудес, которые делают человека по-настоящему счастливым, Грин и посвятил свое творчество, став писателем. Соображения общего характера по поводу «творческих задач» и тому подобного он высказывал крайне редко, и все же некоторые выводы здесь вполне возможны. Главным злом жизни писатель, очевидно, считал не социально-экономическое неравенство, не отсутствие политических свобод, а чрезмерную погруженность людей в обыденное, бытовое. «Злая повседневность», вечная суета, постоянное преследование своих мелких, шкурных интересов – все это беспощадно коверкает подавляющее большинство земнородных, препятствует проявлению того лучшего, что есть – или должно быть – в душе каждого из них.

В рассказе «Тихие будни» (1913) героиня, пережившая нравственное потрясение от столкновения с этой бесчеловечной «повседневностью», приходит к следующему: «человек, скрывший себя от других, больше и глубже вникнет в жизнь подобных себе, подробнее разберется в сложной путанице души человеческой [...] Она начинала понимать, что в великой боли и тягости жизни редкий человек интересуется "заветным" более, чем своим, и так будет до тех пор, пока "заветное" не станет общим для всех, ныне же оно для многих – упрек и страдание. А людей, которым и теперь оно близко в святой своей сущности, – можно лишь угадать, почувствовать и подслушать»⁹.

В этом духе и развивалось творчество Грина. Он создал в своем воображении страну, в которой тоскливая обыденность отступает на задний план, а «заветное» – высокие, тонкие чувства – проявляются все яснее, становятся все более значимыми. Это был настоящий прорыв: Грин сразу стал хозяином положения, освободившись от массы стереотипов, господствовавших тогда в русской литературе, приобретавшей все более приземленный характер. Но выбравшись из «мейнстри-

---

⁸ Грин А. С. По закону // Жизнь Александра Грина... С. 197.

⁹ Грин А. С. Тихие будни // Грин А. С. Собрание сочинений в шести томах. Т. 2. М., 1965. С. 371.

ма», презрев бытовизм и «психологическую прозу», Грин неизбежно стал чужаком на этом поле – почти изгоем. Творчество его изначально воспринималось как подражательное, вторичное и второстепенное; самооценку и значимость произведений этого необычного писателя осознавали очень немногими. С большой горечью Грин сам писал об этом издателю В. С. Миролубову в январе 1914 года. «Мне трудно. Нехотя, против воли, признают меня российские журналы и критики. Чужд я им. Странен и непривычен. От этого, то есть от постоянной борьбы и усталости, бывает, что я пью и пью зверски. Но так как для меня перед лицом искусства нет ничего большего (в литературе) – чем оно, то я и не думаю уступать требованиям тенденциозности, жестоким более, чем средневековая инквизиция. Иначе нет смысла заниматься любимым делом»¹⁰.

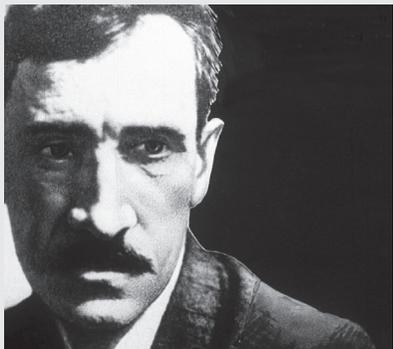
Это – кредо, которому Грин оставался верен до самого конца своего жизненного пути. А ведь советская эпоха, на которую пришлось последние 15 лет этого пути, была в отношении «требований тенденциозности» куда более жесткой, чем дореволюционная. Несравнимо... Теперь речь шла не об относительно безобидной вкусовщине, а о сознательной «литературной работе во имя великих идеалов»! Грин в этом отношении был негибким: ни одного кукареканья во славу строителей социализма мы не найдем в его творчестве. Не уверен, что здесь были какие-то аналоги... При этом Грин не боролся с советской властью – он ее полностью игнорировал¹¹. Ну а это неизбежно вело к все возрастающей травле со стороны борзых совкритиков.

Фантазия, «сказочность» совкритикой, конечно же, не отвергалась. Более того. Приветствовалась – в определенном ракурсе. Вот Юрий Олеша, например, создал замечательное произведение, в котором сказочный пролетариат и интеллигенция борются в сказочной стране с тремя сказочными толстяками-буржуями. Чего же лучше... Но Грин-то пишет «Алые паруса» – феерию о личном, совершенно асоциальном счастье... Пишет «Блестящий мир» – о человеке, умеющем летать... Когда тот же Олеша «выразил Грину свое восхищение

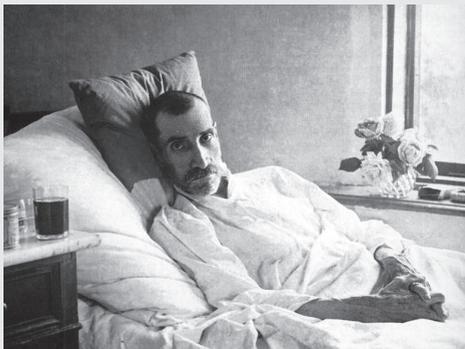
---

¹⁰ Грин А. С. «Я пишу вам всю правду». Письма 1906–1932 годов. Феодосия – Москва, 2012. С. 22.

¹¹ Исповедую Грина перед смертью, священник особо настаивал на необходимости простить зло врагам своим. Правильно поняв его, Грин сказал: «Вы думаете, я очень не люблю большевиков, нет, я к ним равнодушен». (См. Первова Ю. Две судьбы: Александр и Нина Грин. Феодосия – Москва, 2015. С. 477).

Александр Степанович Грин (Гринеvский), 1880–1932 гг. Грин не боролся с советской властью – он ее полностью игнорировал.

Советская власть кончилась, а Грин – остался. Остался... как символ «парения духа», как пример поразительной творческой свободы... (Последняя прижизненная фотография А. Грина)

по поводу того, какая поистине превосходная тема для фантастического романа пришла ему в голову», наш герой обиделся: «Как это для фантастического романа? Это символический роман, а не фантастический! Это вовсе не человек летает, это парение духа!»¹² В полете Друда Грин видел преодоление земной косности, тяжелых звериных чувств, бесчеловечной власти государства...

По мере успешного построения социализма в одной отдельно взятой стране, творчество Грина становилось все более неприемлемым для официальных кругов. Писателя, не идущего ни на какие уступки «эпохе», все более последовательно выдавливали из литературы – и из жизни. Когда через несколько дней после смерти Грина О.Э. Мандельштам сообщил об этом в Литфонд, то услышал в ответ: «Хорошо сделал...»¹³

Ну что же – сказано это было справедливо. Но, вот, Советская власть кончилась, а Грин – остался. Остался, помимо всего прочего, как символ «парения духа», как пример поразительной творческой свободы...

---

¹² *Юрий Олеша.* Человек, придумывающий сказки // Жизнь Александра Грина... С. 372–373.

¹³ «Посмотрим, кто кого переупрямит». Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. М., 2015. С. 449.

Дундич Д.: У меня реплика. Я вам просто безумно благодарен за это выступление и за то, что вы называете Грина анархистом. Дело в том, что старейший на постсоветском пространстве анархист Владимир Николаевич Кириченко, который умер 25 декабря 2016 года, всю мою дружбу с ним рассказывал о Грине как об анархисте. Все, что вы рассказали, просто связано с моей жизнью.

Я в Феодосии был каждый год, начиная с 1965 года, и до своих 16 лет. Кириченко говорил, что Грин – настоящий анархист, потому что он не говорит о том, что он анархист, а мыслит как анархист и живет как анархист. Я до последней буквы согласен с вашим выступлением и очень благодарен вам от себя и от моего ушедшего друга тоже. **С места:** Вы вначале говорили, что анархизм Грина – это некоторый образ жизни. Свой вопрос я хотел бы связать с его деятельностью в партии социалистов-революционеров. Есть ли какая-то информация о том, как сам Грин относился к партийной организации, к программам, и почему он не состоялся как террорист – это его какое-то анархическое, гуманистическое отношение?

Левандовский А. А.: Грин, повторяю, – самоучка и от политики был предельно далек. В эсеровскую партию он попал не то чтобы случайно, он был в армии, на него обратили внимание, стали вводить в тайные сводки. Грин пишет: «я был абсолютно невежественен, то, что говорилось на этих сводках, меня поразило, до такой степени это отвечало не мыслям, а настрою души». Разоблачение Сталина, почему люди так плохо живут. Грина эти объяснения поначалу вполне удовлетворяли, эсеры ему устроили побег. Собственно, после побега из армии он и пришел в эсеровскую партию. В программах он, по-моему, не разбирался и разобраться не стремился. Ему покровительствовал такой Наум Быховский, довольно известная, заметная фигура в эсеровской партии. С большой нежностью к нему относился, потому что Грин был по-своему обаятелен: если через его мрачность пробиться, в нем много очарования. Грина ценили в партии – он оказался великолепным устным агитатором. Сохранились даже любопытные воспоминания человека, солдата береговой батареи, о выступлениях Грина в подпольных сводках. Он пишет, что оратора «заслушивались».

Сразу после вступления в эсеровскую партию Грину было предложено принять участие в теракте. Он принял предложение и был отправлен на карантин в Тверскую губернию. Карантин для того, чтобы порвать связи, с одной стороны, и явиться на теракт совершенно чистым, и, во-вторых, чтобы человек мог подумать, неделю, две, месяц.

Грин подумал и отказался. У него есть великолепный рассказ, рекомендую тем, кто занимается революционным движением в целом, называется «Карантин». Главный герой, собственно сам Грин, показывает, почему он решил не разменивать свою жизнь на жизнь неведомого администратора, почему он счел убийство никудышным средством для решения своих собственных проблем. Оказалось, это не его абсолютно. Вот с этого начинается его некоторое разочарование в эсеровской партии. В своих рассказах, сборнике «Шапка-невидимка» и приемыкающих к нему рассказах, он отдает эсерам должное.

У меня сложилось ощущение, что Грин разочаровался не столько в эсеровщине, сколько в революции в целом. У него отношение к революции было такое, что варварство – это средство, которое не годится для решения основных проблем бытия.

Цовма М. А.: В одной из своих работ Бердяев пишет, что практически каждый великий русский писатель – анархист. Я не помню, употребляет ли он эпитет «великий», он пишет, что русская литература полна анархистов. Это утверждение никак, насколько я понимаю, с одной стороны, не расшифровано, с другой стороны, вызывает у меня постоянный вопрос – а кто? Я могу назвать Осоргина, отчасти Пришвина, но вряд ли можно утверждать, что Пушкин был анархистом. Все-таки, с вашей точки зрения, кто в русской литературе – писатели-анархисты, помимо Грина?

Левандовский А. А.: Я об этом не задумывался, мне всегда казалось, что Грин – скорее, исключение из правил, он настолько не похож на всех остальных. Мне не кажется, что это явление общего характера.

А. А. Ильин

Бакунин о проблеме революционного насилия

Многие современники и позднейшие исследователи представляли и представляют Бакунина сторонником разрушения существующего порядка, а также самых крайних мер, необходимых для этого¹. Тем не менее, его точка зрения на революционное насилие изменялась с течением времени. Бакунин прошел долгий путь от поддержки

---

¹ *Берлин И.* Герцен и Бакунин о свободе личности // История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 85–126. См. также: *Страда В.* Гуманизм и терроризм в русском революционном движении // Россия как судьба. М.: Три квадрата, 2013. С. 209–267.

Андрей Ильин

Революция для Бакунина была выплеском первобытной энергии, подчас бесцельным, что, однако, искупалось его естественностью и справедливостью.

гражданской войны к пацифизму и обратно; при этом эти настроения часто накладывались друг на друга, мешая представить изменение его взглядов как линейный и последовательный процесс.

В левой среде второй четверти XIX в. пацифистские настроения не были распространены. Войдя в нее, Бакунин закономерно воспринял характерные для нее представления о революционном насилии и войне. Оказавший значительное влияние на русского революционера в начале 1840-х гг. В. Вейтлинг, выражая распространенное мнение, писал, что войну следует использовать «в качестве противоядия против других, еще больших бедствий»².

---

² Вейтлинг В. Гарантии гармонии и свободы // Гарантии гармонии и свободы. С приложением брошюры В. Вейтлинга «Человечество, как оно есть и каким оно должно быть». М.; Л.: Издательство АН СССР, 1962. С. 112; Бакунин М. А. Письмо А. Руге 19 января 1843 г. // Собрание сочинений и писем. 1828–1876: в 4 т. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. Т. 3. С. 177.

Бакунин признавал, что войны влекут за собой насилие, разрушение и беспорядок, но все это отходило на второй план перед тем положительным эффектом, который справедливая война, как он считал, может оказать. Иногда Бакунин отзывался о войне не как о крайнем и нежелательном средстве, но как о необходимом элементе освобождения, без которого невозможно существование свободы. Неточно цитируя Т. Джефферсона, сказавшего, что «дерево свободы нужно время от времени освежать кровью мучеников и тиранов»³, он писал: «Свобода питается кровью своих мучеников и чем более число павших за нее героев, тем ее будущее будет прочнее, крепче и цветущей»⁴. Иногда Бакунин также говорил о благотворном влиянии войны на моральный облик ее участников. Так, например польское восстание 1830 г. он называл «священной войной», которая возродила, закалила и усилила польских патриотов⁵.

Современное революционное движение виделось ему историческим приемником крестьянских восстаний и религиозных войн, имевших место в прошлом Европы. Если, например, гугенотские войны во Франции воспринимались многими как пример губительной гражданской войны и провала попыток решить конфликт мирными политическими средствами, то для Бакунина это был случай справедливой борьбы за свободу.

Сильное впечатление на Бакунина, любившего театральное и, в частности, оперное искусство, произвела опера Дж. Мейербера «Гугеноты». Он мог побывать на ней в Берлине, где она была поставлена в 1842 г. по-немецки. Оригинальное французское либретто было создано Э. Скрибом, автором, ориентировавшимся на буржуазную аудиторию с умеренными политическими взглядами. Специализировавшийся на водевилях и комедиях, Скриб представил идеалы и действия сторон в несколько утрированном, ироничном свете. Несмотря на это, Бакунин увидел в представленном в опере конфликте высокий смысл, а персонажей-гугенотов, судя по всему, он воспринял без тени иронии.

---

³ *Jefferson T.* Letter to W. S. Smith 13 November 1787 // *The Papers of Thomas Jefferson: in 42 Vols.* / ed. by J. Boyd. Princeton: Princeton University Press, 1950. Vol. 12. P. 357.

⁴ *Бакунин М. А.* Политическая исповедь // *Материалы для биографии М. Бакунина.* М.: Гос. Социально-экономическое издательство, 1933. Т. 1. С. 266.

⁵ *Бакунин М. А.* Речь на собрании в память 17-й годовщины польского восстания 29 ноября 1847 в Париже // *Собрание сочинений и писем. 1828–1876: в 4 т.* М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. Т. 3. С. 271.

Живя в Дрездене, Бакунин на вечерних променадах с А. Руге и Г. Гервегом любил напевать партию солдат-кальвинистов из этой оперы⁶. Среди прочего там были следующие воинственные строки:

Он саблю взял в правую руку
И смело ринулся в бой (...)
Я приведу вас к победе
Или я приведу вас к смерти
Если будет нужно
«Да здравствует война!
Не усташимся мы!
Да здравствует отец Колиньи!»⁷

Революцию 1848 г. Бакунин встретил радикалом, подозрительно относящимся к компромиссам в политике и предпочитавшим опираться на силу. Его знания и навыки военного помогли ему реализовать свои взгляды на практике. Материалы, собранные следственными комиссиями Саксонии и Австрии, характеризуют его как одного из военных лидеров и организаторов восстаний в Праге, а затем в Дрездене. Сам Бакунин в своих показаниях по понятным причинам стремился отвести обвинения, представив себя мирным и по возможности избегающим конфликтов человеком, лишь по воле случая оказавшимся замешанным в вооруженную борьбу⁸. В других условиях он иначе описывал свой опыт революции 1848 г. Герцен, по всей видимости, со слов товарища записал историю о краткой остановке Бакунина в одной из немецких деревень, в которой он был проездом. Ее восставшие жители, не имевшие лидера, бесцельно собрались у замка, не предпринимая никаких действий. Бакунин сумел быстро организовать крестьян, так что «когда [он] пошел садиться в повозку, чтоб продолжать путь, – замок пылал с четырех сторон»⁹.

---

⁶ Ruge A. Erinnerung an Michael Bakunin // Neue Freie Presse. 1876. №4344. S. 2.

⁷ Руге в воспоминаниях приводит фрагмент текста с большими искажениями. Здесь цитата приводится в переводе с немецкой версии либретто Die Gugenotten. Grose Oper in 5 Akten von Scribe / übers. von I. F. Castelli. München: Gebudt bei Georg Fanz, 1848. S. 40.

⁸ Первые показания М. Бакунина // Материалы для биографии М. Бакунина. М.: Гос. Социально-экономическое издательство, 1933. Т. 2. С. 39–42.

⁹ Герцен А. И. Былое и думы // Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1957. Т. 11. С. 356.

Саму революцию 1848 г. Бакунин описывал как войну, причем не цивилизованную, а абсолютную, если пользоваться терминологией К. Клаузевица. Бакунин представлял себе эту революцию как конфликт, в котором природная страсть людей к разрушению не находит никаких ограничений со стороны цивилизации. Революция для Бакунина была выплеском первобытной энергии, подчас бесцельным, что, однако, искупалось его естественностью и справедливостью.

В «Исповеди» Николаю I Бакунин, видимо, желая подобрать понятные собеседнику образы и сравнения, уподоблял парижские улицы, перегороженные баррикадами, склонам Кавказских гор. Они были похожи как визуально, так и по характеру происходивших там ожесточенных, далеких от цивилизованных стандартов схваток. Бакунин писал о Париже: «Этот огромный город, центр европейского просвещения, обратился вдруг в дикий Кавказ: на каждой улице, почти на каждом месте, баррикады, взгроможденные как горы и досягавшие крыш, а на них между камнями и сломанною мебелью, как лезгинцы в ущельях, работники в своих живописных блузах, почерневшие от пороху и вооруженные с головы до ног...»¹⁰

Новый период активной деятельности Бакунина начался в декабре 1861 г., когда он вновь оказался в Европе и снова присоединился к европейскому революционному движению. Бакунин довольно быстро обнаружил, что его прежний политический революционизм уже не столь актуален, так как радикальных республиканцев и националистов в борьбе за влияние потеснили социалисты. Их идеи были достаточно хорошо известны Бакунину еще в 1840-е гг., но только с начала 1860-х в новых условиях они начали оказывать на него значительное влияние¹¹.

Социализм придал программе Бакунина современное звучание, а также теоретическую фундированность. Вместе с тем, поворот к социализму создал определенную проблему, которую Бакунину нужно было решить. Это учение, начиная с самых ранних периодов своего существования, опиралось на идеи гармонии, органического единства и развития, которые едва ли совместимы с революциями и во-

---

¹⁰ Бакунин М. А. Исповедь // Собрание сочинений и писем. 1828–1876: в 4 т. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. Т. 4. С. 121.

¹¹ Самый ранний пример см.: *Bakounine M. Société internationale secrète de la Révolution. Programme provisoirement arrêté par les frères fondateurs // Oeuvres complètes. CD-ROM. 10 p.*

йнами¹². Закономерно, что первые социалисты были противниками Французской революции и подобных ей событий. Революции, с этой точки зрения, не свойственны нормальному обществу, и, скорее, свидетельствуют о какой-либо ошибке и диспропорции, чем о развитии. Кроме того, считалось, что они неэффективны, ведь органически развившиеся порядки нельзя изменить в ходе хотя и бурного, но краткосрочного события¹³.

В некоторых своих работах позднего периода Бакунин подчеркивал, что война является лишь средством революции, которую следует понимать как шаг в направлении гармоничного и мирного общества. Революционер возвращался к одной и той же мысли о том, что война как инструмент должна иметь четкие границы применения. Он полагал, что сразу же после победы бедных слоев общества и завершения социальной революции, все их бывшие (и выжившие) враги должны стать друзьями.

Славяне, писал Бакунин, после победы над немцами, своими извечными противниками, должны обратиться с «призывом их к общей свободе и к общему человеческому братству»¹⁴. Так же и победивший пролетарий должен простить своего бывшего хозяина. Бакунин признавал, что тот является «безжалостным эксплуататором [рабочего], его неутомимым угнетателем, его врагом, господином, по отношению к которому он должен питать только ненависть раба и должен восставать против него». Несмотря на это, продолжал Бакунин, «когда он [рабочий] окажется победителем, [он должен] проявить по отношению к нему чувства справедливости и братства свободного человека»¹⁵. В брошюре, обращенной к офицерам русской армии, составленной в то же время что и предыдущий призыв, Бакунин писал как о факте, что народ «великодушный в победе своей» позабудет «множество»¹⁶ старых грехов и старых обид, предоставит всем остальным

---

¹² См.: *Manuel F.E.* The new world of Henri Saint-Simon. Cambridge: Harvard University Press, 1956. P.247.

¹³ *Ranciere J.* Proletarian Nights: The Workers' Dream in Nineteenth-Century France. New York: Verso Books, 2014. P.438; *Tresch J.* The Romantic Machine: Utopian Science and Technology After Napoleon. Chicago: University of Chicago Press, 2012. P.198.

¹⁴ *Бакунин М. А.* Государственность и анархия // Избранные сочинения: в 5 т. Пг.; М.: Голос труда, 1919. С. 113–114.

¹⁵ *Бакунин М. А.* Протест альянса // Избранные сочинения: в 5 т. Пг.; М.: Книгоиздательство Голос труда, 1922. Т.5. С. 30.

¹⁶ Курсив, видимо, должен был подчеркнуть, что все же не все «обиды» будут забыты.

или убираться по добру – по здорову куда им будет угодно, или умереть с голоду на месте, или жить вольно на освобожденной русской земле, работая вместе и наравне с народом»¹⁷.

Следует обозначить несколько причин, по которым Бакунин мог обратиться к подобной риторике. С одной стороны, Бакунин, член Интернационала с 1868 г., должен был высказываться соответствующим образом, отводя от себя и своей организации подозрения в радикализме. Так можно объяснить наличие этой идеи в публичных выступлениях не только самого Бакунина, но и его соратников по Интернационалу. Например, мадридская газета бакунистов *Federación* в 1872 г. писала: «Мир людям, война институтам – вот наш боевой клич»¹⁸. Другое возможное объяснение связано с влиянием на Бакунина некоторых социальных и материалистических идей. Он был убежденным противником концепции свободы воли, считая, что человеческие действия определяют природа, исторические законы и социальная среда, в которой находится индивид. «...материальные условия, – писал он, – оказывают чрезвычайно мощное влияние на характер и на теоретические и практические стремления отдельных лиц»¹⁹. В связи с этим Бакунин не мог считать насильственные действия в ходе переворота оправданными вследствие вины за преступления, совершенные врагами революции. Лишенные свободы воли, последние не могли быть и считаться виновными: «они злодеи, но не виновные, (...) они, подобно обыкновенным преступникам, являются произвольным продуктом современного общества», – утверждал революционер²⁰.

Практическая польза от насилия также ставилась им под сомнение, ведь устранение конкретных людей не могло помешать несправедливому общественному порядку «найти» себе других агентов и действовать через них. Уничтожение институтов представлялось Бакунину куда более действенной мерой. В уставе революцион-

---

¹⁷ *Бакунин М. А.* К офицерам русской армии. Женева: Б. и., 1870. С. 1.

¹⁸ Цит. по: *Eckhardt W.* The First Socialist Schism: Bakunin vs. Marx in the International Working Men's Association. Oakland: PM Press, 2016. P. 218.

¹⁹ *Бакунин М. А.* Письма о революционном движении в России Михаила Бакунина // Материалы для биографии М. Бакунина: в 3 т. М.: Гос. Социально-экономическое издательство, 1933. Т. 3. С. 201.

²⁰ *Стеклов М. Ю.* Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. 1814–1876: в 4 т. М.: Издательство Коммунистической академии, 1927. Т. 3. С. 65.

ной организации «Интернациональное братство» он писал: «...так как мы убеждены в том, что личное и социальное зло заключаются не в отдельных лицах, а в организации ее и социальных отношений, мы безжалостно будем уничтожать эту организацию и эти отношения, чтобы иметь возможность без опасности для революции щадить людей»²¹.

Этим идеям, возможно, также способствовал интерес Бакунина к пацифистскому движению, которое активно развивалось в Европе в 1860-е гг. Так, в 1867 г. среди парижских республиканцев, обеспокоенных перспективой общеевропейской войны, появилась идея создать новую пацифистскую организацию. Инициативу возглавил профессор права Э. Аколла (É. Acolas). Вскоре к ним присоединился другой ученый: известный республиканец и женеvский эмигрант Ж. Барни (J. Barni)²². Вместе они наметили контуры будущей организации, которая была названа «Лига мира и свободы». Она противопоставлялась создателями лондонской «Лиге мира», участники которой не считали нужным выдвигать требования по внутриполитическому переустройству европейских стран. Аколла, Барни и другие организаторы считали, что мир между государствами может быть достигнут только в условиях свободы, то есть свободного внутриполитического устройства каждой из стран. Они полагали, что деспотичные государства склонны к войне, стало быть, государства, управляемые гражданами, должны быть предрасположены к мирной внешней политике. Фактически, «свобода» для них была эвфемизмом «демократии».

В июне 1867 г. был обнародован манифест, приглашавший в сентябре всю «европейскую демократию» на конгресс в Женеву. Он должен был «определить политические и экономические условия вечного мира между нациями, и в перспективе послужить основанию Соединенных штатов Европы [фр. *États-Unis d'Europe*]²³. Ряд известных общественных и политических деятелей, таких как Дж. Гарибальди, решили посетить конгресс; Бакунин также был в их числе.

---

²¹ Бакунин М. А. Интернациональное братство // Материалы для биографии М. Бакунина. М.: Гос. Социально-экономическое издательство, 1933. Т. 3. С. 115.

²² *Guillaume J. L'Internationale, documents et souvenirs: en 4 vol. Paris: Société nouvelle de librairie et d'édition, 1905. Vol. 1. P. 29.*

²³ Цит. по: *Carr E. The League of Peace and Freedom: An Episode in the Quest for Collective Security // International Affairs. 1935. Vol. 14. № 6. P. 837.*

Съезд привлек также большое количество рядовых участников самых разных взглядов, которых объединяли антивоенные настроения: священников, ученых, адвокатов, а также левых активистов различных направлений – от республиканцев до прудонистов. Левым предстояло сыграть решающую роль на конгрессе не только из-за их многочисленности, но также из-за необычности занятой ими позиции.

Все без исключения участники конгресса «Лиги мира и свободы» осуждали войны и организованное насилие вообще. Но некоторые из них стремились разделить революцию и войну, подчеркивая, что революция, в конечном счете, служит делу мира²⁴. Под «войной», в этом случае, подразумевалось, прежде всего, столкновение между государствами, тогда как борьба одной части нации против другой, например, бедной против богатой, к «войнам» ими не относилась. Герцен замечал по этому поводу: «Гюго мечтает о революционной войне à la 93 год. Мерославский – о войне за Речь Посполитую. Боссак – о какой-нибудь войне, – и все на конгрессе мира»²⁵.

Подобный образ мысли ярко выразился в программной речи Дж. Гарибальди, избранного почетным председателем конгресса. В ней он предложил пацифистскую программу, основанную на тезисах, что «все нации являются сестрами», и что «война между ними невозможна»²⁶. Программу Гарибальди заключал, предупреждая, что «тут я немного удаляюсь от того, что мы хотим», пунктом «... раб имеет право вести войну против тирана», чем вызвал бурные овации²⁷.

Вскоре после него слово взял также заседавший в президиуме конгресса Бакунин. Находившийся в зале Вырубов вспоминал, что русский революционер произвел сильное впечатление на присутствующих, хотя был «как всегда неряшливо одетый, в какой-то серый балахон, из-под которого виднелась не рубашка, а фланелевая фуфайка», и выглядел уже немолодым и больным человеком. На аудитории

---

²⁴ Annales du Congres de Geneve (9–12 Septembre 1867). Geneve: Chez Veresoff & Garrigues, 1868. P. 8.

²⁵ Герцен А. И. Письмо Н. П. Огареву 17 сентября 1869 г. // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1964. Т. 30. Кн. 1. С. 194.

²⁶ Annales du Congres de Geneve (9–12 Septembre 1867). Geneve: Chez Veresoff & Garrigues, 1868. P. 247–138.

²⁷ Annales du Congres de Geneve (9–12 Septembre 1867). Geneve: Chez Veresoff & Garrigues, 1868. P. 139.

особенно действовала сцена встречи двух революционных знаменитостей: Гарибальди поднялся со своего председательского места, чтобы обнять старого товарища²⁸.

В своей речи Бакунин говорил о необходимости установить республиканскую форму правления во всех странах Старого света, для чего, как он считал, необходимо разделение старых империй с последующим образованием на их месте свободных федераций. Большое внимание в своей речи оратор уделил теме революционного поражения. Армия, доказывал он, является основой власти любого правительства, интересы которого всегда противоположны интересам его собственного, а также соседних народов. Стало быть, чтобы помочь «жертвам и рабам»²⁹ современных режимов, последние следует ослабить. Наиболее верным средством для этого, полагал Бакунин, является победа над их армиями. Было понятно, что победу над армией едва ли можно одержать исключительно мирными средствами. Бакунин, впрочем, предпочитал считать войну следствием защиты, а не нападения, со стороны революционных демократических сил. Он с сожалением говорил о «несчастной свободе, которая, по-видимому, разучилась защищаться»³⁰. Вместе с тем, Бакунин настаивал на том, что война неприемлема, как и вообще любое «насилие внутри, под предлогом общественного порядка; насилие внешнее под предлогом равновесия или даже, за неимением лучшего повода, — под предлогом Иерусалимских ключей»³¹.

Из слов русского оратора следовало, что при наличии должной цели, например, достижения свободы, принципиально возможно оправдание войны. Тем самым его идеи вступали в прямое противоречие с главной идеей организаторов конгресса: свобода должна стать основой прочного мира. Бакунин вернулся к старой идее революционеров о том, что, подчас, чтобы получить или сохранить свободу, требуется воевать.

Он был не одинок в этом убеждении. Его позицию на конгрессе поддержал швейцарский подполковник, в будущем известный юрист, Ф. д'Эрлах (F. d'Erlach): «... я согласен с точкой зрения

---

²⁸ *Вырубов Г. Н.* Революционные воспоминания // Вестник Европы. 1913. Т. 2. С. 54.

²⁹ *Бакунин М. А.* Речь на Конгрессе Лиги мира и свободы в 1867 г. // Избранные сочинения: в 5 т. Пг.; М.: Голос труда, 1920. Т. 3. С. 100.

³⁰ Там же. С. 101.

³¹ Там же. Он подразумевал повод к Крымской войне.

Бакунина, я считаю, что свобода выше мира», – заявил он, напоминая, что швейцарская республиканская традиция основана на этом убеждении. Хотя революционное насилие было оправдано, с точки зрения юриста, он все же надеялся, что эти оправдания не придется пускать в ход. Новая революция, говорил он, будет такой же бескровной, как освобождение Швейцарии в 1306–1307 гг., каким оно было показано в «Вильгельме Телле» Шиллера. Под смех зала он сказал в завершение своей речи: «Какую кровь пришлось пролить зимой 1306–1307 годов? Кровь Геслера и Вольфеншиссена³², это кровь законной самозащиты. Княжеских слуг просто отвели к границе и там им сказали: пока!»³³

Несмотря на поддержку на конгрессе и вступление Бакунина в «Лигу мира и свободы», ему, однако, не удалось утвердить в «Лиге» свою политическую и социальную программу. По этой причине в 1868 г. Бакунин покинул пацифистскую организацию. После этого события высказывания Бакунина о революционном насилии изменили свой характер и стали еще более прямолинейными. Полемизируя со сторонниками планов по мирному социальному переустройству, Бакунин, опираясь на опыт предшествующих революций, писал, что едва ли возможно добиться необходимого без применения силы: «Революция – не детская игра, не академические дебаты, где наносятся смертельные удары лишь тщеславию, и не литературное состязание, где проливаются лишь чернила. Революция, это – война, а когда идет война, происходит разрушение людей и вещей»³⁴.

Еще более однозначно русский революционер высказывался в составляемых им программах различных организаций, без оговорок отождествляя в них гражданскую войну и революцию. Членов «Интернационального братства» Бакунин готовил к тому, что преобразование социального и политического порядков «естественно, не может быть осуществлено мирными средствами», так как это нарушит интересы влиятельных групп³⁵. Каждый «интернациональный брат»,

---

³² Персонажи драмы Шиллера.

³³ *Annales du Congres de Geneve* (9–12 Septembre 1867). Geneve: Chez Veresoff & Garrigues, 1868. P.247–248.

³⁴ *Бакунин М. А.* Бернские медведи и петербургский медведь // *Избранные сочинения*: в 5 т. Пг.; М.: Голос труда, 1920. Т. 3. С. 12.

³⁵ *Бакунин М. А.* Принципы и организация интернационального революционного обще-

настаивал Бакунин, должен осознать неизбежность нового раскола мира на враждующие лагеря, так же как это уже случалось в эпоху религиозных войн и позже множество раз во время национальных конфликтов. Между богатыми и бедными, предсказывал он, «возгорится истребительная война, война безостановочная и беспощадная». Устав предписывал членам организации не воздерживаться от участия в конфликте, потому что политика невмешательства лицемерна и пригодна лишь «только для умирающих и бессильных». Будущие участники истребительной и беспощадной войны в глазах Бакунина были носителями начал жизни и силы. Созидающие через разрушение «интернациональные братья», по словам их лидера, не должны будут «опускать меч» пока не убедятся, что все препятствия на пути к свободе разрушены³⁶.

Когда давно ожидавшаяся война Франции и Пруссии разразилась в 1870 г., Бакунин еще раз подтвердил, что его позиция далека от пацифистской. Встав на сторону Франции, Бакунин начал призывать к оборонительной и вместе с тем – революционной войне, которая должна спасти от разрушения Францию, а также заключенный в ней потенциал социалистического преобразования Европы и всего мира.

В целом риторика Бакунина не была оригинальной. Французская армия терпела поражение за поражением, поэтому в стране начали раздаваться голоса за собрание народного ополчения. Вследствие разгрома французов под Седаном в Париже произошел переворот, 4 сентября была провозглашена республика. Новое «Правительство национальной обороны» постаралось придать звучавшей патриотической риторике революционный оттенок. Республиканцы обратились к памяти об интервенции 1792 г., когда слабые силы французской регулярной армии и национальной гвардии, частично состоявшей из новобранцев, казалось, чудом остановили наступление превосходящих сил антифранцузской (преимущественно немецкой) коалиции. Республиканцы говорили, что по прошествии восьмидесяти лет родина и свобода снова оказались в опасности. Э. Араго (E. Arago), драматург и левый республиканец, ставший мэром Парижа 4 сентября, обратился с призывом к добровольцам формировать ополчение: «Как

ства // Материалы для биографии М. Бакунина. М.: Гос. Социально-экономическое издательство, 1933. Т. 3. С. 73.

³⁶ Там же. С. 74–75.

наши отцы провозглашали в 1792, я кричу вам: "Граждане, родина в опасности"!»³⁷ Нельзя с определенностью утверждать, что Бакунин читал это воззвание, но известно, что в этот период он с большим вниманием следил за текущими новостями по газетам и журналам разных направлений, поэтому он определенно был знаком с подобными настроениями среди своих политических противников³⁸.

Патриотические настроения были распространены также среди французских крайне левых, на которых ориентировался Бакунин. Об этом известно, в частности, из записок пользовавшегося доверием Бакунина из-за своей преданности и решительности молодого активиста Г. Блана³⁹. Из лионской тюрьмы Сан-Жозеф он писал, что ради новой революции «все классы (...) и вся страна» должны объединиться против общей опасности, как это уже происходило в прошлом: «Франции нужно стать Францией 92 [года], революционной Францией», – писал он⁴⁰.

Бакунин также апеллировал к Великой французской революции. «Париж и Франция могут быть спасены только огромным народным подъемом, – писал он 23 августа 1870 г. А. Ришару, – надо (...) начать против немцев-захватчиков истребительную войну, войну до конца, смертный бой». Склонный к гиперболом Бакунин писал, что новое движение должно затмить собой то, что было в 1792 году⁴¹. Он утверждал, что варварская сила движимых чистым отчаяньем народных ополченцев должна катиться «как бешеная лава, снося и разрушая на своем пути все»⁴².

Бакунин был полностью согласен со своими оппонентами в одном: «Доверие порождает единение, а единение создает силу, вот исти-

---

³⁷ Journal des débats politiques et littéraires. 1870. 5 septembre.

³⁸ Дебогорий-Мокриевич В. К. От бунтарства к терроризму: в 2 кн. М.: Молодая гвардия, 1930. Кн. 1. С. 122; Баулер А. В. М. А. Бакунин накануне смерти // Былое. 1907. № 7. С. 68.

³⁹ Guillaume J. L'Internationale, documents et souvenirs: en 4 vol. Paris: Société nouvelle de librairie et d'édition, 1907. Vol. 2. P. 68.

⁴⁰ Цит. по: Moissonnier M. La première internationale et la commune à Lyon (1865–1871). Paris: Éditions sociales, 1972. P. 284. См. также: Гильом Дж. Интернационал (Воспоминания и материалы 1864–1878). Пг.; М.: Голос труда, 1922. С. 175–176.

⁴¹ Бакунин М. А. Письмо А. Ришару 23 августа 1870 г. // Материалы для биографии М. Бакунина. М.: Гос. Социально-экономическое издательство, 1933. Т. 3. С. 275.

⁴² Бакунин М. А. Письма к Французу // Избранные сочинения: в 5 т. Пг.; М.: Голос труда, 1921. Т. 4. С. 181.

ны, которых, конечно, никто не будет пытаться отрицать». Но, по мнению революционера, если искренние патриоты, простой народ был способен объединиться с эксплуататорами и пожертвовать собственным интересом, их антагонисты на это были неспособны. Их риторика национального единения, считал Бакунин, лишь прикрывала своекорыстные интересы. Основой союза должна быть экономическая солидарность и общность чувств, поэтому, учил Бакунин, его можно заключать только с теми, кто «так же страстно, как вы сами, хочет спасти Францию любой ценою». Буржуа и прусская армия оказывались за пределами потенциального объединения. Бакунин полагал, что они являются, соответственно, внутренними и внешними врагами подлинной французской нации⁴³.

Революционер доказывал, что война государств должна перерасти в гражданскую войну и социальную революцию. «Война тянет за собою катавасию совершенно другого рода, нашу всеобщую катавасию», – так выражался Бакунин в одном из писем к друзьям⁴⁴. Однако, надежды Бакунина не оправдались, война не становилась революционной. Провозглашение Парижской коммуны 18 марта 1871 г. он посчитал последней и отчаянной попыткой простого народа дать отпор иностранному вторжению и внутренним противникам. В своих частных письмах Бакунин делился сомнениями в успехе коммунаров, и, вместе с тем, признавался, что желал бы, «чтобы парижане, погибая, погубили вместе с собою по крайней мере пол-Парижа». Это, по его мнению, заставило бы даже либеральных наблюдателей признать серьезность социальных проблем в Западной Европе⁴⁵.

Парижская коммуна, ставшая для многих современников потрясением, никогда не воспринималась Бакуниным как уникальное и выходящее из общего ряда явление. Гражданские конфликты и войны,

---

⁴³ *Бакунин М. А.* Кнута-германская империя и социальная революция. Вып. 1 // Избранные сочинения: в 5 т. Пг.; М.: Голос труда, 1919. Т. 2. С. 21–22.

⁴⁴ *Бакунин М. А.* Письмо В. Мрочковскому и З. С. Оболенской 19 августа 1870 г. // Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву (1860–1874) с приложением его памфлетов, биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. Женева: Украинская типография, 1896. С. 404. Эти идеи Бакунин выразил также в «Письмах к Французам». Можно заметить некоторую параллель этих мыслей Бакунина с революционным пораженчеством, ставшим популярным в годы Первой мировой войны.

⁴⁵ *Бакунин М. А.* Письмо Н. П. Огареву 16 апреля 1871 г. // Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С. 322.

как он настаивал, были нормой, а не исключением для современного общества. Еще в январе 1870 г., обращаясь к русским офицерам, Бакунин призывал пересмотреть отношение к гражданским войнам, так как это явление гораздо более распространено, чем может показаться: «Стрелять в своих! Неправда ли ужасное преступление? (...) А вы, господа офицеры, разве не стреляете в своих? Когда вас посылают усмирять крестьянские бунты, разве вы не расстреливаете и не засекаете мужиков!»⁴⁶

В некоторых случаях революционер стремился показать, что гражданская война является не только печальной необходимостью, но полезным и желанным событием. Споря с противоположной точкой зрения, Бакунин писал, что не национальный мир, а, напротив, гражданская война, обеспечивала в прошлом военные успехи Франции. Благодаря разразившейся гражданской войне, разбудившей ее силы, она смогла дать отпор интервенции в 1792–1793 гг. Неслучайным также было и то, настаивал Бакунин, что «в 1870 г. объединенная и умиротворенная Франция Империи побита немецкими армиями»⁴⁷.

Революционер предполагал, что из хаоса гражданской войны, снимающего все сдерживающие новации и творчество ограничения, выходят «великие идеи, великие натуры, великие народы»⁴⁸. Для развития, утверждал он, также необходима обеспечиваемая войнами «рознь», положительный стимул для создания новых идей и осознания людьми своих собственных интересов, который, как выражался Бакунин, «колеблет в массах баранье состояние»⁴⁹. В этом смысле, гражданская война была для него не провалом конкурентной политики, а, наоборот, ее высшей формой.

Бакунин сетовал, что простым людям «недостает ума», они не могут осознать собственные потребности и далеко не всегда способны рационально действовать ради их удовлетворения. Его

---

⁴⁶ Бакунин М.А. К офицерам русской армии. Женева: Б. и., 1870. С. 20.

⁴⁷ Бакунин М. А. Кнудо-германская империя и социальная революция. Вып. 1 // Избранные сочинения: в 5 т. Пг.; М.: Голос труда, 1919. Т. 2. С. 61. Бакунин полагал, что внутренний конфликт может укрепить Россию. Бакунин М. А. Письмо А. И. Герцену и Н. П. Огареву 8 декабря 1860 г. // Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С. 182.

⁴⁸ Бакунин М. А. Письма к Французу // Избранные сочинения: в 5 т. Пг.; М.: Голос труда, 1921. Т. 4. С. 187.

⁴⁹ Бакунин М. А. Кнудо-германская империя и социальная революция. Вып. 1 // Избранные сочинения: в 5 т. Пг.; М.: Голос труда, 1919. Т. 2. С. 111.

рецепт выхода из создавшейся проблемы был довольно очевиден: «Гражданская война даст им этот ум». При этом Бакунин утверждал, что война не означает полного разрушения; он полагал, что инстинкт самосохранения должен препятствовать выходу антагонизма и насилия за пределы полезной, терапевтической дозы⁵⁰. Гражданская война была вездесущим, и, вместе с тем, естественным образом ограниченным явлением. Он называл ее естественным состоянием, в котором находились когда-то и куда потенциально могут вернуться не только люди, но и другие биологические виды. Например, он утверждал, что собаки живут в условиях абсолютной свободы и вечной конкуренции, которую он определял как «безустанную гражданскую войну»⁵¹.

Бакунин, выступив в поддержку революционной войны, тем самым нарушил принцип избегания серьезных гражданских конфликтов, важный для многих течений европейской политической мысли Нового времени⁵². Позиция Бакунина была далеко не уникальной: многие левые деятели, его современники были склонны оправдывать гражданскую войну, понятую буквально или фигурально. Однако русского революционера выделяли из общего ряда последовательность и радикальность мысли, а также то, что эта мысль была выражена в произведениях («Письмах к Французу» и «Кнута-германской империи»), хотя и написанных до провозглашения Парижской коммуны, но дошедших до читателей позже, в связи с чем они были восприняты как попытка оправдания этого события, воспринятого многими неоднозначно.

Словами Бакунина не преминули воспользоваться его оппоненты, К. Маркс и Дж. Мадзини, к слову, сами не разделявшие идеи пацифизма. Противники Бакунина стремились представить его сторонником абсолютного и ничем не ограниченного насилия, чьи идеи аморальны и никак не соответствуют современному социальному, политическому и интеллектуальному уровню развития. Следивший за публикациями своего недруга Маркс назвал его проповедником «панславизма и во-

---

⁵⁰ Бакунин М. А. Письма к Французу // Избранные сочинения: в 5 т. Пг.; М.: Голос труда, 1921. Т. 4. С. 187.

⁵¹ Бакунин М. А. Письма о патриотизме // Избранные сочинения: в 5 т. Пг.; М.: Голос труда, 1921. Т. 4. С. 95.

⁵² Koselleck R. Critique and Crisis. Cambridge: MIT Press, 1988. P. 44.

йны рас»⁵³, сближая его тем самым с теми авторами Раннего Нового времени, которые считали, что насилие лежит в основе любого политического режима, и подчеркивали положительные стороны войн народов и «рас»⁵⁴.

В августе 1871 г. Дж. Мадзини, с которым Бакунин в то время вел ожесточенную полемику⁵⁵, прочтя «Кнута-германскую империю», посчитал ее апологией трагических событий в Париже. Он писал: «Я обнаружил в работе, которая только что была опубликована русским, влиятельным членом Интернационала, систематическую апологию гражданской войны, которая принимается нациями как горькое лекарство; она всегда, говорит он, способствует пробуждению народной инициативы и развитию народов, интеллектуальному, моральному, а также материальному (...) и в любом случае она разбивает монотонность их повседневного существования»⁵⁶.

Со стороны Бакунин мог показаться бескомпромиссным сторонником насилия, но его утверждения, возможно, стоит понимать как риторический ход, угрозу, которую не обязательно воплощать в жизнь. Революционеры, говорил Бакунин незадолго до названных событий, на самом деле никогда не хотят кровопролития, но громкими фразами надеются устроить противника и добиться от него уступок⁵⁷. «Гражданская война» могла быть также лишь рискованной гиперболой, которая была призвана подчеркнуть их недовольство «гражданским миром», порядком, с которым боролись социалисты и анархисты, лишь в исключительных случаях прибегая к насилию.

Подчас революционеры стремились казаться более радикальнее, чем они сами о себе предпочитали думать, но имело место также противоположное стремление замаскировать и скрыть свои взгляды

---

⁵³ Маркс К. Мнимые расколы в интернационале // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: 50 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 18. С. 9.

⁵⁴ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. С. 76–100.

⁵⁵ См. Бакунин М. А. Ответ одного интернационалиста Мадзини // Избранные сочинения: в 5 т. Пг.; М.: Голос труда, 1922. Т. 5. С. 57–70.

⁵⁶ Цит. по: Lehning A. Introduction // Archives Bakounine. Bakounine et l'Italie 1871–1872. Textes établis et annotés par Arthur Lehning. Leiden: Brill, 1961. P. XLVI.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 411. Л. 40 об.

ды и намерения. Из-за опасных ассоциаций с якобинским террором, а также с насилием, сопровождавшим последующие революции, в том числе, 1848 г., рассуждения о переворотах часто были подчеркнута отстраненными. Авторы предпочитали не говорить о том, чего бы они хотели или что, по их мнению, следует делать, заменяя это объективистским анализом возможных сценариев развития событий, ни в одном из которых, как казалось, они не были заинтересованы.

Бакунин также протестовал против того, чтобы его считали «Геростратом и революционным каннибалом», стремясь представить себя осмотрительным и здравым деятелем⁵⁸. Как правило, чтобы добиться этого, он прибегал к утверждению, что насилие является необходимостью вследствие законов истории, особенностей существующего общественного порядка или текущего политического момента, и, стало быть, его применение не может быть признано чьей-либо виной или ответственностью.

В заключение стоит отметить, что проблема оправдания насилия была одной из самых важных и сложных для Бакунина. Он часто сталкивался с непониманием широкой аудитории, потому что гражданская война считалась многими однозначно негативным явлением и любой, кто так или иначе апеллировал к ней, оказывался в сложном положении. Определенная проблема возникала также в тех случаях, когда он обращался к единомышленникам в своих поздних работах, потому что Бакунину требовалось каким-то образом примирить, с одной стороны, пацифизм и веру в идеалы гармоничного социального устройства и, с другой, убеждение, что революция без насилия невозможна. Изучение этой темы в работах Бакунина показывает, что она была своеобразной болевой точкой рассуждений о социальных и политических переменам, которая требовала постоянного возвращения и переосмысления. Эта ситуация постоянно порождала все новые интеллектуальные и политические конструкции, каждая из которых, впрочем, не могла стать окончательным результатом.

Дундич Д.: Ты изучал вопрос о переводах Бакунина? Некоторые работы написаны на других языках, в частности, «Государственность и анархия» на немецком.

---

⁵⁸ Бакунин о России // Материалы для биографии М. Бакунина: в 3 т. М.: Гос. социально-экономическое издательство, 1933. Т. 2. С. 618.

Ильин А. А.: Немецким он практически не пользовался, только в отдельных письмах. На русский переведено даже не все из того, что вошло в стандартное французское собрание сочинений.

Кислицына И. Л.: У меня по докладу вопрос. Вы выдвигаете аксиому, что в европейской общественной мысли не было влиятельных теорий, которые бы признавали насилие – откуда она? Ведь если мы возьмем марксизм, то классовая борьба – основа общественного развития, движущая сила развития общества, бланкизм... Правильно ли я понимаю, что вы противопоставляете Бакунина европейской общественной мысли в плане того, что он признавал насилие, а европейская мысль отрицала?

Ильин А. А.: Из-за краткости мне пришлось сильно утрировать. Я говорил о том, что для многих политических теоретиков это была одна из базовых идей – насилие внутри какого-то определенного политического сообщества, гражданская война. Нельзя сказать, что все остальные были безусловными пацифистами и толстовцами. И нельзя сказать, что было полное неприятие гражданских войн и конфликтов внутри страны. Были разные варианты, но все-таки, когда Бакунин прямо написал о том, что это хорошо, он стал легкой добычей для своих критиков. Маркс коротко говорит, что Бакунин не прав потому, что он одобряет гражданские войны, это не нужно пояснять, эта мысль понятна для аудитории. А самому Бакунину приходится пускаться в долгие рассуждения, потому что его мысль как раз нестандартна и необычна.

Кислицына И. Л.: Он же не оправдывал и не одобрял, он считал это неизбежным при непримиримых противоречиях. Марксизм был самым популярным течением; марксизм – самая распространенная идеология XX века. И если в самой распространенной идеологии классовая борьба – движущая сила общественного развития – где здесь отрицание насилия?

Ильин А. А.: Я с вами соглашусь в том, что, действительно, позиция тут довольно сложная, и Бакунин никогда не говорил просто, что это хорошо, скорее, он говорил о том, что это некий объективный процесс, мы должны его принять, но, в любом случае, мне кажется, аргументация там сложная, есть элементы именно морального оправдания, скажем так. И второе, может быть, я поторопился с обобщениями, когда сказал, что никто и никогда, только один Бакунин. Я с вами соглашусь, и марксизм – прекрасный пример, я говорил скорее о конкретной ситуации конкретных нескольких лет и отзывов нескольких людей на то, что писал Бакунин.

Кислицына И. Л.: Герцен в статье «Prolegomena» вообще снимал вопрос о моральной оценке революции. Может быть, Бакунин тоже не имел в виду моральное одобрение... Когда речь идет об исторической закономерности, то о морали вопрос снимается, если это стихийный взрыв, вызванный объективными противоречиями.

Дамье В. В.: У меня есть реплика, во-первых, о той дискуссии в Интернационале. Действительно это было привязано тогда к совершенно конкретным дебатам, потому что в конце 1860-х годов в некоторый период сложилась такая ситуация, когда бакунисты и марксисты в Интернационале вместе вели полемику с прудонистами. Вот прудонисты как раз в тот момент были категорически против насилия, то есть это был как раз вопрос о путях революции. Прудонисты говорили о создании рабочих ассоциаций, ассоциативного сектора экономики. В противовес этому радикалы-революционеры, среди них и бакунисты, будущие анархисты и марксисты говорили о насильственной революции, потому что иначе не получится, только классовая борьба. Это, на самом деле, было очень тесно привязано, как вы сказали, к конкретному моменту. А вторая реплика у меня носит скорее терминологический характер. Дело в том, что мы очень часто немножко не учитываем контекста, вернее, того смысла, который вкладывали в XIX-м веке и даже отчасти в начале XX-го века в понятие гражданской войны. Гражданская война не обязательно как военный конфликт, а как конфликт внутри нации, то есть внутри определенного социума. Получается, что под гражданской войной очень часто понимали классовую борьбу как таковую, любой социальный конфликт, конфликт между различными силами внутри нации. Теперь большевиков обвиняют в том, что они в 1914-м году выдвинули лозунг «превратим империалистическую войну в гражданскую» и призывали к кровавой гражданской войне. Хотя на самом деле это совершенно не так, потому что тогда, когда большевики об этом говорили, они имели в виду именно классовую борьбу, называя ее гражданской. Для сравнения я всегда привожу лозунг, который выдвигали анархисты в 1914-м году, не кропоткинцы, не окопные анархисты, а именно анархисты-интернационалисты: «превратим империалистическую войну в социальную революцию», то есть при использовании различной терминологии речь шла об одном и том же. Другое дело, что, естественно, наше общество, пережив то, что пережило в XX-м веке, имеет совершенно другие ассоциации, и когда мы теперь вспоминаем то старое

употребление термина «гражданская война», мы, естественно, вкладываем в него совершенно другой смысл, тот смысл, который уже нам известен.

Ильин А. А.: Я с вами совершенно согласен, мне кажется, что речь идет о политической риторике с ее метафорами и гиперболами, а не об академическом языке.

Рябов П. В.: Мне кажется, стоит напомнить еще об одной вещи. В докладе упоминалась тема франко-прусской войны, как превратить войну в революцию. Тут очень сложная диалектика: с одной стороны, революция спасет Францию от завоевания Германией, с другой стороны, война дает шанс на революцию. Просто, чтобы завершить эту мысль, необходимо дополнить ее одним из самых гениальных пророчеств Бакунина. По-моему, это его знаменитое предсмертное письмо к Реклю, где он говорит, что сейчас все плохо, буржуазная гангрена, пролетариат оказался не тем, надолго реакция и Бисмарк. Но вот возможна грядущая мировая война, которая возникнет из Германии и вызовет революцию в мире, в частности, в России. Это пророчество на будущее, мы знаем, насколько оно, как и другие пророчества, сбылось. Мне кажется, что это очень важный аккорд, который должен прозвучать в связи с этой темой. Можно считать это послание Бакунина по насыщенности идеями своеобразным последним аккордом. Пирумова заканчивает свою книгу «Социальная доктрина» подробными цитатами из этого письма.

М. Д. Рахманинова

Как возможен революционный субъект после постмодерна?

Вопрос о субъективности – один из центральных вопросов философии, поскольку он касается способа мыслить себя как субъекта отношений с миром и вырабатывать тактики этих отношений. Кроме того, это – также и вопрос о свободе и о том, как она возможна.

В эпоху модерна господствующие модели субъективности были продиктованы фигурой картезианского субъекта, мыслящего мир как противопоставленный себе объект. Его главной задачей стало исследование вещей «мыслящих» и «протяжённых», то есть живых и неживых. Вокруг этого поиска сложилось два противоположно направленных онтологических сценария: эмансипаторный и исключаяющий.

Мария Рахманинова

Капитализм успешно переварил революционный потенциал постмодернистской деконструкции глобальных идеологических нарративов и, тем самым, вообще поставил под вопрос возможность какого бы то ни было революционного субъекта сегодня: мощный заряд мысли и чувства, необходимый для революции, отныне с неизбежностью рассеивается и фрагментаризируется ещё до того, как соберётся хотя бы в предпосылку революционного события.

Эмансипаторный сценарий предполагал, что человек – мыслящее, и потому – живое существо, и именно этим отличается от животных, существующих лишь в качестве «автоматов». Так, в монографии «Политическая теория феминизма» В. Брайсон отмечает: «Согласно картезианству, все люди обладают разумом, и, следовательно, истинное знание, основанное на опыте и собственных наблюдениях, а не на изучении теорий, доступно любому. Традиционные авторитеты отвергаются в пользу рационального анализа и независимого мышления. <...> в то время идеи <Декарта> воспринимались как просто освободительные и вдохновили многих феминистских авторов. Его концепция подразумевала, что любой авторитет может подвергаться сомнению и что отсутствие у женщин классического образования не исключает их из философии»¹. В самом деле, главная картезианская максима *cogito ergo sum* не содержит никаких указаний на пол и социальное положение мыслящего, пространно указывая на универсальную фигуру возвысившегося над природой человека, и даже шире – человечества. В этом тезисе нашли опору дальнейшие эманси-

¹ Брайсон В. Политическая теория феминизма. М.: Идея-Пресс, 2001, С. 20.

паторные умонастроения, касающиеся как женщин, так и представителей неевропейских этносов, а также в целом критика европейского колониализма.

Исключающий сценарий сформировался вокруг идеи о необходимости доказательств наличия мышления, для более правомерной констатации бытия «вещи мыслящей». Поскольку картезианская гносеология зиждется на положении классической модели рациональности о доступности субъекту истины объекта, предполагалось, что мыслящий субъект, устанавливая свои критерии для констатации мышления, прорывается именно к истине вещи (мыслящей или протяжённой), а не к своему представлению о ней. Так, одним из критериев установления мышления стали такие его «естественные» признаки, как, например, написание научных и философских трактатов. Все, кто исторически продемонстрировал свою неспособность их создавать, в этой оптике фактически были обречены стать «вещью протяжённой», так как их мышление не могло быть зарегистрировано картезианским субъектом (на основании введённых им же самим критериев). В своей монографии «The case for animal rights» Т. Риган ставит вопрос о том, насколько вообще правомерно вводить критерии мышления, руководствуясь своими собственными особенностями и наклонностями (к тому же исторически и культурно детерминированными), и устанавливать их в качестве обязательного фильтра для всех, фактически настаивая на принципе «кто не похож на меня, тот не мыслит, а значит, не существует»². Закономерно, что проблематизация такого взгляда позволяет разглядеть в нём, скорее, имплицитный мотив власти и её потребностей в самосохранении и самообосновании, нежели безупречную логическую цепочку, как на то претендовал сам Декарт. Тем не менее, исключая сценарий производства знания и субъективности стал крайне влиятельным в истории европейской мысли и обусловил целый ряд глобальных политических и социальных процессов и феноменов, в диапазоне от расизма и патриархата – до колониализма и фашизма, сформировав фигуру когнитивного конкистадора, установку тотального европеоцентризма и создав предпосылки для дальнейших тоталитарных проектов позднего модерна.

Крах этих проектов исторически привёл к иступлённому поиску их альтернатив, что создало условия для возникновения радикально

---

² Regan T. The case for animal rights. Berkley-Los Angeles: University of California Press, 2004, P. 15.

антимодернистского проекта – постмодернизма. В рамках него начал формироваться новый тип субъективности, противопоставленный властной субъективности картезианства и отталкивающийся от идеи смерти субъекта, впервые высказанной М. Фуко в его книге «Слова и вещи: Археология гуманитарных наук». Согласно этой концепции, субъект производится ситуативными комбинациями культурных процессов, лишён глубины и категориальной автономии. Фактически такой субъект – это лишь случайная точка на стыке социальных и политических практик и действующих структур языка, собственно и производящих субъекта, не существующего до них.

Эмансипаторный потенциал концепции смерти субъекта выразился, например, в снижении градуса патетики и агрессии научного (и другого экспертного) знания, что позволило науке расширить как свою методологическую базу³, так и спектр интересующих её объектов исследования (что нашло выражение, например, в смещении интереса современного гуманитарного знания в неевропейские части мира). Благодаря ему, стало возможно установить властный характер классической европейской эпистемологии и исследовать механизмы её функционирования, что, в свою очередь, пролило свет как на характер и стратегии многих классических политических и социальных проектов, так и на целый ряд исторических событий и процессов.

С другой стороны, расщепление субъекта повлекло за собой и ряд проблем, становящихся всё более очевидными по мере увеличения исторической дистанции от травматичного опыта модерна, а также по мере появления условий для трезвой и хладнокровной рефлексии о постмодерне, уже не окрашенной в тона оптимистичного радикализма, по понятным причинам свойственного Западу послевоенного периода.

В числе таких проблем – торжество универсального этического и аксиологического принципа «Почему бы и нет?», предполагающего исключительно нейтральное и потребительское отношение ко всему множеству существующих социальных и политических практик. Не чувствуя ни в чём подлинной необходимости, индивид блуждает среди них, как в супермаркете, примеряя на себя то одни, то другие, и воспринимая их, во-первых, как необязательные, во-вторых, как равноценные: сегодня можно поиграть в Че Гевару, завтра заняться

---

³ Чему способствовали многие мыслители – от Ф. Ницше, А. Шопенгауэра и А. Бергсона – до П. Фейерабенда и М. Лугонес.

бизнесом, послезавтра – уехать в поход, и так далее. Ничто ничему не противоречит, поскольку всё застыло в бессодержательной равнозначности. Всё выглядит как эквивалент всего, и ничто не собирает субъект вокруг себя, поскольку все идентичности действуют отныне последовательно и разрозненно, никак не наполняя отрицаемую в постмодернизме «глубину» субъекта.

Фоном формирования такого ризоматичного субъекта послужила, во-первых, иллюзия welfare state, насаждаемая современной неолиберальной идеологией, с одной стороны, и интегрированным в неё тредюнионизмом, с другой. Фактически она побуждает даже промышленных рабочих парадоксально формировать идентичность потребителей, а не производителей. Основным императивом этой иллюзии становится вера в то, что всё в мире – своего рода игра; в нём нет проблем, а есть лишь череда произвольных индивидуальных выборов, осуществляемых свободным субъектом. По этому поводу Л. Альтюссер высказал весьма важное замечание: «к индивидууму обращаются как к (свободному) субъекту, чтобы он свободно подчинялся приказаниям <...>, а значит, (свободно) принимал свое подчинение»⁴. Таким образом, индивид убеждён, что он сам – субъект выбора, и в этом смысле он чувствует себя свободным.

Во-вторых, фоном становления ризоматичного субъекта оказывается важнейший феномен постиндустриального общества, о котором всё больше говорят исследователи человека – от антропологов до когнитивных психологов: клиповая информационная матрица, формирующая, в свою очередь, клиповую модель мышления. Этот гносеологический фон вызывает у индивида атрофию способности фокусироваться на чём-либо в течение сколько-нибудь продолжительного времени, что, в свою очередь, приводит к таким новым проблемам, как неспособность прочитать больше одной страницы текста, или просмотреть видео, продолжительность которого превышает продолжительность рекламного ролика или, максимум, музыкального клипа. Всё это влечёт за собой радикальные перемены в организации когнитивного аппарата в целом. Рассеивание внимания после одной минуты фиксации, вызывает забывание того, что было мгновение назад: на уровне фактов, идей и эмоций, результатом чего становится полностью дезориентированный потребитель с ин-

---

⁴ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. Неприкосновенный запас, 2011, № 3(77). <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>, 24.09.17.

фантильным перцептивным аппаратом и непрерывно раздражаемым дофаминовым центром.

Такой субъект обречён быть выключенным из режима политического (в терминах Ж. Рансьера) и утонуть в собственных (навязанных) потребностях, одинаково преподнесённых маркетингом в терминах высокого смысла. В эссе «Что такое лагерь?» Дж. Агамбен добавил к этому тезис о том, что в условиях биополитики индивид вообще редуцирован к телу и потому всецело обращён в объект биовласти⁵, и в этом смысле совершенно лишён какой бы то ни было политической субъектности.

Такое положение вещей позволяет констатировать: капитализм успешно переварил революционный потенциал постмодернистской деконструкции глобальных идеологических нарративов и, тем самым, вообще поставил под вопрос возможность какого бы то ни было революционного субъекта сегодня: мощный заряд мысли и чувства, необходимый для революции, отныне с неизбежностью рассеивается и фрагментаризируется ещё до того, как соберётся хотя бы в предпосылку революционного события. Клиповое сознание не может его удержать, а парадоксальная для глубокого экономического кризиса иллюзия благосостояния создаёт видимость чрезмерности любой серьёзности.

Таким образом, возврат к картезианскому субъекту больше невозможен, а фрагментарный не-субъект постмодерна превратился в ещё более удобный инструмент в руках господствующих идеологий, не способный даже обнаружить различие между их интересами и своими собственными, не говоря уже о том, чтобы что-то им противопоставить. Похоже, именно здесь перед нами в полной мере встаёт вопрос о том, как пройти между этими двумя типами субъективности: какова альтернатива им обоим? Эти вопросы впервые стали формулироваться совсем недавно: в рамках либертарной антропологии (например, у Д. Гребера), в рамках концепции метамодерна, в рамках современного североевропейского кинематографа (например, фильм Р. Эстлунд «Квадрат»). По-видимому, ответы на них будут найдены ещё не скоро. Однако размышлять об этом стоит уже сегодня.

Так, анализ обстоятельств «пленения» постмодерного субъекта позволяет предположить, что немаловажная задача современности заключается в разрушении медийной иллюзии welfare state – например, посредством популяризации информации о том, каков реальный про-

---

⁵ Агамбен Дж. Средства без цели. М.: Гилея, 2015, С. 47–51.

цент благосостояния в повседневности данного конкретного государства, и какой ценой он достигнут. В США с этим успешно справляется кинорежиссёр-документалист М. Мур, работающий над сюжетами, которые предсказуемо не попадают в СМИ, но репрезентируют существенную часть вполне обыденных для данной страны процессов. Исследования закулисья федеральных каналов и рекламных площадок, а также любое последующее повествование о его результатах – вот одна из возможных продуктивных тактик возвращения революционной (политической и исторической) субъективности в странах так называемого «Первого мира».

Что касается стран «Третьего мира», со времён Франкфуртской школы мало что изменилось: по-прежнему актуально звучит тезис Г. Маркузе о том, что реальные шансы на подлинно революционную субъективность на сегодняшний день есть лишь у тех, кто остро чувствует её как необходимость. Кто как не рабочие потогонных цехов чувствует эту необходимость всем своим существом? Их борьба – единственное, что могло бы заставить мировой капитал утратить свой последний оплот и, наконец, кануть в прошлое.

Как в отношении «Первого», так и в отношении «Третьего» мира безотлагательного решения требует проблема клипового мышления, препятствующего способности познания. Промедление в этом вопросе равносильно возрастанию вероятности окончательно утратить доступ к знанию о том, какие вообще существовали стратегии субъективации и сопротивления системам насилия и какая историческая судьба их ждала. Такая утрата с неизбежностью повлечёт за собой повторение всех уже совершённых когда-либо на этом пути ошибок и приведёт к необходимости начинать всё с нуля, что практически наверняка означает новый крах. Во-вторых, клиповое мышление также делает невозможным какой бы то ни было бунт – если понимать бунт как противостояние господствующей субъективности, производимой матрицей власти в своих собственных интересах: без достаточного изучения вменяемой индивидам субъективности невозможно распознать момент, который Альтюссер называл интерпелляцией, то есть момент встраивания себя в дискурсы власти, а потому, не умея их распознать, невозможно и противостоять им. Клиповое мышление делает такое распознавание проблематичным, поскольку оно требует продолжительных сосредоточенности и внимания.

Отдельного упоминания заслуживает соображение, высказываемое как С. Жижек, так и М. Хардтом и А. Негри: для создания альтерна-

тивных сценариев субъективности необходимо преодолеть искусственно поддерживаемую разобщённость людей: «Единственный способ разрубить этот узел противоречий – выдвигать универсальный позитивный проект, разделяемый всеми участниками, и бороться за его выполнение. Борьба за то, чтобы не было "ни мужчин, ни женщин, ни эллинов, ни иудеев", идет повсюду, охватывая самые разные области, от экологии до экономики»⁶. Такое объединение на сегодняшний день представляет собой единственное, что можно противопоставить господству мирового капитала и репрессиям авторитарных систем, руководствующихся старинным принципом «Разделяй и властвуй».

Таким образом, в глобальном смысле речь на сегодняшний день идёт о необходимости радикально «пересобрать» субъективность: не вокруг механики власти, но и не фрагментарно, – такую субъективность, которая была бы отстроена от пережитой необходимости, и позволяла бы удерживать в горизонте внимания мир как целое. Что требуется для того, чтобы это стало возможно? Проснуться как от модерна, так и от постмодерна (двух стратегий, так или иначе монополизированных властью, заинтересованной в воспроизводстве безвредного для себя, беспомощного субъекта) – в новую субъективность, собранную вокруг единого вектора, но при этом – свободную и направленную к свободе.

А. Н. Горявин

Анархизм-универсализм (пан-анархизм)

братьев Гординых и разработка

его теоретических положений в 1917–1921 гг.

Ранний российский постклассический анархизм (анархизм первой трети XX в.) и его представители лишь недавно стали предметом исследования самых различных гуманитарных наук. Одними из наиболее ярких теоретиков этого направления в отечественном анархизме явились «Братья Гордины». Именно так подписывали свои многочисленные произведения Абба (Аба) Львович [Лейбович] (1887–1964 гг.) и Владимир Львович [Вольф Лейбович] (? – после 1926 г.) Гордины. Анализ их воззрений уже нашел свое отражение и в целой

---

⁶ Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. М.: Издательство «Европа», 2012, С. 96.

Алексей Гарявин

Основоположники пананархии ратовали за единую, унитарную общность планетарного масштаба, без разделения по государственному, национальному, расовому и другим признакам.

серии наших статей¹. Братья Гордины стали основателями нового направления в анархизме – анархизма-универсализма (пананархизма) («всё»-анархизма). Помимо безвластия, пананархия, по представлениям ее родоначальников, включала еще четыре идеала: *коммунизм*;

---

¹ См.: *Гарявин А. Н.* Аграрно-крестьянский вопрос в трудах теоретиков российского анархизма первой трети XX в. // Первые Петровские чтения (История, политология, образование, культура и право). СПб., 2000. С. 11–15; *Гарявин А. Н.* Женский вопрос в трудах теоретиков раннего российского постклассического анархизма // Женские и гендерные исследования. Вып. 5. СПб., 2000. С. 40–49; *Гарявин А. Н.* Фигура русского крестьянина в сказке А. Л. и В. Л. Гординых «Почему? или Как мужик попал в страну – "Анархия"» // Гуманитарное образование в аграрном вузе. Экология и гуманизм. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. СПб., 2000; *Гарявин А. Н., Пашкин А. В.* Проблемы воспитания, образования и просвещения в трудах А. Л. и В. Л. Гординых // Просвещение на Руси, в России: исторический опыт. Материалы Девятнадцатой заочной научной конференции. СПб., 2000. С. 98–105; *Гарявин А. Н., Талеров П. И.* Грядущее устройство быта в описаниях российских анархистов // История российского быта. Материалы Четырнадцатой Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1999. С. 161–170.

педизм (освобождение семьи от воспитания детей и молодежи); *космизм*, или *национал-космополитизм*, или *итерриториализм* (полное освобождение угнетенных национальностей) и *гениантропизм* (освобождение женщины). Выразителем идей пананархии стал Союз Пяти Угнетенных – Рабочего-Босняка, Женщины, Угнетенной национальности, Молодежи и Личности². Воплощение своих идеалов эти мыслители связывали с осуществлением социальной революции.

По мнению А. Л. Гордина, анархизм дуалистичен. С одной стороны, он «атомарен» и разделяет социум на индивидуумы («атомы общежития»), а с другой – универсален и предполагает социологические и правовые концепции планетарного масштаба. Будущее устройство интериндивидуального человечества в программе-максимум мыслилось по унитарному образцу. Тем самым Гордин отличался от классиков анархизма М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина, являвшихся убежденными сторонниками федерализма. Это обстоятельство отмечал известный исследователь анархизма С. Ф. Ударцев³. Федерализм и децентрализм Абба Гордин допускал только в качестве лозунгов программы-минимум. В будущем общество перерастет государственный строй и достигнет новой формы – самоуправления и самоорганизации всего человечества. Тем самым оно разрешит «основное политическое противоречие», которое, по мнению А. Л. Гордина, возникает из разделения людей на управляющих и управляемых. «Анархизм может быть осуществлен, – писал он, – лишь в масштабе, в объеме, превышающем границы государства. Отрицать власть анархически <...> означает подняться в интеграции общежития выше государственного объема и национально-государственных перегородок, это означает создание универсального общежития». «Отрицать власть государства, – заметил он в другом месте, – означает одолеть, перерасти, перешагнуть через их труп, подыматься выше, оставляя их внизу на дне истории и прошлого»⁴. А. Л. Гордин также выдвинул концепцию единого мирового хозяйства, основанного на мировом производстве и мировом распределении – «космоэкономизма», планетарной политической организации человечества – «космополитизма» и «комического де-

---

² *Братья Гордины* [Гордины А. Л. и В. Л.] Манифест пананархистов. М., 1918. С. 3, 21.

³ См.: Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. С. 280–281.

⁴ Гордин А. Л. Анархизм-Универсализм (к обоснованию программы). М., 1920. С. 34–35.

Аба Лейбович Гордин (1887–1964) – педагог, писатель, поэт и переводчик. Писал с братом Вольфом Лейбовичем под общим псевдонимом «Братья Гордины».

мократизма», и, кроме того, отстаивал идеи «права на мир» (вселенную) человека⁵.

Первый идеал пананархизма – *коммунизм* – практически ничем не отличал Гординых от других теоретиков классического и пост-классического анархо-коммунизма. В их концепции присутствуют те же идеи отмены частной собственности на землю, орудия производства и предметы потребления. В качестве одного из постулатов своей программы-минимум Гордины видели ближайшую будущую жизнь человечества по общинному (коммунальному) образцу. Правда, шагая в ногу с революционным временем, они не избежали излишней лозунговости и выдвинули девиз: «всё – всем!» В основу программы распределения был положен принцип потребления, поставленный во главу угла экономической теории анархизма еще П. А. Кропоткиным. «Каждому по потребностям – и есть потому тот дивный мост, соединяющий коммунизм, это море общественности, с бесконечным изобилием изумрудных, углубленных в себе ручейков пананархизма», – подчеркивали основоположники анархо-универсализма⁶.

---

⁵ Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. С. 281.

⁶ *Братья Гордины*. Манифест пананархистов. С. 20. Курсив наш. А. Г.

Второй идеал Братьев Гординых – *космизм (национал-космополитизм, итерриториализм)* ставил задачу объединения всех угнетенных национальностей. Он подразумевал полное уничтожение *территориального, или империалистического, порядка, основанного на частной собственности на территорию*. Понятие частной собственности на территорию впервые вводится в теорию анархизма именно Гордиными. По их мнению, оно означает «принадлежность данной территории одному господствующему народу». Вместо современного Гординым всемирного устройства, основанного на союзе наций, и имеющего, вполне возможно, федералистский характер, основоположники пананархии ратовали за единую, унитарную общность планетарного масштаба, без разделения по государственному, национальному, расовому и другим признакам, в целях **«очеловечествления территории, т.е. принадлежности каждой данной территории всем нациям земного шара, всему человечеству»**. Данная территория – *итерриториалий* – не будет иметь никаких государственных границ. Ее девиз: **«Весь земной шар всему человечеству!»**⁷

Чем же был вызван данный идеал в анархистской концепции Гординых? Очевидно, объективными историческими условиями развития мирового сообщества. Первая мировая война уже унесла множество человеческих жизней. Пересмотр государственных границ и передел мира являлись главной целью в этой войне для 38 стран-участниц. В ходе войны проявились и расходившиеся со всеми международными юридическими нормами акты агрессии и аннексии территорий. Поскольку анархизм не признает власти государства и государственных границ, Братья Гордины стремились не допустить новых *территориальных захватов* и переделов в общепланетарном масштабе. Территориальная собственность (в отличие от частной собственности, государственное право на территорию), по их мнению, сводится к «порабощению» и «истреблению» «всех национальностей всего земного шара какой-то кучкой господствующих наций». Тем более что сами Гордины отличали **географическое (частное)** владение территориями от **юридического (общечеловеческого)**. Они подчеркивали, что смысл понятия **«общечеловеческое владение территориями»** в свете теории пананархизма следует трактовать, как **«человеческое»**⁸.

---

⁷ Там же. С. 21–22. Выделено авторами. Курсив наш. А. Г.

⁸ Там же. С. 22–23. Курсив авторов. Выделено авторами. А. Г.

Однако, пропагандируя идеи национал-космополитизма, основоположники анархо-универсализма, как нам представляется, посягнули на святая святых – идею национального (национально-государственного) патриотизма. Гордины предполагали разрушать такое территориальное устройство под девизами: «Отечество – это грабеж!», «Отечество – это разбой!» и «<...> отечество есть постоянный и крупный разбой». Современное им государство национальностей, с его широко развитой колониальной системой, братья не без основания называли «фабрикой национального угнетения». Сами авторы являлись сторонниками планетарного патриотизма, основанного в ближайшем будущем на коммунистических, а в отдаленном – на пананархических принципах. При этом Гордины подчеркивали, что иногда одна «господствующая нация» (иначе говоря, метрополия) угнетает «сотню и больше других национальностей» (другими словами, колоний). Тем самым основоположники пананархизма выступали против национальной и расовой дискриминации, за разрушение существовавшей в то время колониальной системы. В целях ускорения исторического прогресса и, несомненно, в соответствии с принципами гуманизма, *частно-национальная собственность на территорию должна быть заменена общечеловеческой территориальной собственностью, очеловечиванием, или интернационализацией территорий*⁹.

Планируя реализацию всех своих идеалов, в том числе, и космизма, Братья Гордины не отличались от постклассических анархо-коммунистов – А. М. Атабекяна, А. А. Карелина и др. – и выступали за «великий революционный акт». Одной из задач грядущей социальной революции должно было стать включение угнетенных национальностей в состав «синдиката народов». Заметим, кстати, что Гордины позитивно оценили тот пункт Декрета о мире, принятого II Всероссийским съездом Советов в октябре 1917 г., в котором большевики выразили пожелание «пригласить представителей угнетенных национальностей на мирную конференцию». Кроме того, идеи планетарной революции, пропагандируемые основоположниками пананархизма, на наш взгляд, очень созвучны идеям мировой революции, высказывавшимся большевиками вплоть до середины 1920-х гг. Повидимому, Гордины заимствовали у большевиков абсолютно не характерную для анархистов мысль об установлении «диктатуры», правда,

---

⁹ Там же. С. 22. Курсив наш. А. Г.

не «пролетариата», а «итерриториалиата»; эти два термина даже фонетически созвучны друг другу¹⁰.

После создания союза (синдиката) народов и его последующей эволюции утвердится «космический» порядок. Гордины совершенно справедливо поставили в своей концепции пананархизма проблему итерриториального общения. Решать её они предлагали следующим образом. В учреждениях, имеющих международный статус (на почте, телеграфе, железных дорогах и т. п.), должен быть введен **международный язык**, в национальных же организациях сохранится **национальный язык**. Абсолютно все нации будут конструироваться по персональному принципу и образуют *итерриториальный всемирный союз*. Как будет устроен этот союз, каким он будет, «принудительным, государственным или конвенциональным или же вольно-анархическим», решит для себя каждая национальность сообразно собственному желанию. Вместе с тем, сами Гордины в духе анархизма выступали за две последние формы национал-космополитического устройства и скептически относились к первым двум, так как, по их мнению, «итерриториальная государственность есть абсурд»¹¹. Именно поэтому проблема итерриториальной коммуникации (общения) на уровне индивидуумов и социальных образований теоретиками пананархизма не ставилась. Они даже не видели корней этой проблемы.

Впоследствии, после уничтожения *внешнего государства* и просто *государства* и построения идеала будущего общественного устройства Гординых – *вольного Социотехникума, внешнее государство*, так называемая коалиция или союз народов, т. е. территориалистов, государство государств, будет преобразовано в *Космический Социотехникум*, или *Социотехникум социотехникумов*. По этой причине *космополитизм*, или *национал-космополитизм*, будучи лишённым и политики в целом, и политических органов, и политической власти, в частности, превратится в пананархическое понятие «*космизм*»¹².

В заключительной части «Манифеста пананархистов» Гордины восклицали:

«Угнетенная Национальность! Освободись! Уничтожь отечество. Раздвинь национальные преграды и да будет весь земной шар твоим

---

¹⁰ Там же. С. 24–25.

¹¹ Там же. С. 25. Курсив наш. А. Г. Выделено авторами.

¹² Там же. Курсив наш. А. Г.

отечеством. И нет больше: моя Россия, твоя Германия, мой Петроград, твой Берлин».

«Народы! Сожигайте [так в тексте. – А. Г.] историю вашего варварства, ваших захватов разных земель. Не называйте вашей истории "отечественной", ибо отечество есть грабеж и разбой»¹³.

Братья Гордины, как и другие ранние постклассические анархисты, также интересовались проблемами положения женщин в современном и будущем обществе, стремились предложить оригинальные пути решения женского вопроса в России. Основоположники пананархизма резко критиковали историческую среду, в которой женщине отводилась пассивная роль в социальной жизни. Братья Гордины с негодованием отмечали, что в современном обществе женщине уготована участь быть рабыней-кухаркой, угнетенной семейной жизнью, и самкой, эксплуатируемой как предмет потребления. По их мнению, представительницы низших слоев были подвержены двойной эксплуатации. Эта эксплуатация, правда, не являлась столь специализированной и интенсивной, как в высших слоях, где «женщина ни дать, ни взять, а чистый предмет полового потребления, приобретаемый по всем правилам купли-продажи». Авторы совершенно справедливо критиковали, таким образом, праздный, а порой даже аморальный образ жизни женщин из высшего общества, которые, в отличие от представительниц низших слоев, имели много свободного времени и зачастую распоряжались им далеко не лучшим образом. Гордины приводили общепринятый взгляд на данную проблему: «женщина – *орудие производства* <...> *детей, работников, а, главным образом, солдат*»¹⁴.

Но подобное положение дел чуждо самим женщинам, жаждущим скорейшего раскрепощения. Женщина, полагали Гордины, «не желает больше унижения и позора. Она желает быть равноправным человеком. Она знает, что ее довело до вымирания, вырождения и извращения мужчинское [так в тексте. – А. Г.] властвование над нею в целях двойной эксплуатации, хозяйственной и половой». Идеал женщины – фактическое уравнивание в правах с мужчиной – может осуществиться посредством «коренного переустройства семьи», освобождения от обузы домашнего воспитания (главным образом, дошкольного) и домашнего хозяйства¹⁵.

---

¹³ Там же. С. 54.

¹⁴ Там же. С. 26. Курсив авторов.

¹⁵ Там же. С. 26–27.

Значительное ущемление прав женщин привело Братьев Гординых к суждениям о *гениантропизме*, или «идеале женства». По представлениям авторов, гениантропизм означает «очеловечение женщины», отмену домашнего хозяйства и семейного воспитания или, по крайней мере, уравнивание положения обоих полов в быту и семье. Гордины выдвигали лозунги «чистой» эмансипации – «замену многоженства <...> истинным единомужеством в любви [т. е. моногамией. – А. Г.]», а также искоренение андриархата (господства мужа в семье) и андрократии (господства мужчины в жизни)¹⁶.

Идеологи пананархии выступали противниками «*свободы эксплуатации женщины*». При отсутствии женских союзов, считали Гордины, «*свободная любовь при андриархальном строе*» стала «ненасытным богом разврата мужчины», способным «высосать» бессознательную и беспомощную женщину и «бросать» ее «вон, как шелуху»¹⁷.

В «Манифесте пананархистов» авторы призывают:

«Женщина! Узница кухни и спальни, – восклицали братья Гордины, – освободись! Утверди свое право на культуру. Сбрось с себя цепи воспитания детей, уничтожь рабство горшков. Уничтожь домашнее хозяйство, уничтожь домашнее воспитание. Не будь рабыней у мужчины, не будь и куклой. Ты человек – будь человеком»¹⁸.

Пропагандируя идеи свободы женской личности, основоположники пананархизма проявляли свою стилистическую и жанровую оригинальность, отличаясь тем самым от других анархистов, язык и стиль которых был более академичным. Весьма своеобразным является произведение «Анархия духа», имеющее такой длинный подзаголовок: «*Книга для спасения души и тела, неба и земли, и человека и человечества, и шести дней времени, и пяти чувств, и четырех сторон жизни, и трех измерений пространств, и двух миров, и одного безумия*». Ее жанр Братья Гордины определили как «*Благовест безумия в XII песнях*». Двенадцать глав этой книги авторы не без основания назвали «песнями», и их содержание, на наш взгляд, довольно тесно переплетено с тематикой былин и русских народных песен. Благовест написан в стихотворной форме.

Верность традициям отечественного фольклора и устного народного творчества усматривается и в обращении Гординых к женской про-

---

¹⁶ Там же. С. 3. Курсив авторов.

¹⁷ Там же. С. 16–17. Курсив авторов.

¹⁸ Там же. С. 56.

блеме. К Женщине авторы «Анархии духа» относятся в высшей степени трепетно и чествуют Ее за то, что Она на протяжении многих веков человеческой эволюции с гордостью выполняла нелегкую историческую миссию, ей предназначенную. Гординым, правда, не удалось избежать избытка метафор, но тем грандиознее звучит их благовест: «Учитель первый – Мать-жена! Меня учил кто петь? – Она! Возник родник, ключ песнопенья к тебе стремяся в Посвященье... Учил меня кто говорить? Учил меня же кто любить? – Ты Женщина, одна единость, голубушка, ты голубиность! <...> Всё Женщина лишь ты да ты, Венец, Начало красоты! Вино пророчества видений, ручей весенних песнопений»¹⁹. Ведь и в русском народном творчестве женщина ассоциируется именно с той самой голубкой – птицей, олицетворяющей женскую нежность, беззащитность, стремление прекрасного пола к чему-то более светлому.

Повествование «Анархии духа» ведется от первого лица, восхищающегося Женщиной и обожествляющего Ее. Любовь главного героя книги к его Единственной (жене, подруге, невесте, возлюбленной) безгранична: «И дажь Тебя, в серьез [так в тексте. – А. Г.] шутя, люблю, как естества дитя. Тебя люблю, как дочь Природы, как ведро после непогоды. Люблю тебя, ты далека, как от презрения – тоска, от всей их тряпочной культуры и от научной умной дуры»²⁰. Гордины, таким образом, призывали Женщину не впадать в крайности своего бытия.

Это обожествление, конечно, сильно идеализирует женщину. Но в нем усматривается и защита свободы женской личности, немислимая без «свободного», не имеющего юридического оформления, брака: «О, не учите! Не учите! В любви любить всем разрешите! И бросьте ваших брака жен, законных жен и весь Закон. Ведь это жалкость подражания и мысли, чувства, прозябания и это ведь один шаблон – законных ваших бросьте жен! Жену, жену-красу любите! Но пропаганды не ведите! И бросьте проповедывать, и полно нам беседовать <...>»²¹. В книге «Долой анархию!» «свободный брак» понимался Гординами как «союз двух людей <...>, равных и одинаково сильных». Взаимный выбор, по их мнению, должен произойти «свободно, осторожно, осмотрительно и медленно, по долголетней дружбе, или быстро, по вспыхнувшей любви»²².

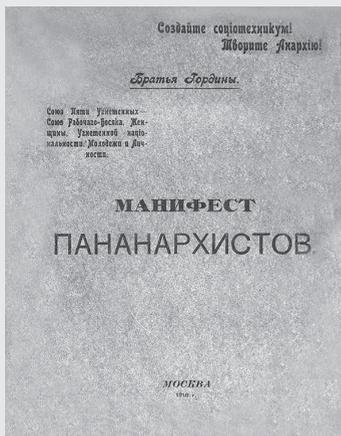
---

¹⁹ *Братья Гордины*. Анархия духа. (Благовест безумия в XII песнях). М., 1919. С. 84–85.

²⁰ Там же. С. 21.

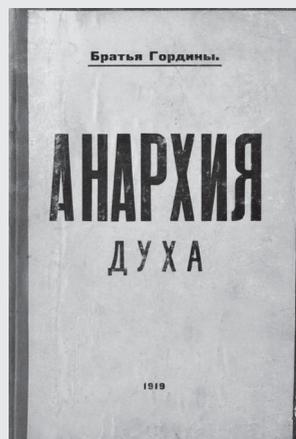
²¹ Там же. С. 85.

²² *Братья Гордины*. Долой анархию! Книжка первая. Пг., 1917. С. 13.

«Манифест пананархистов». Издание малого секретариата Северного областного союза анархистов. 1918 г.

Жанр книги «Анархия духа» Братья Гордины определили как «Благовест безумия в XII песнях»

В произведении «Долой анархию!» Гордины построили вариант решения женского вопроса в форме спора «инициатора панкоммуны» с толпой, собравшейся на городской площади. Но лозунги, выдвинутые им с трибуны, порождают в толпе различные кривотолки. В частности, девиз «всё для всех!» трактуется ею весьма не адекватно. Раз всякая собственность общая, полагают собравшиеся на площади, то жена – собственность мужа. Нужно отказаться от собственности, т.е. все женщины должны принадлежать всем мужчинам. Но взволнованный инициатор панкоммуны, развивающий идею равноправия сильного и слабого полов, объясняет толпе ее заблуждения²³.

Братья Гордины, вероятно, выступали и с критикой буржуазного брака. Но мы, к сожалению, не имеем никаких сведений о публикации лиро-драмы «Буржуазный брак», которая, возможно, внесла бы дополнительную ясность в вопрос о понимании Гординами так интересовавшей их проблемы. Известно только, что эта драма анонсировалась в одной из их книг²⁴.

В «Манифесте пананархистов» Братья Гордины раскрывают смысл четвертого идеала анархизма-универсализма – *педизма*.

²³ Там же. С. 11–12.

²⁴ См. список произведений братьев Гординых в их книге «Анархия духа»

Педизм, по мнению авторов, имеет два проявления, одно из которых есть противостояние *аморфизму*, т. е. консерватизму мышления старшего поколения по отношению к жизненным взглядам молодёжи. Сразу же отметим непоследовательность и ошибочность логических рассуждений Гординых о педизме и аморфизме. Нам представляется, что авторы изначально пытались выявить две стороны (отрицательную и положительную) не педизма, а аморфизма, что и подтверждается последующим повествованием, когда анархисты рассуждают о позитивных чертах аморфизма. Авторы их постоянно смешивают между собой. Однако, это явно не соответствует действительности. Это разные понятия, и уж тем более аморфизм как «отрицательное проявление» педизма не является составной частью последнего. Данное обстоятельство надо обязательно учитывать при анализе педагогической концепции родоначальников пананархии. Поэтому следует рассуждать о двух проявлениях не педизма, а аморфизма²⁵.

Гордины под *аморфизмом* понимали отказ «старого» поколения от признания права детей и молодежи на выбор средств и методов воспитания, образования и просвещения, которые удобны подрастающему поколению, и попытки навязать последнему свои ортодоксальные шаблоны. Авторы считают, что наука и образование играют немалую негативную роль в насаждении аморфизма. «Аморфизм видит в образовании, в морфизме или формизме современного воспитания, т. е. в отделке и отчеканке [так в тексте.— А. Г.] психики молодежи, усматривая в нем, в современном научном образовании, явную тенденцию к обезвреживанию опасного соревнования молодого поколения путем консервировки [так в тексте.— А. Г.], т. е. путем духовного (психологического) остарения [так в тексте.— А. Г.], делая его, таким образом, безопасным в жизненной борьбе своей со старым поколением». По причине фактической пропаганды аморфизма среди подрастающего поколения, молодежь, как полагают Гордины, «седа» сердцем, умом и духом и поэтому «не выходит в жизнь властелином». Критиковавшаяся анархистами система воспитания и образования, с их точки зрения, приводит к духовной и материальной гибели молодежи, к ее *генерационной десиндивидуализации*, т. е. обезличиванию. Это «систематическое остарение (консервировка)» молодого поколения «через ряд веков неизбежно приводит к консервации общества вообще, к застою культуры». Причину подобного явления

---

²⁵ Братья Гордины. Манифест пананархистов. С. 27–28. Курсив наш. А. Г.

братья Гордины видят в нарушении естественного процесса психологического и биологического омоложения общества. Они считают, что каждая смена поколений должна естественно повлечь за собою и смену культур²⁶.

К числу положительных сторон аморфизма авторы относят *адаптивизм* (приспособляемость) и *репродуктивизм* (воспроизводство) воспитания. По мнению Гординых, позитивные свойства аморфизма заключаются в том, что из адаптивизма и репродуктивизма, «этого душековеркательства, этой школьной психофабрикации», напрашивается вывод об установлении нового вида трудового воспитания – *пантехнического* (или *пантехникалистического*), т.е. «воспитания, доставляющего воспитаннику всю совокупность действий, приемов, навыков, практических искусств, ремесел, сноровок, организованных привычек, всякого рода умений, необходимых в практической жизни»²⁷. Тем самым Братья Гордины последовали за П.-Ж. Прудонем и П. А. Кропоткиным, ратовавшими за усиленное развитие профессионального образования²⁸. Однако, в отличие от классиков анархизма, они не предусматривали обучение наукам. Поэтому главная миссия анархизма в области педагогики, по мнению Гординых, состоит в изменении направления вектора аморфизма, с тем, чтобы можно было предоставить молодежи права на самоопределение, на «выявление мыслящего и созидającego на благо общества индивидуума, стремящегося к идеалу Вечного Творчества»²⁹.

Одну из первостепенных задач молодежи основатели пананархизма видели в борьбе со «старой школой на жизнь и на смерть». «Эту школу, – писали они, – нужно вырвать с корнем, с ядовитым корнем рабского образования, злодейского душековеркательства и душегубства». Вместо нее, по представлениям братьев Гординых, будет функционировать принципиально новая школа – *Адаптина*

---

²⁶ Там же. Курсив наш. А. Г.

²⁷ *Братья Гордины*. Манифест пананархистов. С. 28. Курсив наш. А. Г.

²⁸ См.: Анархия по Прудону. Изд. 3. Киев, 1907. С. 94–98; *Кропоткин П. А.*: 1) Что нужно для народного университета? набросок программы занятий // ОР РГБ. Ф. 410. Оп. 9. Д. 15; 2) Поля, фабрики и мастерские. Изд. 2. М., 1919. С. 193–196; *Талеров П. И., Горявин А. Н.* Классики российского анархизма о проблемах воспитания будущего поколения // Образование и просвещение в истории России. СПб., 1998. С. 126–129.

²⁹ *Братья Гордины*. Манифест пананархистов. С. 28.

(«Школа Приспособления к жизни») или *Репродуктина* («Школа Воспроизведения жизни») ³⁰.

Авторы обращались молодежи с призывом:

«Учащаяся молодежь! Берите школы в ваши руки! Творите вашу самобытность, проявите вашу волю к творчеству. Будьте самими собою. Самоуправьтесь! В вашей груди пламя всепожирания, в вашем дыхании бунт всеразрушения и в вашем уме – дух всеотрицания. Но старики-тираны вас поработили и усмирили. Взгляните! Горбы родителей на ваших душах. Уничтожьте предрассудки старших, гоните вон, исключите из школы религию и науку, культуру отцов и создайте вашу культуру, культуру сынов» ³¹.

В работе «Педагогика молодежи или Репродуктина» есть раздел «Школа и молодое поколение». В нём Братья Гордины критикуют современную школу по следующим направлениям, каждое из которых является ее характерной чертой: *архаизация*, *геронтизация* и *авторитетизация*. Геронтизация в концепции Гординых – это то же самое, что впоследствии было названо ими аморфизмом. Суть критикуемой родоначальниками пананархии архаизации в том, что школа пропитана духом культа предков и наполнена идеализацией древности. «Она считает необходимым, цивилизационно безусловно нужным, – полагают авторы, – провести молодежь, молодое поколение, через весь архив старого мира, и, таким образом, она мешает ему творить свой новый мир, свой младомир». Главное содержание авторитетизации, по мнению Гординых, сосредоточено в основном принципе образовательной школы: воспитай ребенка с детства, и когда он состарится, станешь для него авторитетом на всю оставшуюся жизнь. В контексте обличения авторитетизации Гордины особо выделили критику *суггестивности*, т.е. повышенной внушаемости молодежи. С точки зрения авторов, школьное воспитание и образовательная школа являются духовным насилием над молодым поколением. «Так что школа, – пишут А. Л. и В. Л. Гордины, – является <...> не свободным миссионерским институтом, она хуже: она представляет собой гипнотизаторское учреждение для молодого поколения» ³².

---

³⁰ Там же. Курсив наш. А. Г. О критике школы, Адаптине и Репродуктине см. подробнее: *Братья Гордины*. Педагогика молодежи или Репродуктина. Часть первая: Критика школы. М., 1918.

³¹ *Братья Гордины*. Манифест пананархистов. С. 56–57.

³² *Братья Гордины*. Педагогика молодежи или Репродуктина. Часть первая: Критика

Пятый идеал пананархизма – собственно *анархизм* – в свете концепции Гординых сводился только к свободе личности, отрицанию самой личностью авторитетов, навязываемых ей государством. Тем самым авторы «Манифеста пананархизма» выступали не только за революцию «сверху», но и за духовное совершенствование самого индивидуума. Поэтому не удивительно, что они считали *анархизм* «идеалом развитой личности». По мнению Гординых, это самосовершенствование укрепляется в процессе борьбы с государством, и, тем самым рождает прогресс культуры. Однако связь между идеями антигосударственного протеста и культурного прогресса имеет характер взаимопроникновения и взаимовлияния, поскольку в ней участвуют не только отдельные индивидуумы, но и целые социальные группы (прежде всего, территориалисты и итерриториалисты), классы, полы и др.³³.

Деятельность государства по отношению к личности в сугубо анархистском духе характеризовалась Гордиными как преступная, *десиндивидуализаторская* (т.е. обезличивающая) и деморализующая. Эта деятельность, по их мнению, сводится к трем ступеням угнетения: 1) «воспрепятствование пробуждению личности» (низшая); 2) угнетение личности во время проявления индивидуального протеста против государственной десиндивидуализации (средняя) и 3) «сведение проявленной личности на нет» (высшая). Каждая из этих ступеней признавалась Гордиными аномальной³⁴.

Подведем некоторые итоги исследования.

1. Государственно-правовые воззрения Братьев Гординых рассматривались через призму общественно-правовых отношений. Будучи оригинальными теоретиками российского анархизма, А. Л. и В. Л. Гордины отрицали идеи государства и выступали за безгосударственное социальное устройство. Однако, даже критикуя роль государственного фактора в историческом прогрессе, они не могли избежать обращения к идеям государства и права. Своеобразие государственно-правовых воззрений Гординых состоит в том, что идеи буржуазного государства и права находились в эпицентре их критики, а вопросы созидания теоретики пананархии ставили в контекст социальной модели будущего.

школы. С. 59–62. Курсив наш. А. Г.

³³ Братья Гордины. Манифест пананархистов. С. 26, 28.

³⁴ Там же. С. 30. Курсив наш. А. Г.

2. Гражданско-правовые взгляды Братьев Гординых рассматривались в контексте общественных взаимоотношений между разными социальными организациями: нациями, странами, между полами, молодым и старшим поколениями, учителями и учениками и т. д.

3. Политико-правовая теория анархизма-универсализма, как нам сейчас представляется, имеет в качестве основных составляющих две концепции – марксистско-ленинскую и разработанную П. А. Кропоткиным и его последователям анархо-коммунистическую. Соединив эти два учения, Гордины создали третье, не менее интересное, также базирующееся на принципах социальной революции. Первая стадия и первый идеал будущего общественного устройства – *коммунизм* – практически копирует идеал анархистов-коммунистов, но вместе с тем является такой же низшей ступенью двухстадийного социального строя, как и социализм для большевиков. Анархический Универсал Братьев Гординых – высшая стадия безгосударственного устройства пананархизма, подобно тому, как коммунизм является высшей стадией общественного развития для марксистов. В этом плане пананархисты и большевики были методологически близки друг другу.

4. Характеризуя второй идеал анархо-универсализма – *космизм*, его основоположники исходили из общности географических и даже в чём-то геополитических социальных интересов. В отличие от классических и ранних постклассических анархистов, Братья Гордины не видели ни Россию, ни Европу, ни мир федерацией народов, национальностей, областей. *Итерриториалий* – планетарное общество, без каких бы то ни было границ и препон – должен был символизировать идеи вселенской солидарности и предотвращать военные конфликты. В данном случае воззрения Гординых отчасти подтверждаются современной жизнью. Об этом свидетельствует, например, ставшая реальностью идея общеевропейского единого экономического и политического пространства. Вместе с тем идеи национального патриотизма, которые не признавали теоретики пананархии, еще долго будут актуальными.

5. Раскрывая сущность третьего идеала пананархизма – *гениантропизма*, Гордины подняли и попытались разрешить извечную проблему гражданско-правового положения женщины. Пути решения женского вопроса, предложенные основоположниками анархизма-универсализма, просты. Нужно дать женщине свободу и равноправие с мужчиной – и она больше не будет угнетенным существом.

Женщина должна стать самостоятельным членом общества, занять в нем высокое социальное положение. В унижении женщины, в низведении ее до уровня домашней прислуги и объекта каждодневного полового удовлетворения повинны не мужчины, а государство, власть, старое общество, законы, привычки. Только освободившись от них, можно освободить женщину.

6. Четвертый идеал пананархизма – *педизм* – был не просто призван решать извечные конфликты между старшим и младшим поколениями, а стремился способствовать созданию педагогики будущего, которая, по мнению Гординых, должна быть не такой закостенелой и консервативной, как та, которая взрастила их. В трудах А. Л. и В. Л. Гординых можно выделить следующие идеи воспитания, образования и просвещения: критику аморфизма как консервативного мышления старшего поколения по отношению к молодёжи; критику современного образования и просвещения; необходимость замены старой школы новой – Адаптиной и Репродуктивной; категорическое неприятие науки и религии в процессе образования, воспитания и просвещения; освобождение семьи от домашнего воспитания детей и с этой целью привлечение профессиональных педагогов. В целом, педагогические идеи Братьев Гординых выглядят достаточно умозрительно и утопично. Недостаточно продуманной представляется и методология критики современного пананархистам образования и аморфизма. Однако отдельные идеи Гординых – например, привлечение профессиональных дошкольных педагогов, некоторые аспекты критики буржуазной науки – подтвердились на практике и еще не раз будут востребованы не только педагогикой, но и самой социальной жизнью.

7. Пятый идеал панархии – собственно *анархизм* – ее основоположники рассматривали с сугубо анархистской позиции расширения свободы личности. Однако, в отличие от других авторов – сторонников безгосударственности, – Братья Гордины отличали анархизм в широком, общетеоретическом смысле этого слова, от узкой трактовки этого понятия как одного из своих социальных идеалов. В данный момент нам представляется, что проблеме освобождения индивидуума от государственного угнетения Гордины уделили меньшее внимание, чем классики анархизма. Однако мысли о десиндивидуализаторской и деморализующей функциях государства по отношению к личности, выявление в этой связи трех ступеней угнетения первым последней – безусловно, новый и весьма оригинальный вклад в анархистскую теорию.

Несмотря на утопизм и умозрительность многих воззрений Братьев Гординых, основоположники пананархизма, несомненно, обогатили своими воззрениями историю общественной мысли, в целом, и юридической, в частности.

Рябов П. В.: У меня очень сложное отношение к Гординым и как к практикам анархизма, и как к теоретикам. Много у них, как мне кажется, безумного, но много и гениального. Если говорить о ценном у Гординых, то мне кажется, что действительно идеи, к которым тогда тяготел русский анархизм в разных лицах, в том числе Борового и других, это интеграция разных аспектов эмансипационной теории, критики разных форм угнетения. У Гординых тема управления и тема перспектив дальнейшего движения общества, а также идея «Союза пяти угнетенных» пересекаются с современным интерсекциональным подходом. И вопросы, они достаточно конкретные, можно будет на них ответить коротко. В частности, меня интересует идейный аспект их отношений с анархо-биокосмистами. Как соотносится анархо-биокосмизм и пан-универсализм?

Гарявин А. Н.: Пока еще не рассматривал этот вопрос.

Рябов П. В.: Тогда ещё вопрос. Идеи Гординых пережили бурное развитие, но в докладе они были даны в статике. Как на них влиял опыт российской революции, большевизма и всего остального?

Гарявин А. Н.: Какая была связь с большевиками, я тоже пока не рассматривал. Должен сказать, что эта конференция, и особенно доклад Дмитрия Ивановича Рублева, приводит меня к мысли, что мы с ними идем к одной цели, только немного разными дорогами, у нас разные исторические источники.

Цовма М. А.: Вы все-таки считаете, что это серьезные социальные теоретики, которые заслуживают изучения, или это является чистым образцом безумия и графомании. Если это является серьезной социальной теорией, то в чем ее основная ценность?

Гарявин А. Н.: Это, безусловно, безумие. Рассматривать пан-анархизм как оригинальную теорию, как утопию можно. Если ее сравнивать, с моей точки зрения, с марксизмом или идейными концепциями Бакунина и Кропоткина, Прудона, даже Штирнера, безусловно, они уступают и по силе, и по продуманности. Бакунин и Кропоткин намного более рациональны, и в этом отношении их анархизм более практически значим. Это такая интересная и оригинальная концепция, которая имеет право на существование, но она

не может, с моей точки зрения, претендовать на значительную степень применения.

Рябов П. В.: Я не являюсь знатоком Гординых, но много о них слышал и читал, и у меня сложное, как я сказал, к ним отношение. Что касается их практической деятельности, то к ней я отношусь скорее негативно. Я считаю, что то, что такие люди оказались во главе Московской федерации анархических групп, не очень хорошо повлияло на ее деятельность. Многие их идеи безумные, отчасти божественные, отчасти в них много тоталитарного – того, за что я не люблю футуризм, такого скрытого индустриализма, сциентизма. В какой-то момент сотрудничество с большевизмом неслучайно, поэтому очень многое мне у них кажется и несерьезным, и сумасшедшим. При этом я считаю, что некоторые их идеи ценны и интересны, то есть это такая смесь безумия и глупости с чем-то любопытным, и отношение к ним все-таки неоднозначное.

Дамье В. В.: У меня короткий вопрос. Поскольку вы упомянули педагогические теории Гординых, есть ли там у них какое-то упоминание опыта Феррера, ссылаются ли они как-то на него, критикуют или, быть может, наоборот, ссылаются позитивно? Знакомы ли вы вообще с этим?

Гарявин А. Н.: В своей статье я об этом упоминаю, с Феррером они были знакомы, относились позитивно, педагогические идеи Феррера они предлагали использовать.

Цовма М. А.: Я сделаю маленькую ремарку. Нужно знать, что после разгрома практически всех анархистских объединений «на поверхности» допускалось существование организации братьев Гординых и биокосмистов. Есть все основания предполагать, что это были организации, которые намеренно терпелись ЧК, чтобы, во-первых, представить анархизм в качестве полного безумия, а во-вторых, чтобы расставлять там сети, чтобы вылавливать людей, которые серьезно интересовались анархизмом, вовсе не в версии братьев Гординых, но которым просто некуда было идти.

Рябов П. В.: Есть знаменитая книжка Павлова «Репрессии советского режима против анархистов». Там много приложений, там есть большевистское внутреннее положение о том, что надо давить всех анархистов, особенно после Кронштадта, особенно тех, кто Кронштадт поддерживает, и специально оговаривается, что, если кого не будем давить, то универсалистов, потому что это единственное течение, которое отмежевалось от Кронштадтского восстания.

В. Г. Яценко

Жизнь вне государства:

Повстанческая зона в Приэльтонье, 1918–1923 гг.

*Мятеж не может кончиться удачей,
В противном случае его зовут иначе.*

Джон Харингтон

Человек за свою жизнь непременно совершает хотя бы одно открытие. Я не являюсь исключением из этого правила. Недавно в волгоградских архивах я обнаружил уникальные документы, раскрывающие завесу тайны, долгие годы тщательно скрываемой от нас грифом «секретно». Мозаика докладных записок, оперативных сводок и доносов постепенно выкристаллизовалась в цельный феномен, который я предлагаю назвать «Повстанческой зоной Приэльтонья». Возникло это историческое явление в Астрахано-Царицынском Заволжье в годы Гражданской, а вернее сказать, Крестьянской войны на периферии Советского государства. Я не стал называть эту зону «свободной», так

Вячеслав Яценко

Недавно в волгоградских архивах я обнаружил уникальные документы, раскрывающие завесу тайны, долгие годы тщательно скрываемой от нас грифом «секретно». Мозаика докладных записок, оперативных сводок и доносов постепенно выкристаллизовалась в цельный феномен, который я предлагаю назвать «Повстанческой зоной Приэльтонья».

как люди в ней не были свободны ни от произвола и насилия «своих и чужих», ни от тягот существования *в пределах строгих известного размера бытия*¹. Не стал я называть ее и «изгнаннической»², так как этот термин подразумевает под собой, скорее, пассивное сопротивление государству. В нашем же случае наблюдалась отчаянная вооруженная борьба. Зона была именно «повстанческой», и мой рассказ, надеюсь, вас в этом убедит.

Географические и хозяйственные особенности зоны

Область нашего исследования расположена на обширных просторах Прикаспийской низменности в восточной части Заволжья современной Волгоградской области. Территория эта ограничена с востока линией Приволжской железной дороги Астрахань – Красный Кут: от станции Сайхин до станции Кайсацкое. С севера граница огибает окрестности озера Булухта и проходит на юг до села Степное. С юга зона ограничена линией Степное – озеро Боткуль. Здесь располагались четыре крупных села: Степное, Булухта (ныне не существует), Новый Эльтон (современный Эльтон) и Житкур (ныне не существует). В первой трети XX века Приэльтонье было занято «бурыми сильно-солонцеватыми суглинистыми и супесчаными почвами, в которые отдельными пятнами вкраплены серые почвы лиманов и западин»³. Хозяйственная же деятельность здесь была ограничена с момента организации военного полигона, поэтому сейчас мы можем наблюдать в Приэльтонье огромные массивы малонарушенных зональных пустынных степей. Климат засушливый с резко выраженной континентальностью. Этнический состав местного населения не отличался особой пестротой – преобладали русские и поволжские украинцы. В течение исследуемого периода Приэльтонье несколько раз переходило в административное ведение то Астраханской, то Царицынской губерний.

Столыпинская аграрная реформа непосредственно коснулась целинных земель Приэльтонья. Всего за пять лет ее действия (к момен-

---

¹ Слова из песни Петра Вяземского «Я пережил и многое, и многих».

² Термин «изгнаннически» зоны популярен сейчас среди зарубежных историков и социологов. См., например, *Andrej Grubacic and Denis O'Hearn. Living at the edges of capitalism: adventures in exile and mutual aid / University of California Press, 2016.*

³ *Медведевский Г.Р., Паневин Б.В. Сталинградский округ на путях сплошной коллективизации. Выпуск II. Сталинград, 1930. С. 8.*

Автор статьи на берегу Горько-Соленого озера (Булухта), вокруг которого формировалась повстанческая зона.

ту октябрьского переворота 1917 г.) исследуемая зона приобрела свою хозяйственную специфику: основу ее экономики составляли столыпинские отрубные хутора и помещичьи имения, перешедшие на капиталистические рельсы развития. Они сетью покрывали степные просторы Приэльтонья. Расстояние между ними порой не превышало нескольких километров. Фермеры-степняки были собственниками и арендаторами больших наделов возделываемых и пастбищных земель. Они обладали многочисленным поголовьем крупного рогатого и рабочего скота, отарами овец, современной сельскохозяйственной техникой, пользовались, в том числе, паровой техникой (локомобилями) и жатвенными машинами – лобогрейками. Многие занимались промышленным садоводством и огородничеством. Без крепкого хозяйства и крупного земельного участка выжить в Заволжских степях было невозможно. Суровые условия резко континентального климата, высокая рисковость земледелия привели к тому, что земельная норма в этих местах была самой высокой в России – до 75 десятин удобной земли на домохозяйство⁴. Возделываемые целинные земли приносили богатые урожаи. До начала Гражданской войны они не успели потерять своего плодородия и подвергнуться ветровой эрозии.

---

⁴ Волгирева Г.П. Современные инновационные подходы к развитию сельского хозяйства как ретроспекция традиции российского землеустройства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/simpoz1/49.htm>.

По свидетельству местных чиновников, «до [большевистского. – В.Я.] переворота население ... не знало той нужды, которую испытывали крестьяне Пензенской, Нижегородской и др. губерний, и рука старого режима, благодаря широкому приволью, была для них почти не чувствительна»⁵.

Все изменилось с приходом к власти большевиков. Введенная ими политика «военного коммунизма» – продразверстка, государственная монополия на сельскохозяйственные продукты, запрет частной торговли, а также массовая мобилизация мужского населения и перевозочных средств в Красную армию – стала основной причиной вспышки антибольшевистского повстанчества в Приэльтоне. Экономическая автономность хуторян Приэльтонья, их клановость и территориальная изолированность от уездных и губернских центров, опыт в отражении грабительских набегов соседей-кочевников являлись основными факторами в стремлении степняков к самостоятельности и безгосударственности. Поэтому утверждение в регионе продразверстки и других мер «военного коммунизма» встретили массовый отпор со стороны приэльтонского крестьянства – поначалу пассивный, а затем и вооруженный. От иных повстанческих зон того мятежного времени Приэльтонье отличалось активным участием в борьбе с советским режимом всего хуторского населения – от фермеров («мироедов-кулаков») до батрачества. Помимо насаждения «коммунальных начал», большую роль в зарождении повстанчества здесь сыграли толпы дезертиров, в изобилии наводнившие в годы Гражданской войны местные хутора и тростниковые заросли малых рек и лиманов. Летом и осенью 1918 года ситуация в регионе крайне обострилась. Предыстория бунта развивалась в Кайсацкой волости.

Повод к бунту

В августе 1918 года в Кайсацкую прибыл продотряд Астраханского Губпродкома – 120 красноармейцев, вооруженных пулеметами. Цель экспедиции – изъятие хлеба у хуторского населения. Начали с помещиков. Были конфискованы и переданы в распоряжение комитета бедноты усадьбы помещиков Богодухова-Бондаренко, Галичкина, братьев Морозовых, Карповых и Панечкина. Почти сразу же на базе изъятых усадеб были организованы совхозы. В августе конфискация имущества и выселение семей фермеров проходили в приэльтонских

---

⁵ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 171.

Изъятие хлеба у хуторского населения послужило поводом к бунту.

*Озеро Булухта —
центр повстанческой зоны*

*Как и сто лет назад, на пастбищах,
расположенных вокруг озера
Булухта, пасутся отары овец
и табуны лошадей.*

хуторах, которые стали оказывать вооруженное сопротивление продотрядам. Как правило, каратели такие хутора сжигали, а активных участников сопротивления расстреливали на месте (пример – хутор Галичкиных). В сентябре в волость прибыл специальный уполномоченный по Астраханской губернии тов. Лянземер с мандатом Совета труда и обороны республики. Началась бесцеремонная «выкачка» хлеба и отправка его по железной дороге в Москву, Астрахань и Царицын. Продотряды сразу же столкнулись с массовым саботажем хуторян. Крестьяне прекратили уборку хлеба. Власти приняли самые крутые меры. Из Астрахани прибыл эшелон рабочих, мобилизованных для уборки урожая с полей саботажников. У недовольных продразверсткой хуторян брали в заложники глав семей или сыновей. В случае невыполнения разверстки их расстреливали. Крутые меры подействовали – из Кайсацкой волости и Приэльтона было вывезено 300 вагонов с хлебом (300 тысяч пудов). Это был единственный и последний успех большевиков в этих местах в период «военного коммунизма». Пассивное сопротивление местного хуторского населения к осени 1918 года вылилось в вооруженное восстание. Перемещаться по степи малыми группами продотряды и уполномоченные волисполкома уже не могли. Смельчаки исчезали. Их изуродованные трупы потом находили в степных колодцах⁶.

Восстание «Степных партизан»

К осени 1918 года в Заволжье сложились все предпосылки для зарождения народного восстания. Движущей силой бунта были дезертиры разложившихся частей Красной армии. Они стали основным ядром организации «Степные партизаны», поднявшей в сентябре 1918 года крестьянско-дезертирское восстание⁷. Кроме крестьян, «Степных партизан» поддержали антисоветские профсоюзы и часть интеллигенции (агрономы, учителя, чиновники), которая, по свидетельству местной милиции, имела в основном «лево-право-эсеровские взгляды»⁸. С самого начала восстания руководители организации «Степные партизаны» разделили степь Николаевского, Царевского

---

⁶ Воспоминания Горемыкина Михаила Григорьевича, члена РКП(б) с 1918 года, военного комиссара ст. Кайсацкая в 1918 г. ГКУВО «Центр документации новейшей истории Волгоградской области» (ЦДНИВО). Ф. 149. Оп. 3. Д. 69. Л. 19–24.

⁷ ГАВО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 172.

⁸ ГАВО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.

уездов и большую часть Приэльтонья на 13 штабов⁹. Во главе штабов были поставлены распорядители, знающие местность и «даже международное положение страны». Этими штабами производилась мобилизация местного населения и его военное обучение. Возглавляли крестьянское движение «помещики и военные специалисты»¹⁰. В окрестностях озера Булухта по хуторам располагались штабы есаула Носаева и братьев Сабининых, семейного клана уголовников Еркиных и братьев Солохиных. О характере и масштабах партизанских антисоветских действий в Царицынско-Астраханском Заволжье красочно пишут в своих воспоминаниях очевидцы событий¹¹. Население Заволжья «частью насильственно, но в большинстве добровольно, продовольствовало повстанцев с сентября по день изгнания». В воззваниях бунтовщиков угадывалась их стратегическая цель: ударить в тыл 10-й Красной армии и пойти на соединение с донской армией Краснова, связь с которой поддерживалась с помощью посыльных¹². В марте 1919 года в селе Житкур, располагавшемся в 25 километрах юго-западнее озера Эльтон, произошла одна из самых садистских в истории этого восстания расправ над коммунистами и советскими служащими.

Житкурская резня

В захвате Житкура принимали участие повстанческие отряды братьев Еркиных, братьев Солохиных, Маслова и Пятакова. Общая численность объединенного отряда превышала 600 партизан. Население Житкура в то время составляло около 12 тысяч человек. Гарнизон села насчитывал 56 вооруженных человек. Располагался гарнизон в здании волисполкома на базарной площади села и в двух саманно-глинобитных торговых лавках – тут же на площади. В стенах этих лавок были пробиты для круговой обороны бойницы. Лавки соединялись со зданием волисполкома ходом сообщения. В конце февраля повстанческие отряды стали скапливаться в хуторах и балках, расположенных в окрестностях села Житкур. Они ждали благоприятного момента для нападения. Связь с местными жителями обеспечивала

---

⁹ ГКУВО «ЦДНИВО». Ф. 149. Оп. 3. Д. 303. Л. 1.

¹⁰ ГАВО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 172.

¹¹ *Яценко Вячеслав*. Хроника утаенного бунта: Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918–1923). М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 32–46.

¹² ГАВО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 172.

собака, принадлежавшая местному кулаку по прозвищу Рыжий. Его сын входил в состав отряда братьев Солохиных. На рассвете 5 марта 1919 года объединенные силы повстанцев с четырех сторон ворвались в Житкур. К ним присоединились вооруженные вилами и топорами местные жители. Бой шел в основном на площади. Перестрелка велась несколько часов. К утру партизанам удалось из-за церкви ворваться в здание волисполкома. Вырваться из двойного кольца окружения удалось лишь 16 бойцам гарнизона. Нападавшие партизаны в бою за Житкур потеряли более ста человек убитыми и ранеными. Из 56 человек гарнизона, живыми они захватили около 40 человек. В тот же день после взятия Житкура повстанцы собрали местное население на базарной площади и приступили к суду и расправе. На площади наскоро сколотили трибуну и подмости вроде эшафота. Поднимали на подмости связанного пленного, «суд» с трибуны объявлял его фамилию, кто он и какую занимал должность, сообщали к какой каре он присуждается, а затем начинали приведение приговора в исполнение. Не буду описывать зверства этой расправы. Скажу лишь, что пленные приняли мученическую смерть. 10 марта объединенный отряд астраханских и местных красноармейцев в 600 человек при 10 пулеметах без боя вошел в Житкур. Колонна карателей остановилась на площади. В селе царила мертвая тишина. Ни одной души на улице. Удивительно, но многие повстанцы, участвовавшие в расправе над Житкурским советом и гарнизоном, впоследствии не понесли серьезных наказаний. Максимум, что им пришлось пережить – это лишение гражданских прав до момента массового раскулачивания. Почти все житкурские партизаны потом окажутся в колхозе, а некоторые даже займут должности бригадиров. Впрочем, позже все они попадут под пресс раскулачивания.

Приэльтонье – очаг восстания

Главными героями трагедии Житкура были лидеры повстанческого движения в Приэльтонье – Григорий Носаев, братья Сабинины, Дуюновы и Солохины. Эти люди были организаторами первой волны сопротивления большевистскому режиму в крае. Летом 1918 года донской казак, есаул Носаев в районе Булухты формировал партизанские отряды. Как оказался донской казак в Заволжье, пока остается загадкой. Возможно, Носаев в составе диверсионной группы был направлен атаманом Красновым в тыл Красной армии, в Заволжье для организации повстанческого дви-

жения. Действительно, он сумел к концу 1918 года объединить партизанские группы житкурских зажиточных крестьян и хуторян (кланы Солохиных и Дуюновых). Большую помощь в этом ему оказали братья Сабинины – Николай, Егор и Федор. При этом Николай, как бывший офицер, занимался военными вопросами организации повстанческого движения. Федор возглавлял партизанский взвод. Егор как член партии эсеров и как авторитетный агроном отвечал за политическую программу инсургентства и за агитацию среди населения¹³. Весной 1919 года отряды Носаева-Сабининых нападали на сельсоветы, ловили совработников, откомандированных в заволжские степи для реализации продразверстки и «расправлялись с ними, бросая последних в степные колодцы». После взятия Житкура карателями, объединенный отряд повстанцев вначале раздробился на мелкие группы, которые позже вновь частично объединились. Они совместно отошли на Урал и объединились с войсками командующего Уральской отдельной армией В. С. Толстова. Таким образом, первая вспышка восстания «Степных партизан» была подавлена в начале апреля 1919 года крупными войсковыми соединениями. Через полгода Толстов возвращает объединенные отряды Носаева-Сабинина в Астраханские степи для организации связи с армией Деникина. Местом своей дислокации они вновь избрали степи Приэльтона. Заволжские хутора станут впоследствии базой для повстанческих групп Носаева вплоть до момента их сожжения и переселения зимой 1921–1922 гг.¹⁴ В конце 1919 года крупный отряд Носаева-Сабинина в 400 бойцов произвел налет на станцию Джаныбек. Гарнизон был захвачен врасплох. Многие красноармейцы попали в руки инсургентов и погибли. Учреждения были разгромлены и сожжены. Кооперация, мукомольные мельницы, склады железной дороги – разгромлены. В мае 1920 года Царицынский губисполком и командование бригады ВОХР¹⁵ вы-

---

¹³ ГАВО. Ф. 282сч. Оп. 3с. Д. 105. Л. 5–6, 10–14, 18, 22–23, 25, 49, 80–86, 172–178, 243, 260, 287, 290(а), 290.

¹⁴ ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Л. 42.

¹⁵ ВОХР – Войска внутренней охраны Республики, специальные тыловые вооруженные формирования, созданные по постановлению Совета обороны от 28 мая 1919 г. После объединения ВОХР с частями караульными, железнодорожной обороны и транспортной милицией, 1 сентября 1920 г. были переименованы в Войска внутренней службы (ВНУС).

слали в заволжские степи крупный карательный отряд. Под его ударами отряд Носаева-Сабинина рассеивается. Носаев, Николай Сабинин и Гребенников под видом продармейцев попытались уйти в киргизские степи, но на хуторе Тургунская часть, при попытке получения советских документов, они были взяты в плен¹⁶. Уйти удалось только Носаеву, который, скрывшись в киргизских степях, вскоре сформировал новый повстанческий отряд¹⁷. Федору Сабинину удалось бежать от карателей. С тех пор о его судьбе ничего не известно. В хуторе Кольченков Кайсацкой волости был пленен штаб Носаева вместе с начальником штаба Егором Сабининым, который был в беспамятстве из-за тифа¹⁸.

Мелкие партизанские отряды

Осенью 1920 года в Заволжье милиция и коммунотряды постоянно сталкивались с мелкими бандами хуторян и дезертиров. Наибольшую активность проявляли уголовные банды братьев Еркиных (уроженцы села Заплавное Ленинского уезда) и Солохина (уроженец села Житкур)¹⁹. Войска внутренней службы (ВНУС) проявили в регионе крайнюю степень пассивности и бюрократизма. За год сменилось около десяти командующих, «дела которых дальше кабинетов не шли». Части ВНУС постоянно переформировывались. Штаб ВНУС ограничивался «писанием грозных приказов об уничтожении бандитизма, не приводя их в жизнь». Такая бесхребетность властей привела к тому, что в заволжских степях в начале 1921 года повстанчество вновь расцвело в полную силу. Появились новые «видные партизанские вожди»: Чупрына, Маслов, Шувалов, «принимавшие энергичные меры к пополнению своих рядов». Военкомат Ленинского уезда, не имея реальных сил для борьбы с повстанчеством, взирал на их деятельность, как «посторонний наблюдатель»²⁰. На местах новые полевые командиры имели свою разведку и наводчиков²¹. Осенью 1920 года в Царицынское Заволжье проникают разрозненные

---

¹⁶ Сабинин и Гребенников расстреляны 29 октября 1920 г.

¹⁷ ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 12. Л. 207.

¹⁸ ГАВО. Ф. 282сч. Оп. 3с. Д. 105. Л. 80–86, 107–109, 172, 178, 243, 287, 290а, 290; Ф. 122. Оп. 1. Д. 302. Л. 27.

¹⁹ ГКУВО «ЦДНИВО». Ф. 149. Оп. 3. Д. 69. Л. 28–29.

²⁰ ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 302. Л. 27.

²¹ ГАВО. Ф. 77. Оп. 2. Д. 14. Л. 5–6.

отряды Первой Красной армии «Правды» Сапожкова (мятежная кавалерийская Вторая Туркестанская дивизия). После гибели Сапожкова один из его отрядов под командованием члена штаба Сафошко бежал в Ханскую Ставку, а оттуда в район озера Булухта, где прятался «по камышам и улусам»²². Большой интерес вызывает фигура еще одного командира крупного заволжского партизанского отряда Михаила Пятакова. Дело в том, что позже, в марте 1921 года, этот человек возглавил одно из крупнейших антибольшевистских движений в крае – «Восстание голодающих крестьян Поволжья» (14 марта – начало апреля 1921 года), охватившее обширную территорию современного Саратовского и Волгоградского Заволжья, а также Красноармейского района Саратовской области. В сводках военспецов его называют бывшим продовольственным комиссаром. Когда Пятаков перешел на сторону повстанцев – точно неизвестно. Но его имя упоминается в рассказах очевидцев о Житкурской резне в марте 1919 года²³. В январе 1921 года крупный отряд Пятакова, численностью до 400 человек, произвел ночной налет на город Царев²⁴. В архивах было найдено краткое сообщение о приметах Михаила Пятакова – «рост выше среднего, усы и бороду бреет». В отряде Пятакова также находился его младший брат Егор («рост средний, 26 лет»)²⁵.

Колесов объединяет повстанцев

На второй день после начала восстания «Голодающих крестьян Поволжья» отряд мятежного комбрига Первой конной армии Ивана Колесова (50 всадников) прибыл в Приэльтонье²⁶. Здесь в районе Булухты он объединился с партизанской группировкой Носаева-Еркина-Маслова, общей численностью до 100 сабель и 200 штыков при шести пулеметах²⁷. Колесов за короткое время изменил характер повстанческого движения в Приэльтонье и соседних с ним районах, придав ему политическую окраску²⁸. С приходом в Приэльтонье Колесова, прославленного и опытного командира, действия носаяевцев

---

²² Архив УФСБ России по Волгоградской области. Ф. 2. Д. 485. Л. 8.

²³ ГКУВО «ЦДНИВО». Ф. 149. Оп. 3. Д. 69. Л. 28.

²⁴ Там же Л. 42.

²⁵ ГАВО. Ф. 77. Оп. 2. Д. 8. Л. 4(об).

²⁶ Подробнее о мятеже Ивана Колесова см: *Яценко Вячеслав*. Указ. соч. С. 114–128.

²⁷ ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Л. 11, 12.

²⁸ Там же. Л. 13.

становятся более решительными, частыми и продуманными. До прихода отряда Колесова носаявцы нападали в основном на мелкие населенные пункты. Под началом же бывшего комбрига объединенные силы партизан нападали на волостные и уездные центры: 3 апреля – село Старый Эльтон, 5 апреля – Быково, 12 апреля – станция Кайсацкая. В коммунах инсургенты захватили стадо крупного рогатого скота, которое неторопливым аллюром двинулось в глубь степей.

Карательная экспедиция Твердохлебова

Утром 8 апреля в Быково из Царицына на пароходе «Аскольд» прибывает карательная рота курсантов под руководством чрезвычайно-уполномоченного по борьбе с бандитизмом губчрезвычайкома Твердохлебова. Твердохлебов понимает, что партизаны обременены обозом награбленного имущества и стадами скота. Они потеряли главное свое преимущество – мобильность. Поэтому разбить их крупными силами не составит особого труда. Вечером 8 апреля в Александровке группа Твердохлебова соединяется с эскадрон милиции комбрига 28 милицейской бригады Попова, «ветерана красной конницы Буденного». Сводный отряд Твердохлебова-Попова движется на юго-восток «с целью пресечения пути отступления бандитов». Параллельно движению оперативная тройка производит «чистку» местности: за два дня расстреляно пять подозрительных субъектов, один бандит зарублен разведкой. 11 апреля разведка докладывает, что «банда» движется к хутору Булухта. На следующий день, в полдень, у хутора Молоканина задержаны четыре киргиза, которые вербовали хуторян в отряд Носаева²⁹. 13 апреля карательный отряд по дороге на Булухту неожиданно натывается на партизан Шувалова (80 сабель, 50 штыков на тачанках). Начался бой. После получасовой перестрелки эскадрон Попова пошел в атаку и обратил инсургентов в бегство. Раненых и убитых товарищей партизаны увезли на тачанках. «Батька» Шувалов был ранен в руку и оставил Твердохлебову свою лошадь. Шуваловцы во время боя потеряли и свое знамя «Смерть коммунистам!» На следующий день рано утром карательный отряд проходит вокруг Булухты в обход противника. По пути милиция ловит восьмерых носаявцев, которых тут же постановлением тройки расстреливают. В тот же день в хуторах Сеницына-Никифорова была обнаружена часть коммунарского

---

²⁹ ГАВО. Ф.122. Оп. 1. Д.357. Л.32.

скота, «каковой отобран. Виновные преданы суду». 15 апреля на хуторе Поляково во время ночевки был пойман брат одного из бандитов: укрыватель расстрелян, хутор сожжен, семейство отправлено в Николаевск «для переселения». 17 апреля во время ночного передвижения карательного отряда «бандиты, пользуясь ночной темнотой, а также переутомлением бойцов ... с трех сторон сделали ... налет и открыли залповый огонь по обозу кавалерии». Цель нападения – посеять панику среди карателей и уничтожить их отряд. Но налет повстанцев оказался неудачным. Комбриг Попов организовал отпор и обратил партизан в бегство. Хутор, в котором партизаны сделали засаду, был тут же сожжен карателями. Утром того же дня разведка Попова вновь обнаружила у хутора Серегин Сад крупные силы партизан (120 сабель, 70 пехоты). Бой с ними длился около шести часов. Попытка инсургентов окружить карателей не увенчалась успехом. 18 апреля твердохлебовцы продолжили преследовать разбитые группы партизан. Была захвачена носавская тачанка. Три находившиеся в ней партизаны изрублены. Отбито 120 голов скота. Пойман партизан Самойлов. У него отобрано 50 тысяч рублей, доставшихся ему при дележе разграбленной почты. 19 апреля сводный карательный отряд возвращается в Александровку, по дороге «очищая» правую сторону Эльтонского тракта. У Зубовской станции был взят «известный бандит» Гостьев. В 14 верстах от Александровки каратели встречают полк и дивизион 81-й бригады 27 сибирской дивизии. Утром 20 апреля карательная экспедиция заканчивается в Николаевске. Результаты впечатляющие: отбит почти весь захваченный в Быково и коммуне «Правда» скот (более 600 голов)³⁰, возвращена часть захваченных почтовых денег, серьезно потрепана крупная сводная группировка партизан Носаева-Колесова. Твердохлебов посылает в губернский центр донесение о необходимости создания мобильных экспедиционных отрядов силами до 150 сабель при поддержке двух автомашин с пулеметами и одной легкой трехдюймовой пушки для борьбы с заволжскими партизанами³¹.

---

³⁰ 400 голов скота Твердохлебов сдал в Абашевский трак, находящийся в 20 верстах от Николаевска. Часть скота взята «для нужд бригады», часть сдана Николаевскому Уисполкому. Другая часть увезена курсантами в Царицын. Как видно из донесения Твердохлебова, ни одно животное не было возвращено хозяйствам, которым скотина принадлежала до грабежа (См.: ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 357. Л. 32).

³¹ ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 357. Л. 32–33.

Попытка захвата Ленинска

В конце апреля объединенная группировка повстанцев начинает скапливаться вокруг Ленинска. К Ленинску устремляются вооруженные крестьяне. Даже из далекого Новоузенского уезда на 10 подводах прибыли самарские гости – отряд партизан под руководством Кандалова. «Между бандитами носится упорный слух: скоро будем в Ленинске», – сообщает секретно-оперативный отдел Царицынской ГубЧК. Играя на руку повстанцам, командир батальона, дислоцированного в Ленинском уезде, снял охрану во многих волостях. В связи с этим, «бандиты участвовали в грабежах в селах»³². «Ежедневно назойливо показывается бандитская конная разведка... Ожидается налет на Ленинск», – докладывал 18 апреля составитель оперативной сводки³³. 25 апреля один из отрядов носаявцев предпринял дерзкое нападение на село Колобовка, расположенное в 18 верстах восточнее Ленинска. Здесь были убиты начальник городской милиции Ленинска Ермолаев и секретарь исполкома Соловьев³⁴. 28 апреля отряд Носаева распадается на небольшие группы численностью от 6 до 16 человек, которые занимают хутора Барановка, Упрямовка, Солдатско-Степные хутора³⁵. Одной из стратегических целей повстанцев был срыв «посевкомпании» в регионе. Мелкие группы носаявцев периодически производили грабежи семенного хлеба. Доходило до того, что мешки с хлебом партизаны отбирали у крестьян прямо на пашне³⁶: «из степей возвращаются ограбленные бандой крестьяне, заявляя, что многие из них не засеют хлеб»³⁷. При разгроме партизанских групп красноармейцы и милиция, как правило, передавали награбленный бандами хлеб и скот не крестьянам (видимо, было много мороки с учетом), а в совхозы³⁸. Затем в совхозы вновь врываются повстанцы и забирали хлеб и скот обратно. Так и вращалось движимое крестьянское имущество между партизанами и совхозами. Тучи сгущались над Ленинском, но планам его захвата так и не суждено было осу-

---

³² ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Л. 9.

³³ Там же. Л. 10.

³⁴ Там же. Л. 17.

³⁵ ГКУВО «ЦДНИВО». Ф. 56. Оп. 1. Д. 28. Л. 12.

³⁶ ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Л. 13.

³⁷ Там же. Л. 21.

³⁸ Там же.

шествиться. Неожиданно главные силы партизан уходят в киргизские (казахские) степи. Они появляются вновь в 50 верстах восточнее Николаевска в начале мая. Их ряды существенно пополнились киргизскими кочевниками. Другая часть носаяевцев под командованием Маслова в это время оперирует в районе озера Эльтон³⁹. 10 мая объединенные силы партизан достигли двух тысяч человек – «преимущественно киргизская кавалерия». Командует группировкой Носаев⁴⁰. В партизанских операциях отряд Колесова уже не участвовал. Донцы отделились от общих повстанческих сил Заволжья и вернулись в родные края.

В мае свою карательную операцию в Приэльтонье проводит бригада № 80 27-й Омской стрелковой дивизии во главе с Романом Сокком. Бригада была хорошо вооружена: имела много пулеметов, две батареи пушек и автобронеполк, состоявший из четырех броневиков на автомашинах с пулеметными башнями кругового обстрела. Комбриг сформировал оперативные тройки по борьбе с повстанчеством. Тройки имели право расстреливать, брать в заложники и выселять степняков, а также сжигать их хутора. Согласно плану Сокка, войсковые колонны должны были выступить в степь в двух направлениях. Одна часть бригады отправилась по маршруту: Царев, Умет, Житкур, озеро Эльтон, балка «Хора». Вторая – выступила по маршруту: балка Кульгута, хутор Финогенова, хутор Назарочкина, балка Сайгачья, озеро Булухта. Встреча двух соединений должна была состояться на плотине балки «Хора». На пути своего движения обе группы вели тщательный «прочес и облавы» всех встречающихся на их пути хуторов, на 10–15 км.

«О наших выступлениях бандиты были полностью осведомлены и в соответствии с этим вели себя и перемещались в степи, чтобы не встречаться своими главными силами с нашими войсковыми частями», – вспоминал член оперативной тройки Михаил Горемыкин. География местности накладывала свой отпечаток на тактику повстанческих отрядов. Горемыкин так описывал поведение партизан: «Например, получали сведения о движении крупных вооруженных сил красноармейцев... с которым опасно или не имеет смысла сталкиваться. В этих случаях отдельные бандиты (молодые и взрослые) превращались в пахаря, косца, сеяльщика, пастуха, работавшего

---

³⁹ Там же. Л. 18.

⁴⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 384. Л. 150–155. Подлинник.

у себя дома в хуторе... Винтовка под копной сена, под скирдой, лошадь верховая пасется рядом, седло спрятано. Если же отряд небольшой... и с ним можно схватиться, обезоружить, уничтожить и т.п. этот "безобидный труженик" молниеносно превращается во всадника с винтовкой и с шашкой. Дается сигнал на другие хутора разными способами: ставятся в отдаленное положение махи ветряных мельниц, поднимается на колодезный журавль какой-нибудь маяк (мешок, пиджак, дерюга), разводит костер с дымом и т.п. Сам же или группа всадников из этого хутора мчат в определенном направлении с хутора на хутор, и вот через 10–15 км появляется крупный в 30–50 и даже 100 вооруженных бандитов, отряд, который налетает на красноармейцев, уничтожает их и расправляется с ними зверски»⁴¹.

Неудивительно, что части 80-й бригады на своем пути и на хуторах почти никого не встречали и партизанских отрядов не видели. Были небольшие стычки с инсургентами в районе Сайгачьей балки и у хуторов Ткаченко и Назарочкина, но они были, по словам Михаила Горемыкина, «почти безрезультатными».

«Бандит на хорошей быстрой верховой лошади очень подвижен, ему знакомы все хутора, балки, ложбинки, и он легко уходит от отряда, части, движущейся на повозках или от автобронемашин, которая не может угнаться за группой или одиночным бандитом по полю без дороги»⁴², – объяснял ситуацию Михаил Горемыкин. Таким образом части бригады № 80 «гуляли» по пространствам Приэльтонья около двух недель.

Свидетельства зверств партизан

Партизаны продолжали подрывать зыбкие устои Советской власти на обширных просторах Заволжья, проявляя при этом невиданную жестокость к представителям нового режима. Бойцы бригады № 80 стали свидетелями зверств «Степных партизан». Михаил Горемыкин вспоминал: «Двигаясь в районе хутора Ткаченко, мы решили свернуть к отгонному колодцу, чтобы напоить лошадей и заправить водой автомашины. Когда мы подъехали к колодцу, вокруг него никого не было. Из колодца исходило сильное зловоние и вода находилась на необычно высоком для этих мест уровне. Мы сразу поняли, что здесь находится "кладбище" наших людей, убитых бан-

---

⁴¹ ГКУВО «ЦДНИВО». Ф. 149. Оп. 3. Д. 69. Л. 42–69

⁴² Там же.

дитами в разное время и сбрасываемых сюда. На ближайших хуторах отыскивали емкие бурдюки и опытных колодезников. Откачали кровавистую воду. Колодец был со срубом, ширина его внизу 2 на 2 метра, глубина до 20 метров. Начали извлекать изувеченные, некоторые обезглавленные, распухшие от тепла и воды изрубленные трупы советских людей, которых бандиты, захватывая на хуторах при налетах на села, зверски убивали и в этот колодец на протяжении осени, зимы, весны сбрасывали. Вода из колодца была откачена, трупы извлечены. Всего было 72 трупа. Некоторые из трупов были опознаны, но большинство опознать было нельзя из-за их изуродованности и разложения. Произвели поверхностную опись трупов с помощью имеющегося медперсонала бригады. На возвышенном холмике в общей братской могиле похоронили эти останки наших советских людей, защитников революции»⁴³.

Ночью бойцы бригады на лошадях и автомашинах сделали пятидесятикилометровый бросок и обложили хутор Назарочкина, который насчитывал 18 дворов. На рассвете начался тщательный обыск хутора. Несколько конных и пеших партизан попытались ускакать с хутора, но были или убиты, или схвачены. На хуторе были взяты в плен 12 повстанцев с оружием. В мельнице, в яме под полом был обнаружен сын мельника – известный в крае партизан. Силами красноармейцев из хутора были вывезены в поле «на ветер от хутора» все молотилки, плуги, бороны, сеялки, конные грабли, кузнечный инструмент (меха, наковальни, тиски, сверлильные станки и т.п.), оставленное владельцами в амбарах зерно, скот и другие ценные продукты, «чтобы они не погибли в огне». Через два часа хутор был зажжен в нескольких местах с ветра. Деревянные и саманные постройки вспыхнули. И через три часа от некогда богатого хутора остались одни угли. 12 приговоренных к расстрелу партизан были пущены в расход в ближайшей к хутору ложбине. Карательный поход закончился. Части бригады № 80 двинулись в Ленинск, а затем ушли в Царицын. В 1922 году за проведение карательных операций в Царицынской губернии Роман Сокк был награжден вторым орденом Красного знамени.

Свободная зона Пятакова

В конце июня в степях, расположенных между Сайхином и Эльтоном, активизировались партизаны Пятакова. Здесь они создали

---

⁴³ Там же.

свободную от большевизма зону со своими порядками. Группировка Пятакова разделилась на три группы численностью по 200–300 сабель. Личный отряд Пятакова насчитывал 300 всадников, 40 тачанок с пулеметами. 28–29 июня они базировались в хуторе Безкаравайном. Пятаков, как это ни странно, занялся охраной границы Царицынского Заволжья от грабительских набегов казахов («ловили грабителей киргиз»), уведивших скот с пастбищ заволжских крестьян. Иногда они расстреливали пойманных конокрадов. Украденных ими лошадей и другой скот пятаковцы возвращали хозяевам. По свидетельству очевидцев, в отряде Пятакова было около 50 женщин, старики и дети (видимо, жены и родственники ушедших с Пятаковым участников восстания «Голодающих крестьян Поволжья»). Всех задержанных граждан партизаны препровождали к командиру отряда, который проводил с ними беседу и отпускал, выдавая пропуск на свободный проезд⁴⁴. В августе пятаковцы переместились к границам Самарской губернии. Активность пятаковцев странным образом совпала с прибытием в Камышин и Николаевск председателя ВЦИК товарища Калинина (16–17 августа)⁴⁵. 17 августа пятаковцы буквально заволокли степи Николаевского уезда: 250 кавалеристов Пятакова находятся кругом всех совхозов, расположенных в 50–60 верстах северо-восточнее Николаевска. Пятаков, совместно с самарскими полевыми командирами Серовым и Сарафанкиным, активно выстраивал единую линию фронта от реки Узень до Волги. Сарафанкин снабжал пятаковцев оружием и боеприпасами. Продовольствием же Пятаков снабжал себя сам. В обозе его отряда был приличный запас муки (до трех тысяч пудов) и до одной тысячи голов КРС⁴⁶. 7 сентября 250 пятаковцев предприняли показательное наступление из Кноровки на Николаевск. 22 сентября они ушли в район озера Булухты⁴⁷.

По соседству с пятаковцами оперировали мелкие группы Шувалова и Самаркина, включившие в себя казаков обезглавленного отряда Хлынова. Они базировались в Лимане Магут. Эти партизаны дважды занимали село Кислово, в котором ограбили склады и пленили предволисполкома Черноиваненко и трех милиционеров⁴⁸.

---

⁴⁴ ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Л. 5, 8.

⁴⁵ ГАВО. Ф. 497. Оп. 4. Д. 2. Л. 37.

⁴⁶ ГКУВО «ЦДНИВО». Ф. 56. Оп. 1. Д. 30. Л. 82

⁴⁷ Там же. Л. 77.

⁴⁸ ГАВО. Ф. 497. Оп. 4. Д. 2. Л. 4, 29, 30, 41; ГАВО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 16. Л. 3; ГКУВО

Еще одна крупная группировка повстанцев в 150 сабель, возглавляемая Носаевым и Еркиным, располагалась в те дни в окрестностях Джаныбека⁴⁹.

Руководитель губернской чека Пога отмечал следующую особенность «политического бандитизма», существовавшего в Приэльтоне в конце сентября 1921 года: «Банды в том виде, как были раньше, почти уничтожены, остались более крупные объединения – Пятакова и Носаева, подчинившие себе мелкие банды»⁵⁰. Центром повстанчества в то время считалась Кайсацкая волость, в которой наблюдалось «полное отсутствие вооруженных воинских частей и даже милиции, каковая чуть ли не в большем своем составе перешла в банду, часть из них были уличены в грабеже, но благодаря свившемуся среди милиционеров контрреволюционному гнезду, эти грабители ... были упущены и ... перешли в банду». Честных коммунистов в Кайсацком насчитывалось не более десяти человек. Они находились буквально в подполье, рискуя «каждую минуту попасть в руки бандитов и быть изрубленными». Все призывы о помощи кайсацких властей к уездному и губернскому начальству услышаны не были. Центр просто решил не отправлять в Кайсацкую волость семенной хлеб, считая ее «центром бандитизма»⁵¹.

Уничтожение базы повстанцев

19 июля 1921 года состоялось заседание Президиума Царицынского губернского исполкома, посвященное мерам борьбы с бандитизмом в заволжских уездах. Решено было уничтожить базу повстанцев – степные хутора. Протокол № 13 обязывал власти Заволжья создать «тройки», ведающие переселением хуторян. В течение осени (до 1 октября) необходимо было выселить хуторян, проживающих дальше десятиверстной полосы от уездных и волостных центров. Им было предписано «в обязательном порядке выселиться по месту приписки к волостному или уездному центру или в указанный тройкой поселок». Постройки хуторов, замеченных в поддержке бандитизма, предполагалось перемещать в волостные и уездные центры. Семьи, потворствовавшие повстанцам, препровождались в концлагеря. Их дети

«ЦДНИВО». Ф. 56. Оп. 1. Д. 30. Л. 55, 77, 81.

⁴⁹ ГКУВО «ЦДНИВО». Ф. 56. Оп. 1. Д. 30. Л. 57.

⁵⁰ ГКУВО «ЦДНИВО». Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 294.

⁵¹ ГАВО. Ф. 497. Оп. 4. Д. 2. Л. 1, 41.

отправлялись в детские дома, а имущество подлежало конфискации⁵². Репрессии совмещались с заметными послаблениями – сдавшимся повстанцам предлагалась амнистия⁵³.

26 ноября произошло поворотное событие в истории повстанческого движения Заволжья – сдался идеолог и организатор восстания «Голодающих крестьян Поволжья» Михаил Пятаков. Он привел свой отряд численностью в 140 сабель в Палласовку. 14 декабря 1921 года на общем собрании жителей Кайсацкой волости и через газету⁵⁴ Пятаков попросил у них прощения за свои прошлые прегрешения и обещал принять активное участие в восстановлении разрушенного Гражданской войной хозяйства. Уездные же власти со своей стороны обещали отменить решение о выселении хуторов Кайсацкой волости, так как к мирной жизни вернулись практически все партизанские отряды⁵⁵. Пятаков возглавил комиссию по ведению переговоров с полевыми командирами о сдаче партизанских групп на территории Царицынского Заволжья, Киргизской республики и Уральских степей. Таким образом, Пятаков получил самые широкие полномочия. Он смело защищал права хуторян, открыто, от имени комиссии, издавал приказы, запрещающие войсковым частям проводить операции по выселению хуторов. Его приказы шли вразрез репрессивной политике, проводимой Москвой, поэтому приказы Пятакова власти аннулировали⁵⁶. В начале 1922 года разоружение партизанских групп достигло своего апогея⁵⁷. По всем уровням власти прошло сообщение о полной ликвидации «политического бандитизма» на Нижней Волге. Воинские части и Выездная сессия ревтрибунала, вследствие окончания работы по борьбе с «бандитизмом», из уездов были отозваны⁵⁸. Был также приостановлен процесс

---

⁵² ГАВО. Ф. 497. Оп. 4. Д. 9. Л. 55.

⁵³ ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 221. Л. 236–239.

⁵⁴ Газетные информации из «Известий Саратовского Совета рабочих и красноармейских депутатов» о действиях банд и борьбе с ними (август – декабрь 1921) // Исторический факультет МГГУ/ Иллюминаты.ru (<http://www.illuminats.ru/component/content/article/29-new/2823-civil-war?directory=29>).

⁵⁵ ГКУВО «ЦДНИВО». Ф. 56. Оп. 1. Д. 31. Л. 126.

⁵⁶ ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Л. 45, 50.

⁵⁷ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. Т. 1. С. 570.

⁵⁸ ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 221. Л. 58.

выселения заволжских хуторов⁵⁹. Непримиимые же повстанцы, в числе которых был и Носаев, сопротивлялись до 1923 года.

Коллективизация и раскулачивание

Как же сложилась судьба амнистированных партизан? Из рассекреченной Спецсводки ОГПУ по агентурной разработке, включавшей территорию современной Волгоградской области (по состоянию на 10 сентября 1929 года), стало известно, что «вся амнистированная рядовая масса бандитов и отчасти руководящий состав после ликвидации движения оселся на жительство на прежнем своем месте жительства, где комплектовался в банды»⁶⁰. В ряде населенных пунктов «оказались осевшими целые бывшие банды со своим руководящим составом». По агентурным сведениям, во время сдачи оружия часть вооружения они утаили в степях «на всякий случай»⁶¹. Прочитав наиболее интересную часть спецсводки: «В первые годы по возвращении бывшие бандиты из-за боязни репрессий никакой контрреволюционной деятельности не проявляли, но вместе с тем свои связи между собой сохраняли, имея общение друг с другом. Остаются безнаказанными бывшие идеологи и вожди бандитско-повстанческого движения того времени, сохранившие свое влияние до последних дней не только на бывших бандитов, но и на тот контрреволюционный и кулацкий элемент, в глазах которого остались идеологами и вождями, могущими встать во всякое время во главе нового контрреволюционного повстанческого движения»⁶². То, что бывшие повстанцы дожили в своих родных селах до коллективизации, подтверждается архивными документами. В таблице 1 представлены имена бывших активных степных партизан, которые были внесены в списки раскулаченных в 1930–1931 годах⁶³.

Сотрудники ОГПУ выразили уверенность, что к началу 1929 года в Приэльтонье зародилось «новое контрреволюционное движение»: «благодаря активной деятельности этих организаций, в означенных

---

⁵⁹ ГАВО. Ф. 497. Оп. 4. Д. 9. Л. 4.

⁶⁰ Архив УФСБ России по Волгоградской области. Ф. 7. Д. 171. Л. 33.

⁶¹ Там же. Л. 33, 66.

⁶² Там же. Л. 66.

⁶³ ГАВО. Ф. 2694. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–17; Д. 6. Л. 1–4, 57; Д. 1. Л. 110–112; Д. 4. Л. 7–61; Д. 7. Л. 13–14, 18, 23, 27, 31, 35, 40, 45, 52, 58, 74, 78, 83, 88, 93, 94, 99, 104, 111, 118–122, 127, 132, 136, 141, 147, 152, 158–164, 169, 173, 175, 209, 228, 249, 254, 260.

округах вся зажиточно-кулацкая часть населения, активно поддерживая эти организации, проводит бешеную агитацию против хлебозаготовок, терроризировала работников, работавших на селе на хлебозаготовках, провоцировала усиленно середняка и бедняка ... разваливала колхозы»⁶⁴. Насколько эта информация соответствовала действительности, неизвестно. Но даже спустя семь лет после возврата партизан к мирной жизни, власти не забыли их старые прегрешения. На первом этапе массовой коллективизации бывшие инсургенты вновь попали под пристальное внимание карательных органов.

Таблица 1

Уроженцы сел:		
Булухта	Степное	Житкур
Сушников Иван (организатор партизанских отрядов) Братья Тушины Назаров Василий Синицын Алексей (эсер, организатор партизанских отрядов)	Братья Синицыны Братья организатора повстанческого отряда Сидора Солохина, расстрелянного в 1920 г.	Турченко Афанасий и его сын Тимофей Николаенко Егор Легкодимов Филипп Москаленко Павел Милаев Петр Кольченко Иван Тельбухова Прасковья Коновалов Павел Кочергин Яков Савченко Михаил

Выводы

Повстанческая зона в Приэльтонье в период Гражданской и Крестьянских войн 1918–1923 годов имела четко выраженные границы. Зона делилась на районы, которые контролировали атамань отдельных партизанских формирований. Часто они объединяли свои усилия, и тогда в степных просторах Заволжья появлялись фронты вооруженного сопротивления большевизму. Чаше

⁶⁴ Архив УФСБ России по Волгоградской области. Ф. 7. Д. 171. Л. 66–67.

действия инсургентов имели разрозненный характер. Первые карательные походы регулярных частей Красной армии в Приэльтонье не приносили результатов из-за незнания особенностей местности и специфики борьбы с степными партизанскими отрядами. Позже каратели стали использовать методы оккупации территории с активным применением заложничества и уничтожения хуторов, как базы повстанчества. Это, вкуче с амнистией и истощением ресурсов в результате голодомора, привело к уничтожению повстанческого движения в Приэльтонье.

И. А. Гордеева

Социальная база

**российского радикально-пацифистского движения
в первой трети XX в.**

В конце XIX – начале XX вв. в результате общественно-политического самоопределения части толстовцев в России возникло радикально-пацифистское движение. Радикальность движения заключалась в его революционности, направленности на тотальную трансформацию общества посредством мирного изменения человека, его норм и ценностей, повседневной жизни и самого характера отношений между людьми, в духе идеалов ненасилия, свободы и братства.

Поставив перед собой цель создания собственного общественного движения, толстовцы приступили к выработке его повестки дня (она содержала в себе три главных пункта – свобода совести, ненасилие и социальная справедливость), прояснением идеологии и методов протеста (отталкиваясь от идей Л. Н. Толстого, а также работ многих других пацифистов, христианских социалистов и анархистов), созданием собственного издательства и периодических органов (до 1917 г. это было возможно только за границей), а также формированием социальной базы своего движения. Сегодняшний мой доклад как раз и посвящен вопросу о том, как они себе представляли свою социальную базу и что предпринимали для привлечения в ряды радикально-пацифистского движения новых участников. Это пока всего лишь несколько зарисовок, сделанных на основании источников из личных фондов толстовцев и тесно общавшегося с ними В. Д. Бонч-Бруевича,

который с ревностью относился к контактам толстовцев и сектантов, будучи уверенным, что российские социал-демократы могли бы рассчитывать на успех своей агитации в этой среде.

Несмотря на то, что первыми и наиболее активными толстовцами были представители дворянства и интеллигенции, радикально-пацифистское движение формировалось ими в расчете на массовую социальную базу. Толстовцы, которых можно отнести к мирному крылу русского народничества, были уверены, что идеалы ненасилия, свободы совести и братской жизни органически свойственны простому народу в любой стране и, особенно, русскому крестьянству. У них был довольно богатый опыт общения с крестьянами и сектантами разных течений, полученный, прежде всего, благодаря общению с ними в те времена, когда они жили в земледельческих общинах и стремились оказывать местному населению медицинскую, юридическую и агрономическую помощь (с середины 1880-х гг.), во время работы «на голоде» в 1891–1893 гг., в процессе защиты духоборов от преследований со стороны властей и организации их переселения в Канаду во второй половине 1890-х гг., а также помощи сектантам – отказчикам от военной службы, которой они занимались регулярно с кон-

Толстовцы, которых можно отнести к мирному крылу русского народничества, были уверены, что идеалы ненасилия, свободы совести и братской жизни органически свойственны простому народу в любой стране и, особенно, русскому крестьянству.

ца XIX в. Именно этот опыт привел толстовцев к осознанию того, что для решения проблем народа должны кардинально измениться общественные отношения, и таким образом подтолкнул их к общественной самоорганизации. Поставив перед собой цель борьбы за изменение общества, они предприняли ряд целенаправленных усилий по завоеванию симпатий сектантства, крестьянства, студенчества, рабочих и религиозной интеллигенции.

Толстовцы предпринимали попытки создать печать для народа. Эти стремления увенчались успехом в самом конце XIX в. за границей, куда несколько толстовцев были вынуждены уехать из-за преследований со стороны властей. С 1897 г. в Англии существовало толстовское издательство «Свободное слово», которое выпускало книжечки под названием «Листки Свободного слова» (1898–1902) и журнал «Свободное слово» (1901–1905). Руководили этим издательством друг Льва Толстого Владимир Григорьевич Чертков и его жена Анна Григорьевна. Другой известный толстовец, Павел Иванович Бирюков в Швейцарии с августа 1899 г. издавал ежемесячный журнал «Свободная мысль» (1899–1901). Толстовская периодика распространялась среди сектантов, богоискателей и религиозных анархистов из разных слоев населения, также ее читали в студенческой и революционной среде¹.

Открывая рубрику «Сведения из современной жизни в России» в № 8 «Листков Свободного Слова» за 1899 г., Чертков писал, что он и его единомышленники специально посвящают ее «той стороне современной русской жизни, о которой в России запрещается говорить в печати». Предполагалось, что «Листки» будут освещать «почти все наиболее жизненные проблески развивающегося человеческого сознания, всякое стремление отдельных лиц и собраний людей к свету и свободе, каждое проявление пробуждающейся среди русских людей потребности отстаивать свои естественные права, свое человеческое достоинство, требования своей совести. Сюда же, с другой сто-

---

¹ Подробнее об издательских проектах толстовцев см.: *Гладышева С. И.* Периодические издания «Свободного слова» (1898–1905): История, особенности функционирования: Дис. ... канд. филолог. наук. Ростов-на-Дону, 1999; *Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: Учеб. пособие / Под ред. Г. В. Жиркова.* СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. С. 95–96, 150–161. Отсканированные номера толстовской периодики доступны на сайте библиотеки «Вне насилия»: <http://antimilitary.narod.ru/tolstoism.htm#journals>. Спасибо В. В. Адаменко за многолетний труд по комплектованию этой замечательной и полезной библиотеки.

роны, относятся всевозможные преследования и притеснения людей за это самое со стороны русского правительства и – вообще все то, что обнаруживает те или другие отрицательные стороны существующей в России государственной организации...» Далее он заявлял о том, что целью его издания является влияние на общественное мнение, последствием чего будет народный «протест и отпор, без которых невозможно ни малейшее улучшение современного положения вещей»².

В борьбе за социальную базу своего движения пацифисты встретили конкурентов в лице российских социал-демократов. Как известно, русским сектантством активно интересовались В.И. Ленин и В.Д. Бонч-Бруевич³. Для них сектантский вопрос был частью крестьянского вопроса, они считали сектантство передовой, наиболее сознательной частью крестьянства и находили в нем революционный протест под «религиозной оболочкой»⁴. Для Бонч-Бруевича сектанты были предметом в том числе и научного интереса, который, впрочем, был для него тесным образом связан с партийным.

С конца 1897 г. Бонч-Бруевич близко общался с толстовцами, он помогал Черткову выпускать их периодические издания и книги и брошюры религиозно-общественного характера. В то время Бонч-Бруевич искренне восхищался связями толстовцев с народом и активно интересовался толстовским «сектантским архивом». Но впоследствии эти отношения испортились и даже переросли в настоящий конфликт⁵.

Бонч-Бруевич рассчитывал, что социал-демократы могут использовать обширные связи толстовцев в сектантской среде. Он писал о своем разочаровании в рабочих: «Иногда казалось, что эта стена деревенщины в рабочей среде непреодолима: просто отчаяние брало, когда приходилось наблюдать все эти молебны в царские дни, все эти соблюдения постов, всенощных и обеден, это раскупание нарасхват царских портретов, изображений святых, различных чудес и иных картин на религиозные темы, генералов и проч. Книжки

---

² Чертков В. Г. Предисловие // Листки Свободного слова. 1899. № 8. С. 1–2.

³ Эткин А. М. Хлыст: (Секты, литература и революция). М.: НЛО, 1998. С. 631–638.

⁴ Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в.–1917 г.). М., 1965. С. 4.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 648. К. 75. Ед. хр. 4. Клибанов А. И. «В. Д. Бонч-Бруевич и проблемы религиозно-общественных движений в России».

на те же темы распространялись всюду, в огромной массе»⁶. На этом фоне рационалистическое, как он его называл, сектантство, хотя чаще всего и происходило из крестьянской среды, внушало надежды своим критическим отношением к царизму и церкви, поэтому уже к середине 1890-х гг. Бонч-Бруевич заинтересовался сектантством и расколом, их борьбой за свободу совести. Таким образом, он вышел на ту социальную среду, в которой уже работали толстовцы. В 1899 г. Бонч-Бруевич принял участие в переселении в Канаду духоборов, которые произвели на него огромное впечатление как потенциальные революционеры⁷. По мнению Бонч-Бруевича, «шестимиллионная сектантская среда в России... наиболее подвижная из всего многочисленного крестьянского населения России. Вот отчего она так и притягивает к себе наших политических деятелей всех фракций. Что эта среда живая, склонная к освоению передовых политических систем – я лично много и много раз убедился не только из книг, но и из опыта личных знакомств»⁸. Опытom взаимодействия толстовцев с сектантами очень интересовался Ленин, он предлагал рассылать сектантам «Искру» и обсуждал с Бонч-Бруевичем возможность сектантской революции в России.

Работая у Черткова, Бонч-Бруевич тайно использовал каналы и адреса, по которым распространялась толстовская литература, для рассылки агитационной литературы социал-демократов. Как писал А. И. Клибанов, «за два года своих взаимоотношений с толстовской эмиграцией он не только успел использовать их издания в качестве трибуны, но и это может быть еще важнее, перехватил в интересах социал-демократии имевшиеся у толстовцев легальные и нелегальные связи. ... получил доступ к спискам читателей толстовской печати и связанных с толстовцами лиц в России, Европе и Америке. Этими списками В. Д. Бонч-Бруевич воспользовался для рассылки социал-демократической литературы. Принимая во внимание, что связи толстовцев имели место преимущественно в крестьянской и неимущей городской среде, требовавшей специальных приемов воспитательного подхода, В. Д. Бонч-Бруевич и В. М. Величина в сотрудничестве с Хилковым и еще несколькими лицами при-

---

⁶ НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 37. Ед. хр. 3. Л. 15–16.

⁷ Там же. Л. 132.

⁸ НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 82. Ед. хр. 5. Л. 95.

ступили к изданию анонимных брошюр под названием "Народные Листки"»⁹.

В начале 1901 г. вышел в свет первый выпуск «Материалов к истории и изучению русского сектантства», которые толстовцы готовили к печати совместно с Бонч-Бруевичем. После публикации пяти выпусков между ним и группой Черткова возник конфликт, и в июне 1902 г. издательство «Свободное слово» объявило о своем решении отказаться от сотрудничества с Бонч-Бруевичем, узнав о том, что он участвовал в рассылке агитационной литературы.

На почве конфликта между толстовцами и социал-демократами возник спор о том, к чему больше предрасположено русское сектантство – к мирному протесту или насильственной борьбе. В сентябре 1902 года редакция «Свободного Слова» за подписью И. Трегубова и А. и В. Чертковых разослала по русским общинам сектантов несколько сот обращений под названием «Насильственная революция или христианское освобождение?». В этом письме редакция обращалась к своим читателям, «братьям во Христе»:

«В последнее время многие образованные люди, несомненно желающие блага русскому народу, но советующие употреблять для достижения этого блага нехристианские средства – насилие и убийство – стали говорить и писать, что будто бы и наши русские сектанты готовы вступить в насильственно-революционную борьбу против русского правительства и православной церкви, – бунтовать, грабить помещиков, разорять церкви и, если нужно, даже убивать правителей и других народных притеснителей. То же говорят и представители господствующей православной церкви, желая таким путем усилить гонение на сектантов.

Мы думаем, что это неправда и..., с одной стороны, непонимание, и с другой – страшная клевета на наших братьев-сектантов.

Но для того, чтобы еще более убедиться нам в этом и узнать правду во всей полноте, мы решились спросить самих сектантов, правда ли то, что говорят и пишут о них эти образованные люди.

Имея это в виду, мы и обращаемся к вам с просьбою ответить нам на следующие вопросы:

Хорошо или дурно бунтовать против притеснителей, грабить и убивать правителей. И почему?

---

⁹ НИОР РГБ. Ф. 648. К. 75. Ед. хр. 4. Л. 41.

Хорошо или дурно разбивать православные церкви и школы. И почему?

Хорошо или дурно поступили Павловские сектанты, разбив православную церковь?

Что должен и чего не должен делать христианин в наше время для улучшения своей и общей жизни?...»¹⁰

По сведениям толстовцев, они получили на свое обращение свыше 50 ответов от сектантских деятелей, в том числе около 40 – из России. В основном ответы были составлены в духе христианского пацифизма. Однако были и такие ответы, которые шли вразрез с толстовскими представлениями о склонности русского народа к пацифизму. За подписями 11 сектантов из России в редакцию пришел ответ, авторы которого спрашивали:

«Братья во Христе Трегубов и Чертковы... Какие имеете Вы доказательства того, что люди, ведущие "насильственно-революционную борьбу против русского правительства и православной церкви" и желающие, по Вашим же словам, блага русскому народу, что эти люди учиняют бунты, грабежи и разор? Бунты, грабежи и разор – ведь это злодейство, всегда учиняемое только злодеями для своих лютых, корыстных целей, а "для блага русского народа", по Вашему же свидетельству, то как можете Вы называть дела бунтами, грабежом и разором?

Какие данные имеете Вы, чтобы обвинять тех же людей в мстительности и склонности к убийству, между тем как сами же свидетельствуете, что они несомненно желают блага русскому народу?

Что сделали Вы сами такого, что дает Вам нравственное право ставить другим такие вопросы и, главное, в такой гласной форме, на которые, как нам кажется, тем менее может человек решиться, чем более он скромнен?...»¹¹.

Толстовцы объявили ответ одиннадцати сектантов фальшивкой. Была создана экспертиза, в которой одну сторону представлял толстовец П. И. Бирюков, а другую сторону – Г. В. Плеханов. Эксперты установили подлинность ответа одиннадцати сектантов, о чем за подписями П. И. Бирюкова и Г. В. Плеханова составлен был акт¹². По этому вопросу в среде самих толстовцев произошел раскол – часть из них

---

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 648. К. 75. Ед. хр. 4. Л. 65.

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 648. К. 75. Ед. хр. 4. Л. 65–66.

¹² Там же. Л. 66–67.

сочла, что считать сектантов предрасположенными к ненасильственным методам борьбы – это выдавать желаемое за действительное.

По инициативе Бонч-Бруевича и Ленина вопрос о работе среди сектантов был включен в повестку дня II съезда РСДРП. На съезде Бонч-Бруевич делал доклад «Раскол и сектантство», результатом его рассмотрения стало издание с января 1904 г. в Женеве периодического органа для сектантов «Рассвет», который, однако, успеха не имел и скоро был прекращен¹³. Во время революции 1905–1907 гг. социал-демократы утратили интерес к сектантству как форме социального протеста демократических элементов, а толстовцы, напротив, продолжили работу с сектантами.

После революции 1905–1907 гг. толстовцы, вернувшись в Россию, продолжают работать с сектантами. Особенно плодотворными были усилия в данном направлении Ивана Михайловича Трегубова. Он подружился с сектантами-трезвенниками, намереваясь создать на их основе новое народное движение. Он назвал его движением «свободных христиан» и выработал религиозно-общественные принципы этого движения. Практической целью свободных христиан провозглашалось «осуществлять в своей жизни, по мере наших сил, исповедуемое нами учение Иисуса Христа, сущностью которого есть любовь Бога к людям», не допуская насилия. Ставя перед движением цель активной борьбы со злом, Трегубов писал, что средства такой борьбы должны быть гуманными и ненасильственными, «гуманное (человечное) воспитание и образование (школьное и внешкольное), честное и чуждое злобы и брани слово (устное, писанное и печатное), наука, искусство, собрания, съезды, общины, союзы, братская, трезвая и трудовая жизнь и такая защита одних людей от других, которая бы никому из них не причиняла зла, но всех их примиряла и объединяла»¹⁴. Этот опыт Трегубова можно считать удавшимся: с тех пор и до конца 1920-х годов трезвенники были самыми сознательными и последовательными союзниками толстовцев-пацифистов¹⁵.

---

¹³ Эткин А. Указ. соч. С. 635–636.

¹⁴ Ясевич-Бородаевская В. И. Борьба за веру. СПб. 1912. URL: <http://anabaptist.ru/obmen/hystory/ist1/files/texts/4/04311.html>.

¹⁵ Другой пример сознательного следования сектантами – при поддержке толстовцев – принципам пацифизма представляют собой канадские духоборы. См.: Иникова С. А. История пацифистского движения в секте духоборов (XVIII–XX) // Долгий путь российского пацифизма. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 122–136.

Стремление помочь народу сочеталось у толстовцев с уважительным отношением к народно-религиозной традиции протеста, ее сознательным изучением и использованием, последовательным следованием принципу «все для народа, все посредством народа» («Помимо искусственности всех форм "хождения в народ", возмущало и то неуважение к человеческой личности, которое сказывалось в этом отношении к крестьянину и рабочему как к "объекту пропаганды"»¹⁶, — писал один из первых толстовцев). Толстовский подход кардинально отличается от принципов отношения к народу и, в частности, рабочим, реализованных в деятельности РСДРП, лидеры которой воспринимали массы как бесформенные, спонтанные, неорганизованные, темные, хаотичные, не доверяли народной творческой силе, пренебрежительно относились к самостоятельности народного действия и настаивали на необходимости внешнего руководства ими со стороны партии профессиональных революционеров.

В сектантской среде радикальных пацифистов привлекали прежде всего исторически сложившиеся практики ненасильственного, пассивного сопротивления. Некоторые толстовцы, например, В.Г. Чертков, считали их особенными чертами именно русского народа. Они осознавали, что в характере русского народа есть и покорность, безграничное терпение, способность терпеливо выдерживать притеснения, но были уверены, что смогут направить эти качества в том направлении, которое поможет народу освободиться от своих поработителей.

В архивных фондах толстовцев необыкновенно богато представлены целенаправленно собиравшиеся ими материалы по истории русского сектантства. Их еще с 80-х годов XIX в. остро интересовали сектантские течения, в среде которых получили распространение отказы от военной службы, различные формы бегства, отказа от сотрудничества с государством и прочие практики пассивного протеста, успешные в достижении цели сохранения автономии собственных религиозных и моральных установлений. Тесно общаясь с сектантами, собирая материалы по истории русского религиозного разномыслия, занимаясь научным изучением народно-религиозных практик, толстовцы произвели ревизию сектантского опыта противостояния государству и защиты своих интересов и сделали попытку превратить эти практики русских религиозных диссидентов, которые

---

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 599. Карт. 1. Д. 9. Л. 4.

можно вслед за Дж. Скоттом назвать «оружием слабых»¹⁷, в политическую технологию, целенаправленный метод ненасильственного общественного действия.

Вслед за Толстым, особую важность радикальные пацифисты придавали практикам отказов от военной службы. Толстовцы считали, что духовная революция, революция братства, о которой они мечтали, началась еще с Иисуса Христа, и интуитивно была подхвачена отдельными представителями простого русского народа, сектантами, которые с конца XIX в. все чаще отказывались от военной службы. Широко распространившееся во время Первой мировой войны дезертирство и начавшиеся братания они принимали за растущее самосознание русского народа.

Своей задачей пацифисты видели активное содействие развитию этого самосознания в христианском, религиозно-нравственном, пацифистском направлении. При этом пацифисты заявляли о том, что в данный момент не очень даже важно, каковы мотивы дезертирства. «Я вовсе не хочу этим сказать, – писал В. Г. Чертков, – что народ наш, проявляющий такое очевидное нежелание продолжать войну, весь руководим при этом наивысшими духовными побуждениями. Причины, заставляющие человека отрицательно относиться к военной службе, бывают самые разнообразные. Кроме сознания несовместимости военной службы с волей Божьей или внутренним голосом совести; кроме признания безнравственным всякого убийства; такими причинами могут быть и простой, непосредственный ужас или возмущение перед творимыми на войне злодеяниями: убеждение в неразумности, бесполезности или вреде войны; признание слепой отдачи своей воли и свободы в распоряжение начальства унижительным для своего человеческого достоинства; вера в международную солидарность рабочего класса; усталость и душевная измученность от участия в войне; тоска по семье, по дому, по привычным земледельческим работам, желание присутствовать на местах при разрешении земельной реформы; наконец, нерасположение подвергать свою жизнь опасности в бессмысленном деле; влияние товарищей или заразительность их примера; и многое другое. Любой из этих мотивов в отдельности или

---

¹⁷ Подробнее см.: *Гордеева И. А.* Альтернативные паспорта и другие практики символического отказа от гражданства // *Городские тексты и практики*. Т. 1. Символическое сопротивление / Сост. А. Архипова, Д. Радченко, А. Титков. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2017. С. 157–173.

все они вместе в самых различных сочетаниях и пропорциях могут входить в состав той суммы обстоятельств, которая побуждает человека не участвовать в войне... Оставляя в стороне вопрос о различном внутреннем духовном развитии отдельных лиц, нельзя не сознавать, что усиливающееся среди наших народных масс и нашего войска нерасположение продолжать войну представляет в своей совокупности в высшей степени знаменательное явление»¹⁸.

При всем своем внимании к народным традициям протеста, толстовцы осознавали, что их собственные представления о желаемых методах пассивного сопротивления и несотрудничества с властями отличаются от народных. Принципиальная честность и открытость толстовских методов протеста резко контрастировала с теми хитростями, на которые были готовы идти сектанты ради соблюдения своих религиозных догматов. В использовании подобных методов сектанты ничем не отличались от всех прочих крестьян, для которых, как показал Скотт, были характерны «обыденные формы сопротивления» – «нерадение при выполнении работ, симуляция, фальшивое, для виду, согласие, притворное понимание, уклонение, подворовывание, незаконные промыслы, браконьерство, злословие, саботаж, поджоги, нападение исподтишка и убийство, анонимные угрозы и т.п.»¹⁹. Скотт считал эти формы разновидностью «оружия слабых», применение которого особо распространено в авторитарных сообществах, где открытые протест и несогласие с властью грубо пресекаются жестокими репрессиями власти по отношению к протестующим. Как справедливо замечает рецензент Скотта, «с точки зрения нравственности подобное поведение может вызывать, пожалуй, лишь чувство брезгливости. Надменный Ницше обронил именно по такому поводу: "Подлость – оружие слабых"»²⁰.

В отличие от народного протеста, для пацифистского движения, основанного «толстовцами» была характерна постоянная рефлексия моральной чистоты своих методов, соотношения целей и средств борь-

---

¹⁸ *Чертков В.* О прекращении войны // Голос Толстого и Единение. 1917. №2. С. 7–8.

¹⁹ *Скотт Дж.* Оружие слабых: Обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. М., 1996. С. 28. Подробнее см.: *Scott J. C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance.* Yale University Press, 1985.

²⁰ *Никулин А. М.* Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2003. № 1 (4). С. 132.

бы. Пытаясь превратить стихийные «отказы», обыденные практики пассивного сопротивления и несотрудничества в политическую технологию, они старались сделать их открытыми и честными, основанными на продуманных и свободно принятых ценностях. Для многих толстовцев была характерна и трезвая, рациональная оценка народа (у некоторых она появилась лишь со временем, после 1917 г.), а также тщательное изучение и использование опыта западных религиозных и общественно-политических движений пацифистского характера.

Несмотря на то, что взрыв насилия в народной среде в революционный период сильно разочаровал часть толстовцев, они продолжили развитие своего движения в опоре на сектантские массы, уделяя особое внимание просветительским и воспитательным проектам. Революционные события 1917 г. и последующих годов показали, что сектантство, часть крестьянства, рабочих и религиозной интеллигенции действительно восприимчивы к проповеди идей ненасилия и нравственной, мирной революции. В эти годы произошла демократизация толстовского движения, что нашло свое отражение в составе толстовских организаций – «обществ истинной свободы», в читательской аудитории толстовской периодики, в составе «толстовских» земледельческих коммун. Толстовцы и другие пацифисты считали себя участниками своей собственной, мирной, ненасильственной революции, которая, с их точки зрения, носила подлинно народный характер, в отличие от насильственной революции большевиков.

Прусский Я.Л.: Хочу привести пример. Петр Алексеевич Кропоткин помогал переселять духоборов в Канаду, это одно. И второе. Владелец дома в Дмитрове, который продал его Кропоткину и где сейчас находится наш музей, Дмитрий Адамович Олсуфьев, по просьбе Толстого занимался тем же самым. Он был сенатором, одним из лидеров октябристов, у него были возможности.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Пейч Д. И.

Анархисты Петрограда в революционных событиях 1917 года: «Дача Дурново» и июльский кризис

Деятельность анархистских организаций и их влияние на ход революционных событий 1917 г. в силу ряда причин малоизвестны широкой публике. Вычеркнутые со страниц истории идейными оппонентами и триумфаторами революции – большевиками, они часто представляются лишь малозначительными эпизодами, затерявшимися на периферии крупнейших потрясений в российской истории. Однако несколько иначе они воспринимались современниками – в качестве вполне реальной угрозы существующему государственному и общественному строю. И дело не только в том, что анархистами нередко именовали вообще всех радикально настроенных революционеров, включая, конечно, большевиков. Совершенно самостоятельную жизнь на страницах газет и в сознании рядовых граждан приобрели боевые акции образованной в первые же дни революции Петроградской федерации анархистов-коммунистов, в особенности события, связанные с ее знаменитой штаб-квартирой – так называемой «дачей» (усадьбой) Дурново.

«Дача Дурново» быстро обросла разного рода легендами и домыслами, а само словосочетание стало иносказательным, одним из символов революционного 1917 года, взятым на вооружение прессой в качестве олицетворения вседозволенности и революционного произвола. Важную роль события вокруг усадьбы Дурново сыграли и в возникновении одного из узловых явлений 1917 г. – июльского кризиса, наглядно обозначившего дальнейший вектор развития революции.

Пустующая усадьба бывшего царского министра и московского генерал-губернатора П. П. Дурново была захвачена анархистами в первые дни после Февральской революции. Находящийся на Полюстровской набережной особняк был выбран в качестве своеобразного штаба не случайно – именно здесь, в Выборгском районе на севере столицы, анархисты пользовались наибольшей популярностью¹. Позднее в усадьбе разместились и другие организации – правление профсою-

---

¹ Эврич П. Русские анархисты. 1905–1917. М.: Центрполиграф, 2006. С. 137.

зов Выборгского района, профсоюз булочников, комиссариат рабочей милиции 2-го Выборгского подрайона, Совет Петроградской народной милиции и рабочий клуб «Просвет», а огромный сад стал местом отдыха для прилегающего рабочего района и был всегда переполнен детьми². Символичным является тот факт, что дача Дурново, выстроенная в 1780-х гг. предположительно по проекту видного архитектора Н. А. Львова, изначально была ближней усадьбой рода Бакуниных³. Таким образом, мы видим связь этого строения не только с родословной основоположника русского анархизма М. А. Бакунина (о которой анархисты 1917 г. вероятно и не догадывались), но и с историей родового имени Бакуниных – усадьбы Прямухино, перестройка которой, а также возведение сохранившейся на ее территории Троицкой церкви, были осуществлены по проектам того же Н. А. Львова. Стоит отметить, что и усадьба Дурново, несмотря на бурные события революции, существует по сей день, а ее фасад после реставрации был возвращен в целом узнаваемый архитектурный облик.

«Это анархическое гнездо пользовалось в столице завидной популярностью и репутацией какого-то Брокена, Лысой Горы, где собирались нечистые силы, справляли шабаш ведьмы, шли оргии, устраивались заговоры, вершились темные – надо думать – кровавые дела. Конечно, никто не сомневался, что на таинственной даче Дурново имеются склады бомб, всякого оружия, взрывчатых веществ. И понятно, как косились официальное и советское начальство на это непристойное место в недрах самой столицы. Но не хватало смелости, ждали особых поводов и пока терпели...» – именно таким, согласно воспоминаниям члена Исполкома Петроградского Совета Н. Н. Суханова, был сложившийся в обществе образ дачи Дурново⁴. Сам же автор этих строк ниже развенчивает подобные представления, описывая визит на нее прокурора В. Г. Бессарабова: «Ничего ни страшного, ни таинственного он не обнаружил; комнаты застал в полном порядке; ничего не было ни расхищено, ни поломано; и весь беспорядок выражался в том, что в наибольшую залу были снесены в максимальном количе-

---

² Суханов Н. Н. Записки о революции. Берлин – Петербург – М.: З. И. Гржебин, 1922. Кн. 4. С. 286–287.

³ Владельцами усадьбы в конце XVIII в. были Петр Васильевич Бакунин (меньшой), а затем его сын – Павел Петрович Бакунин. См.: Козырева Е. А. Проблемы сохранения и реставрации дачи Дурново // Доклады 65-й научной конференции СПГАСУ. СПб., 2008. С. 5.

⁴ Суханов Н. Н. Записки о революции. С. 283–284.

стве стулья и кресла, нарушая стильность министерской обстановки своим разнокалиберным видом: зала была предназначена для лекций и собраний»⁵.

В прессе упоминания об усадьбе Дурново подчас носили абсурдный и гротескный характер. Например: «Экс-балерина Матильда Кшесинская сильно покраснела... по-видимому, из желания присоединиться "хоть для виду" к общему революционному течению. Маститую балерину теперь можно видеть катающейся по городу с лицом, покрытым ярко-красной вуалью, с развевающимися по ветру концами огненно-красного цвета. Уж не кооптирована ли она анархистами, засевающими на даче балетомана Дурново?»⁶

Неоднократно с осуждением действий анархистов и призывами к населению Выборгского района не оказывать им поддержки выступал Петроградский Совет: «Петроградский Совет р. и с. д. в свое время заявил о том, что дом Дурново должен быть освобожден. Временное правительство настаивает теперь на этом. Некоторые рабочие Выборгской стороны почему-то решили, что это требование контрреволюционное, и заявляют, что они с оружием в руках будут отстаивать дом Дурново. А на некоторых заводах Выборгской стороны началась забастовка... Совет воспрещает всякие самочинные захваты частных или общественных помещений и считает их действиями, направленными против дела русской революции»⁷. В случае неповиновения Петроградский совет угрожал исключением из своего состава группы анархистов во главе с И. С. Блейхманом⁸. Стоит отметить, что аналогичный по своей сути захват большевиками особняка М. Ф. Кшесинской до поры до времени не вызывал у Петросовета подобных нареканий. В любом случае, мнение этого органа власти анархисты авторитетным не считали, в чем мы сможем убедиться в дальнейшем.

В течение нескольких месяцев анархисты занимали усадьбу Дурново беспрепятственно, однако к началу лета 1917 г. стало оче-

---

⁵ Там же. С. 286.

⁶ Новая Петроградская газета. 1917. № 139. 17 июня. С. 5.

⁷ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Т. 3. СПб., 2002 [Электронная публикация: <https://project1917.ru/posts/21.06.17> Дата обращения: 31.10.2017].

⁸ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Т. 3. СПб., 2002 [Электронная публикация: <https://project1917.ru/posts/28.05.17> Дата обращения: 25.10.2017].

Гостиная легендарной дачи Дурново, где находилась штаб-квартира анархистов

видно, что их конфликт с официальной властью неизбежен. В конце апреля анархистами или людьми, прикрывавшимися знаменем анархизма в своих целях, был «для нужд партии» захвачен дом герцога Н.Н. Лейхтенбергского, вскоре освобожденный силами милиции⁹. Эти события вызвали возмущение в обществе и нашли свое отражение, например, в сатирическом памфлете А.Т. Аверченко «Анархисты?»: «Сначала заняли особняк Дурново, потом особняк герцога Лейхтенбергского. Поистине – люди, живущие особняком»¹⁰.

Другим нашумевшим событием, связанным с действиями анархистов, базировавшихся на даче Дурново, стал захват редакции и типографии буржуазной газеты «Русская воля». 5 июня группа из 80–100 человек, вооруженных винтовками, браунингами, ручными бомбами и тремя пулеметами заняла здание на Ивановской улице.

⁹ Петроградский листок. 1917. № 107. 16 (3) мая [Электронная публикация: <https://project1917.ru/posts/16.05.17> Дата обращения: 30.10.2017].

¹⁰ Аверченко А.Т. Анархисты? // Эшафот. 1917. № 1 [Электронная публикация: <https://project1917.ru/posts/17839##post> Дата обращения: 25.10.2017].

Арестованным сотрудникам газеты было предложено передать анархистам типографию, а самим продолжить работать в новом печатном органе на кооперативных социалистических началах. Для выдворения анархистов из здания типографии прибыл лично командующий войсками Петроградского военного округа генерал П. А. Половцов; для переговоров были присланы три члена Исполнительного комитета Петроградского Совета, включая товарища председателя В. А. Анисимова. Анархисты в свою очередь отправили делегацию на начинавший в эти дни свою работу I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов с предложением реквизировать типографию «Русской воли» и печатать там не только анархистскую, но и другие социалистические газеты. Здание было полностью окружено воинскими частями Егерского и Казачьего полков, в помещение типографии не допускался никто из посторонних, чтобы исключить возможность передачи захватчикам пищевых продуктов. В 5 часов вечера анархисты, не применявшие в ходе захвата насилия, выпустили из типографии сотрудников газеты (вероятно, продолжая удерживать членов администрации), а около 10 часов к зданию прибыл А. Ф. Керенский, который обещал собравшейся толпе, что к захватчикам будут в случае необходимости применены самые решительные меры. После того как анархисты в очередной раз отказались покинуть типографию, П. А. Половцов распорядился ввести в помещение войска. Осуществив задачу печатания своих прокламаций и, в то же время, не получив поддержки со стороны съезда, анархисты сдались без боя. В результате были задержаны и обезоружены 72 человека¹¹. По воспоминаниям П. А. Половцова, ни одна столичная тюрьма не хотела принимать арестованных, опасаясь вооруженного нападения со стороны их товарищей¹². Под усиленным конвоем казаков анархисты были доставлены в здание кадетского корпуса, где в тот момент проходил Съезд Советов, а позднее без допроса освобождены по решению Петроградского Совета¹³.

Захват «Русской воли» вызвал немедленную реакцию Временного правительства: 7 июня министр юстиции В. В. Переверзев отдал приказ о выселении анархистов с дачи Дурново в течение 24 часов. Ответ

---

¹¹ Утро России. 1917 г. № 157. 6 июня. С. 1–2.

¹² *Половцов П. А.* Дни затмения. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 58–59.

¹³ Утро России. 1917 г. № 158. 7 июня [Электронная публикация: http://rapsinews.ru/incident_news/20170605/278836111.html Дата обращения: 26.10.2017].

рабочих масс также не заставил себя ждать: уже 8 июня забастовали 28 заводов Выборгского района, а усадьба была окружена толпами манифестантов, делегаты от которых были направлены в Исполнительный комитет Петросовета. Несмотря на то, что советские власти отказались поддержать митингующих, анархисты заявили, что готовы защищать усадьбу самостоятельно и в случае необходимости окажут вооруженный отпор. Стягивавшиеся к даче Дурново вооруженные отряды рабочих служили подтверждением реальности этой угрозы¹⁴.

Массовый протест трудящихся Выборгской стороны вынудил Временное правительство отступить и временно отложить вопрос об освобождении усадьбы. Однако обсуждение проблемы продолжалось в рамках Всероссийского съезда Советов, который, под влиянием некоторых особенно законопослушных социалистов, вынужден был отвлекаться от нормальной работы для выполнения «полицейских функций». Анархисты обвинялись не только в неисполнении требований власти в отношении усадьбы Дурново, но и в призывах к освобождению всех арестованных во время революции социалистов и анархистов, а также конфискации ряда типографий для нужд партийных организаций¹⁵. Однако осуждение съездом анархистов имело обратный эффект: «...среди петербургского пролетариата полицейские подвиги "съезда всей демократии" ... произвели удручающее впечатление. В глазах рабочих советское большинство во главе с его лидерами час от часу превращалось из идейных противников в классовых врагов»¹⁶.

Более того, на волне незатихающих массовых волнений анархисты начинают подготовку к вооруженному выступлению. С этой целью на даче Дурново создается «Временный революционный комитет», которому удастся собрать делегатов от 150 предприятий и воинских частей¹⁷. Н. Н. Суханов так описывает настроение рабочих масс севера столицы: «На Выборгской стороне – сплошь большевики и анархисты. Ни съезд, ни Петербургский Совет не пользуются ни малейшим авторитетом. О них говорят так же, как и о Временном правительстве: меньшевистско-эсеровское большинство продано буржуям и империалистам; Временное правительство – контрреволюционная шайка»¹⁸.

---

¹⁴ Суханов Н. Н. Записки о революции. С. 285–286.

¹⁵ Там же. С. 288

¹⁶ Там же.

¹⁷ Канев С. Н. Революция и анархизм. Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840–1917 гг.). М.: Мысль, 1987. С. 276–277.

¹⁸ Суханов Н. Н. Записки о революции. С. 300.

Пытаясь направить возмущение масс в организованное русло, большевики назначили на 10 июня мирную демонстрацию. Анархисты же планировали совместить ее с вооруженным выступлением, в том числе захватом нескольких типографий и помещений. С целью привлечь к этой акции кронштадтских матросов они направили своих делегатов на митинг, по традиции проходивший на Якорной площади города-порта. Стоит отметить, что и в анархистской среде не было единства: так, член Кронштадтского Совета анархо-синдикалист Е. Ярчук выступал против вооруженной борьбы, если в ней не примут участие большевики. Другое мнение было у прибывшего с дачи Дурново анархиста Ш. А. Аснина, который призывал матросов немедленно идти на помощь демонстрантам Петрограда. Большевик И. П. Флеровский в своих воспоминаниях так описывает его выступление: «Аснин на трибуне был чрезвычайно живописен. Черный длинный плащ, мягкая широкополая шляпа, черная рубашка взаймой, высокие охотничьи сапоги, пара револьверов за поясом, в руке наотмашь винтовка, на которую он опирался»¹⁹. Несмотря на все усилия, затея анархистов не увенчалась успехом – под давлением Съезда Советов большевики в последний момент отменили демонстрацию. «Временный революционный комитет» на даче Дурново тут же предложил новую дату выступления – 14 июня, однако большевики использовали все свои пропагандистские силы, чтобы его предотвратить²⁰. Как бы то ни было, вскоре анархистам представилась новая возможность.

На 18 июня Съездом Советов была назначена общая демонстрация под лозунгами одобрения политики Временного правительства. Особые опасения у советского руководства были связаны с обитателями дачи Дурново, для переговоров с которыми был направлен Н. Н. Суханов. «Таинственное гнездо страшных анархистов» встретило делегатов Совета довольно равнодушно – у них не спрашивали пропусков и, более того, не проявили к их особам вообще никакого внимания, из чего Н. Н. Суханов делал вывод о том, что посещение дачи посторонними людьми было вполне обычным делом. Встреча с одним из лидеров Петроградской федерации анархистов-коммунистов И. С. Блейхманом, знакомым Н. Н. Суханову по работе в Петросовете, проходила в большой зале, превращенной в аудиторию и украшен-

---

¹⁹ Флеровский И. П. Большевицкий Кронштадт в 1917 году. Ленинград: Лениздат. 1957. С. 45.

²⁰ Канев С. Н. Революция и анархизм. С. 277.

ной черными знаменами и другими эмблемами анархизма. Главной задачей Н. Н. Суханова было выяснить, какие планы имеют анархисты по поводу предстоящей демонстрации и, в первую очередь, собираются ли они идти с оружием, так как Совет небезосновательно опасался различных «несчастливых случаев, произвольных эксцессов и самостреляющих винтовок»²¹. Однако И. С. Блейхман отказался дать делегату определенный ответ, указав на тот факт, что Совет для анархистов совершенно не авторитетен, вне зависимости от того, присоединятся к его решению большевики или нет. Н. Н. Суханов в своих воспоминаниях резюмировал услышанное следующим образом: «на то, мол, мы и анархисты, чтобы никому не подчиняться и действовать, как бог на душу положит...». Позднее, уже в частной беседе, лидер анархистов успокоил гостей словами о том что «все обойдется благополучно»²². Вполне благожелательно настроенные анархисты продемонстрировали делегатам Совета огромный тенистый сад усадьбы, который был наводнен большими группами рабочего народа, детьми. Здесь же находился киоск с анархистской литературой и высокий пень, с которого перед публикой выступал оратор. Относительно успокоенные полученной информацией, делегаты тем же вечером сделали обнадеживающий доклад на заседании Исполнительного комитета в Таврическом дворце²³.

Однако в реальности события развивались по иному сценарию. 18 июня небольшая колонна анархистов под черными знаменами появилась на месте проведения демонстрации – Марсовом поле. Анархисты были вооружены и распевали свои песни «со свирепозывающим видом»²⁴. Непосредственно в ходе шествия отряд анархистов в 50–75 человек осуществил нападение на тюрьму «Кресты» с целью освобождения своих арестованных соратников. В результате на свободу были выпущены 7 человек, некоторые из которых не имели отношения к анархистам. Более того, по ряду свидетельств, неразберихой, вызванной налетом анархистов, воспользовались с целью побега 400 заключенных из пересыльной тюрьмы²⁵.

---

²¹ Новая Петроградская газета. 1917. № 139. 17 июня. С. 3; Суханов Н. Н. Записки о революции. С. 333–334.

²² Суханов Н. Н. Записки о революции. С. 334–335.

²³ Там же. С. 336.

²⁴ Там же. С. 341.

²⁵ Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма 1917–1922 гг.). М.: Мысль, 1974. С. 78.

Эти события стали последней каплей, переполнившей чашу терпения Временного правительства, которое решило немедленно уничтожить штаб-квартиру анархистов на даче Дурново. Основным предлогом для этих действий послужил тот факт, что среди освобожденных ими 7 человек оказались и личности, обвиняемые в провокаторстве, шпионаже и дезертирстве. Уже в три часа ночи 19 июня к усадьбе были стянуты правительственные войска – казачья сотня и составленный из преображенцев и семеновцев батальон пехоты (около 200 человек) с бронемашинной. Подобные приготовления наглядно свидетельствуют о том, что на даче Дурново представители власти ожидали встретить ожесточенный отпор от вооруженных до зубов анархистов-боевиков. Во главе отряда – генерал П. А. Половцов и министр юстиции П. Н. Переверзев, которые в ультимативной форме потребовали выдачи освобожденных из тюрьмы. Со стороны анархистов в переговорах участвовал кронштадтский матрос А. Г. Железняков, впоследствии прославившийся своей ключевой ролью в разгоне Учредительного Собрания. Участвовавший в штурме начальник контрразведки Петроградского военного округа Б. В. Никитин так описывает ход переговоров: «Переверзев требует, как генерал-прокурор, немедленно открыть двери. Железняков вступает в пререкания, говорит о свободах и правах народа на дома и земли. Складная речь его течет быстро, слов не подыскивает; держит себя непринужденно... высоко закинутая голова, с правильными чертами лица при открытом вороте даже импонирует... – Вы, товарищ министр, войдете в дом только через наши трупы, – заканчивает он и быстро скрывается в галерею, откуда уже слышатся стук молотков, заколачивающих двери»²⁶.

По окончании переговоров было принято решение штурмовать усадьбу, однако рядовые солдаты не торопились исполнять приказ и остановились в нерешительности. Пример пришлось показать офицерам, которые первыми через разбитое окно проникли в дом. Генерал вынужден был использовать хитрость, разыграв карту конкуренции между преображенским и семеновским полками: «Преображенцы, что же вы стоите? Смотрите, семеновцы уже вошли...» и т. д. Даже эти усилия не дают должного результата – в усадьбу проникают лишь несколько казаков и полтора десятка солдат. В этот момент анархисты начинают кидать ручные гранаты из окон и балкона второго этажа, а также около лестницы внутри здания. Несмотря на то, что ни одна

---

²⁶ Никитин Б. В. Роковые годы. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 96

граната не разорвалась, так как бросавшие их забыли выдернуть предохранители, психологический эффект был сильным: «Для наших воинов этого оказалось достаточно: солдаты, забравшиеся было в дом, опрометью бросаются назад, высыпаются из окна, в которое мы пролезли, бегут через двор на набережную, а за ними убегает и все наше войско»²⁷. Офицерам пришлось возвращать солдат во двор усадьбы силой, после чего наступление было возобновлено.

Сопrotивление оказывала лишь одна комната, в которой заперлись А.Г. Железняков и упомянутый выше Ш.А. Аснин. В ходе их задержания произошло событие, роль которого в разворачивании дальнейшего противостояния между властью и радикально настроенными революционерами сложно переоценить: анархист Аснин был убит. По версии Б.В. Никитина это была случайная пуля – выламывавший дверь солдат нечаянно спустил курок²⁸. В лояльной к правительству прессе высказывалось мнение, что Аснин, труп которого был найден с зажатой в руке бомбой, застрелился²⁹. По версии анархистов и очевидцев с Выборгской стороны Аснин был убит «озверевшими солдатами – выстрелом в спину или в затылок»³⁰. На даче был учинен разгром, перебиты окна и поломаны двери, при обыске найдено много бомб и огнестрельного оружия. Н.Н. Суханов, который посещал усадьбу за несколько дней до штурма, готов был удостоверить, что «анархисты содержали ее в полнейшем порядке»³¹. В результате были задержаны 60 (по другим сведениям 59) человек, большинство из которых, по описанию Б.В. Никитина, составляли «выходцы из нижнего подвала петроградской трущобы», на фоне которых «...с гордо закинутой головой выделяется стройная фигура Железнякова»³².

Из описания событий 19 июня, приведенного начальником петроградской контрразведки, становится очевидным, что на момент штурма, в 3–4 часа ночи, большую часть находившихся в усадьбе людей составляли случайные постояльцы, многие из которых, вероятно, бездомные (дача Дурново, надо полагать, функционировала как полноценный «сквот»), в то время как реальных членов анархистской организации на месте было лишь двое. Именно этим объясняется от-

---

²⁷ Там же. С. 97.

²⁸ *Никитин Б. В.* Роковые годы. С. 98.

²⁹ Новая Петроградская газета. 1917. № 141. 20 июня. С. 4.

³⁰ *Суханов Н. Н.* Записки о революции. С. 355–356.

³¹ Там же. С. 355.

³² *Никитин Б. В.* Роковые годы. С. 99–100.

носительная легкость, с которой был осуществлен захват, и добровольная сдача большинства задержанных.

Уже через несколько часов после штурма, когда известия о событиях и, в первую очередь, о гибели Ш. А. Аснина, распространились по Выборгской стороне, в парке перед усадьбой и на прилегающих улицах собрались толпы рабочих; митинг принимал грандиозные размеры, звучали многочисленные призывы отомстить «палачам». Пропагандист из главного управления Генерального штаба был жестоко избит³³. Тело Ш. А. Аснина было вынесено из дачи и положено в центр двора, причем рабочие не позволили официальному следователю увезти его на вскрытие, а потребовали осуществить его тут же в их присутствии. В разных частях Выборгского района начались забастовки³⁴. Вооруженные солдаты и матросы требовали немедленно освободить арестованных. Кронштадтцы особенно настойчиво и в ультимативной форме, угрожая министру П. Н. Переверзеву расправой, требовали освобождения А. Г. Железнякова, который пользовался в их среде большой популярностью³⁵.

В связи с тем, что операция по захвату дачи Дурново была осуществлена без согласования с Петроградским Советом (дежурные члены Исполнительного комитета были лишь оповещены по телефону), П. Н. Переверзев подвергся жесткой критике со стороны многих его представителей, особенно большевиков А. В. Луначарского и Л. Б. Каменева. Защищая свою деятельность перед Всероссийским съездом Советов, министр, в доказательство уголовного прошлого убитого Ш. А. Аснина, предъявил фотографии его тела, которое было, по выражению Б. В. Никитина, «татуировано рисунками до крайности циничными»³⁶. Эта история нашла свое отражение на страницах газет³⁷ и имела широкий общественный резонанс, а П. Н. Переверзеву с успехом удалось избежать каких-либо санкций со стороны Съезда Советов.

Однако стоит отметить, что штурм 19 июня не привел к фактическому выселению анархистов с дачи Дурново: окончательно они покинули ее лишь после июльских событий, когда власть объявила им

---

³³ Там же. С. 101.

³⁴ *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Ук. соч. С. 356–357.

³⁵ *Никитин Б. В.* Роковые годы. С. 104.

³⁶ Там же. С. 103.

³⁷ Например, Новая Петроградская газета. 1917. № 148. 28 июня. С. 2

открытую войну. А отголоски этих событий еще долгое время способствовали нарастанию протестного потенциала рабочей и солдатской среды Петрограда. Действия правительства в отношении дачи Дурново были осуждены во множестве прокламаций и других программных документов, распространявшихся анархистскими группами в разных городах России³⁸. На заводах и в воинских частях Петрограда анархисты вновь призывали к массовому вооруженному восстанию. Особенный успех эта идея имела у 1-го пулеметного полка, который был крупнейшей воинской частью Петроградского гарнизона и базировался на Выборгской стороне, недалеко от дачи Дурново. Важную роль в этом сыграла исходившая от Временного правительства угроза расформирования и скорой отправки революционного полка на фронт.

2 июля в усадьбе Дурново прошло совещание лидеров Петроградской федерации анархистов-коммунистов с участием И. С. Блейхмана, Н. Павлова, А. Федорова, П. Колобушкина, Д. Назимова и других, на котором было решено немедленно призвать 1-й пулеметный полк к восстанию с целью свержения Временного правительства, под лозунгом «Безвластие и самоустройство!»³⁹. Тщетно пытались большевики пресечь агитацию анархистов: настроение солдат было уже неконтролируемым.

Утром 3 июля анархисты прибыли на полковой митинг. Основной их оратор – И. С. Блейхман – призывал выступать сегодня же «на демонстрацию для свержения десяти министров-капиталистов»⁴⁰. Л. Д. Троцкий давал такую характеристику его речи: «С очень скромным багажом идей, но с известным чутьем массы... Блейхман плавал во всяких импровизационных митингах как рыба в воде. Его решение всегда было при нем: надо выходить с оружием в руках. Организация? "Нас организует улица". Задача? "свергнуть Временное правительство..."»⁴¹. Выступления двух других анархистов – П. Колобушкина и Н. Павлова только усилили эффект: полк решительно поддержал их

---

³⁸ Революция в опасности! // Анархисты: Документы и материалы 1883–1935 гг. Т. 2. М.: Росспэн, 1998. С. 41–43; Воззвание ко всем товарищам, рабочим и солдатам // Анархисты: Документы и материалы... С. 49–51; К разумным людям! // Анархисты: Документы и материалы... С. 52–55; Манифест анархистов-коммунистов // Анархисты: Документы и материалы... С. 326–327.

³⁹ *Логинов В. Т.* Неизвестный Ленин (Гении и злодеи). М., 2010. С. 201; *Канев С. Н.* Революция и анархизм. С. 281.

⁴⁰ *Канев С. Н.* Революция и анархизм. С. 282.

⁴¹ *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 1. М.: Терра; Республика, 1997. С. 22.

призывы. Исходившее от большевиков предложение отложить выступление было отвергнуто. Не ограничившись успехом в 1-м пулеметном полку, анархистские агитаторы вместе с полковыми делегатами немедленно направились в Кронштадт с целью привлечения матросов к вооруженному восстанию⁴². Так было положено начало событиям, которые вошли в историю Революции как «июльские дни».

В ходе событий 3–5 июля анархисты с дачи Дурново (а именно так чаще всего именовали представителей Петроградской федерации анархистов-коммунистов), помимо участия в массовом движении, осуществляли и самостоятельные акции. 4 июля ими была захвачена типография черносотенной газеты «Новое время». Так же, как и в случае с захватом «Русской воли», «...анархисты объявили типографию народным достоянием, потом устроили митинг, отпечатали свое воззвание, а затем ночью добровольно удалились без дальнейших последствий, кроме невыхода... газеты на другой день»⁴³. Тем временем, И. С. Блейхман продолжал яростную агитацию в Петроградском Совете: «В Петропавловскую крепость Временное правительство!», «Немедленно реквизируйте все фабрики и заводы!»⁴⁴

6 июля, в ходе подавления вооруженного восстания, дача Дурново была окончательно захвачена правительственными войсками⁴⁵. Анархисты были вынуждены покинуть свою ставшую легендарной штаб-квартиру.

Фёдоров А. Ю.

Революционная эпопея анархистов

Григория Рогова и Ивана Новоселова

Хотя за последние четверть века интерес к истории российского анархистского движения вырос, и появилось большое количество исследований, различных по своему объему и качеству, мы до сих пор знаем о многом крайне поверхностно. Это относится и к истории действий анархистов на территории Сибири. Хотя по интере-

---

⁴² *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М.; Ленинград: Гос. изд-во, 1925. С. 112–114; *Ярчук Е.* Кронштадт в русской революции. Нью-Йорк: Исполн. комитет проф. союзов, 1923. С. 11.

⁴³ *Суханов Н. Н.* Записки о революции. С. 395.

⁴⁴ Там же. С. 392.

⁴⁵ Там же. С. 474.

сующей нас тематике уже вышло несколько сборников документов, а также ряд исследований (в первую очередь, речь идет о работах Анатолия Штырбула), тем не менее, многое в истории действий партизан-анархистов Григория Федоровича Рогова и Ивана Панфиловича Новоселова еще только предстоит изучить. Одна из важнейших причин этого кроется в том, что на сегодняшний день нам доступно очень мало документов (включая и периодические издания) как означенных командиров, так и анархистских организаций региона.

Вместе с тем, наметилась тенденция к новому «сгущению красок» вокруг этих партизан-анархистов, а также анархистов Дальнего Востока (речь, в первую очередь, идет о партизанах Якова Тряпицына). Последнее важно отметить потому, что современные критики «справа» подчас поминают как имена нарицательные Рогова и Тряпицына в связке, подобно тому, как раньше это делали некоторые советские критики¹.

Камнем преткновения, при этом, сегодня является не конфликт Рогова и Новоселова с большевиками-коммунистами, но история вооруженного взятия города Кузнецка в декабре 1919 г. В данной статье я постараюсь кратко проследить участие в революции и гражданской войне анархистов Рогова и Новоселова, с упором на события 1919–1920 гг.²

По воспоминаниям П. Я. Новикова, Рогов был «богатым кулаком» (в действительности, он не был ни богатым, ни кулаком, ни даже тол-

---

¹ Небезынтересно отметить характеристики, которые давались Рогову в советской литературе. Так, например, в сборнике документов о партизанском движении в Западной Сибири 1936 г. Рогов и Новоселов называются не иначе как руководителями «анархо-бандитской», либо «кулацко-бандитской шайки» (Партизанское движение в Западной Сибири в 1918–1919 гг. Партизанская армия Мамонтова и Громова. Сборник документов. – Новосибирск: Западно-Сибирское краевое издательство, 1936. С. 16, 369). В сборнике документов 1959 г. про Рогова говорилось, что он был организатором партизанского отряда, действовавшего против колчаковцев, однако, позднее «скатился на анархические позиции» (Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.): Документы и материалы. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1959. С. 746).

² Иногда действия анархистов Сибири характеризуют как «сибирскую махновщину». См.: *Штырбул А. А.* Нестор Махно, махновское движение и Сибирь: материал к курсам «История Сибири» и «История Украины». – Омск: ОмГПУ, 2010. С. 6; *Шубин А. В.* Махно и его время: О Великой российской революции и Гражданской войне в России и на Украине. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 178, 181; *Mintz F.* A Siberian Makhnovshchina? // Organise! The Magazine of the Anarchist Federation. № 62. P. 15–17.

ком крестьянином³), «имел в Жуланихе 2-этажный дом и хорошие сельскохозяйственные машины». После установления в регионе советской власти⁴ был избран членом барнаульского Совета, работая в нем в земельном отделе. После занятия области силами белых подвергался преследованиям за свою «советскую» деятельность. От рук новых властей погиб его брат, было разграблено имущество. В ответ на это Рогов сформировал небольшой отряд в два десятка человек и начал действовать, нападая «на богатых мужиков и сжигая церкви». Его отряд действовал «в районе между Новониколаевском, Барнаулом и Бийском»⁵.

При этом, как пишет Г. Н. Безруков, жители села Жуланихи, которое являлось центром Мариинской области Барнаульского уезда, активно выступили против политики новых властей, отказываясь выбирать земскую управу и стремясь сохранить созданный ранее Совет. В этой связи, уполномоченный по формированию добровольческой армии А. Левашов, докладывая в конце июля губернскому комиссариату писал, что: «В Мариинской волости (село Жуланиха) и по сие время еще царствует Советская власть»⁶.

Скрываясь от преследования карательных белогвардейских отрядов, посылавшихся против него из Бийска и Барнаула, Рогов ушел в тайгу. По мнению критиков, с Роговым ушли не только идейные революционеры, но также и уголовные преступники, скрывавшиеся от колчаковских властей⁷.

В одном из сборников документов содержится следующая характеристика Рогова, данная неизвестным автором, которую уместно привести полностью: «... Кто же он в конце концов – этот человек, всесокрушающей бурей носившийся со своими отрядами над буржу-

---

³ *Безруков Г. Н.* Предисловие // Партизанское и повстанческое движение в Причумышье. 1918–1922. Документы и материалы. – Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 1999. С. 9.

⁴ В начале декабря 1917 г. власть перешла в руки Советов во многих городах Алтайской губернии. В Барнауле власть взял местный Военно-революционный комитет. См.: Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.П-1061. Оп.1. Д.9. Л.1; Революционные события и Гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922: Хрестоматия / Сост. Кривоносов Я. Е. – Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2001. С. 142.

⁵ Партизанское движение в Западной Сибири... С. 269.

⁶ *Безруков Г. Н.* Указ. соч. С. 8. Советская власть продержалась в Жуланихе до двадцатых чисел августа: Партизанское и повстанческое движение в Причумышье. С. 36.

⁷ *Лагздин Э.* На Гурьевском заводе // Сборник Истпарта № 1.– Новониколаевск: Сиббюро Ц.К. Р.К.П. (Большевиков), 1923. С. 91.

азно-офицерским и кулацко-поповским уголком Сибири, беспощадно истреблявший гнезда контрреволюции? Кто он? Революционер? – Да, отвечаем мы, революционер. Но его революция – разбушевавшаяся стихия, которая порвала вековые цепи рабства и стремительно разрушает все, что попадет на ее пути. Его партийное лицо? – Единого четкого лица нет. Вначале он считал себя социалистом-революционером. Затем – большевиком. Затем – анархистом. Это шатания, типичные для мелкобуржуазного революционера...»⁸

По мнению А. Штырбула, анархизм Рогова был «скорее стихийным», а вот Новоселов, в свою очередь, являлся убежденным анархистом⁹. Оба они, и Рогов, и Новоселов, побывали на полях Первой мировой войны.

Как и Рогов, Новоселов был из крестьян. С фронта он вернулся «с мешком сочинений Кропоткина и Бакунина». В первой половине 1918 г. он работал в качестве делопроизводителя Совета Гурьевского Завода (Гурьевска). По некоторым данным, в деревне Боярак (Буерак) Кузнецкого уезда им была организована коммуна «Анархия». Дочь Новоселова Елена так описывала историю создания коммуны: «С германской войны в чине ефрейтора [Новоселов] вернулся революционно настроенный и приступил к организации коммуны вместе с петроградским рабочим Степановым и другим – "Федей". В коммуну вошло 10 самых бедных семей. [...] Чтобы заработать денег для коммуны, коммунары ушли работать на шахты». По словам А. Штырбула, лидерами данной «сельскохозяйственной коммуны» были Новоселов и М. Скударнов¹⁰. Некоторые подробности о коммуне можно почерпнуть и из следующего объявления, составленного ее участниками:

Коммуна крестьян-анархистов.

В деревне Бояраке Морозовской вол. Кузнецкаго у. Томской г. организовалась трудовая крестьянская коммуна «Анархия».

---

⁸ Из рукописи неизвестного автора о партизанском движении на Алтае. Характеристика личности партизанского вождя Г.Ф. Рогова / Сост. Штырбул А.А. // Анархистское движение в период кризиса Российской цивилизации (конец XIX – 1-я четверть XX вв.): Учебно-методическое пособие для студентов и преподавателей. – Омск: ОмГПУ, 1998. С. 56.

⁹ Штырбул А.А. Нестор Махно... С. 22.

¹⁰ Революционные события... С. 257; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: Теория и практика. Ч. 1. (1900–1918). – Омск: Изд-во Омского педуниверситета, 1996. С. 175.

Коммуна приглашает учителя и учительницу, товарища-анархиста безусловно.

Почтовый адрес коммуны: Лебедовское Томской г., в дер. Боярак Морозовской вол., Ивану Новоселову или Михаилу Скударнову – для коммуны «Анархия».

Коммуна находится в 15-ти верстах от ст. Плотниково Кольчугинской жел. дор.

Коммуну травят деревенские богачи-кулаки. Коммуна состоит из наиболее беднейших крестьян. Она нуждается в анархической литературе прежде всего, затем в лошадях, с.-х. орудиях и машинах и в зерне для обсеменения полей.

Помощь коммуны со стороны друзей, товарищей и сочувствующих просим направлять по указанному адресу.

Nota bene. Просим издания анархистов и сочувствующих коммуны перепечатать это сообщение.

Коммуна «Анархия»¹¹.

По предположению Штырбула, в коммуне «Анархия» могло состоять порядка 100 человек, трудоспособными из которых должно было быть не менее трети¹².

Новоселов избирался участником съезда крестьянских депутатов Кузнецкого уезда, проходившего в городе Кузнецк 12–22 марта 1918 г. По некоторым данным, он был избран секретарем данного съезда. После взятия власти белыми, так же, как и Рогов, Новоселов подвергался преследованиям, был арестован и даже находился 8 суток в камере смертников, однако, сумел бежать. Созданная им коммуна была разрушена. Уже осенью того же 1918 г. Новоселовым был организован партизанский отряд, состоявший из бывших участников разогнанной белыми коммуны, действовавший на территории Кузнецкого, Барнаульского, Мариинского и Щегловского уездов¹³.

---

¹¹ Бунтовщик. Орган пропаганды идей анархизма. № 1. 07.04(25.03).1918.

¹² Штырбул А. А. Указ. соч. С. 191.

¹³ Безруков Г. Н. Указ. соч. С. 12; Кайгородов С. Памятник инсургенту. [Электронная публикация: <http://lentaregion.ru/53377> Дата обращения: 31.10.2017]; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1. 1918–1922 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 799; Штырбул А. А. Указ. соч. С. 190; *Его же*. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: Теория и практика. Ч. 2. (1918–1925). – Омск: Изд-во Омского педуниверситета, 1996. С. 29.

В качестве характеристики взглядов Новоселова Кайгородов приводит такие слова из его выступлений: «Богачей и буржуев долой, а все другие должны организоваться в трудовые федерации. Продукты заводской промышленности будут вымениваться на те продукты, какие имеются в коммуне и в каких нуждается фабрика. При таком обмене деньги отпадают, и их можно совсем изъять. Когда падет Барнаул, придут российские, но мы не остановимся – мы будем дальше идти»¹⁴. А. Штырбул приводит несколько иную версию его слов: «На вопрос: "Воевать за что? Ведь власть Советов уже добыли", Новоселов отвечал: "Нет, мы не будем останавливаться, пойдем дальше, к анархии"»¹⁵.

Летом 1919 г. на волне успешных партизанских действий отряды Рогова, а также действовавшего там же Новоселова, стали расти. В общей сложности усилиями партизан Рогова и Новоселова было освобождено от белых 18 волостей¹⁶. К середине лета в отряде Новоселова насчитывалось до 600 человек. Они воевали под двумя знаменами: черным и красным. Позднее отряд разделился, и с Новоселовым осталось 100 человек. Походной песней отряда стал «Марш анархистов», а знамя осталось черным, с надписью «Анархия – мать порядка»¹⁷. При этом, как отмечал Новиков, они все отчетливее стали проявлять свое негативное отношение к системе Советов.

Осенью того же года отряд Новоселова перемещается в Причерный край, где соединяется с Роговым: «Осенью 1919 года Рогов совершенно терроризировал Барнаул своими дерзкими налетами на пригородные деревни, снабжавшие барнаульские базары продуктами питания, вызывая тем недостаток продовольствия и брожение в городском населении, особенно среди рабочих Главных мастерских Алтайской железной дороги. Был случай, когда команда нестроевой роты 3-го Барнаульского полка, посланная за сеном в деревню Затон на правый берег реки Оби, вернулась без подвод: последние были отобраны налетевшим отрядом красных партизан, при этом люди наши были избиты и едва удрали в город»¹⁸.

---

¹⁴ Кайгородов С. Указ. соч.

¹⁵ Штырбул А. А. Указ. соч. С. 49.

¹⁶ Дамье В. В. Стальной век: Социальная история советского общества. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 78.

¹⁷ Штырбул А. А. Указ. соч. С. 34–35.

¹⁸ Камбалин А. 3-й Барнаульский сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе / Сост. Волков С. В. // Великий Сибирский Ледяной поход. – М.: Центрполиграф, 2004. С. 217.

Партизан-анархист
Григорий Рогов (1883–1920)

В регионе все активнее разрасталась борьба с властью Колчака. Дошло даже до того, что 2 октября Западно-Сибирский областной Исполнительный комитет Совета крестьянских, рабочих, солдатских депутатов издал «Приказ», объявлявший о мобилизации населения на борьбу с белыми. «Кто не идет с нами, тот враг нам», говорилось в тексте Приказа¹⁹.

4 ноября газета «Алтайские губернские ведомости» писала, что отряд Рогова занял село Дмитри-Титовское в районе Барнаула²⁰. В ноябре 1919 г. отряд под командованием Рогова участвовал в боях против белогвардейцев в районе Тогула. Красное командование при этом не имело с ним надежной связи, так как он был отрезан от них силами белых. К концу ноября связь с ним была налажена. 30 ноября начальник 6-й горно-степной дивизии Архипов просил его начать наступление на Барнаул одновременно с другими частями красных²¹.

К этому времени отряд²² Рогова насчитывал до 10,000 бойцов. Им была «занята станция Баюнова, Бийской ветки», а сам Бийск был от-

¹⁹ ГААК. Ф. 65. Оп. 1 доп. Д. 3. Л. 93.

²⁰ Партизанское движение в Западной Сибири... С. 233.

²¹ Там же. С. 122–123.

²² Г. Н. Безруков отмечает, что это уже была самая настоящая «партизанская армия» (Безруков Г. Н. Указ. соч. С. 10).

резан. Оттуда его отряд направился под Барнаул, который блокировал совместно с силами красных²³.

В начале ноября состоялся Второй съезд Причернского советского края: «На этом съезде Рогов и Новоселов окончательно выявили свою политфизиономию, ярко выраженную против власти Советов, за анархию». Тогда же произошел раскол партизанского отряда: часть осталась с Роговым, а часть стала 1-й Чумышской дивизией, командование которой принял большевик М. И. Ворожцов²⁴.

Особое место в истории «роговщины» занимают декабрьские события 1919 г. в городе Кузнецке. «В Кузнецке были ею [роговцами] сожжены все церкви, убито до 400 человек. Город подвергнулся разграблению, за что отряд был разоружен»²⁵. Позднее, в мае 1920 г. отряду Рогова стали приписывать 800 жертв террора, а также массу изнасилований²⁶. По мнению М. Е. Плотниковой, версия о «массовых бесчинствах» отряда Рогова в Кузнецке полностью подтверждается «многочисленными свидетельствами очевидцев и документами»²⁷. Однако с документами, равно как и с воспоминаниями, не все так просто и однозначно.

Что же все-таки произошло в Кузнецке? По некоторым данным, в начале декабря в городе начался мятеж воинских частей, было убито несколько офицеров, подверглась разгрому тюрьма, из которой разбежались как политические, так и уголовные заключенные. В городе начались хаос и мародерство²⁸. Формально власть в городе захватил местный ревком, однако, он не мог ничего сделать с происходящим, и для наведения порядка обратился за помощью к отряду Рогова. Что же касается жертв Рогова, то есть целый ряд свидетельств, согласно которым вошедшими в город партизанами было осуждено

---

²³ Партизанское движение в Западной Сибири... С. 234, 238.

²⁴ Там же. С. 270; *Плотникова М. Е.* О партизанском отряде Рогова и сущности «роговщины» // Новокузнецк в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции, посвященной 350-летию основания Кузнецка. – Новокузнец: Б. и., 1971. С. 72.

²⁵ Сибирская Вандея. Документы в 2-х т. Т. 1. 1919–1920 / Сост. Шишкин В. И. – М.: Международный фонд «Демократия», 2000. С. 65.

²⁶ Советская деревня... С. 257.

²⁷ *Плотникова М. Е.* Указ. соч. С. 73.

²⁸ Судя по имеющимся данным, обвинения в адрес Рогова основывались на том, что на момент мятежа военного гарнизона в Кузнецке находился отряд Толмачева, не входивший в армию Рогова, и именно этот отряд был причастен к беспорядкам и открытию тюрем: *Безруков Г. Н.* Указ. соч. С. 19.

на смерть только «12 человек, которых и следовало осудить». А вот в отношении мирного населения города репрессий не проводилось²⁹.

По воспоминаниям Н.П. Баталова, сражавшегося под началом Рогова: «Перед Кузнецком отряд был остановлен, и Рогов предупредил партизан, что за грабеж, за насилие, виновные будут расстреливаться на месте преступления без суда. Это предупреждение было передано по цепи до последних рядов. Да, пожалуй, и предупреждать не надо было, потому что мы это хорошо знали»³⁰. Что же касается грабежей в городе, то, как отмечают исследователи, к ним приложили руку в том числе подразделения Красной армии³¹.

Из Кузнецка Рогов отправился в Щегловск, который взял с боем 21 декабря. Во второй половине декабря стали распространяться слухи о грабежах и бесчинствах, творимых партизанами из отряда Рогова. Сообщалось, что нередко можно встретить партизан данного отряда с большим количеством награбленного имущества. 23 декабря было отдано распоряжение немедленно ликвидировать «банду» Рогова, а также Новоселова и некоторых других партизан. Предварительно предлагалось дать тем возможность сдаться добровольно, в противном случае «принять меры вплоть до боя и расстрела сопротивляющихся с оружием в руках». Через два дня Рогов был арестован, а вместе с ним еще 18 человек из числа командного состава.

В январе следующего года дело Рогова было передано на рассмотрение военно-революционного трибунала 5-й армии³². Как отмечалось, положение арестованных партизан было «ужасное, хуже чем белогвардейских офицеров». Они подвергались постоянным оскорблениям³³. В конце февраля Рогов был освобожден³⁴, а Новоселов из под ареста бежал³⁵. С этого времени Новоселов занимает открыто антибольшевистские позиции: «На съезде культурников в Причумышье выступил с призывом "вырезать ревкомы"»³⁶. По воспоминаниям его

---

²⁹ Кайгородов С. Указ. соч.

³⁰ Партизанское и повстанческое движение в Причумышье. С. 226.

³¹ Безруков Г.Н. Указ. соч. С. 19.

³² Сибирская Вандея. С. 61–64.

³³ Партизанское и повстанческое движение в Причумышье. С. 120.

³⁴ Все время его нахождения под арестом партизаны из различных отрядов и крестьяне требовали его освобождения. (Там же. С. 96–110).

³⁵ Как именно освободился Новоселов, точно не известно. По одной из версий, его за недоказанностью обвинений освободили вместе с Роговым. (*Штырбул А.А.* Указ. соч. С. 77).

³⁶ Советская деревня... С. 799.

По воспоминаниям партизан, Г. Ф. Рогов обладал огромной силой воли, презирал трусов. За эти качества его и выбрали командиром.

дочери, выступая на том съезде, Новоселов говорил буквально следующее: «Товарищи, всякая власть – гнет и соввласть – гнет. Долой власть. Да здравствует анархия! Будем топтаться на одном месте, на весну – восстание. Будем резать ревкомы, ячейки. Советы – без коммунистов!»³⁷ В своих выступлениях он подчеркивал, что революция еще вовсе не окончена, и что он не собирается останавливаться на полпути³⁸.

Что касается Рогова, то ему после освобождения большевиками было выдано из партийной кассы 10 000 рублей, а также предложено место в Барнаульской губЧК, однако он, после некоторых размышлений, отказался³⁹. 14 марта Рогов выпустил обращение «Ко всем волостным и сельским Ревкомам Барнаульского, Бийского, Кузнецкого и других уездов», в котором призывал создавать «истинную трудовую коммуну без участия белоручек и кулаков», говорил о необходимости сплачивать ряды, дабы «в нужный момент выступи[ть] сплоченными рядами добывать истинную свободу»⁴⁰.

По некоторым данным, с Роговым и Новоселовым, когда они обрели свое оружие против большевиков в начале мая 1920 г., было около 2 000 партизан. События начались под Барнаулом. П. А. Новиков называет это началом войны «теперь уже между большевиками и кре-

³⁷ Революционные события... С. 254.

³⁸ *Штырбул А. А.* Указ. соч. С. 77.

³⁹ Там же. С. 78.

⁴⁰ Сибирская Вандея. С. 66.

стьянами»⁴¹. Дочь Новоселова так описывала начало этого восстания: «Но весной 1 мая в Жуланихе был устроен митинг. Выкинута черное знамя с надписью: "Да здравствует анархия – мать порядка!" На митинге Рогов и Новоселов призывали к восстанию. В Жуланиху везли оружие и патроны»⁴².

На данном митинге присутствовало до тысячи партизан и несколько тысяч человек гражданского населения. Кроме упомянутого черного знамени, развевалось также и красное. Выступавшие анархисты говорили: «Разве за это мы воевали? Революция не кончена».

Накануне восстания митинги прошли и в ряде других деревень: Зубоскалова, Старая Тараба⁴³. В первой половине мая боевая комиссия Алтайской Федерации анархистов опубликовала ряд воззваний к рабочим и крестьянам области. Так, в одном из них, опубликованном в первой половине мая, содержались призывы вооружаться «против насилия и обмана» и для социальной революции. Для трудящихся главными врагами, освободиться от которых анархисты считали своим долгом «перед революцией», объявлялись «власть, собственность и религи[я]». Воззвание было подписано П. Леоновым, Новоселовым, Роговым и Габовым. В другом воззвании, обнародованном в середине месяца, анархисты призывали с оружием в руках выступить против большевиков и их «Комиссаров-Приказистов». Анархисты подчеркивали, что они выступают против всякой власти, за самоуправление и полное освобождение трудящихся. Воззвание заканчивалось словами: «ДОЛОЙ ВСЯКУЮ ВЛАСТЬ, КАКАЯ БЫ ТО НИ БЫЛА, ДА ЗДРАВСТВУЕТ АНАРХИЯ – МАТЬ ПОРЯДКА». Под воззванием стояли подписи Рогова, Сизикова, Новоселова.

В еще одном воззвании, подписанном Леоновым и Новоселовым, говорилось, что они (анархисты) выступают «за коммуну, за истинную трудовую коммуну, а не за политическую, то есть против всякого угнетения человека человеком и за свободу, братство и равенство». Вместе с тем, они призывали к борьбе с «лжекоммунистами»⁴⁴.

Плотникова писала в статье 1971 г. о том, что «Мятеж поддержали не только кулаки, но и некоторая часть трудящегося крестьянства

---

⁴¹ Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: Центрполиграф, 2005. С. 265.

⁴² Революционные события... С. 256.

⁴³ Штырбул А. А. Указ. соч. С. 79, 81.

⁴⁴ Анархистское движение... С. 64–65; Сибирская Вандея. С. 76–77, 89–90.

и незначительная часть бывших роговских партизан». Действовали восставшие «в пределах Кузнецкого и Щегловского уездов Томской губернии»⁴⁵. 4–5 мая анархисты Новоселова заняли села Тогул и Ускунайское. В губчека отмечали, что местное население поддерживает восставших партизан-анархистов. На их сторону переходили бойцы местной милиции. В Ускунайске отряд Новоселова уничтожил делопроизводительские документы, собрав при этом оружие, боеприпасы и большую сумму денежных средств. В эти же дни отряд Рогова действовал «в районе Тогульское-Жуланиха», и, «по непроверенным сведениям, занял д. Сорокино, продолжая движение на д. Жилино». По данным алтайской губчека И. Карелина, анархисты выступали под лозунгами «черная гвардия» и «Долой захватчиков власти трудового народа!», разгоняли милицию и ревкомы. Также сообщалось, что восставшие действуют «под знаменем анархии и лозунгами долой Советы, долой коммунистов». Восставшие партизаны сражались под черными знаменами с надписями «Анархия – мать порядка» и «Федерация алтайских анархистов»⁴⁶.

Уже к 8 мая восставшие заняли еще несколько сел, в которых организовывались митинги. Тогда же, 8 мая, большевики объявили восставших Рогова и Новоселова изменниками и заклеямили «позорным именем белогвардейцев». Более того, большевики выступили с воззванием к населению алтайской области, в котором назвали Рогова союзником «белых польских и японских генералов, союзником тех буржуев, которые свои надежды возлагают на нашу внутреннюю разруху и на силу международного капитала»⁴⁷.

Со своей стороны, анархисты призывали к борьбе «За свободу, равенство и братство!» против «всех гадов-властелинов». Новоселов выступал с резкой критикой в адрес большевиков, обвиняя их в соглашательстве с буржуазией и наплевательском отношении к деревне⁴⁸. В одном из своих выступлений Новоселов говорил: «Не надо губпродкомов. Гноят хлеб, мясо. Будем сами делать обмен. Мы рабочим – хлеб и мясо, они – мануфактуру и прочее. Не надо регулярной армии – каждому винтовку. Сегодня – пахарь, завтра – воин». Также в своих речах он выступал сторонником создания трудовых федераций-коммун⁴⁹.

---

⁴⁵ Плотникова М. Е. Указ. соч. С. 75–76.

⁴⁶ Партизанское и повстанческое движение в Причумышье. С. 140; Штырбул А. А. Указ. соч. С. 80.

⁴⁷ Сибирская Вандея. С. 77–79, 81–82, 91.

⁴⁸ Там же. С. 90; Штырбул А. А. Указ. соч. С. 82.

⁴⁹ Там же. С. 83.

В донесении от 14 мая «помощника командира 2-го взвода Савина командиру 2-й роты 115-го отдельного стрелкового батальона войск обороны железных дорог Сибири» говорилось: «Доношу, что сего числа возвратился из агентурной разведки и выяснил следующее: проехавши до дер. Бажиной, что 85 верст от стан. Черепаново, узнал от граждан деревни Бажиной, что в районе с.с. Залесово и Сорокино ездят роговские отряды с черным флагом и с надписью "Да здравствует анархия". Главные организаторы анархии Рогов, Новоселов, Леонов и Возилкин»⁵⁰. По данным на 16 мая, в отряде Рогова было 400 слабо вооруженных всадников. Десятью днями позже в политсводке по частям 26-й стрелковой дивизии говорилось о том, что отряд восставших насчитывает 500 человек, и при этом плохо вооружен. При этом отмечалось, что «[з]а последнее время [отряд] почти весь разбежался», хотя, как можно видеть, в это время происходил рост его численности. Вместе с тем, большевики неоднократно отмечали высокую мобильность отряда, обращая внимание также на то, что повстанцы стараются не принимать навязываемых им боев и не задерживаются подолгу на одном месте⁵¹.

На состоявшемся 24 мая закрытом совещании Алтайского губернского оргбюро РКП(б) при обсуждении проблемы восстания партизан Рогова-Новоселова было озвучено предложение незамедлительно с ним покончить, «не останавливаясь ни перед какими мерами»⁵².

В первом томе сборника документов «Сибирская Вандея» был опубликован небезынтересный «Доклад помощника начальника Западно-Сибирского сектора войск ВОХР М.В. Васильева начальнику сектора войск ВОХР и члену Сибревкома В.М. Косареву». В частности, в докладе говорилось о том, что анархисты Рогова выступили в мае под лозунгом «Долой [власть] советов. Да здравствует анархия – мать порядка». В начале текста упоминается о том, что «Среди населения Рогов общего сочувствия не встречает. Кулацкие элементы, ожидая в его лице избавления от ненавистой им советской власти, сначала сочувствовали ему, но когда они стали подвергаться разбоям и головы полетели с их плеч, они отшатнулись от него». При этом, докладчик сравнивал восстание, поднятое Роговым против большевиков, с пугачевщиной⁵³.

---

⁵⁰ Сибирская Вандея. С. 93.

⁵¹ Там же. С. 98, 107–108, 111.

⁵² Там же. С. 105.

⁵³ Там же. С. 113–115.

Необходимо отметить, что при публикации данного документа была опущена небольшая часть текста, в которой шла речь о конкретных мерах, которые считалось нужным принять для борьбы с восстанием анархистов:

«6) Необходимо вслед за наступающими частями оставлять агентов Особого Отдела и особенно обратить внимание на изъятие шпионов, при помощи которых Рогов поддерживает связь и которых он вербует из тех же партизан.

7) Следует срочно изъять у всего населения Алтайской губернии все имеющееся у него оружие, для чего организовать повальные обыски, так как выясняется, что почти в каждой деревне имеются в земле винтовки, бомбы и даже пулеметы.

8) Также следует обратить внимание на местную милицию. При настоящем положении вещей милиционеров следует назначить не из местных жителей, а еще тем менее из местных партизан, а присылать их из других мест»⁵⁴.

Массовая поддержка населением партизан-анархистов подчеркивалась постоянно. Так, в телеграмме «начальника 26-й стрелковой дивизии Я. П. Гайлита начальнику штаба 5-й армии» от 2 июня отмечалось, что «противнику оказывает огромную услугу местное население, информируя его о наших передвижениях, с чем бороться, несмотря на строгость сохранения тайн, почти невозможно»⁵⁵. 12 июня сообщалось о том, что «анархо-партизанское восстание» начало распространяться на соседние уезды, а из советских частей дезертируют новые бойцы, унося с собой оружие (Семипалатинск)⁵⁶.

И все же, восстание начинает постепенно клониться к своему закату. Так, в сводке ВОХР от 19 июня говорилось о том, что плохо вооруженная «банда Рогова» стала разлагаться⁵⁷. А уже к концу месяца положение роговцев становится совсем плачевным. По разведанным красных от 26 июня, наблюдался полный распад «роговских отрядов»; говорилось о том, что лидеры «движения Рогов, Леонов и Мурзин в одиночку скрываются в тайге»⁵⁸. К началу июля от восставшего отряда партизан-анархистов Рогова оставалось всего несколько десят-

---

⁵⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.42. Оп.1. Д.910. Л.9об-10.

⁵⁵ Сибирская Вандея. С. 117.

⁵⁶ Советская деревня... С.271.

⁵⁷ Там же. С.271.

⁵⁸ Сибирская Вандея. С. 128.

ков человек. Сам Рогов погиб 3 июля в деревне Евдокимово в стычке с большевиками. По одной из версий, он застрелился после того, как получил ранение в ногу⁵⁹.

Однако со смертью Рогова повстанческая борьба анархистов против большевиков в Алтайском крае не закончилась. С небольшим отрядом (до 200 человек) продолжал действовать Новоселов, в августе-сентябре сражавшийся с превосходившими силами красных. Также есть данные о том, что отряд Новоселова, сократившийся всего до нескольких десятков человек, продолжал действовать, хотя и малозаметно, всю осень 1920 г. В целом же, участие бывших партизан Рогова в антибольшевистском сопротивлении продолжалось до 1922 г. Приняли они участие и в Западно-Сибирском (Ишимско-Петропавловском) восстании 1921–1922 гг.⁶⁰

Уже в 1920 г. Сибревком объявил амнистию для трудящихся – участников антисоветских выступлений, при условии их добровольной явки, признания своей вины и последующей отправки на фронт. Этим воспользовалась и часть бывших участников отрядов Рогова и Новоселова. В результате, многие из них в качестве красноармейцев участвовали в боях с войсками Врангеля на юге Украины, где, как отмечает А. Штырбул, вполне могли пересекаться с махновцами⁶¹. Позднее часть бывших роговцев – участников боев с Врангелем и польской армией – вернулись в Причерный край. Часть из них, как отмечает Штырбул, могла влиться в действовавшие партизанские отряды Новоселова, Барышникова, Крючкова, братьев П. и С. Мурзиных, Табачникова (Табашникова), а часть, ни к кому открыто не присоединяясь, могла поддерживать связь с данными отрядами и вести среди населения пропаганду анархизма⁶².

С конца 1920 г. обстоятельства меняются. В организации антибольшевистских восстаний активную роль играют правые эсеры. По мнению Штырбула, организованное на Алтае повстанческое движение Союзов трудового крестьянства «было поддержано Федерацией алтайских анархистов во главе с И. Новоселовым, который с конца 1920 г. шел на союз с любыми политическими силами антикоммуни-

---

⁵⁹ Там же. С. 129–130.

⁶⁰ Безруков Г. Н. Указ. соч. С. 31; Сибирская Вандея. С. 136–139; Штырбул А. А. Указ. соч. С. 93.

⁶¹ Штырбул А. А. Нестор Махно... С. 16–17.

⁶² Там же. С. 23–24.

стической направленности, в том числе с бывшими колчаковцами, что являлось выражением политического отчаяния и банкротства»⁶³.

В 1921 г. Новоселов вновь активизирует свою деятельность. К июлю его отряд, действовавший в это время в Салаирской волости, насчитывал более 80 человек. Тогда же им выпускается очередное воззвание, адресованное населению области: «Вы все одна семья трудящихся, но разделены властью и ведете борьбу между собой (...) Власть никакая не может дать народу ту желанную дорогую свободу, к которой стремится все человечество. (...) Довольно всех возможных разверсток и налогов (...) Долой тиранов и угнетателей. Да здравствует свободная личность»⁶⁴. Уже осенью он раздумывает о примирении с большевистской властью, однако, в это время погибает его близкий товарищ Сизаков (Сизиков), ранее сложивший оружие. Это заставляет Новоселова продолжать борьбу. После проведения мобилизации в ряде волостей Кузнецкого уезда в октябре 1921 г. его отряд вырос до 1 500 бойцов. Однако вскоре новоселовцы были разбиты Частями особого назначения, после чего сам Новоселов с ближайшими соратниками скрылся в тайге, а в 1922 г. он «бесследно исчезает». По одной из версий, он был убит, однако, Г.Н. Безруков приводит упоминание о Новоселове, датированное 10 марта 1928 г.⁶⁵

По некоторым данным, на которые ссылается А. Штырбул, Новоселов, живя под чужой фамилией, мог являться в 1960-е гг. одним из инициаторов кампании по реабилитации Рогова⁶⁶.

Мангазеев И. А.

«Односторонне и неполно...»

Образ Григория Рогова в западносибирской печати (1918–2018)

У населения Западной Сибири в начале XX в. представление о теории анархизма было несколько размыто, а после Февральской революции и Октябрьского переворота анархизм нередко отождествлялся с разгульным бунтарством и разинско-пугачёвской вольницей. За столетие, прошедшее с начала Гражданской войны, было создано

---

⁶³ Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири... С. 92.

⁶⁴ Там же. С. 126.

⁶⁵ Безруков Г. Н. Указ. соч. С. 12; Штырбул А. А. Указ. соч. С. 126–127.

⁶⁶ Штырбул А. А. Сибирская махновщина. [Электронная публикация: <http://www.angelfire.com/ia/IOKAS/istoria/sibmachno.html> Дата обращения: 31.10.2017].

немало театрально-кинематографических произведений, закрепивших эту однобокость. Многолетнее мифотворчество предопределило скептическое отношение к любым альтернативным версиям событий, как научным, так и художественным, в которых главную роль играли анархисты. Попробуем разобраться в «историческом» фейке о западносибирском анархисте Григории Федоровиче Рогове, знаменитом партизанском командире Гражданской войны. При этом пишущий эти строки не претендует на абсолютную истину: данная статья выражает субъективное мнение.

Табуированная тема

Надо сказать, что на односторонность сетуют даже представители спецслужб. Так, автор-составитель сборника «Служение Отечеству» полковник ФСБ Валерий Онищенко констатирует: «До недавнего времени в истории государства деятельность органов госбезопасности как "вооруженного отряда партии" освещалась многократно, но односторонне и неполно, поскольку довлела "руководящая роль КПСС"... В нынешних условиях каждый сотрудник УФСБ РФ по Кемеровской области руководствуется надпартийным подходом»¹. Однако материалы, подвергавшиеся партийно-политической цензуре, никуда не делись, они по сей день составляют основу архивных фондов. Поэтому, как бы парадоксально это ни звучало, значение борьбы анархистов в Западной Сибири осознается тем яснее, чем дальше в прошлое уходит Гражданская война и чем шире становится круг источников.

В 1930-е гг. тему анархизма освещали, к примеру, Б. Горев, В. Залежский, М. Равич-Черкасский, затем она была закрыта для полемики, а краткие энциклопедические статьи ставили точки в обсуждении. Так, в книге «Кузбасс в борьбе за Октябрь», изданной в 1942 г., всё партизанское движение описывается одной-единственной фразой². В следующем десятилетии анархическое движение освещается чаще, но скупно и с негативным подтекстом: «В отряде Новоселова было много анархистов и эсеров... Новоселов считал, что отряд [его отряд объединился с отрядами Кузнецова и Шувалова] должен дей-

---

¹ Вступ. ст. // Служение Отечеству. 1917–2005. В 2 тт. (Автор-сост. В. В. Онищенко) Кемерово: УФСБ РФ по КО, 2005.

² «Отдельные отряды восставших, отступивших из Кольчугино (в апреле 1919 года), позднее стали ядром партизанских отрядов, особенно интенсивно развивающих свою деятельность в этот период». *Анфилофьев И.* Кузбасс в борьбе за Октябрь. – Новосибирск: Новос. кн. изд-во, 1942. С. 55.

ствовать под черным знаменем анархистов и исполнять его гимн. Кузнецов не проявлял четкой политической линии. Шувалову... удалось добиться признания для отряда Красного знамени Советов»³. Тот же автор отмечает: «Большую опасность для партизанского движения в Сибири представляли эсеры и анархисты. Они стремились направить партизанское движение против Советов по пути создания земств... Наиболее сильным эсеровское и анархистское влияние было в отрядах Рогова и Лубкова»⁴.

В изданном в 1950-е годы историческом романе «Восстание» его автор Юрий Бессонов в мельчайших деталях описывает борьбу против Директории и Колчака. При этом анархистам писатель посвятил всего лишь одну страницу, изобразив марш по Иркутску отряда Пережогина: «Позади седого человека знаменосцы на вороных конях, под охраной всадников наголо, везли черные шелковые знамена – огромные полотнища на коротких древках. За ними, ряд за рядом, шла кавалерия, растянувшись далеко в глубину улицы»⁵.

Партизанское движение в Сибири углубленно изучал Василий Кадейкин, который пришёл к выводу, что в Сибири не было ни одного крупного города, в котором буржуазия уступила бы власть почти без борьбы⁶. Кадейкин констатировал, что в 1930–1940-е гг. не появлялось обстоятельных монографий о борьбе рабочего класса Сибири за власть Советов: «Только 50-е годы, особенно их вторая половина, ознаменовалась резким подъёмом исследований. <...> В 1957–1959 гг. в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции изданы новые сборники документов и воспоминаний, десятки исследований, посвященных этой проблеме»⁷. При этом Кадейкин предупреждает, что воспоминания, как источники, требуют «исключительно осторожного подхода и тщательной проверки». Главными и наиболее влиятельными политическими противниками большевистской партии в Сибири в первой половине 1918 г. были, по мнению Кадейкина, правые эсеры, объявившие Октябрьскую революцию военным заговором, а общей платформой,

---

³ Кадейкин В. А. Годы огневые. – Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1959. С. 78.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Бессонов Ю. Н. Восстание. – М.: Советский писатель, 1959. С. 26.

⁶ Кадейкин В. А. Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов и осуществление первых социалистических преобразований и сохранение власти Советов // Кузбасский политех. ин-т. – Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1966. С. 9.

⁷ Там же. С. 13.

на которой сошлись сибирские эсеры и кадеты, явилось областническое движение⁸.

В июле 1919 г. Рогов со своей группой присоединился к партизанскому отряду, которым командовал анархист Новоселов, и к осени ими было освобождено 18 волостей⁹. Именно поэтому не удавалось совсем замолчать созревание реального анархизма в Кузбассе. Но участие анархистов в партизанской борьбе замазывалось, а слово «освобождено» не употреблялось в официальных изданиях. Как правило, на страницы местных печатных изданий попадали не анархисты, а роговцы, превращавшиеся, в зависимости от конъюнктуры, в безликих селян. «Утром 3 декабря 1919 года в Кузнецк прибыл отряд из Ново-Рождественки», – пишется в энциклопедическом издании «Кузбасс. Прошлое, настоящее, будущее»¹⁰, хотя местные старожилы (родственники уездного военкома Тагаева) в беседе с автором этих строк утверждали в начале 2000-х гг., что в селе тогда стояли бойцы отряда Рогова.

Освободитель Кузнецка и Щегловска

В начале декабря 1919 г. отряд Рогова находился на Алтае в районе Тогула, когда ревком Кузнецка решил обратиться к нему за помощью. «Роговцы вошли в город, стало ясно, что ревком допустил большую ошибку. Анархисты бросились грабить и истязать население. Под пулями и саблями погибло около 300 человек. Конец бесчинству анархистов положила только Красная Армия. Утром 26 декабря, восторженно приветствуемый населением, в Кузнецк вошел 312-й полк 35-й дивизии Пятой армии»¹¹. Между тем, само население Кузнецка было весьма неоднородным – значительную его часть составляли чиновники, купцы, торговцы. Кроме того, как показали новейшие исследования, в грабежах охотно участвовали некоторые жители окрестных сел и деревень Кузнецкого уезда, а также выпущенные на свободу уголовники. Казни горожан ничем оправдать нельзя, но совершались они не бессудно, а по приговору схода. Сцены суда В. Я. Шишков описал в романе ужа-

---

⁸ Там же. С. 238, 240.

⁹ *Рогов Г.Ф.* (Кузнецк, декабрь 1919). Аннотирован. список литературы. МУ Централизован. система им. Гоголя, отдел краеведения [сост. Киреева Т.Н.]. – Новокузнецк, 2010. С. 3.

¹⁰ Кузбасс. Прошлое, настоящее, будущее (под ред. А.П. Окладникова). – Кемер. кн. изд-во, 1978. С. 147.

¹¹ Там же. С. 148.

сов «Ватага», изданном в середине 1920-х гг.¹² В краеведческом пособии «История Кузбасса», изданном в 1963 г., упоминается «зачистка» Кузнецка, но вовсе не анархистами, о них ни слова: «В начале декабря (1919 года) вспыхнуло восстание солдат Кузнецкого гарнизона. Солдаты перебили офицеров, освободили из тюрем заключенных, разгромили помещение военно-полевого суда и контрразведки»¹³.

Кемеровская областная библиотека тенденциозно указывала: «24 декабря Щегловск освобожден Красной Армией»¹⁴. В действительности отряд Рогова выбил части колчаковцев из Щегловска тремя днями раньше. Вообще говоря, бои за Щегловск (ныне областной центр Кемерово) – это хронологический рубеж, после которого отряд Рогова называется в советской литературе, за довольно редкими исключениями, не партизанским отрядом, а бандой.

Не секрет, что Рогов и его отряд численностью до 5 тыс. человек оказывались подчиняться ревкомам: не последнюю роль сыграла подмоченная репутация Красной гвардии, занимавшейся реквизициями задолго до организации Роговым партизанского отряда. Деятельность Красной гвардии после Октябрьского переворота определялась решениями местных органов. Так, анжерские и судженские красногвардейцы осматривали поезда, задерживали офицеров, казаков и «иных лиц», настроенных против Советской власти. «Красногвардейские отряды Анжерских, Судженских, Кольчугинских, Кемеровских копей, Мариинских приисков вели борьбу со спекулянтами, самогонщиками, хулиганами, занимались реквизициями в окрестных деревнях»¹⁵. В начале 1918 г. в Кузнецке на базе небольшого отряда, прибывшего с Кемеровских копей в распоряжение Совета, был сформирован красногвардейский отряд численностью более 100 человек. В Мариинском уезде небольшие отряды красногвардейцев были созданы в селах Колеул, Чумай, Тисуль, Усть-Серта, Итат и других¹⁶. Опорой Советов в деревнях были переселенцы, беднота и вернувшиеся с фронта солдаты¹⁷. Дословно: «Красная гвардия явля-

---

¹² Суровой критике подверг «Ватагу» комиссар Чапаевской дивизии Д. Фурманов, автор романа «Чапаев».

¹³ Коцюба Д. В. История Кузбасса. Кемерово: Кемеров. книж. из-во, 1963. С. 57.

¹⁴ Из летописи Кузбасса. Календарь-указатель к 60-летию установления Советской власти в Кузбассе. Кемерово: Кемер. обл. научная б-ка, 1977. С. 9.

¹⁵ Редакционная статья // Служение Отечеству. 1917–2005. Кн. 1. 1917–1945. С. 125.

¹⁶ Там же. С. 126.

¹⁷ Коцюба Д. В. История Кузбасса (краеведческое пособие). 4-е издание, с изменениями. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1983. С. 94.

лась вооруженной опорой бедноты в борьбе с кулачеством»¹⁸. А это означает, что в Кузбассе противоборствующими сторонами были не только красные и белые, но и новосёлы и старожилы.

Командиры отрядов

В 1968 году – после Красного Мая в Париже, студенческих выступлений в Польше, Пражской весны – тема анархизма снова стала актуальной. Одними из первых к анархизму обратились ректор Калининского пединститута В.В. Комин и доцент Ленинградской ВПШ С.Н. Канев. Серафим Канев вспомнил Г.Ф. Рогова, но с прежней однозначной оценкой: «Часть руководителей партизанских отрядов из анархистов поддержала большевистскую политику. В их числе были А.В. Мокроусов, П.С. Балтахинов, Н.А. Каландаришвили и др. Анархисты – руководители партизанских отрядов, не принявшие принципы централизации и дисциплины, выступившие против большевистской политики в строительстве Красной Армии (Н.И. Махно, Г.Ф. Рогов, И.П. Новоселов и др.) стали фактическими союзниками белогвардейской контрреволюции и иностранных интервентов»¹⁹. Существенный нюанс: партизанские вожаки названы анархистами, хотя Мокроусова, например, Воениздат Минобороны СССР десятью годами раньше характеризовал совершенно иначе: «командир революционного отряда севастопольских матросов товарищ Мокроусов»²⁰.

В 1970 г. отдел зональной краеведческой библиографии Новосибирской областной библиотеки рекомендует пропагандистам и лекторам, преподавателям высших и средних учебных заведений «Списки имен по областям» – по Алтайскому краю, Горно-Алтайской АО, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областям. Списки неполные. Так, Алтайскому краю рекомендованы 11 имён солдат революции: Ворожцов М.И., Голиков П.К., Громов И.В., Колядо Ф.Е., Мамонтов Е.М., Погребной Д.И., Присягин И.В., Сухов П.Ф., Фо-

---

¹⁸ Там же. С. 95.

¹⁹ *Канев С.Н.* Влияние политики большевиков и Советского государства на расхождение среди анархистов // Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917–1922 гг. Ч. II. – М.: Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История ВОСР», 1977. С. 45.

²⁰ Фома Матвеевич (Алексей Васильевич) Мокроусов дважды указан как «командир революционного отряда севастопольских матросов товарищ Мокроусов». *Лукин А.А., Поляновский Д.И.* Сотрудник ЧК. – М.: Воениздат, 1958. С. 42, 73.

мин М. А., Цаплин М. К., Шамшин И. Д. Преподавателям Кемеровской области (Кузбасса) рекомендованы 13 имён: Брокер Ф. А., Голиков П. К., Петраков А. Г., Петухов А. И., Погребной Д. И., Проскаков С. И., Рабинович М. М., Рукавишников С. И., Сухов П. Ф., Сычев М. И. (Франц Суховерхов), Чучин Ф. Г., Шевелев В. П., Шувалов Г. Д.²¹. В рекомендательных списках нет имён видных партизанских командиров, таких как Г. Ф. Рогов, И. Новосёлов, П. К. Лубков. Хотя, повторим, именно отряд Рогова выбил колчаковцев из Кузнецка и Щегловска (ныне крупнейшие города Кузбасса – соответственно, Новокузнецк и Кемерово), а Лубков командовал двухтысячной Народной армией. В биографическом очерке о Ворожцове говорится следующее: «В 1919 году [М. И. Ворожцова] направляют для руководства партизанским движением в северо-восточную часть Барнаульского уезда, на Чумыш. Затем решением Барнаульского подпольного комитета большевиков он был назначен комиссаром в отряд Рогова. Здесь, вместе с товарищами, он сумел раскрыть глаза партизанам на анархо-кулацкое руководство в лице Рогова и Новоселова, и, объединив вокруг себя подавляющую и наиболее здоровую политически часть партизан, создал 1-ю Чумышскую кавалерийскую дивизию и возглавил ее. <...> В январе 1920 года назначают командиром особого отряда при Алтайской губернской ЧК. Он участвует в ликвидации банд Рогова и Новоселова».

Своим устранением отряды Рогова и Новоселова обязаны и другим «товарищам».

Александр Иванович Анисимов: «Проходя службу в 5-й армии, являясь членом Военно-революционного трибунала при 28-й стрелковой дивизии, участвовал в подавлении банд Рогова, Лобова, Плотникова на Алтае. А в составе Военно-революционного трибунала при 15-й Сибирской кавалерийской дивизии принимал участие в ликвидации банды Антонова в Тамбовской губернии»²².

Василий Иванович Шорин: «Мариинский, Щегловский и Кузнецкий уездные ЧК в 1920–1921 гг. основные усилия направляли на ликвидацию вооруженных выступлений против Советской власти офицерских и крестьянских отрядов. Для борьбы с ними в масштабах Западной Сибири решением Сиббюро ЦК РКП(б) от 9 июля 1920 г. создается оперативно-политическая "тройка" в составе председате-

---

²¹ Солдаты революции. Рекомендательный указатель литературы. – Новосибирск: Советская Сибирь, 1969. С. 146.

²² Служение Отечеству. Кн.1. С. 182–183.

ля Сибревкома И. Н. Смирнова, помглавкома вооруженными силами по Сибири В. И. Шорина и полпреда ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского»²³.

Иван Петрович Павлуновский: «Под его руководством чекисты разгромили уголовно-политические банды Донского в Иркутской губернии, кулацкие банды Рогова, Плотникова и Лобова на Алтае, ликвидировали вооружённые выступления остатков белогвардейщины в Колывани. Раскрыли заговор контрреволюции на коммунистическом руднике в Щегловском уезде. Жизнь Павлуновского оборвалась в 1937 г.»²⁴

Несколько иначе расставлены акценты в биографическом очерке о Рогове: «В марте 1920 года в Кузнецке получила распространение информация, что Рогов организует партизанский отряд против Советской власти. Как бы в подтверждение этого, рано утром на витринах города появились листовки, которые призывали всех "честных тружеников, рабочих и крестьян для свержения Советской власти и провозглашения анархии в Кузнецком уезде". Прокламация была подписана "Левее Левых"²⁵. Для проверки полученных данных к Рогову в отряд направляется сотрудник Кузнецкого уездного политбюро Франц Хмелевский. Являясь уполномоченным по предварительному следствию, Хмелевский уже участвовал в ликвидации банд, действовавших в Кузнецком, Бийском и Барнаульском уездах. В составе банд находились белогвардейцы под командованием Базаркина, Уткина и Алферова, а также анархисты, возглавляемые Табачниковым и Новоселовым²⁶. "Прослужив" у Рогова с неделю, Хмелевский возвратился с подтверждением информации о его деятельности против Советов. Роговцы, обманывая разными способами крестьян восьми волостей, продержались до весны 1921 года. Сам Рогов, сознавая безвыходность положения, застрелился еще в августе 1920 года»²⁷.

Более осмотрителен в определениях В. И. Шишкин, д. и. н., зав. сектором института истории Сибирского отделения РАН: «Рогов Григорий Федорович – анархист, бывший командир партизанского отряда,

---

²³ Там же. С. 221.

²⁴ Там же. С. 331.

²⁵ Там же. С. 234, со ссылкой на: Десять лет. Приложение к газете «Кузбасс». Щегловск, 1927.

²⁶ ОРАФ УФСБ по Томской обл. Д. № 1374, 1759.

²⁷ Служение Отечеству. Кн. 1. С. 234–235.

действовавшего в 1919 году на территории Алтая и Кузбасса против Колчака. В мае 1920 года поднял антикоммунистический мятеж»²⁸.

В сборнике «Служение Отечеству» в очерке «Обелиск у таежного села»²⁹, в котором рассказывается о судьбе Новоселова, использованы материалы жителей посёлка Мундыбаш А. С. Бережко, И. Я. Арбачакова, С. С. Тотыша: «Осенью 1920 г. около таежного поселка Чистая Грива батальон ВЧК под командованием Ворожцова нанес банде Новоселова сокрушительный удар. Главарю банды с небольшой группой своих людей удалось уйти в глубь кузнецкой тайги. Ноябрь и декабрь Новоселов укрывался в заимке в верховьях реки Мрас-су, собирал силы для нового выступления. В январе 1921 года Новоселов организовал новый отряд из нескольких десятков головорезов. Во второй половине января новоселовцы совершили налет на дер. Сорокина Алтайского края и там обосновались. <...> Для подавления банды Новоселова в Сорокину были направлены красноармейский отряд Ворожцова и большая группа добровольцев из коммунистов и комсомольцев. Не принимая боя, новоселовцы ушли из Сорокина в сторону кузнецкой тайги. [Отмечено выступление отряда Новоселова в Кондомской волости осенью 1921 г.] В начале марта 1922 г. охотник Чикеев, долго плутов по густым зарослям, обнаружил большое строение... Банда была уничтожена. Новоселова среди 22 убитых не оказалось. Двое оставшихся в живых убили Новоселова, который находился на пасеке».

Наукообразные монографии об анархизме, выходявшие из печати в годы застоя, представляли собой в чистом виде дежурные компиляции. Так, одинаковые названия трех книг Евгения Корноухова и Махмуда Худайкулова свидетельствуют не о полете их творческой мысли, а о заданности поручения³⁰. Продолжали появляться конъюнктурные «работы» об анархизме и в годы Перестройки. К примеру,

---

²⁸ Там же. С.313, со ссылкой на: *Шишкин В.И.* Кузнецкий «заговор» (ноябрь 1920 года): коллективный портрет советских деятелей уездного масштаба // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX вв. Регион. науч. конф., 5–6 дек. 1996 г.: Тез. докл. – Новосибирск: Гос. архив Новосиб. обл.; Сиб. отд-ние РАН. Ин-т истории, 1996. С. 68–82.

²⁹ Служение Отечеству. С. 314–318.

³⁰ *Худайкулов М.* Исторический опыт борьбы ленинской партии против анархизма. – Ташкент: Узбекистан, 1979; *Худайкулов М.* Из истории борьбы большевистской партии с анархизмом. – Т.: Узбекистан, 1984.; *Корноухов Е. М.* Борьба партии большевиков против анархизма в России. – М.: Политиздат, 1981.

ленинградский философ Дмитрий Пронякин писал: «Видные анархисты А. Г. Железняков, И. П. Жук, В. С. Шатов самоотверженно выполняли задания большевиков. <...> Рядовые анархисты Д. А. Фурманов и Г. И. Котовский стали впоследствии видными деятелями Коммунистической партии и Советского государства. <...> Ещё при жизни Кропоткина география анархизма резко сузилась»³¹. С оглядкой, противореча самому себе, Пронякин решается на робкий пассаж: «Анархистская эмиграция утверждала, что такой причиной конца анархизма в России была деятельность Коммунистической партии и Советского государства. Они-де выжигали анархизм каленым железом, выметали железной метлой»³².

В 1990-е годы некоторые кузбасские историки и журналисты продолжали порочить Рогова, но уже с «демократических» позиций. Особенно активны были Мэри Кушникова и Вячеслав Тогулев, неоправданно ставившие на одну доску крестьян армии Рогова, в массе своей малообразованных, и чекистов-чоновцев. Из общей колеи выбивался еженедельник «Шахтерский край», опубликовавший в 2004 г. статью «Оборванная революция. Расцвет анархизма и анархо-синдикализма в Кузбассе в 1918–1926 гг.»³³

Новый поворот

Знаковые работы профессора Омского педагогического университета Анатолия Штырбула, написанные им в 2000-е гг., наметили поворот в сторону объективного освещения деятельности Рогова. И Штырбул не один такой. Бывший начальник штаба УВД г. Прокопьевска подполковник милиции В. И. Минайчев написал несколько книг на местном материале. В рассказе «Тревожные зори» он указывает: «После разгрома колчаковской армии, а позднее анархиста Рогова, в Кузбассе рассеялось более сорока тысяч белогвардейских офицеров и антисоветских элементов»³⁴. Подполковник цитирует роговца Максима Матвеевича Филиппова, 1897 года рождения:

---

³¹ Пронякин Д. И. Анархизм: «исторические» претензии и уроки истории. – Л.: Лениздат, 1990. С. 84–85.

³² Там же. С. 86.

³³ Моя статья «Оборванная революция...» сначала была опубликована в газете петербургских анархистов «Новый свет» (№ 1 (41), янв.–февр. 1998) и в журнале «Третий путь». Областная газета «Шахтерский край» (г. Прокопьевск) поместила эту статью в № 25 от 17.06 и № 26 от 24.06.2004.

³⁴ Тревожный звонок в ночи (сборник). – Прокопьевск: Сибирское время, 2003. С. 7.

«Воевали с Колчаком, потом начали воевать с красными... Рогов вначале говорил, что за Советскую власть воюем, а потом начал говорить, что большевики против народа идут, какую-то коммуну делают, где все вповалку спать будут и все у них общее будет. А зачем нам такая жизнь? Мы, сибиряки, привыкли своим хозяйством жить». М. М. Филиппов воевал в отряде Рогова до тех пор, пока Рогова «не расстреляли комиссары», а потом бежал с Алтая. Минайчев продолжает: «В тайге Филиппов попал в банду, которой командовала молодая женщина по имени Анна. Она расстреливала на месте без суда и следствия тех, кто осмеливался не выполнить ее указания. Филиппов бежал из банды. При побеге был ранен». Выясняется, что Анна – дочь Кобыльского, помощника Рогова. А дальше еще интереснее. Подполковник, ссылаясь на воспоминания, приводит легенду о том, что Рогова видели живым через многие годы после окончания Гражданской войны. Мифы, аналогичные легенде о непотопляемости Чапаева, просто так не рождаются, это свидетельство симпатии.

Старший научный сотрудник Госархива Кемеровской области Н. В. Галкин и кандидат исторических наук В. А. Сергиенко обнародовали интересный факт о сохранении Роговым жизни Ивану Лоханскому, владельцу части акций общества «Копикуз». Симпатии копикузовского спеца Лоханского были на стороне белых. Он активно участвовал в работе «белой» городской управы, а при Колчаке входил в состав Щегловской городской думы. Под его руководством давал представления любительский театр. И. И. Лоханский пользовался авторитетом в городе, в том числе у простых рабочих, что спасло ему жизнь. В декабре 1919 г. Рогов его освободил³⁵. Этот характерный эпизод косвенно свидетельствует о том, как мог проходить публичный суд в Кузнецке.

Мучители и мученики

В гражданских войнах не бывает победителей, и Рогов тоже не был ангельски невинным. В марте 2018 г., когда в Кемерове горела «Зимняя вишня», в стенах Епархиального управления Кузбасса работала выставка «За Христа пострадавшие. 1918–1919». Некоторые из пострадавших за веру были убиты партизанами отряда Рогова. Это восемь священников: Михаил Яковлевич Ерлексов, Иоанн

---

³⁵ Галкин Н. В. Инженер И. И. Лоханский на службе «Копикуза»// Конференция к 100-летию АО «Кузнецкие каменноугольные копи». – Кемерово: Примула, 2013. С. 65.

Николаевич Книжников, Василий Васильевич Никодимов, Тихон Иванович Одигитриевский, Александр Николаевич Орфеев, Алексей Иванович Петропавловский, Матфей Яковлевич Подлесский, Николай Никифорович Рудичев. И, кроме них, двое мирян: староста Спасо-Преображенского собора купец Максим Эммануилович Окулов и его супруга Ольга Леонидовна.

Вместе с тем надо сказать, что все 39 канонизированных новомучеников Кузбасса погибли в 1937–1942 гг. Роговцы к их смерти не имели никакого отношения. А на каждого пострадавшего за Христа приходилось не менее десятка убитых бойцов отряда Рогова. Колчаковцы, бойцы «Дружин святого креста» и чоновцы убивали их сотнями.

...На Алтае Рогову уже открыт памятник, а в Кузбассе – нет.

Леонтьев Я. В.

Биографии эсеров-максималистов

Г. А. Нестроева и А. А. Зверина

Нестроев Григорий Абрамович (наст. фамилия Цыпин). Видный деятель и теоретик максимализма, журналист. Родился в Полтавской губ. в состоятельной купеческой семье. С 1896 по 1899 гг. – студент Харьковского технического института, исключен из него за участие в студенческих беспорядках. К участию в революционном движении его подтолкнуло нашумевшее дело 183 студентов Киевского университета Св. Владимира, отданных в солдаты. По специальности – инженер-электротехник. В 1902 г. входил в социал-демократический кружок. В 1904 г. под влиянием Г. А. Гершуни вступил в ПСР. Революционную работу вел в Одессе, Харькове и Екатеринославе, позднее – в Гомеле и Минске. В 1906 г. вступил в Союз социалистов-революционеров максималистов (ССРМ), став затем одним из его лидеров и главных теоретиков. В октябре 1906 г. участвовал в учредительной конференции СССРМ. В 1907 г. арестован в Минске и сослан в Якутию, откуда бежал за границу. В парижской эмиграции Нестроев стал автором ряда программных работ по теории максимализма. Из-под его пера до и после революции вышли такие книги, как «От минимализма к максимализму», «Максимализм и максималисты перед судом В. Чернова», «Максимализм и большевизм», воспоминания о времени революции 1905–1907 гг. «Из дневника максималиста». 1 августа 1914 г. Нестроев встретил в Германии и сразу вернулся

в Париж. С началом Первой мировой войны вступил добровольцем во Французскую армию. Сначала вместе с другими эмигрантами записался в Иностранный легион и был зачислен во 2-й полк легиона. Позже, как имевший инженерное образование, откомандирован в 3-й саперный полк, потом, как имевший аттестат водителя, переведен в автомобильный санитарный отряд в Эпирнее, именовавшийся «русским». Принимал участие в самых известных боях с немцами под Верденом, на Сомме и на Марне. В августе 1917 г. был переведен в Русскую армию. В октябре Нестроев стал одним из главных инициаторов возрождения ССРМ, был участником II Всероссийской конференции ССРМ. В 1917–1918 гг. являлся одним из руководителей Астраханского Совета, затем перебрался в Москву в качестве уполномоченного губернского продовольственного комитета. В 1919–1922 гг. – член Центрального Совета ССРМ, неизменный участник всех максималистских форумов. Работал в Резинстрое. Являлся секретарем Центрального Бюро Объединения ПЛСР и Союза эсеров-максималистов в 1922–1924 гг. Арестован вместе с женой Софьей Адольфовной Цыпиной в Москве 16 октября 1924 г. По решению Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 14 ноября они подлежали высылке в Киркрай на 3 года, однако, вместо Киргизии, 8 декабря прибыли этапом на Соловки. По решению того же органа от 7 октября 1927 г. были направлены для отбытия ссылки на Урал, в г. Шадринск. Постановлением того же органа от 16 августа 1930 г. Нестроев был ограничен в местах проживания и до 1936 г. жил в Дагестане, затем вернулся в Москву. Последнее место работы – инженер-электрик треста «Туркстрой». Был арестован 19 апреля 1937 г., а 25 января 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР был приговорен к 10 годам заключения. Сидел в Орловской тюрьме. 11 сентября 1941 г. расстрелян в Медведевском лесу близ Орла в составе группы заключенных (в том числе, М. А. Спиридоновой, О. Л. Чижикова и др.). Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 23 марта 1957 г. приговоры по делам 1938 и 1941 гг. отменены, дело прекращено за отсутствием состава преступления. По определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 мая 1997 г. с такой же формулировкой отменены приговоры 1924, 1927 и 1930 гг.

Зверин Арон Александрович (1881–1938, Полтава). Один из лидеров и теоретиков ССРМ. Из семьи учителя. Окончил 3 курса физико-математического факультета Московского университета. В 1897–1904 гг. – член Бунда, впервые арестован в 1899 г. в Минске.

Член ПСР с 1904 г., затем – эсер-максималист. Активный участник революции 1905–1907 гг. Во время Первой мировой войны – «оборонец», в 1915–1917 гг. служил рядовым в запасном полку. В дни Февральской революции – член Исполкома Канского Совета (Енисейская губ.). Вместе с Р. П. Эйдеманом, возглавившим Совет, распропагандировал Канский уезд в пользу максимализма. С 1 мая входил в состав редколлегии местных «Известий». С лета 1917 г. – соредaktor Н. И. Ривкина по изданию еженедельника «Трудовая Республика», выпускавшегося Петроградской и Кронштадтской инициативными группами ССРМ. Осенью стал членом Петроградского ВРК. Делегат 2-го Всероссийского съезда Советов РСД от Канского Совета. В 1918 г. – член ВЦИК. Вместе с Ривкиным и др. принимал деятельное участие в создании максималистских центров сначала в Брянске, затем в Самаре. Входил в редакцию продолжавшей выходить в этих городах «Трудовой Республики». Избран в Самарский ГИК, выпустил в местном издательстве ССРМ массовым тиражом свои брошюры «Как организовать Советскую власть на местах» и «Трудовой порядок». Являлся одним из наиболее последовательных оппонентов большевиков из числа максималистов и сторонников объединения с левыми эсерами. На 4-й Всероссийской конференции ССРМ солидаризовался с ПЛСР. В качестве представителя максималистов участвовал в работе II Совета ПЛСР. Накануне и после 5-й Всероссийской конференции отстаивал жесткую линию поведения в отношении большевиков, сводившуюся к лозунгу «Власть Советам, но не партиям». Регулярно избирался в центральные руководящие органы ССРМ. В январе 1922 г. арестован в Канске по доносу провокатора. В феврале 3-м Всероссийским совещанием ССРМ вместе с А. А. Сивовым заочно избран в Центральный Совет Союза. В январе 1923 г. переведен в Новониколаевскую тюрьму, в марте освобожден.

*Нестров Григорий Абрамович
(1877–1941), российский
революционер, деятель Союза
эсеров-максималистов*

ден. После переезда в Москву стал секретарем Центрального Бюро Объединения ПЛСР и ССРМ. Предположительно арестован в Москве в 1925 г. и отправлен в Соловецкий лагерь. Впоследствии преподавал математику. Перед арестом 16 февраля 1937 г. работал преподавателем рабфака им. Горького и проживал в дер. Звягино Пушкинского р-на Московской обл. Приговорен ОСО НКВД 20 июля к 8 годам ИТЛ. Повторно арестован во время отбытия заключения и Тройкой УНКВД по Полтавской обл. 21 января 1938 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 27 января 1938 г.

Талалай М. Г.

Начало революционной деятельности

М. А. Бакунина в Италии

Прибытие Михаила Бакунина в Италию, формирование его кружка – первоначально во Флоренции, а затем в Неаполе, – его собственная деятельность и деятельность его последователей представляют собой яркую страницу как в истории анархизма, так и в области русско-итальянских связей.

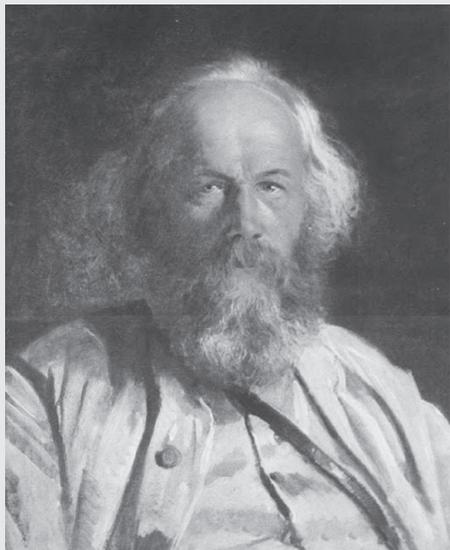
Первым научным исследованием этого важного сюжета следует считать книгу австрийца Макса Неттлау «Bakunin e l'Internazionale in Italia: dal 1864 al 1872» («Бакунин и Интернационал в Италии с 1864 по 1872 г.»), вышедшую в 1928 г. в Женеве в издательстве «Il Risveglio» на итальянском языке¹. В ней «Геродот анархизма» Макс Неттлау, после написания фундаментальной биографии Бакунина, обратился к разработке отдельных этапов его жизни, в том числе, итальянского, и разыскал ради своего исследования участников и свидетелей тех событий – в частности, прославленного французского географа Элизе Реклю (1830–1905), известного также своими анархическими симпатиями.

Много позже ряд других исследователей также занимались пребыванием Бакунина в Италии². В 2013 г. издательство «Eleuthera» даже выпустило антологию бакунинских текстов, связанных с обще-

---

¹ Дважды переиздано в Италии: в Риме в изд-ве «Savelli» в 1975 г. и в Неаполе в изд-ве «Immanenza» в 2014 г.

² Среди отечественных исследователей назовем в первую очередь Наталью Пирому; среди иностранных – покойного Эдварда Карра и здравствующего Вольфганга Экхардта.

*Портрет Михаила Бакунина,
выполненный Николаем Ге в Италии
(около 1864 г.)*

ственно-политической ситуацией в тогдашней Италии, под названием «Viaggio in Italia» («Путешествие в Италию»), под редакцией Лоренцо Пеццика (Pezzica).

Однако от внимания европейских исследователей ускользнула интереснейшая мемуарная заметка Льва Мечникова о Бакунине во Флоренции, опубликованная в журнале «Исторический вестник» в 1897 г. в № 39³.

Данный текст вообще стоит особняком в обильном творчестве Льва Ильича Мечникова (1838–1888), автора множества научных и научно-популярных очерков и книг. Несмотря на его приключенческую жизнь и уникальные знакомства, до мемуаров у него, как говорится, «не дошли руки». Сам Мечников объяснял это следующим образом: «Трудно быть искренним относительно других и рисовать не меньше, как натуральной величины тех многочисленных своих знакомцев, которые по праву могут быть названы героями, так как они несомненно сродни тем лучшим деятелям классической поры, которых имена наши дети долбят в исторических учебниках. Не поручусь, что если бы я знал лично Муция Сцеволу или Регула также близко, как знаю С. М.

---

³ Нельзя исключать, что и советские исследователи революционного движения избегали этот журнал как рупор правых сил, основанный А. С. Сувориным.

[Кравчинского] или П.А. [Кропоткина], то и они вызывали бы во мне далеко не лирический восторг и вдохновляли бы не на эпические песнопения. Из этого прямой вывод, что ни в Гомеры, ни даже в Плутархи я решительно не гожусь...»⁴

К именам Кравчинского и Кропоткина Мечников смело мог бы добавить и ряд других громких имен, в том числе – Бакунина. Именно воспоминания о знакомстве с ним во Флоренции и легли в основу его единственного мемуарного очерка⁵, подтвердившего опасения автора: отдавая дань масштабу личности Бакунина и его деятельности, он все-таки не удержался от ряда язвительных и ироничных пассажей, в первую очередь, относительно бакунинского антуража.

Очерк был написан в конце 1882 – начале 1883 г., уже после отъезда Мечникова из Италии, когда он обосновался в Швейцарии. Автор тогда же отправил текст редактору журнала «Дело» К.М. Станюковичу, но тот его вернул обратно – после убийства Александра II публиковать статьи о революционерах-анархистах было в России неуместным. В итоге текст вышел уже 1897 г., после смерти автора, как уже говорилось, в журнале «Исторический вестник» и под редакцией Н. Викторова. Однако «Викторов» – это псевдоним, принадлежавший В.Л. Бурцеву (1862–1942) – писателю, издателю и публицисту. Широкую известность Бурцев получил благодаря деятельности по выявлению и разоблачению секретных агентов Департамента полиции, работавших в революционном движении. Заголовок мечниковскому тексту также дал Бурцев, поскольку сам автор его никак не назвал.

Мемуарный очерк о Бакунине был включен нами во Второй том «итальянских» сочинений Мечникова⁶, и мы обращаем к этому изданию заинтересованного читателя.

---

⁴ Запись в личной тетради Л. Мечникова, хранящейся в ГАРФ (Ф.6753. Отд. 1. Ед. хр. 22); опубликовано В.И. Евдокимовым в: *Мечников Л.И.* Последний венецианский дож. Итальянское Движение в лицах / публ. Р. Ризалити; науч. ред. М.Г. Талалая. СПб.: Алетей, 2017. С.290.

⁵ Перу Мечникова принадлежат также «Записки гарибальдийца» (см. переизд.: СПб.: Алетей, 2016), однако это не мемуары, а развернутый репортаж «по свежим следам».

⁶ *Мечников Л.И.* Последний венецианский дож... Указ. соч. С.290–319. Нами готовится к публикации третий, и последний, том итальянских текстов Мечникова. Заметим, что наш коллега Ренато Ризалити перевел на итал. и опубликовал очерк (но без комментариев к тексту): *Mečnikov L. Bakunin // Slavia*, а. XXIV, n. 4, 2015. P. 65–88.

При подготовке текста было уточнено несколько интересных моментов, о которых и пойдет речь ниже. Вместе с тем, при нашей публикации по ряду причин был выпущен начальный биографический очерк о Мечникове, составленный всё тем же Бурцевым. Однако этот очерк, написанный энергичным и литературным языком, представляет немалый интерес, и мы его теперь вновь предлагаем:

«...прежде я в немногих словах напомним сложную, богатую событиями жизнь Мечникова. Его биография мало известна русским читателям частью потому, что русская литература никогда не могла и не может до сих пор касаться многих вопросов, дорогих для Мечникова, на которые он тратил свои силы⁷, а частью по причине его крайней скромности, вследствие чего он всегда прятался за псевдонимы⁸ и избегал всего, что создает людям шумную популярность.

Наиболее полным очерком жизни Мечникова является статья его друга, знаменитого географа Реклю⁹, в предисловии к его посмертному труду «*La civilisation et les grandes fleuves historiques*» [«Цивилизация и великие исторические реки»], сочинению, хорошо реферированному в «Историческом вестнике» за 1890 г., в 39 т., стр. 474¹⁰.

Мечников, говорится в только что упомянутой нами рецензии на его книгу, родился в Петербурге, в 1838 году, от отца, харьковского помещика, потомка румынской фамилии Спадоренко, и от матери еврейского происхождения. Его братом был и поныне здравствующий знаменитый, общеевропейский ученый И. И. Мечников. Мальчик был болезненного сложения, и в 1861 году родители принуждены были переселиться с ним в Харьков, так как он не мог переносить суровость и непостоянство петербургского климата. На юге мальчик поправился и поступил в Харьковский университет. Шестнадцати лет он убежал из отцовского дома в Крым, чтобы принять участие в защите Севастополя; его, однако, вернули с дороги и водворили снова в семью. На медицинском факультете университета он оставался, однако, всего 7 месяцев и был исключен за сопротивление распоряжениям начальства и за слишком либеральный образ мыслей. Он вернулся

---

⁷ То есть вопросы революционного движения.

⁸ Псевдонимы (самый известный – Леон Бранди) были нужны Мечникову для публикации своих текстов на Родине в обход цензуры.

⁹ Таким образом, Э. Реклю является источником информации как по Бакунину (для Неттлау), так и по Мечникову (для Бурцева).

¹⁰ Монография неоднократно выходила на русском языке; последнее образцовое издание, под ред. В. И. Евдокимова, вышло в 2013 г.

в Петербург, где начал слушать лекции в медицинской академии, потом на физико-математическом факультете университета, в академии художеств, наконец занялся изучением восточных языков. Во всех этих разнородных занятиях он оказывал блестящие успехи, обладая редкими способностями, но везде его беспокойный дух не давал ему возможности применяться к общепринятым условиям.

В 1858 г. Мечников отправился в качестве переводчика при дипломатической миссии в Малую Азию к святым местам. На обратном пути в Россию он в Галаце бросил место и без паспорта, без всяких средств к жизни, уехал в Венецию, где занялся страстно любимой им живописью, не переставая в то же время принимать участие в политическом движении Италии. Австрийская полиция следила за ним, подозревая его в революционных замыслах, но он обманул ее бдительность, бежал в Ливорно и поступил волонтером в отряд Гарибальди, отправлявшийся освободить Неаполь от ига Бурбонов. Мечников храбро сражался в Калабрии, был сильно ранен, при взрыве мины на Вольтурно. С поврежденными ногами, правым боком и легкими, он был перенесен в неаполитанский госпиталь, где хороший уход спас его от смерти¹¹.

Выздоровев, он деятельно занялся социалистической пропагандой во Флоренции, в Женеве, Испании. Зная основательно десять европейских языков, он работал неутомимо, несмотря на свое болезненное состояние, писал статьи в журналах, говорил речи, читал лекции, устраивал сходки и конференции. Статьи его являлись и в «Современнике», но всего больше в русских ученых изданиях по предметам естественных наук. В 70-х годах Мечников много работал в «Деле», а также в иностранных изданиях и в русских изданиях, появившихся за границей.

В 1873 году японское правительство обратилось к Мечникову с предложением ехать в Японию. Мечников согласился и, быстро изучив японский язык, устроил в Японии русскую школу, в которой читал японцам лекции по предметам общего образования, содействуя всеми силами великому делу приобщения сорокамиллионной нации к европейскому прогрессу. По болезни Мечников должен был вернуться в Европу. Здесь он издал прекрасное описание Японии, сделался деятельнейшим сотрудником у Реклю в его «Всемирной географии».

В 1883 году, Невшательский кантон предложил Мечникову место профессора сравнительной статистики и географии.

---

¹¹ Подробнее об этом см. в «Записках гарибальдийца» Мечникова; отметим сразу, что он сражался не в Калабрии, а в Кампании.

30-го июня 1888 г. Мечников умер на 50 году жизни, и уже после его смерти была напечатана его замечательная работа "La civilisation et les grandes fleuves historiques", давшая имени Мечникова известность среди европейских ученых»¹².

В мемуарном тексте Мечникова о Бакунине очевидны две части. Первая – общая характеристика «альтернативного» общества во Флоренции. Объединение Италии в середине 1860-х гг. еще не было завершено: Рим оставался столицей Папской области, и центральное положение в стране по праву заняла Флоренция, официально провозглашенная столицей нового Итальянского королевства. В городе оживилась космополитическая жизнь; лидирующую роль в русской эмиграции по праву занял Михаил Бакунин.

Мемуарист отмечает, что с Михаилом Александровичем его познакомил Александр Александрович Бакунин (1821–1908) – младший брат Михаила, участник обороны Севастополя во время Крымской войны, художник круга Н. Н. Ге, а по возвращении в Россию – активный земский деятель. А. А. Бакунин также сыграл решающую роль в образовании супружеского союза Льва Мечникова и Ольги Скарятинной во Флоренции в 1862 г. Сам Мечников описал свою романтическую историю, в том числе, скандальный разрыв Скарятинной с состоятельным мужем, в автобиографической повести «Смелый шаг»¹³.

Обрисовав внешний облик Бакунина, Мечников дал небольшой биографический эскиз его супруги, Антонины Квятковской, которую все называли уменьшительным именем Антося. Автор ее «воображал себе дочь политического изгнанника» (этот миф, кстати, циркулирует до сих пор), не разъясняя, впрочем, своему читателю подробностей о том, что Антося – дочь российского дворянина польского происхождения, служившего в Сибири по найму у золотопромышленника¹⁴.

---

¹² Эта биография Мечникова изложена не без ошибок, как и послужившая ей образцом биография за авторством Э. Реклю, приведённая в его предисловии к книге Мечникова «La civilisation et les grandes fleuves historiques», изданной в Париже в 1889 году.

¹³ См. «Современник», 1863, № 11.

¹⁴ Антонина – дочь дворянина Ксаверия Квятковского (из Могилевской губ.) и его жены Юлии Михайловны; родилась в 1840 или в 1841 г. В 1858 году в Томске вышла замуж за Бакунина, когда ей было всего 17 лет. После его смерти вышла замуж за итальянского адвоката-анархиста Карло Гамбуцци, от которого еще при жизни первого супруга родила детей, официально записанных как Бакунины: Марию, Софию и Карло. Умерла в Неаполе 2 июня 1887 г.

Портрет Антоси дан без особой симпатии: «В Антосе мне не понравились стальные, холодные глазки. Но в общем она обладала такою наружностью, которая объясняла мне вполне удовлетворительно ее роль подруги этого устарелого бойца. Несколько суховатая, с короткими завитыми волосами, Антося по временам казалась очаровательной девочкой, чаще смахивала на мальчика, но женщиной я ее не видал никогда.

При первом знакомстве в ней прежде всего сказывалась полька, т. е. существо, значительно больше русских способное отводить гражданским или политическим мотивам важную роль в своей обыденной и душевной жизни. Сказывались следы католического воспитания, развивающего сдержанную страстность, склонность к отречению от чувственности, или, точнее – к перенесению чувственных возбуждений в спиритуалистическую среду»¹⁵.

Другой выразительный портрет дан графу Ференцу Пульскому (1814–1897). Используя современное выражение, этот венгерский общественный деятель, революционер, публицист, один из вождей венгерского масонства, обеспечивал логистику бакунинских собраний. Граф также получает несколько ироническую характеристику: «Сухой, жилистый, с выдающимся горбатым, гоголевским носом, с заячьей губою, с прямыми волосами, падавшими длинными прядями на воротник его фантастического плаща, в измятой и засаленной венгерской шапочке, Пульский, вероятно, не раз вызывал в душе какого-нибудь сердобольного прохожего желание подать ему милостыню. Тем не менее, он был страшно богат, кажется, через жену, болезненную и злую на вид еврейку, дочь одного крупного австрийского банкира. Нумизмат и археолог по призванию, магнат по происхождению, участник крупных финансовых предприятий по семейным связям, Пульский каким-то чудом состоял прикосновенным к всесветной революции». Пульский, вне сомнения, служил связующим звеном между Мечниковым и Бакуниным, с одной стороны, и масонскими европейскими кругами, с другой¹⁶.

Дав еще несколько блестящих портретов «русских флорентийцев», в том числе, П. П. Забелло, мемуарист пересказал и романтическую историю одной пары, сформировавшейся в лоне бакунинско-

---

¹⁵ Здесь и далее – цитаты из нашей публикации 2017 г.

¹⁶ Тему масонства Бакунина тщательно разработал Неттлау в книге «Bakunin e l'Internazionale in Italia: dal 1864 al 1872».

го кружка. Героиня этой истории – Роза-Людмила Ассинг¹⁷ (Assing; 1821–1880), немецкая писательница, переводчица и художница. Из-за политических преследований и угрозы тюремного заключения Ассинг эмигрировала в Италию, во Флоренцию, где и скончалась. Во Флоренции писательница сошлась с революционером, который в опубликованном тексте назван необыкновенной фамилией Пфианеллу. Нам удалось установить, что речь идет о последователе Бакунина Андреа Джанелли, иначе Джианелли (Gianelli). Одно из доказательств этому – сохранившееся в Италии, в университетской библиотеке Модены (Biblioteca Estense Universitaria), письмо Бакунина, посланное им Андреа Джанелли и Розе Ассинг уже после переезда его автора в Неаполь в ноябре 1865 г.¹⁸ Остается гадать, как Джианелли превратился в Пфианеллу...

В целом же, в первой части мемуарного очерка центральная роль отведена идейной полемике Бакунина с его оппонентом Н. Д. Ножиным, подробно описанная Мечниковым. Вторая часть очерка – рассказ Мечникова о его поездке к Гарибальди на остров Капреру. Здесь ощущается характерная для мемуариста авантюристская жилка, хорошо фиксируемая замечательными деталями повествования. Смысл поездки Мечникова – поддержка польского дела через оригинальное (но неосуществленное) предприятие Бакунина – снаряжение корабля, который поднял бы в Средиземном море польский флаг, тем самым провозгласив возрожденную нацию. Далее предусматривалось, по примеру гарибальдийской Тысячи, провести десант добровольцев под Одессой для оказания помощи польским отрядам в западных губерниях Российской империи и одновременно инспирировать восстание малороссийских крестьян. Ради такой повстанческой экспедиции Бакунин в январе 1864 г. отправился на о. Капреру, где в течение трех дней встречался с Гарибальди. Мемуары Мечникова начинаются именно с глухого упоминания об этой поездке Бакунина к Гарибальди, без разъяснения цели этой миссии. В действительности, Бакунин ездил к Гарибальди с целью привлечь его к тогдашнему восстанию в Польше; однако к тому моменту итало-польский легион был уже разбит царскими войсками в битве при Кшикавке (5 мая 1863 г.); давний соратник и друг Гарибальди Франческо Нулло был при этом убит, многих гарибальдийцев, попавших в плен, сослали в Сибирь

---

¹⁷ Мечников писал ее фамилию неточно: Хассинг.

¹⁸ Шифр Aut. Marchesa Campori, Coll.12.

(они были амнистированы в 1866 г.). В итоге, Гарибальди посчитал опасным и даже вредным дальнейшее участие итальянцев в польском выступлении, и миссия, таким образом, не состоялась. Сам Бакунин дает несколько иную картину «неучастия» Гарибальди в польском восстании, приводя такие его слова: «За последнее время мне жизнь надоела; я охотно расстался бы с нею, но я хотел бы умереть с пользой для моего отечества и для свободы всех народов. Я собирался поехать в Польшу, но поляки просили мне передать, что я буду там бесполезен, а мой переезд принесет больше вреда, чем пользы, поэтому я воздержался. Впрочем, я и сам полагаю, что здесь я буду для них полезнее, чем там. Если мы сделаем что-нибудь в Италии, то это будет выгодно и для Польши, которая ныне, как и всегда, пользуется всем моим сочувствием»¹⁹.

Сразу же после визита на остров Бакунин обратился к Мечникову, направив ему 23 января 1864 г. записку с выражением желания как можно скорее познакомиться лично и с сообщением о Гарибальди: «Сейчас только что вернулся с Капреры, где нашел генерала в полном здравии и готовящегося на новые подвиги»²⁰. Однако все предприятие потерпело крах, о чем, не без иронии, рассказывает Мечников...

Конечно, он мог рассказать много больше о Бакунине и его революционных инициативах. В своей преамбуле к новой публикации текста В. И. Евдокимов пишет: «...в самом начале 1870-х гг. Мечников, живший уже в Швейцарии, по заданию Бакунина совершил поездки в Испанию и Францию, где встречался с участниками секций Интернационала, среди которых вел агитацию за переход этих секций на позиции возглавляемого Бакуниным Альянса социалистической демократии. Сам Мечников об этом нигде не упоминал, сведения о поездках либо косвенные, либо отрывочные (например, Протоколы Зорге из Материалов Гаагского конгресса Интернационала 1872 г.). Хотя это уже другая история, однако очень жаль, что содержание этих поездок так и осталось неизвестным. Оно могло бы не только показать подробности сложных отношений между Интернационалом (Маркс) и Альянсом социалистической демократии (Бакунин), но и осветить существенную роль Мечникова в европейской общественно-политической жизни начала 1870-х гг.»²¹

---

¹⁹ Летописи марксизма, 1927, книга III. С. 91.

²⁰ Исторический вестник, 1897, № 3. С. 810.

²¹ Мечников Л. И. Последний венецианский дож. Указ. соч. С. 290.

Мечников, вне сомнения, был в состоянии написать и интереснейший очерк о Герцене: по сути дела, он служил связующим звеном между Александром Ивановичем и бакунинским кружком в Италии. В конце мая 1863 г. он совершил конспиративную поездку в Лондон для встречи с издателем «Колокола», подробности которой неизвестны. Но, вне сомнения, в английской столице обсуждались польское восстание и дела, связанные с распространением пропагандистской литературы. Об этом упомянул позднее и Бакунин: «Тебе, Герцен, – писал он 4 марта 1864 г. из Флоренции, – давно известно, что удалось сделать Мечникову: верная и даже безденежная доставка всего из Ливорно в Константинополь и даже в самую Одессу»²².

Мечников, фактически, опекал Герцена во время его визита во Флоренцию с 4 по 22 ноября 1863 г. Все лица, с которыми завязывает здесь отношения Герцен, – это знакомые Мечникова. Среди них – А. фон Фрикен, Н. Ножин, Ф. Пульский, супруги-гарibaldiйцы Марио. Здесь же происходит знакомство Герцена с Дж. Дольфи, с которым тесно сотрудничал Мечников. После этой встречи редактор «Колокола» с нескрываемым восхищением писал в Лондон: «Дольфи – молодец. <...> Мужчина с Бак[унина] ростом, с лицом античной статуи, выражающим несокрушимую волю и энергию, у него мускулы не повисли. Настоящий трибун – и очень умен»²³. 11 ноября 1863 г. с участием Мечникова состоялся торжественный обед, устроенный в честь Герцена, где провозглашались тосты за общество «Земля и Воля», за память погибшего за свободу Польши революционера Андрея Потембу (1838–1863)²⁴.

***

Л. И. Мечников в своем очерке уделил внимание романтической истории анархистов Джанелли и Ассинг, однако, он уже не застал во Флоренции, в том же кружке Бакунина, формирование другой пары, ставшей столь знаменитой в той среде, да и вообще в Италии: молодого профессора де Губернатиса²⁵, оставившего университетскую кафедру ради анархизма, и племянницы Бакунина, Софии Безобразовой²⁶.

---

²² Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896. С. 151.

²³ *Герцен А. И.* Собрание сочинений в 30 т. М., 1963. Т. XXVII. С. 376.

²⁴ Там же. С. 377.

²⁵ Анджело де Губернатис (de Gubernatis; 1840–1913) – итальянский ученый и общественный деятель.

²⁶ София Павловна Безобразова (1830–1907), видный филолог, переводчица.

К этому эпизоду и в целом к более цельной характеристике флорентийского периода Бакунина обратился М. Неттлау. Приведем, в нашем переводе с итальянского, большой фрагмент из Четвертой главы его вышеупомянутой книги²⁷.

«О втором периоде Бакунина во Флоренции, с ноября 1864 г. по июнь 1865 г., нам известно немного. Его секретное общество, теперь ставшее международным, действовало, однако, все его документы утрачены. Элизе Реклю, в рамках своей географической поездки на Сицилию с целью изучения извержений Этны, посетил Бакунина во Флоренции в апреле [1865 г.] и участвовал, как он мне сам рассказывал, в "интимном собрании".

Легко впасть в заблуждение относительно деятельности Бакунина в тот период, если довериться описаниям Анджело де Губернатиса в его мемуарах "Proemio autobiografico" ("Автобиографический пролог"), опубликованных в 1879 г. Молодой профессор, преподаватель с 1863 г. санскрита во Флоренции, в феврале 1865 г. вышел в отставку. Он объясняет это обстоятельство – более-менее – результатом отношений с Бакуниным, которого впервые повстречал в доме Пульского, где Бакунин заинтриговал его своими рассуждениями об индийской философии. Бакунин вскоре удостоверялся насчет масонства де Губернатиса и его приверженности республиканской и мадзиниевской партии. А так как де Губернатис заявлял не только о политическом, но и социальном освобождении, то Бакунин ему заявил: "Однако Вы наш!" – и сумел убедить молодого профессора, верившего в открытую общественную пропаганду, в необходимости противостоять мрачной конспирации государств и организовать, в свою очередь, объединенную конспирацию разрозненных либеральных сил. Де Губернатис поддался на эти уговоры и вроде бы из-за этого ушел из университета, что как будто сразу создало ему наивысший престиж в тайном обществе, куда он вступил. Предложив открытую пропаганду, он читал лекции об истории флорентийского народа, агитировал крестьян и сочинил поэму "La Sociale" ("Общественное"), которую даже опубликовал. Однако, как рассказывает сам де Губернатис, не всем была по душе идея открытой пропаганды – многие имели самые высокие амбиции. Тем временем, он познакомился с одной русской барышней, близкой родственницей Бакунина [племянницей,

---

²⁷ Полное название главы: «Бакунин во Флоренции с ноября 1864 г. по июнь 1865 г. Международное революционное общество. Масонская попытка».

Софией Безобразовой], – тогда во Флоренцию прибыли Павел, брат Михаила, и его супруга Наталья. Де Губернатис скорым образом обручился и в мае [1865 г.] сыграл пышную свадьбу в Неаполе²⁸. Перед отбытием из Флоренции он, согласно собственному рассказу, произнес "горделивую речь" против тайного общества, "заставив" Бакунина его "распустить".

Де Губернатис имел право описывать необыкновенно точно всё то, что он сам чувствовал и говорил во время своего приключения, но Бакунин и его более серьезные [чем де Губернатис] друзья видели произошедшее совсем в ином свете. У них не было никаких оснований отторгать одаренного молодого человека, плохо знакомого с политикой и верящего в свободное исповедание социальных идей. Вместе с тем, когда Бакунин в 1867 г. писал о де Губернатисе, он употреблял слегка ироничные тона, полагая, следовательно, что его энтузиазм не долговечен. Роспуск тайного общества – это обычный трюк, к которому прибегают, когда один из разочаровавшихся участников уходит прочь, веря, что его советам последуют. Элизе Реклю мне рассказал об одном эпизоде, опущенном автором "Proemio autobiografico": члены общества, обсуждая теоретическую возможность жертв, которые следует принести революции, обратились к профессору: "А Вы что сделаете при таких обстоятельствах? Будете ли тверды или в этом не убеждены?" Де Губернатис, поразмыслив, искренне ответил: "Не убежден". Таким образом, во Флоренции знали о слабом характере этого человека – было бы абсурдно следовать его призывам "распуститься".

Случилось другое: упадок в деятельности флорентийской группы наступил после отъезда Бакунина [в Неаполь], – именно его присутствие придавало всему интенсивность. Это подтвердил мне и Туччи²⁹, заявивший, что "Неаполь поглотил Флоренцию" и что Бакунин в целом остался разочарованным Флоренцией. <...>

Остается открытым вопрос о масонстве³⁰. <...> Туччи мне сообщил в 1899 г., что Бакунин, как только прибыл в Неаполь, написал

---

²⁸ В метриках неаполитанской русско-православной церкви в честь Рождества Христова есть запись о венчании Софии Безобразовой с «итальянским подданным из Турина, профессором Римского университета Анжело [правильно: Анджело] де Губернатисом».

²⁹ Альберто Туччи (Тисси; 1848–1920), неаполитанский анархист, последователь Бакунина.

³⁰ Некоторые исследователи полагают, что Бакунин, став масоном, намеревался изменить масонство изнутри ради своих политических целей.

*Бакунин
на прогулке
в Италии.
Рисунок
Н. С. Бакуниной*

длинную рукопись о масонстве – о том, как его следует интерпретировать. Эту рукопись, вместе с другими бумагами, Туччи хранил в доме своих родителей во Флоренции, пока однажды отец, опасавшийся преследований, всё ни сжег. <...>

Отъезд Бакунина из Флоренции на итальянский Юг не казался ему окончательным шагом и не имел под собой никаких политических оснований. Он уехал туда в июне 1865 г., так как там пребывали его брат Павел с супругой Натальей и его племянница София Безобразова с женихом де Губернатисом. Еще до отъезда Бакунин детально обсудил все подробности своего прибытия в местечко Вико-Экуенсе (первая остановка паромов по маршруту на юг от Неаполя) и пребывания в Сорренто. Имеющееся у нас письмо от 18 июня, отправленное Бакуниным из Сорренто, показывает, что он благополучно поселился там, а вскоре перебрался в Неаполь. Вместе с тем, в письме к Людмиле Ассинг Михаил сообщает, что в январе 1866 г. намеревается вернуться в Неаполь. Следовательно, серьезных мотивов оставаться в Неаполе у Бакунина тогда еще не было».

В итоге, Бакунин остался в Неаполе до 1868 г., уехав затем навсегда в Швейцарию. В Неаполе Антонина Бакунина-Квятковская сошлась с последователем анархизма неаполитанским адвокатом Карло Гамбуцци, родив от него детей (Марию, Софию и Карло), которых Бакунин признал своими.

С Италией связан и другой эпизод: уже будучи в Швейцарии, Бакунин со своими последователями пытался в 1874 г. поднять крестьянское восстание под Болоньей³¹.

Исследование Неттлау – это добротное историческое повествование о начале политической деятельности Бакунина в Италии, а очерк Мечникова добавляет к нему несколько интересных и уточняющих штрихов. Здесь мы попытались объединить свидетельства двух неравнодушных и талантливых повествователей.

Сафронов О. С.

Борьба как основная форма межгосударственных отношений в понимании М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина

Вопросы генезиса и развития государства являлись актуальными для М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина. Государство, особенно централизованное государство, по их мнению, является основным источником порабощения и угнетения народа. Оно уничтожает такие основные принципы свободного развития человека и общества, как самоуправление и федерализм. Поэтому Бакунину и Кропоткину необходимо было рассмотреть вопросы генезиса централизованного государства, сравнить общее и особенное в историческом опыте российской и западноевропейской государственности. Анализируя развитие государства, идеологи анархизма не могли не прийти к проблеме межгосударственных отношений. Государства, как крупнейшие акторы международной политики, не только влияли на внешнюю политику, но и оказывали значительное воздействие на внутреннюю политику. Поэтому для Бакунина и Кропоткина особенно важно было рассмотреть межгосударственные отношения и доказать, что агрессивность государств является основой их существования.

Бакунин решил проанализировать межгосударственные отношения на примере Пруссии, Австрии и других немецких государств, решавших в середине XIX в. проблему германского объединения. Эта проблема была злободневна для Бакунина, так как Германия олице-

---

³¹ См. об этом: *Талалай М. Г.* «Черт у Понтелунго»: итальянский художественный роман о Михаиле Бакуине // Человек из трех столетий (Прямухинские чтения – 2014, международная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения М. А. Бакунина). – М.: Типография «Футурус», 2015. С. 304–307.

творяла для него государственное начало, активно мешающее развитию освободительного инстинкта.

Бакунин считал, что процесс объединения немецких земель, проводимый Пруссией, является реакционным. Бакунин пишет: «Политика Бисмарка по видимости восторжествовала на протяжении некоторого времени в Германии и в Европе. Этот триумф – необходим, так как он есть фатальное следствие многих действительных причин, но он ни в коей мере не спасителен ни для Европы, ни для Германии»¹.

Во-первых, пояснял Бакунин, объединение проводится «наполовину насильственное, наполовину добровольное, всех немецких государств»², т.е. свобода народа при этом ущемляется. Во-вторых, целью объединения является превращение Прусского королевства в Германскую империю, т.е. одна монархия переходит в состояние еще большей монархии, где о свободе придется забыть надолго. В-третьих, объединенная Германская империя не остановится, пока не завоюет все земли, в том числе, и других государств, на которых живут немцы. В-четвертых, стремление к захвату земель лежит, прежде всего, в природе агрессивной немецкой буржуазии. Бакунин писал: «Аппетит немецкой буржуазии столь же жесток, как огромно ее раболепство и, опираясь на этот патриотический аппарат и на это чисто немецкое раболепство, г. граф фон-Бисмарк, который отнюдь не щепетилен и является слишком государственным человеком, чтобы беречь кровь народов и щадить их кошельки, их свободу и их права, был бы весьма способен предпринять в пользу своего господина осуществление мечты Карла Пятого»³.

Бакунин отмечал политический талант канцлера Отто фон Бисмарка, проявленный им на дипломатической арене. Главным соперником Пруссии в процессе объединения немецких земель являлась Австрия, империя Габсбургов. Однако Бисмарк сумел заручиться поддержкой двух могущественных держав – Франции и России и исключить Австрию из политической борьбы. Бакунин писал: «Благодаря сообщничеству Наполеона III, которого он [Бисмарк.– *О. С.*] одура-

---

¹ Бакунин М. А. Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке // Бакунин М. А. Избранные философские сочинения и письма. – М.: Мысль, 1987. С. 405–406.

² Бакунин М. А. Кнуто-германская империя и социальная революция // Бакунин М. А. Избранные сочинения в 5 тт. Т. 2. – П.-М.: Голос труда, 1919. С. 89.

³ Там же.

чил, благодаря союзу с императором Александром II, которого он также надует, ему удалось уже раздавить Австрию. Теперь он держит ее в повиновении благодаря угрожающей позиции своей верной союзницы – России»⁴.

Причиной дружбы между Россией и Пруссией Бакунин считал раздел Польши XVIII века. Владение обоими государствами польскими землями вынуждает их поддерживать друг друга. Иначе, в случае столкновения России и Пруссии поляки незамедлительно поднимутся на национально-освободительное восстание, что, естественно, невыгодно обеим монархиям. Бакунин писал: «Что же касается царской империи, то ко времени раздела Польши и именно вследствие этого раздела она попала в зависимость от Прусского королевства, как это последнее попало в зависимость от Всероссийской Империи»⁵. Бакунин был прав относительно Польши. Однако он не объяснил, почему Россия, выбирая между Пруссией и Австрией, остановилась на первой. Ведь Австрия также участвовала в разделе Польши, и тоже имела польские земли. Однако Россия поддержала именно Пруссию против Австрии, хотя они находились, с точки зрения владения польскими территориями, в одинаковой позиции.

По мнению Бакунина, между Россией и Пруссией существует потенциальная причина, угрожающая разрывом их отношений. Это Прибалтийские земли, принадлежащие России. Бакунин считал, что Пруссия, как настоящее государство, т.е. государство, в котором преобладает реакционный государственный инстинкт, обязательно будет стремиться к увеличению своего могущества. Непременным условием выполнения этого является превращение страны в морскую державу. Поэтому государственный интерес Пруссии лежит в захвате Прибалтики. Бакунин писал: «Они [немцы.– *О. С.*] весьма вожделяют эти провинции [т.е. Прибалтийские.– *О. С.*], которые, действительно, были бы им очень полезны с точки зрения их морского могущества в Балтийском море, и я не сомневаюсь, что в каком-нибудь затаенном уголке своего мозга Бисмарк лелеет мысль рано или поздно завладеть ими тем или иным способом»⁶. Однако сейчас (то есть в 1870-е годы) Пруссия не пойдет на конфликт с Россией, так как последняя нужна ей для выполнения имперских планов ослабления Австрии, Англии,

---

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 90.

⁶ Там же. С. 91.

Франции и захвата Голландии, Дании, части Швейцарии и Бельгии. Для самих же прибалтийских и финского народов, по мнению Бакунина, лучше всего войти на правах автономии в Федеративный союз скандинавских стран, включающих Швецию, Норвегию, Данию и датскую часть Шлезвига. Бакунин писал: «Самое благоприятное с точки зрения народа, – а я не признаю никакой другой – решение было бы, по-моему, возвращение их вместе с Финляндией не под владычество Швеции, но к очень тесному федеративному союзу с нею, в качестве членов скандинавской федерации, обнимающей Швецию, Норвегию, Данию и всю датскую часть Шлезвига, – пусть уже г.г. немцы этим не огорчаются»⁷.

Проводя сравнение Бакунина с родоначальником народничества Герценом, мы находим определенное сходство их позиций. Герцен, так же, как и Бакунин, отрицательно относился к объединительной роли Пруссии, так как последняя наиболее последовательно воплощала европейскую реакцию. Аналогично Бакунину, Герцен в качестве аргумента реакционности прусского объединения выделял агрессивный, завоевательный характер действий немецкой буржуазии. Однако в вопросе о возможности социальной революции в Германии их позиции расходились. По мнению Н. М. Пирумовой, Герцен верил в скорую социальную революцию в Германии. В работе «Исторические взгляды А. И. Герцена» Н. М. Пирумова писала: «Наблюдая растущую революционную активность немецкого народа, Герцен верил, что господство "военной диктатуры" в Германии не может быть длительным, что "за прусской волной поднимается уже другая" и социальная революция неизбежна»⁸. В то время как Бакунин ожидал прихода революции с Юга Европы.

Аналогичным образом оценивал процесс объединения Германии и Н. К. Михайловский. В том же 1871 г., когда Бакунин написал «Кнута-германскую империю и социальную революцию», Михайловский написал большую статью «Граф Бисмарк», в которой анализировал процесс объединения Германии. Он также считал, что объединение Германии под властью Пруссии имеет реакционный характер. Как и Бакунин, Михайловский видел опасность расширения германской агрессии и на другие государства. Так же, как и Бакунин,

---

⁷ Там же. С. 90–91.

⁸ *Пирумова Н. М.* Исторические взгляды А. И. Герцена. – М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1956. С. 138.

Михайловский считал, что милитаристский режим Германии, в конечном счете, падет. Однако Михайловский существенно расходился с Бакуниным в вопросе о причинах агрессивной политики Германии, считая, что запоздалое вступление страны в стадию феодального абсолютизма с элементами зародившегося капитализма и стало фактором агрессии. Бакунин же, напротив, главным основанием агрессии Германии считал господство в ней государственного начала. Оба мыслителя подчеркнули и субъективный фактор, проявленный в реакционной роли Бисмарка в процессе объединения Германии. Михайловский писал: «Есть, однако, одна цель, над которой граф Бисмарк никогда не смеялся и никогда не засмеется,— это слава и величие короля прусского. На этот алтарь он принесет какие угодно кровавые жертвы»⁹.

Проблема международной политики России пореформенной эпохи особенно интересовала Кропоткина. Рассматривая, как и Бакунин, исторический процесс как арену борьбы между государственным и народным направлениями, он с большим вниманием отмечал элементы данной борьбы не только во внутренней, но и во внешней политике государств.

Следует отметить, что Кропоткин неоднозначно относился к проблеме войны и мира. Он различал войны освободительные и захватнические. В частности, Кропоткин, как и большинство революционеров-народников, положительно отнесся к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Он считал эту войну освободительной, так как южнославянские народы находились под турецким игом на протяжении нескольких столетий. Несмотря на то, что русский царизм стремился в данной войне к достижению своих корыстных целей, тем не менее, по мнению Кропоткина, «угнетенные славяне бросятся в объятия любому, кто поможет их борьбе. Потому что турецкое иго своим постоянством и своей жестокостью превосходит все, что способна вынести человеческая натура»¹⁰. Он считал, что гнет царизма лучше, чем двойная, т.е. политическая и религиозная, эксплуатация южнославянских народов.

Большое внимание Кропоткин уделял реформам царя на освобожденных от турецкого ига южнославянских землях. «Да, истребитель

---

⁹ Михайловский Н. К. Граф Бисмарк // Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений: В 10 т. — СПб., 1906–1913. Т. 6. С. 95–96.

¹⁰ *Kropotkine P. A propos de la question d'Orient // Bulletin de la Federation Jurassienne. — 1877, 24 juin.*

и убийца поляков, – писал Кропоткин в статье "К восточному вопросу" (1877 г.), – Александр II становится освободителем болгар... Царь, этот Нерон социалистов, ... создает учреждения для экспроприации насильственным путем турецких помещичьих земель, чтобы передать их без выкупа болгарским крестьянам... Русское правительство выполняет революционную миссию»¹¹. Кропоткин считал, что это был политический ход царского правительства, стремившегося заручиться поддержкой южных славян.

В то же время, Кропоткин осуждал русско-японскую войну 1904–1905 гг., считая ее захватнической как со стороны царской России, так и со стороны японского милитаризма. «Настоящая война является торжеством самых низменных капиталистических инстинктов, – писал он в листке "Хлеб и воля" (1904 г.), – против которых всякий мыслящий человек должен бороться»¹². Однако Кропоткин был не согласен с большевиками, которые, по его мнению, желали поражения русским войскам ради скорейшего наступления революции. Он лишь сожалел о напрасных человеческих жертвах и хотел только наступления мира. Точка зрения большевиков, по его мнению, определялась лишь воздействием Либкнехта и Энгельса, «которые гораздо больше ненавидели Россию, чем своего Бисмарка»¹³.

Поражение России в русско-японской войне послужило еще одним фактором, дестабилизировавшим политическую обстановку в стране. Социально-экономический кризис, усугубленный политическим кризисом, способствовал складыванию революционной ситуации, которая привела к первой русской революции 1905–1907 гг.

Следует отметить, что во взглядах Кропоткина на войну как на социальное явление происходила эволюция. В 1880-е годы он осуждал национал-шовинизм в любой форме, заявляя о готовности защищать только «Францию революционную, несущую свободу, равенство и братство», но никак не «кучку богачей и толпу обездоленных»¹⁴. Более того, Кропоткин призывал превратить войну империалистическую в войну гражданскую, против своих правительств: «Торговцы, эксплуататоры, банкиры, разные глупцы – вот контингент французских шовинистов. Если война все же вспыхнет, наша

---

¹¹ Там же.

¹² Хлеб и воля. 1904. № 8, С. 6.

¹³ РГАЛИ. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 36. Л. 11.

¹⁴ *Kropotkin P. La Patrie // Le Revolte. 1886. № 28.*

программа известна: социальная революция против всех буржуа, вместе взятых»¹⁵.

Но уже в 1906 году, во время работы лондонского съезда русских анархистов, Кропоткин не допустил принятия антивоенной резолюции. «Он высказал предположение о возможности похода Германии на Россию,— вспоминал И. С. Книжник-Ветров,— называл Вильгельма II "коронованным жандармом" и с великой ненавистью говорил о его коварных планах»¹⁶.

В 1914 г. Кропоткин был уже убежденным оборонцем. Он считал, что Россия должна защищаться от нападения милитаристской Германии. Несмотря на общую гуманистическую направленность его общественно-политических взглядов, Кропоткин иногда делал исключения для проявления насилия. Одно из таких исключений как раз и связано с внешней войной. Кропоткин отождествлял Германию и Австро-Венгрию с мировым злом, которое старается уничтожить все зачатки свободы, зародившиеся в республиканской Франции. «Борьба в Европе идет теперь,— говорил Кропоткин на митинге солдат,— между двумя противоположными началами: народным, демократическим началом и началом реакции, на защиту которых ополчился Союз Трех Императоров. Один из этих трех заговорщиков уже свергнут с престола. Остается свергнуть и двух остальных. И именно этот вопрос решается теперь на фронтах»¹⁷.

Поэтому он был рад, что Россия оказалась в этой войне на стороне демократических сил, борющихся против имперского духа Германии. Фактически, русский анархист делал акцент не на Россию, а на Францию. Русская армия просто обязана была, по его мнению, защищать Францию — страну с большими революционными традициями. «Ведь из Германии на Бельгию и Францию, на Париж с его революционными традициями шли... солдаты, гонимые немецким дворянством и капиталистами, "Велико-Германским" империализмом и обожанием всемогущего государства, и шли они уничтожать наследие трех революций, пережитых Францией»¹⁸.

Эти взгляды на войну и на роль России в ней теоретик анархо-коммунизма сохранил на протяжении всей войны. Февральская

---

¹⁵ *Kropotkin P. La Guerre // Le Revolte. 1887. № 44.*

¹⁶ Красная летопись. 1922. № 4. С. 35.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1245.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 2. Д. 185. Л. 9.

революция в России только добавила ему уверенности в необходимости продолжать войну. Ведь после Февральской революции солдатам нужно было защищать уже не только революционные традиции Франции, но и «свободу, завоеванную русским народом, и мы, собравшиеся здесь во имя высших нравственных начал человечества, великих лозунгов свободы, братства и равенства, благословляем вас на ваш подвиг»¹⁹.

Кропоткин резко критиковал Германию за развязывание ею Первой мировой войны. Он считал, что Антанта выполняла священную миссию, пытаясь защитить традиции революционной Франции от германской государственности. Однако теоретик антиэтатизма приветствовал ноябрьскую революцию в Германии и считал, что теперь: «Два преступления – раздел Польши, ее вековое угнетение и захват Эльзаса и Лотарингии – наконец снимаются с немецкого народа... Какое счастье! Да здравствует немецкий народ, освобожденный от преступной ноши!»²⁰ Более того, Кропоткин надеялся на прогрессивное, социалистическое развитие событий в революционной Германии. В письме племяннице Е. Н. Половцевой от 6 декабря 1918 г. он писал: «Жестокий крах завоевательных планов Германии – великое, мировое событие! Оно кладет конец навсегда монархической Европе и завоевательным войнам в Европе... Во всяком случае, Европа спасена от ярма капиталистического милитаризма. И она сумеет, пользуясь примером России, совершить свою социалистическую революцию»²¹.

В целом, проблема международной политики России пореформенной эпохи привлекла внимание идеологов русского анархизма. И Бакунин, и Кропоткин рассматривали мировую политику как арену борьбы между государственным и народным направлениями. Однако Бакунина геополитика интересовала с точки зрения перспективы социальной революции в России. В этой связи он подчеркивал, что в случае военного столкновения России с объединенной Германией Россия неизбежно потерпит поражение, что приведет к революции. Кропоткин, напротив, не связывал начало социальной революции с поражением России во внешней войне.

---

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 390. Л. 69, об.

²⁰ ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

²¹ ОР РГБ. Ф. 520. Д. 87. Л. 27.

Оргкомитет Прямухинских Чтений

Корнилов С. Г., Корнилова А. М., Малинин Н. В., Подлипаева К. С.,
Рябов П. В., Сидоров С. И., Цовма М. А.

E-mail: coord.readings@yandex.ru

Сайт: <https://www.pryamukhino.info>

ВКонтакте: <https://vk.com/pryamukhino>

Сведения об авторах докладов

1. **Батшев Денис Александрович** – историк, магистр педагогики, учитель истории ГБОУ «Школа № 1228 "Лефортово"». Москва. E-mail: denisbatshev@yandex.ru.
2. **Гарявин Алексей Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент Государственного аграрного университета. Санкт-Петербург. E-mail: aleksei_garyavin@mail.ru.
3. **Гордеева Ирина Александровна** – кандидат исторических наук, доцент Свято-Филаретовского православно-христианского института. E-mail: nepl@yandex.ru
4. **Дамье Вадим Валерьевич** – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор НИУ «Высшая Школа Экономики». Москва. E-mail: vaddam@mail.ru.
5. **Джокович Милорад** – доктор наук, доцент социально-гуманитарных наук Университета Сингидунум в Белграде, журналист, публицист, главный и ответственный редактор газеты «Колубара». Сербия. E-mail: exitla@yahoo.com.
6. **Ильин Андрей Александрович** – аспирант факультета истории НИУ «Высшая Школа Экономики». Москва. E-mail: andrewa.ilyin@gmail.com.
7. **Кислицина Ирина Леонидовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Национального государственного Университета физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта. Санкт-Петербург. E-mail: kislitzina.irina2013@yandex.ru.

8. **Корнилов Сергей Гаврилович** – Председатель Оргкомитета конференции «Прямухинские чтения». Москва. Тел.: (495) 918–40–04, в Прямухине: (48257) 75–160.
E-mail: bakunin-fund@mail.ru.
9. **Левандовский Андрей Анатольевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва.
10. **Леонтьев Ярослав Викторович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, член Совета НИПЦ «Мемориал», член Совета ассоциации Тверских землячеств. Москва.
E-mail: leoyar@mail.ru.
11. **Пейч Дмитрий Игоревич** – кандидат исторических наук. Москва. E-mail: dmitriy-peitsch@yandex.ru.
12. **Прусский Ян Львович** – научный сотрудник Музея «Дом П. А. Кропоткина». Дмитров.
E-mail: ypryanlich@mail.ru.
13. **Рахманинова Мария Дмитриевна** – кандидат философских наук. Анархо-коммунистка. Санкт-Петербург.
E-mail: nordseeinsel@yandex.ru.
14. **Рублев Дмитрий Иванович** – кандидат исторических наук, ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории, доцент МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва. E-mail: rublev773@gmail.com.
15. **Рябов Петр Владимирович** – член Оргкомитета конференции «Прямухинские чтения», кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета. Анархист. Москва.
16. **Сафронов Олег Семенович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВУНЦ ВВС «ВВА им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина». Воронеж.
E-mail: istoruss@inbox.ru.

17. **Талалай Михаил Григорьевич** – кандидат исторических наук, представитель в Италии Института всеобщей истории РАН. Неаполь. E-mail: talalaym@mail.ru.
18. **Талеров Павел Иванович** – кандидат исторических наук, доцент, директор Учебного центра по РОУГиМЗ Института дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургского филиала НИУ «Высшая Школа Экономики», действительный член Петровской академии наук и искусств. Санкт-Петербург. E-mail: t5591p@mail.ru.
19. **Федоров Андрей Юрьевич** – специалист-археолог, ООО «Столичное археологическое бюро». Москва. E-mail: fedorovan36@gmail.com.
20. **Яценко Вячеслав Григорьевич** – историк, кандидат филологических наук (журналистика), корреспондент Информационного агентства «Кавказский узел». E-mail: broonyal@yandex.ru.

ПРЯМУХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
2017 года
с. Прямухино, 15–16 июля 2017 г.

Формат 60x84/16. Усл. печ.л. 20,335. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Подписано в печать 26.06.2018 г. Тираж 200 экз. Зак. №34906-02.

Издательство «Регтайм». Отпечатано в типографии «Футурис»:

109052, Москва, ул. Нижегородская, 50.

Тел.: +7 495 505-53-56